

Я лишь составил букет из лучших цветов и не привнёс от себя ничего, кроме ниточки, связывающей их

(Монтень)

Эта история, возможно, и могла бы произойти на самом деле, если бы не была сказкой. Городской сказкой для взрослых. А все имена, фамилии и даже даты в ней - не более, чем вероятное, но не случайное совпадение.

Глава 1

История эта началась не сегодня и не вчера, не год и даже не два назад, а в то, канувшее уже в лету время, когда сквозь открытые шлюзы свободы ворвался свежий ветер вседозволенности, пробирающий иногда до самых костей. А мурашки от дуновения ветерка превращались в озноб и обморожение. Обморожение душ.

Люди задыхались от возможности говорить, что думаешь и не думать, что говоришь.

И на этой благодатной почве стали разрастаться сначала тоненькими робкими побегими, постепенно укреплялись и набирали силу, пока не превратились в буйную зелень, мистические общества, оккультные кружки, салоны экстрасенсов. Всевозможные лже-пророки, мессии, врачи-воскресители и прочие шарлатаны заполнили экраны телевизоров, первые полосы газет и радиоэфир.

Что поделаешь – смутное время! Рушилась империя, а вместе с ней и судьбы простых людей.

Общество, словно больной беззащитный ребёнок, активизировало агрессию и ненависть. И лихорадочно ждало “спасителя нации”, мессии. И все надежды связывались именно с его личностью и магическими качествами. А кем он будет – дело десятое. Хоть президент, хоть волшебник, да хоть сын плотника.

Наступал новый век и всем хотелось прикоснуться к Тайне! Тайне веков. Величайшему секрету, как стать счастливыми, богатыми и здоровыми. А, может, и бессмертными.

Но для начала хотелось хоть немного стабильности.

И только одному человеку не было дела до всей этой неразберихи со сменой строя. Ему хотелось только одного. Вспомнить.

В полутьме на самом верху, прямо на добротном сработанном ещё в начале века стеллаже, сидел и увлечённо читал книгу человек. На вид ему не было и 30-и. В свете уличных фонарей, таинственно врывающемся через колоннаду многочисленных зарешеченных оконеч под самым потолком и растекающемся на потрескавшемся паркетном полу бледными квадратами, отчего огромное помещение становилось похожим на древний некрополь, ему особенно хорошо думалось.

Его маленькая фигурка, возвышавшаяся над лабиринтами шкафов в рассеянном свете казалась фигуркой божка на алтаре.

Темнота совсем не мешала. Можно было рассмотреть даже пылинки, плавно танцующие в лучах, не говоря уже о фотографии в любимой книге, которую он просматривал не раз. Вот и опять, дойдя до одного и того же места, человек задумался. Что-то не давало ему идти дальше. Мысль, ещё только угадываемая, но такая недостижимая, тлела бледной утренней звёздочкой у него внутри, робко, словно стесняясь, пыталась разгореться ярче, останавливалась, звала, неумолимо притягивала и... тут же таяла.

На фотографии, иллюстрации к жизнеописанию великого Мастера была изображена загадочная статуя. От натирания воском для бесчисленных копирований она потеряла былую мраморную белизну. Но как ни странно этот эффект лакированной старины ей очень шёл.

Нельзя сказать, что молодой человек был особым знатоком и ценителем искусства, но от никакого произведения он не испытывал более сильного впечатления.

Необыкновенное мастерство, приобретённое рукой Гения в ежедневных тренировках и отточенное ночными скитаниями по анатомичкам, захватывало. И не хотелось противиться быть захваченным великим творением. Загадочной статуей с головой Пана.

И это воздействие, как эмоциональное ощущение после сна, только ощущениями и оставались, не поддаваясь никакому объяснению.

Крепкое, мускулистое тело в мельчайших анатомических подробностях, словно не отсекалось ненужное от упрямого камня, а сглаживалось с податливого масла. И картинка в книге, подсвеченная мерцающим светом, словно оживала, переносилась на тысячи лет назад.

Крики радости и песнопений вырывают его из погруженности в себя. Недоброе предчувствие как гром пронзает его гигантскую фигуру. Плавающий взор, полный боли и презрения, с отражением вечности и веры, устремлён в сторону, откуда несётся звериный вой погрязшего в низком человечества. Сорок дней и ночей провёл он горе наедине с самим Богом. Дрожа от боли, он опускается на каменное сиденье. Скрижали в его правой руке вот-вот соскользнут вниз и разобьются в тот момент, когда он резким движением, переполненный гневом к своему народу, поднимется со своего места и обрушит свою ярость на предательскую толпу, променявшего его на Золотого Тельца.

Величайшее напряжение пророка, последний момент колебаний. Момент истины.

Только вот... зачем ему рога?

- Эй, есть тут кто-нибудь? – осторожно, чтобы не оступиться на ступеньках, о которых предупредил её охранник, Лиза вошла в полутёмное помещение. Она совершенно не ориентировалась в темноте и двигалась наощупь, не отрывая одной руки от шершавой стены, а другой нащаривала впереди, словно слепой, боящийся наткнуться на невидимое препятствие. Темнота давила со всех сторон. Лиза не представляла себе размеров всего помещения и от этого чувства замкнутого пространства засосало под ложечкой. С ней такое бывало. В ушах зазвенело. Нет, даже не зазвенело, а странно зажужжало, словно невидимый моторчик. От неожиданности она даже остановилась и прислушалась. Тишина. Пересилив себя, она попыталась двинуться дальше, но... ноги словно приросли к полу. Жужжание раздалось сзади.

Прямо из темноты на неё смотрело смертельно бледное, скуластое лицо. Широкие, плотно сжатые губы и глаза... Широко раскрытые, выцветшие, с кровавыми прожилками на белках. И совершенно бездушные. И тут же растворилось в темноте.

Лиза резко оглянулась. Только слабый луч падал из окошка сверху, слегка освещая уходящие куда-то под потолок шкафы с бесчисленными книгами.

Ей становилось всё больше не по себе.

- Дина, - тихонько позвала она. И уже громче: - Дина-а! Вы здесь?

Он облокотился на книгу и подперев голову рукой задумался, глядя в маленькое оконце.

Где-то там, в вышине, туманно сиял, переливаясь вытканым полотном, Млечный путь. «Полею посеянных душ» называли его древние греки и свято верили, что именно там обитают те, кто завершил свою земную жизнь и был освобождён от тела, чтобы потом вознестись всё выше и слиться с божественным светом. Планета за планетой, галактика за галактикой, бесконечность миров движутся по своим законам, окутанным тайной. Ведь существует какая-то тёмная цель с которой рождаются и умирают человеческие существа. Стремятся к чему-то, страдают или борются и всё для того, чтобы в один момент оборваться ураганом смерти и превратиться в пыль? Освободить место для новых жизней и новых целей? А если существуют механизмы управления этими процессами? Тогда, возможно, есть и люди, которые знают рычаги этого управления.

Он был уверен, что существует невидимая живая нить, связывающая всё воедино. Но эта мысль ускользала и не поддавалась пониманию. Ощущение, что в памяти всплывает что-то давно забытое, но он никак не мог вспомнить, где и когда это было. Мучительное чувство!

Наверное, вот такой нитью и был Моисей и другие пророки. Тогда почему вместо того, чтобы объединить всех людей, сплотить, на деле всё происходит по-другому? Всё, что призвано служить людям объединить их в одной мировой любви, раскалывает их на части, называясь при этом религией? Как могло произойти, что на одном фундаменте могли вырасти совершенно враждебные друг другу верования? Если можно создавать такие великолепные произведения во имя Бога, то как можно убивать, прикрываясь именем его же? Видимо, ключ от этой тайны окончательно потерян в наше время. А если всё же нет? И существуют люди, которые знают, как приоткрыть эту туманную завесу?..

- Дина-а! – вдруг услышал он резко прозвучавший в тишине крик. – Вы здесь?

Откуда-то сверху раздался шорох перелистываемых страниц и вслед за этим звук захлопнувшейся книги.

- Ну что Вы кричите? Они не любят этого.

- Кто? – Лиза от неожиданности перешла на шёпот.

- Книги. Они не любят потрясений. И крика не любят. Им от этого плохо.

Лиза подняла голову и попыталась разглядеть в темноте обладателя голоса.

- А они что... чувствуют что-то? – сделав шаг в сторону, откуда исходил голос, растерянно произнесла девушка.

- Осторожно! Вы сейчас ударитесь.

Лиза остановилась в нерешительности. Хоть глаза и привыкли к полумраку, она не заметила стоящей у стеллажа тонкой приставной лестницы.

- Извините. Я ищу Дину. Мне сказали...

И тут окончательно привыкшие глаза Лизы, всё это время пытающиеся рассмотреть на высоте верхних ярусов обладателя таинственного шёпота, увидели два кошачьих глаза! Да, да, именно жёлтых, светящихся в темноте, горящих глаза! Девушка, как заворожённая, не могла оторвать взгляд от этих двух кругляков.

Раздался странный скрежет и глаза стали приближаться, даже не приближаться, а плыть сверху вниз. И не успела Лиза испугаться и закричать, как голос раздался уже рядом с ней.

- Дино! - с ударением на последней букве произнёс он. - Меня зовут Дино! Здравствуйте!
– бодрый голос вывел её из оцепенения. – Чем обязан?

- Здравствуйте..., - Лиза всё ещё не могла прийти в себя от неожиданности.

“Боже мой! Нервишки-то совсем расшатались. Чудится всякое...”. Перед ней стоял мужчина, судя по голосу, молодой. Она не могла рассмотреть черты его лица, но очки... Конечно же, несомненно, то, что она приняла за горящие глаза, были очки в круглой старомодной оправе.

- Мне сказали, - неуверенно начала она, - что Вы можете мне помочь.

- Конечно, могу. И даже наверняка, помогу, - в голосе его угадывалась улыбка. – Что привело Вас, милая девушка, в нашу альмаматер?

- Я... Мне... Ой, может, выйдем, где посветлее? А то я...

- Темноты боитесь, - то ли спросил, то ли сделал вывод этот странный человек.

- А Вы нет?

- Да я привык. Свет портит книги. Оттого и зрение теряю, – Дино жестом показал куда-то в сторону, - пойдёмте, - и неслышно проскользнул мимо Лизы. Его силуэт сразу растворился в полумраке архива.

“Как кошка!..”, - мелькнуло в голове и девушке ничего не оставалось, как последовать за голосом уходящего архивариуса.

Стараясь не стучать каблуками, по-детски семеня на носочках и пугливо озираясь по сторонам, она послушно следовала за голосом. Они прошли мимо массивной серебристо-поблёскивающей двери с колесом посередине, которую раньше Лиза не заметила и которые видела только в банках, стальные, хранящие за собой несметные сокровища русских толстосумов. “А здесь-то зачем?” – только и успела она подумать.

- Осторожно! Здесь ступеньки! – девушка наткнулась на руку, немного неожиданно, но так кстати поданную. Носок правой туфли со всего размаху впечатался в выпирающую ступеньку и перегнувшееся пополам тело девушки, готово было, потеряв равновесие, распластаться на архивном паркетном полу во всей своей красе. Лиза тут же схватилась за эту руку, как утопающий хватается за руку спасателя и повисла на ней всем телом.

“Господи! Какая же я неловкая!” – а вслух произнесла, – Простите! Мне так ...

- Я же предупредил. – она снова почувствовала, что он улыбается.

Почему, ну почему всё время с ней происходят какие-то казусы, то и дело ставящие её в неудобное положение? Она ненавидела себя в эти минуты. А они, эти казусы, как нарочно притягивались к ней, как магнитом. Как ни странно, все эти казусы или пассажи, как она сама для себя их определила, удивительным образом тянули за собой ниточку продолжений. И, как правило, вполне приятных. Всё началось ещё в школе, когда на урок физкультуры им прислали молоденького практиканта. При первом же взгляде на него ей показалось, что она двухметровая блондинка с голубыми глазами. Перепрыгнув через

козла, она в тот раз порвала связки на обеих голеностопах. Зато он, к вящей зависти одноклассниц, нёс её на руках до травмпункта! Всё это за доли секунды пронеслось в голове у всё ещё висящей на руке, любезно подхватившей во время несуразного падения и краснеющей от собственной неловкости, Лизы.

Но она даже представить себе не могла, куда заведёт её этот пассаж.

В мягком круге от света лампы, за столом, где в беспорядке лежали толстые книги, справочники и стопки папок, эти двое, сидевшие по разным сторонам стола на неудобных архивных стульях, могли рассмотреть друг друга получше. Довольно молодое, с правильными чертами, лицо архивариуса обрамляла небритая щетина. Вряд ли это было частью хорошо продуманного имиджа, скорее результат недосыпания или наплевательского отношения к собственной внешности. И немодные очки с круглыми стёклами говорили то же самое. Хотя добротная и со вкусом подобранная одежда утверждала обратное.

- Ну-с, я так понимаю, если Вас пропустили в это особое, - Дино подчеркнул, - помещение, то дело у Вас тоже важности немалой. Здесь ведь нужен специальный допуск.

- Да, конечно, у меня есть, - она полезла в сумочку, чтобы не оставить сомнений.

- Не надо, я верю, - остановил её Дино.

- Честно говоря, это нужно не мне, а... моему начальнику. А я – его секретарь.

А он – депутат. И я... - Лиза окончательно ступсывалась, не зная, как начать.

- Подождите, - Дино проникся нежностью к этому, в сущности, ребёнку внутри, не растерявшему способности краснеть. Ведь краснота девичьих щёк большая редкость в наше время.

- Давайте всё по-порядку. Вы пришли по поручению... ну?.. А знаете, это не важно! Давайте так. Я делаю чай. Вы как любите? С лимоном? С сахаром, без?

- Вообще-то я только зелёный.

- А, понимаю, здоровый образ жизни, фитнес, чай – зелёный, ет сатера, ет сатера, ет сатера...

- Ну что-то вроде того.

- Зелёного у меня нет, а вот лимончик заваялся. Ну, не совсем заваялся, - усмехнулся он собственной плоской шутке, – залежался.

- Итак, – наливая в стакан кипяток, Дино вопросительно посмотрел на девушку.

- Да, конечно, простите, я и так забираю у Вас время. Нет, нет, спасибо, мне без сахара.

Лиза взяла двумя руками фарфоровую чашку, словно пытаясь согреть озябшие руки, хотя было достаточно тепло.

- В-общем, - решила она выкладывать карты сразу, без обиняков, - меня интересуют дневники Гнежинской.

- Кого? – не понял Дино.

- Знаете, балерина такая была. До революции. Фаворитка императора и его брата. И просто шикарная женщина.

- Ну, понятно – у императоров других не бывало. Но, боюсь Вы не по адресу пришли. Вам в книжный магазин надо. – Дино был немного разочарован.

- Нет, Вы не поняли. Я говорю не об изданных мемуарах, а о дневниках. Это огромная разница. То, что она писала в эмиграции – там многого нет. А дневники она просто не успела вывезти.

- Я не спрашиваю, зачем они Вам, – почему-то Дино посчитал, что ответ очевиден. – Явно не реферат собрались писать. А Вы уверены, что они вообще существуют?

- Если да, то только у вас. Здесь, - она округлила глаза и показала куда-то вглубь архива. – А если не знаете, то, может есть кто-нибудь покомпетентней...

Всё это было очень странно. Дино вдруг вспомнил, что некоторое время назад приходил посетитель и тоже между делом поинтересовался этими же дневниками, но особо не настаивал, удовлетворившись отрицательным ответом.

- Знаете что, - мы ведь с Вами даже не познакомились. Я, как Вы уже знаете, Дино. А Вы?

- Зовите меня просто Лиза.

- Так вот, Лиза. Вы спрашиваете, слышал ли я про Гнежинскую? И не только слышал, но кое-что в моей диссертации охватывало тот период. Так что, в некотором роде, я имею представление, о ком идёт речь. И что же Вас, милая Лиза, интересует в этих дневниках?

- Не меня, - поправила она его. – Понимаете, мой шеф, он депутат. Очень занятой человек. Так вот, он уверяет, что он – потомок этой балерины. И сейчас собирает документы, чтобы доказать это юридически.

- И вы думаете, что в дневниках есть доказательства этого родства?

- Да нет же! Ну-у, я не знаю, - она удивлённо сморщила брови. – Нет, вернее, я не знаю насчёт родства и что там вообще... Было, конечно, о чем писать – бурная светская жизнь, романы. Сейчас вон каждая девчонка ведёт дневник, а уж о такой женщине и говорить нечего. Вы не думайте, я ведь понимаю, что это и немалая историческая ценность. Но главное, - она перешла на шёпот, - там есть схема!

- Схема? – Дино искренне удивился и не смог сдержать лёгкую усмешку. – Ну-ну, продолжайте. Это очень интересно.

Ну вот, и он меня в серьёз не воспринимает.

Лиза выдержала паузу и, глядя прямо в глаза архивариусу медленно, с ударением на каждом слове произнесла:

- Это действительно очень интересно! – иначе её шеф не стал по пустякам беспокоить такую организацию и ей бы не пришлось тащиться после работы на другой конец города на метро. И не сидела бы она сейчас здесь, ловя на себе ироничные взгляды этого ботаника. Правда, шеф её ни о чём подобном не просил, а она сама решила проявить инициативу – ведь она недавно на этом рабочем месте и очень им дорожила. Но этому умнику об этом знать не обязательно, а то подумает ещё, что она выслуживается.

- Это действительно очень интересно, - неожиданно серьёзно подтвердил Дино.

- Что? Дневники?

- Дневники – само собой. А вот про схему, пожалуйста, поподробней.

- А говорите компетентный, диссертация... А про схему не знаете! Схема, где сокровища зарыты!

- Сокровища?! - округлил Дино глаза и протянул: - Так вот что Вашему депутату нужно! А что, в Думе сейчас мало платят? – эта его ироничная полуулыбка вдруг рассердила Лизу.

- Во-первых, он не мой, а государственный! А во-вторых, ваша ирония...

- Не обращайтесь внимания, - спохватился Дино. Девушка ему явно нравилась и он ни в коем случае не хотел её обидеть. - И ради Бога, не обижайтесь! Ну, манера у меня такая. Ничего не могу поделать. Своего рода защита – детский комплекс.

- Да вы, вроде, давно вышли из этого возраста. Пора бы понабраться хороших манер, – не выдержала девушка.

- Вот вышел,- пошёл на попятную Дино, - а манеры остались. Да и я больше с книгами, чем с людьми. Так что там насчёт сокровищ? – заинтересовался он.

- Нет, Вы не подумайте, - Лиза моментально остыла. Ведь если кто и может ей помочь, то только этот умник. – Он человек вполне состоятельный. Но это – дело чести, что ли. Среди этих сокровищ, которые измеряются сотнями миллионами долларов даже на сегодняшний день, кроме коллекции драгоценных камней, картин, изделий Фаберже, разных украшений, каждое из которых само по себе произведение искусства, есть одна вещица. Вот она-то и интересует моего шефа.

- Любопытно. И какая же? – просто интересно было услышать в этой блистательной, словно созданной для написания увлекательного романа, истории что это за вещица и для чего она понадобилась новоявленному небедному родственнику фаворитки императора.

- Гребень, - заговорщицки прошептала Лиза.

- Знаете, Лиза, - Дино решительно встал из-за стола, - мой рабочий день уже закончен, а Ваш, я подозреваю, и подавно.

Лиза даже задохнулась от такой бестактности. Действительно, детские комплексы сказались на отсутствии манер! Даже элементарных. Ботаник не торопясь обошёл стол, снял с вешалки, стоящей возле двери пиджак и произнёс фразу, от которой стало понятно, что это не совсем ещё потерянный для женского общества, человек.

- Вы на машине? – Лиза мотнула головой. – Ну и чудненько. Давайте я провожу Вас до метро, а по дороге мы пообщаемся на эту тему. Да и небезопасно в это время такой девушке, как Вы, ходить одной.

Ну и чем он меня защищать собрался? – невольно подумала она. – Книжками закидает? Или диссертацией своей отмахается? Горе-кавалер без хороших манер. Да от тебя самого бежать нужно, куда подальше. Знаю я таких... Сами, очочками поблёскивая, с комплексами своими детскими, так и норовят в метро прижаться. С таких и получают стопроцентные маньяки. Улыбочка опять же эта сальная. Читали, знаем. Лиза действительно очень много читала, но в силу того, что делала она это бессистемно и всеядно, словно утоляя информационный голод, в ход шло любое попавшее под руку чтение. Газеты, серьёзная литература, дамские романы и даже справочники. И как студент-медик находит у себя симптомы болезни, которые он изучал сегодня, так и она искала в окружающей её жизни подтверждения прочитанному. Как раз накануне в числе прочитанных книг оказался труд Ламброзо по физиогномике. И теперь она могла безошибочно вычислить маньяка или серийного убийцу с типичными чертами Каина на челе. А так как общаться ей приходилось, в-основном, с мужчинами, да и в метро их полно, то по твёрдому убеждению девушки чуть-ли не каждый второй был потенциальным маньяком, каждый третий – серийным убийцей, а каждый пятый – насильником. Страшно, в общем, было жить в этом жестоком мире!

- Да, страшновато, - подвела черту под своими размышлениями Лиза и, накинув на плечо сумочку, уверенно сделала несколько шагов и... растерялась. Где же выход из этого лабиринта? И вдруг снова услышала негромкое, но внятное в тишине архива жужжание, очень похожее на звук детской машинки на пульте.

- Это у вас кондиционеры так работают? – испуганно оглянулась она к Дино, следующему за ней.

- Как? Нормально работают. Температура и влага, правда, в особом режиме.

- Нет, звук странный.

Дино прислушался. – Да нет, вам показалось. Пойдёмте.

Что-то сегодня мне слишком многое кажется, - подумала Лиза. – Заработалась вконец. Наверное, и вправду лучше выйти на воздух.

Они спустились по мраморной лестнице и вышли на улицу.

- Пропускная система у вас однако, - отметила девушка. – Как в спецучереждении.

- А мы и есть спецучереждение, - раздалось в ответ.

Глава 2.

Небольшая, моторная яхта класса люкс лениво рассекала морские волны вдоль дикого берега. Обычная в этих краях и дорога тем, что не привлекала пристального внимания. Ни к чему это было. Весь это кич пусть оставят себе нувориши, почувствовавшие вкус денег и красивой жизни. По глубокому убеждению хозяина этой красавицы кроме построенного дома, посаженного дерева и выращенного сына, нужно обязательно купить яхту. Дом у него был, и не один. Дерево он посадил, правда, в далёкие студенческие годы. Вот сына как-то не случилось вырастить. Бог не дал. Зато была дочь. Не красавица, зато умна. Будет, кому передать эстафету. Не сказать, чтобы Лесоводский был к ней привязан, как и вообще к чему-нибудь в этой жизни. С его ритмом вообще ничего не должно связывать руки. Слишком много опасностей таил в себе тернистый путь, на котором он стоял. И требовал жертву за жертвой, как ненасытное мифологическое чудовище.

Теперь эта яхта стала для него на время изгнания тем самым пресловутым построенным домом, в котором можно почувствовать, наконец, уют и спокойствие.

Собранная по спецзаказу, она, казалось, таила в себе все тайные и явные пожелания своего хозяина. И хоть грациозностью она не отличалась, скорее, была приземиста и тяжеловата, но иначе, как “Ласточкой”, он её не называл.

Уютно расположившись в глубоком кресле на палубе своей любимицы сидел немолодой уже господин, с синими, гладко выбритыми щеками. Выпустив облако душистого дыма с вишнёвым ароматом, томно глядел на виднеющуюся вдали полосу берега. Если он и курил, а, надо заметить, делал он это нечасто и только обдумывая какие-то, как всегда далеко идущие планы и только сигары с этим, нежным, пахнущим Востоком нежным, запахом.

Настоящий сезон ещё не начался, дыхание моря не было знойным, как в разгар лета и высокое майское солнце ещё не припекало, а приятно грело его грузное тело. Он задремал и не заметил, как яхта вошла в живописную бухту и, замедлив ход, плавно встала.

- Борис Львович! – услышал он сквозь дрему услужливый голос помощника. – Борис Львович, он уже здесь!

Недавно принятый помощник с незаменимым качеством уметь быть невидимым и в то же время в нужное время оказаться рядом, теребил его за плечо.

Хозяин протёр сонные глаза и обвёл взглядом бухту. С правого борта приближался моторный катер.

- Я вижу. Спасибо, Володя! Ужин готов?

- Конечно, сэр! – Володя услужливо поклонился.

- Ой, я тебя умоляю, давай без этих твоих... Без холопства! Ладно, пошёл встречать.

Он сам перебросил через фальшборт лёгкую лестницу, что уже считалось знаком особой важности предстоящей встречи и протянул руку, помогая пассажиру подняться на борт.

- Очень рад встрече с Вами! – Хозяин оглядел с ног до головы высокого красивого, одетого немного вызывающе, молодого человека лет тридцати.

- Хорош, хорош, - он радостно потрепал гостя за плечи, словно старинный друг, - точь-в-точь, как на экране!

Незнакомец немного смутился.

- Вы тоже такой, как я себе и представлял.

И, не зная, как себя вести дальше, деловито произнёс:

- Ну что, может, сразу к делу?

- Да подожди ты с этими делами! Не волк поди, в лес не убегут. Давай я тебе сначала свою красавицу покажу. Ты оценишь, я знаю, - шутливо погрозил он пальцем. – Потом поужинаем, а там и до дела дойдёт.

- Нет-нет, спасибо, - замахал руками гость, - у меня от этих ужинов на воде немного того...

- Тошнит, что ли? – Борис Львович удивлённо выпучил глаза и тут же снова расплылся в улыбке, переводя разговор в любимое русло. – Ты ещё мою ласточку не знаешь! Как в лучших домах, даже не качнёт. А завтра с утра на этих... мотоциклах водных покатаемся, а хочешь – дайвингом займёмся. Но это, правда, ты один. Я, как говорится, уже не в формате, - он похлопал себя двумя руками по тугому животу и расхохотался.

Молодой человек не сдержался и тоже улыбнулся, оголив два крупных, заячьих зуба.

- С удовольствием бы, да только не могу – самолёт ночью. Сами знаете, что сейчас творится. Не до отдыха.

- Как?! Даже не погостишь в этом райском уголке пару-тройку деньков? Посмотри вокруг! Какой воздух м-м..., - шумно втянул воздух носом Борис Львович, - да его хоть сейчас на хлеб вместо масла намазывай, да ешь! Море! А хочешь, ещё чего-нибудь этакое, - он игриво подмигнул, - сообразим, не вопрос! А, Игорёк? Соглашайся. Кстати,

ничего, что я с тобой так панибратски? Ох, не люблю я всех этих условностей. Ты хоть лицо у нас медийное, да что там, - он надулся для солидности, - мультимедийное, но всё ж мне в сыновья годишься. А, сынок, уважь старика?

- Да какой же вы старик? – снова улыбнулся Игорь. – Я смотрю, вы ещё ого-го! Есть порох в пороховницах.

- Ой, есть, - хозяин искренне расхохотался. – Вот что есть, то есть. Это у кого там из классиков “А я и в гроб ложиться стану, а лаптем всё же болтану”. И они опять громко расхохотались.

- Ну, ладно, - промокнув выступившую слезу, уже серьёзно добавил Борис Львович. – Ты подумай, время есть. Моё предложение остаётся в силе. Будем посмотреть, как говорят в Одессе.

И тут же спохватился:

- Пойдём, пойдём, что же я такого дорогого гостя на пороге-то держу.

Они прошли с кормы в уютную импровизированную кают-компанию, тут же, на палубе оттенённую плотным навесом от солнца.

На круглом столе, окружённом диванами из белоснежной кожи уже стояли фрукты и предупредительно откупоренная бутылка красного вина.

- Хорошо тут у вас, - заметил Игорь. – Спокойно.

- Да уж, ты ещё внутри не видел, - Борис Львович не мог скрыть переполнявшей его гордости, - да чай, не в музей пришёл. Хотя, там есть на что посмотреть.

- Посмотрю ещё, - успокоил его Игорь. – Послушайте, Борис...

- Просто Борис, - отрезал хозяин и хохотнул. – Просто царь. Помните в “Иван Васильевич меняет профессию”?

- Помню, конечно. Борис, и что вы вот так один здесь?

- Почему один? У меня вон команда какая! Молодцы-удальцы!

Игорь невольно оглянулся, но так никого не увидел. Такое ощущение, что они были вдвоём на этой яхте.

- По одному отбирал. За меня в огонь и в воду. Все как родные.

- Да нет, я не об этом.

- А-а, - Борис заметно погрустнел, - не сложилось как-то. Всё работа, работа, чёрт бы её побрал. Это в молодости задумываешься – домашний уют, дети, потом чтобы внуки вокруг бегали... А как перепрыгнешь этот порог, упустишь время, то уже не до этого. Да что там – я привык. Положил, так сказать, свою жизнь на алтарь политики. А этот мир жесток, ой, как жесток...

Он разлил вино по высоким, сверкающим блеском чистоты, бокалам. – Ты попробуй, какой букет. Закачаешься!

Игорь поводит носом, принюхиваясь к пурпурной тягучей жидкости, наполовину заполнявшую бокал, посмотрел сквозь него на яркое южное солнце, моментально ставшее зловеще-кровавым, сделал крохотный глоток и поставил на стол. Игорь слабо разбирался в алкогольных напитках. Бокал шампанского, от силы два – это всё, что он мог себе позволить по простой причине – он очень быстро пьянел.

Глоток вина приятно разгорячил язык и, обволакивая небо, рассыпался букетом ароматов. И в самом деле восхитительных.

- Да не бойся ты, пей, в море мы уже не пойдём, а здесь полный штиль. Судёнышко моё даже не качнётся.

Яхта действительно стояла, приклеенная к морской глади, как детский кораблик к крашенной фанерке.

- У тебя самого-то как на этом фронте? – Борис закусывал виноградом и щёки его смешно при этом оттопыривались.

- На каком?

- На Западном Белорусском! – сыронизировал смешливый хозяин. – На семейном, каком же ещё! Жена, дети?

- В нашем городе, где любовь длится меньше, чем клип на MTV, очень сложно найти человека, который принимал и понимал бы мой ритм жизни, ведь утро у меня начинается вечером. Так что пока я в поиске.

- Ну, у тебя ещё всё спереди. Попробуй вот виноградик, - по отечески предложил Борис Львович.

- Давайте всё-таки к делу, - начал было Игорь.

- Подожди, - оборвал хозяин, тревожно вглядываясь куда-то за спину Игоря. – Похоже, у нас гости. Володя! – позвал он.

Откуда-то со стороны кают, словно отделившись от стены, появился невзрачный человек со стёртыми, смазанными до бледности чертами лица и немного блуждающим взглядом.. Такие лица не запоминаются, потому что одновременно похожи на тысячи лиц. Мягкий воротник рубашки топорщился под нелепым галстуком, а на руке болтались дешёвые часы на жёлтом, “под золото” металлическом браслете. Несмотря на дорогой костюм, выглядел Володя по-холостяцки неухожено. Угодливо склонив голову, он прошлёпал большими губами:

- Да, Борис Львович!

- Посмотри, кто это там.

- Я вижу, Борис Львович. Это береговой патруль. Не волнуйтесь, наверное, очередная проверка.

- И не жарко ему в костюме-то? – глядя вслед удаляющемуся Володе спросил Игорь. А про себя отметил: “Не мешало бы этому Володе с разночинской причёской догадаться к хорошему костюму ещё и приличную рубашку купить”.

- Не знаю, - пожал плечами хозяин, - может и жарко.

- Борис Львович! – подошёл запыхавшись Володя, - Им нужны документы нашего пассажира.

- Зачем ещё? Беспредельщики! Это нарушение частной собственности. Скажи, что я сейчас позвоню комиссару, - разволновался Борис Львович.

- Не надо, - вступился Игорь. – Сейчас я всё улажу.

Неспешной походкой он подошёл к бортику и, перекинувшись через него, обменялся несколькими фразами с полицейским и протянул документы. Тот внимательно сверил фотографию, повертел корочку в руках, козырнул и, вздымая брызги, катер отчалил.

- Ну, вот и всё! – Игорь плюхнулся на диван, который тут же заскрипел и мягко просел под тяжестью веса.

- И что ты им сказал? – не переставая пыхтеть, поинтересовался Борис Львович.

- Так и сказал, что известный журналист Игорь Завадский, из Москвы. Здесь в гостях у своего друга с частным визитом. Всё, как есть.

- Отморозки! – не успокаивался хозяин. – Им ведь, как дуракам, закон не писан.

- Да не волнуйтесь вы так, Борис! У них своя работа, у нас своя.

Тот, в сердцах налил себе полный бокал и залпом выпил.

- Умеют ведь люди настроение испортить. Ты уж извини!

- Да нормально всё! Ничего ведь не произошло, - успокаивал Завадский старика, искренне не видя причины для волнения. Лицо хозяина покраснелось то ли от волнения, то ли от вина.

Игорь оглянулся вокруг. Неприметный Володя как сквозь землю провалился. Да и из команды никого не было видно. Видимо, эти люди действительно хорошо знали своё дело, умели быть невидимыми. Он ещё раз сделал глоток вина. Обжигающий вкус разлился по телу благодатной истомой и он вальяжно облокотился на спинку дивана.

- Хорошая у тебя фамилия. Завадский! – Борис Львович потихоньку оттаивал. – Режиссёр был такой. Не родственник?

Игорь махнул головой.

- Любите ли вы театр, как люблю его я? Эх, какие я политические постановки разыгрывал в своё время! Тот Завадский бы перевернулся от зависти! Ну, да речь не об этом. Ты знаешь, что мне туда, - Бори Львович неопределённо махнул головой в сторону, - путь закрыт. Не буду описывать, что сейчас там происходит, ты и так в курсе. Время нелёгкое, переломное.

- Борис Львович! Да оставьте вы всё эту патетику!

- Хорошо, хорошо, - послушно согласился тот. – Только я всё же издалека зайду, можно?

Завадский никак не мог понять своего отношения к этому далеко не молодому человеку, в силу обстоятельств лишённого семьи, домашнего уюта, а теперь и Родины. Прячет горечь невозможности иметь всё это за маской смешливости и самоиронии. А с другой стороны настоящая акула бизнеса и политики. Звериное чутьё на опасности, коими изобиловало его блистательное восхождение на политический Олимп, сделав не последним человеком у рычагов управления огромной страной. И столь же невероятное падение. Немало хищников обломало зубы и неменьшее число канувших в небытие в сокрушимой схватке с ним. Наверняка, по трупам прошёл, взбираясь к высотам. Интриган он был известный. А, может, это и называется блистательный политик? Сейчас чёрт ногу сломит, такая неразбериха. Должны пройти годы, чтобы разобраться во всём – где правда, а кто не прав. И то сомнительно.

Но он невольно проникался симпатией к этому полноватому и такому жизнелюбивому старику. Чем-то неуловимым он напомнил Игорю отца. Ну, если не очень напоминал, то уж, по крайней мере, Игорю бы очень хотелось, чтобы это было так.

- Извини, я буду всё упрощать. Во-первых, тема сама по себе огромна и включает в себя многовековые пласты, а во-вторых, я и сам многого не понимаю в этой истории. Многое даже от меня было скрыто. Вот ум отказывается всё это воспринимать, да и руки связаны, но у тебя мозги помоложе, докопаешься...

- Так вот, - задумчиво продолжил Лесоводский, явно осторожно подбирая слова, от былой смешливости не осталось и следа, - не для кого не секрет, что знание может представлять определённую опасность, а определённое открытие кардинально изменить не только судьбу отдельной страны, но и всего человечества! Ну, не готово ещё человечество ко многим открытиям! Поэтому с самых давних времён вводилась цензура на слишком опасные научные открытия. Цензура, - если так можно назвать пылающие огни инквизиции, уничтожающие не только книги и рукописи, содержащие эти открытия, но и столетиями изничтожало редких и уникально талантливых людей. Выкорчёвывать – так с корнем!

Им только дай волю и костры опять запыхают даже в наше время! Но время костров прошло, слава Богу! И то, что раньше называли колдовством, сейчас называют наукой. Ведь что такое религия? Ты думаешь, иллюзия? Нет, знание. Которое планомерно исковеркивалось и искажалось.

А ведь власть человека над природой может стать безграничной, - у Лесоводского вдруг загорелись глаза. – Ты только подумай, что бессмертие и контроль над силами природы в его власти и всё, что происходит во Вселенной, может быть ему известно! А чего уж стоит такое знание, как средство укрепление власти?

Завадский оторвал взгляд от пунцовых завитушек на дне бокала. Где-то он читал, что такой осадок свойственен только очень дорогим винам. Он удивлённо приподнял брови, и с интересом посмотрел на собеседника.

- Поверь мне, - чётко выговаривая каждое слово, произнёс тот, - это происходило и происходит до сих пор. Политики и церковники не то, чтобы не прочь побаловаться колдовством в своих целях, а очень даже активно его используют. Власть и сила – вот две потайные дверцы, ключ от которых даёт это знание. Никто не преподаёт его ни в каких университетах. Но... Если уж оно пережило всё исторические катаклизмы, значит, его кто-то бережно хранит. И тратит колоссальные средства на сохранение его от людей непосвящённых, как это делала инквизиция.

- Вы хотите сказать..., - Игоря осенила внезапная догадка, но Лесоводский перебил его:

- А у вас на телевидении разве не так? Что машешь? Ты можешь говорить всё, что вздумается, без всякой цензуры?

- Ну почему же? Существуют определённые запреты. Вот вы знаете, например, если показать сюжет о самоубийстве, то процент суицида в этом регионе по непонятным причинам возрастает. Особенно, среди молодёжи. Невероятно, но факт! И я думаю, это логично, не провоцировать людей. Для их же безопасности.

- Значит, существуют люди, которые дают определённые установки? - Лесоводский вопросительно посмотрел на Игоря. - Запреты в целях безопасности народа от него самого?

Завадскому ничего не оставалось, как согласиться.

- Это с одной стороны. А с другой – высмеять и дискредитировать просочившееся, как это делают инквизиторы от науки. Самое лёгкое оправдание – сказать, что это делается в целях безопасности государства. С этой же целью в советское время были созданы 50 (!)... Ты только подумай 50 институтов! Правда, назывались они очень завуалировано. Институты по изучению мозга или что-то в этом роде. Чтобы никто, ни народ и даже далеко не все академики не догадались об истинных масштабах этих секретных направлений. И опять же – в целях безопасности. Одно то, что эти самые академики давали подписку о неразглашении сроком на 75 лет, уже наводит на определённые подозрения. Мало того, их ещё и кодировали, да, а ты как думал! Чтобы не проболтались где. Исследования, которыми они занимались в своих закрытых институтах, в своё время обогнали американцев лет на 80.

Если хочешь, сравни, но, это так, к слову. В гитлеровской Германии было создано практически такое же количество институтов подобного направления. Только назывались они...

Борис Львович выдержал паузу и, внимательно глядя в лицо журналисту, произнёс:

- Окультистами. Нацисты проявляли большой интерес к различным оккультным теориям и феноменам. Организовывали экспедицию в Шамбалу, искали чашу Грааля, изучали дыры на полюсах Земли, утверждая, что Земля внутри – полая. И вот большая часть архивов из этих институтов побеждённой Германии (а это не много не мало – 30 вагонов документов исследований, экспериментов и технических проектов) была вывезена куда? Правильно, в Россию.

Вообще, между Советской Россией и Германией можно провести параллель. Поразительная закономерность – почти в один момент великие державы изменили привычный уклад и превратились во что-то абсолютно новое, но подчинённое схожим канонам. Сходство можно найти во многом. В идеологии, планах мировой революции, то есть, мирового господства. В культе личности. В отношении к человеческой жизни, наконец. Может, все тоталитарные государства похожи друг на друга, как две капли воды и несчастливы по-своему? Вот такая получается толстовская закономерность.

Он помолчал немного, раскурил потухшую сигару и снова выпустил облако душистого дыма.

- Борис Львович! – Игорь, наконец, попытался вставить слово. – Это, конечно, интересная информация, но я не могу понять, к чему вы всё-таки...

- Не перебивай старших! Я же сказал, издалека начну. Вот теперь мы и подошли к самой сути.

С точки зрения того же оккультизма у каждого народа есть свой эгрегор. Национальный эгрегор. Грубо говоря, его можно сравнить с ангелом-хранителем у человека. В силу многих причин невозможно воздействовать прямо на него, менять информацию. Но можно заглушить его волну или заблокировать приёмник. – И, видя, как Завадский поморщился, переспросил, - Не понятно? Так ты выпей ещё вина. Не бойся, не опьянеешь, а мозги оно заставит работать яснее.

И он плеснул в бокал Игоря пурпурной жидкости. Завадский попытался воспротивиться, выставив вперёд руку, но Лесоводский непререкаемым тоном произнёс:

- Я только освежил.

- Честно говоря, совсем не понятно, - Завадский действительно совершенно ничего не понимал из сказанного Борис Львовичем. Но более всего ему была не понятна причина, почему именно ему, прилетев за тысячи километров, приходится выслушивать этот мистический бред.

- Смотри, давай проведём аналогию с радиоэлектроникой. Эта тема хоть немного тебе знакома?

- Ну,- Игорь пожал плечами, - мальчишками что-то такое мароковали, собирали приёмники.

- Вот! – обрадовался Лесоводский. – Есть эгрегор. Информационное поле. Носитель этноса, область духовного мира, единая сеть – называй, как хочешь, к которому подключён каждый представитель определённой национальности. И есть приёмник – мозг

человека, который, как известно, излучает какие-то волны, что-то получает и который связан с этим полем через подсознание. Абсолютное подобие радиоантенны. Отсюда и поведение всей нации. Управлять человеком через эгрегор, тем более, когда он этого не понимает, очень легко!

Что за бред? - думал Завадский. - Какой приёмник, какой эгрегор? Кому как не ему, этому бывшему политикану, должно быть известно, что это вопрос идеологии. А как уж ты массу обрабатываешь, что ей втоюхаешь - это зависит от целей и идей, которые преследуют те, у кого есть деньги. Гигантские деньги.

Как говорят у них на телевидении, безумно популярной можно сделать даже жопу. Если каждый день показывать её по телевизору и провести грамотный пиар. Другое дело, нужно ли это кому-нибудь? - Игорь изо всех сил пытаюсь изобразить заинтересованный взгляд и с трудом подавлял зевки.

- Но оказывается, - как нерадивому ученику пытался объяснить Лесоводский, - можно блокировать эти сигналы, входящие в мозг. И не в единичных случаях, а у всей нации в целом и диктовать уже свои установки, настроить на свою волну. Для этого нужен передатчик, работающий по оккультной технологии.

- Вы имеете в виду некий зомбирующий сигнал?

- Вот именно! В масштабах всей страны! Но построить передатчик – это ещё не всё. Его нужно настроить. А в этом должны помочь какие-то предметы, которые связаны со всем этносом. И чем древнее, тем лучше. Артефакт, внутренние вибрации которого резонируют с информационным полем всех русских. И всё, машинка заработала!

- Борис Львович, давайте начистоту. Вы ведь к этому этносу вроде бы не относитесь, - связвил журналист.

- Ты ничего не понял, - обиделся старик. – Грядёт глобальный передел мира. И это будет первым кирпичиком в здании нового мирового порядка. Религиозно-цивилизованный вызов всему человечеству, если угодно. Политика в мире отходит на третий план. Ты мне не веришь..., - он помахал головой и тяжело вздохнул. – Я знал это. Хорошо, тогда, может быть у тебя найдутся ответы на вопросы, которые я задам дальше. Просто выслушай, а потом будешь делать выводы и решать, верить ли старому маразматику.

Глава 3.

Прохладным майским вечером две фигуры, еле различимые в темноте, брели по узкой московской улочке. Та, что повыше принадлежала мужчине. Он отчаянно жестикулировал, рассказывая что-то своему спутнику, по виду подростку. И только когда

они остановились в рассеянном свете фонаря стало очевидно, что это женщина в великоватом, явно с чужого плеча, пиджаке.

Мужчина посмотрел на свою спутницу, покачался с носка на пятку:

– В-общем, вот такая была эта необыкновенная женщина!

Хрупкая его собеседница задумалась и растянув губы в полуулыбке с сожалением произнесла, подытоживая сказанное начитанным провожатым:

- Да... Такие женщины большая редкость.

Хотя прекрасно понимала, что на самом деле - далеко не редкость. И в наше время таких женщин-содержанок, может, и не лишённых таланта, но всё-же отдавшихся во власть золота, денег, дорогой жизни, предостаточно.

На долю секунды в её голове мелькнуло сожаление, что она к таким роковым женщинам не относится. Она всегда себя считала маленькой серой, нет, скорее, рыжей, в силу цвета волос, мышкой и чуть заострённый носик лишь усиливал это сходство. Иметь такую внешность было немодно. В ход шла тяжёлая артиллерия в виде высоких узкобёдрых блондинок с пышными формами в нужных местах. И их отсутствие тоже весьма тяготило девушку. Только волосы её были вне времени и моды. Пылающие и льющиеся мягким золотом, они несколько скрашивали бы общее впечатление. Но что толку в роскошной шевелюре, если её всегда приходилось туго стягивать на затылке, соблюдая деловой этикет и стусёвывать и без того неброскую внешность. В-общем, мужчины из-за таких не стреляются, шубы под ноги не бросают и бриллиантами не балуют. Но это была только ветерком просквозившая мыслишка, которую и осознать-то особенно не успела, как одно обстоятельство, возникшее словно ниоткуда, затмило всё вокруг. Белый квадрат бумаги, ярко выделяющийся на фоне кирпичной стены чем-то привлёк её внимание.

- Вот! – вскрикнула она. Её спутник вздрогнул от неожиданности.

- Вот, - повторила она, - что может нам помочь!

Мужчина оглянулся и прочитав написанные крупными буквами заглавие объявления, искренне удивился:

- Вы серьезно?

- Конечно! – уверенно сказала та и подхватив его под локоть, подвела к афише.

- Читайте!

- Только сегодня, - послушно забубнил Дино, - медиум Анна Белзье проводит спиритический сеанс. Общение с духами – это реальность! Всё, что вы хотели узнать, но боялись, хотели узнать, но не могли или не знали как – можете узнать сегодня. Только один сеанс и мы раскроем тайны вашей души. Заходите и тайны бытия распахнут пред вами врата и станут частью вашей жизни. Бред какой-то! – пробурчал он. – И Вы верите во всю эту чепуху?

- А давайте зайдём! – у Лизы загорелись глаза, - ну не каждый же день раскрываются тайны. Да и с духами пообщаемся. Давайте спросим про гребень?! Ну, пожалуйста, - совсем по-детски попросила она.

- Да с таким же успехом можно у Рубашкина спросить! – упирался Дино.

- У какого Рубашкина?

- У нас в хранилище есть поверие, если не можешь найти редкую книгу, нужно попросить о помощи Рубашкина, был такой книговед. Он завещал после смерти свою уникальную библиотеку нашему архиву. И если ночью в пустом зале попросить его, он поможет, укажет. Только не подглядывать, когда раздадутся шаги, а то он, мол, обидится. Но я сколько работаю, не разу не видел.

- А Вы просили?

- Что?

- Найти нужную книгу?

- Нет, - озадаченно ответил Дино.

- Вот видите! Да Вы просто боитесь. Боитесь всего, что Вам не понятно. А ещё защищать меня собрались.

- Ну почему же боюсь? Я просто не верю всему этому. Как-то всё... зыбко, что ли.

- А во что Вы вообще верите? В науку свою? Это в историю-то? А тут такой шанс, может быть раз в жизни! Ну интересно же! Хотя страшновато всё ж, - неуверенно добавила она.

- Мракобесие! Да поймите, Лиза, сейчас этих шарлатанов развелось, вон, на каждом углу – гадалки, ведьмы, потомственные колдуньи и прочие... ведуны.

- Зря Вы так. Пушкину гадалка тоже нагадала, как в воду смотрела. Да у многих великих были какие-то мистические случаи.

- Да уж... Все великие умерли и мне нездоровится, - сам себе сказал Дино. – Ну, пойдёмте, разочаруемся.

Полутёмное помещение, куда они спустились, можно было бы назвать мрачноватым, если бы не льющийся непонятно откуда приятный голубоватый свет. Пожалуй, правильней можно было назвать свечение. Дино остановился в дверях, не решаясь войти, но сзади, как обычно споткнувшись на ступеньках, в спину воткнулась Лиза и Дино, потеряв равновесие, с приклеившейся к спине девушкой, буквально ввалился в комнату. Лица людей, сидящих на скамьях вдоль стен, тут же повернулись в их сторону. При одном взгляде на них Дино понял всю нелепость его присутствия здесь.

- Здравсьте ! – где-то за спиной растянула губы в извиняющей улыбке Лиза.

- Здравствуйте! Присаживайтесь, - раздался женский голос.

Прямо перед ними стоял высокий стол, из-за которого поднялась приятная моложавая женщина с копной жгуче-чёрных волос на голове и с интересом посмотрела на вошедших. Красная помада на пухлых губах, положенная чуть больше основного природного контура, делала её губы чувственными, а ярко оттенённые глаза и фееричные румяна напоминали боевую раскраску вышедшей на охоту амазонки. Сходство с охотницей придавала и блузка леопардовой расцветки — шкура добычи, победы, духов предков.

- Что-то мало похожа она на гадалку, - шепнул Дино. - Наверное, секретарша.

- Не на гадалку, а на медиума, - поправила Лиза. – А Вы ожидали увидеть старуху с крючковатым носом и с клюкой?

- Ага, и в ступе, - нервно хихикнул Дино. Он потёр глаза - Что я – кандидат наук - тут делаю? – не успел он даже начать себя казнить.

Женщина жестом показала куда-то в сторону за их спины. Дино оглянулся и увидел такую же скамью, что стояли вдоль стен, только поменьше. Присев, они могли рассмотреть людей, которые пришли на встречу с так называемой тайной. Вот эта – вся в чёрном и смотрит исподлобья испуганными печальными глазами. Видно, вдовушка. “Бедненькая, наверное, пришла с мужем покойным пообщаться”, - Лиза сочувственно смотрела на преклонную даму.

“А эти, как мы, из любопытства” – горстка молодёжи хихикала в углу и шутливо переговаривалась. “Или для острых ощущений, - додумал за неё Дино, - этим хоть с тарзанки, хоть с духами – один чёр...”. Он чуть не чертыхнулся, но вовремя остановился. Неуместно как-то, хоть и не в храм пришли.

За исключением вдовы и мужчины в не менее преклонном возрасте с беретиком на лысоватой голове, да группы молодёжи, которым всё равно, где околачиваться до всенощной тусовки, было ещё несколько пар. Одни, похоже, молодожёны, всё время жались друг к другу, как два птенчика, да ещё две пары женщин.

Приятная музыка всё это время звучащая нежно и ненавязчиво, прекратилась. Стуча каблучками, к столу прошла всё та же амазонка. Она оказалась невысокого роста, но то ли из-за обтягивающих лосин, подчёркивающих безупречную фигуру, то ли от взгляда пронизывающих насквозь глаз, на неё хотелось смотреть снизу вверх.

- Уважаемые господа! – обратилась она ко всем.

- Просьба выключить все телефоны. Народ засуетился, полез в сумочки и карманы. Лиза тоже выключила свой. А Вы? - спросила она Дино.

- А у меня нет, - развёл он руками. После того, что с ним случилось, ему некому было звонить. Родственников у него не было, друзей не осталось и если нужно было позвонить, он делал это или с работы или с домашнего телефона. И этого было вполне достаточно.

- А теперь, - продолжала секретарша, - очистите свои помыслы, настройтесь на положительную волну – мадам Белзьё ждёт вас.

И скрылась в боковой двери. Все потянулись со своих мест.

Комната, где должна была состояться встреча с духами, оказалась на удивление абсолютно круглой и даже потолок уносился вверх, как в мечети, арочным сводом. Всюду мерцали свечи. За столом, тоже круглым, в сиянии магического хрустального шара и свечей, свет которых, отражаясь, периливался в кольчатых бляхах шейных украшений восседала... амазонка.

В мерцании свечей она напоминала цыганку. А кого же он ещё можно увидеть на этом шарлатанском сеансе. Француженку? Итальянку? Испанку? Хотя, присмотревшись, в ней можно было найти и те, и другие, и третьи черты лица. Жгуче чёрного цвета волосы курчавой семитской копной обрамляли лицо с крупными чертами. Ярко покрашенный алой помадой рот в полутьме казался чувственно-кровавым. Когда она заговорила, Дино не мог отделаться от ощущения, что сейчас между кровавыми губами вот-вот блеснут ослепительно белые, жемчужные клыки. Большие, навывкате чёрные глаза смотрели пронзительно, словно заглядывая в самую душу. Лиза остановилась в дверях, поражённая эффектом.

Зрелище и правда впечатляло.

- Да, это я! – гадалка широко улыбнулась. За полным губами сверкнули белоснежные зубы, никаких клыков не было видно.

- Сегодня я провожу очередной показательный сеанс. Как вы уже знаете, он абсолютно бесплатный. Сегодня здесь, завтра в другом месте с целью распространить среди людей знание, которое долгое время оставалось уделом посвящённых. Я хочу показать, что завеса, грань между этим миром и так называемым “тем светом” может быть приоткрыта, сделав возможным общение с духами. Надо заметить, они это делают с удовольствием! И как бы вы ни были сегодня настроены – кто-то скептически, кто-то в ожидании ответов, никто не уйдёт отсюда равнодушным. Я выступаю в роли проводника. Переводчика, если хотите. Я хочу доказать, что рядом с нами, параллельно, если вам это понятней, существует совершенно иная, невидимая в силу ограниченности наших органов чувств, жизнь. Очень трудно осознать, что окружающее нас пространство не есть пустота, а резервуар, наполненный сущностями, духами, образчиками того, что когда-то было, есть и что будет. Отличный от нашего материального мира, непохожий, где кипит жизнь более духовная и чистая для, - она обвела своими глазами с поволокой всех присутствующих и сделав ударение, произнесла, - большинства из нас. Когда-нибудь, рано или поздно мы тоже туда поднимемся. Ведь мы – это те же самые души, только облачённые в земную физическую оболочку. Вы не должны в это верить, вы должны это просто понять.

- В смысле, умрём? – запоздало, робким голосом произнесла девушка из компании молодёжи.

Мадам улыбнулась ещё шире. Она всё время покровительственно улыбалась. То ли как психиатр со своим пациентом, то ли как воспитатель с неразумными детьми.

- Я не хочу сегодня апеллировать такими выражениями. Понятие смерти, которое нас так пугает на самом деле сродни переходу. Подобно гусенице, которая становится куколкой, а затем преобразуется в совершенно очаровательную бабочку - вот пример перехода из одного состояния в другое. Все мы немножко бабочки, - перефразировала она известную фразу. – В этом всё вам и придётся убедиться на сегодняшнем сеансе.

- Скажите, - раздался голос, - А это не опасно? Ведь грех это, с мёртвыми общаться! Чёрная магия!

- Это не магия, мы подходим к этому с точки зрения науки. Не в общепринятом смысле, а науке, называемой спиритизмом. Мы будем общаться с живой душой, скинувшей физическую оболочку и отошедшую на более высокий план.

- Скажите, - женщина в чёрном заметно волновалась, - а вопросы любые можно задавать?

- Любые, - теперь уже нежно улыбнулась. - Я буду говорить всё, что мне передадут. А захотят ли они отвечать, ведь у них тоже есть определённые запреты – это уже не от меня зависит.

- Профанация это всё, - визгливый дребезжащий тенорок перешёл на фальцет. – Как вам не стыдно! Дурите людей! Какие духи?.. Средневековье какое-то! Люди, и вы во всё это верите? Я доктор с 50-летним стажем и уверяю вас – не поддавайтесь этому обману! Боже, куда мы катимся, в язычество? И вы ещё прикрываетесь наукой.

Мадам повернула голову в сторону старичка в берете.

- Зря Вы так. Язычники, как Вы их назвали, были гораздо просвящённей нас в этих вопросах. Вы ведь сюда пришли тоже надеясь на что-то, - спокойно сказала она. Её глаза смотрели прямо в глаза старичка, словно пытаясь в их глубине отыскать ответ. Дино показалось, что она даже расширила ноздри, словно принохаясь. И после недолгого молчания, продолжила, - Вы ведь два года назад единственного сына потеряли?

Старик, который собрался было продолжить свою обличительную тираду и даже набрал воздух в лёгкие, вдруг как-то сник и остался сидеть с открытым ртом. – Не нужно так волноваться, в вашем возрасте это вредно. Хотя, - выкинув вперёд руку, пошевелила в воздухе пальцами, - сердце у Вас здоровое, как у мальчика и вам, как кардиологу, это известно, - выдала проницательная гадалка.

- Но как вы?... - Старичок был окончательно сбит с толку.

- Я же сказала, - невозмутимо продолжала мадам, - развеите все сомнения, не для этого мы сегодня собрались. Итак, если вопросов больше нет, мы можем начать.

Она положила ладони на стол. В комнате стояла удивительная тишина, даже молодёжь перестала перешёптываться. Только и слышно было, как потрескивают свечи.

Лиза в волнении схватила Дино за коленку. “Да, - усмехнулся он неизвестно чему, - начало многообещающее”.

- Вы ведь хотели с сыном поговорить, - обратилась медиум к дедуле. Тот совсем скукожился и на всё, что у него хватило сил – это неуверенно кивнуть.

Женщина закрыла глаза и зашептала. До Дино долетали отдельные слова “Я прошу Всемогущего... духа Сергея... дозволить ангела-хранителя...” Никто уже не задавался мыслью, откуда она знает имя вызываемого духа.

“Неужели так всё просто?” – пронеслось в голове Дино. Лиза сидела бледная и это было заметно даже в полумраке. Глаза её были широко открыты. Дино положил свою руку на её, уже достаточно больно сжимающую его колено, чтобы незаметно ослабить хватку.

Голова гадалки, независимо от шеи, как бы перекатываясь на невидимых шарнирах, заходила вправо-влево, глаза закатились. “В транс, что ли, вошла?”

- Дух Сергея, ты здесь? – четко и ясно спросила она.- Он здесь. – сама же и ответила, открыв глаза.

- Кто? – не поверил старик.

- Он стоит прямо за вашей спиной. Очень рослый, с голубыми или, может, серыми глазами. Высокий лоб. – Что вы хотите спросить? – опять посмотрела на старичка. Того, несмотря на здоровое сердце, заметно лихорадило.

- Я...- сорвался старческий голосок . Он прокашлялся и, взяв себя в руки, пробормотал: - я хочу узнать, как он там?

- Ему там очень хорошо. Говорит, что он в “стране вечного лета”. Ещё он говорит, чтобы Вы так не скорбели по нём, Вы не даёте ему уйти. Не держите его! Не делайте больно себе и плохо ему. Отпустите его!..

- А это... - старичок собрался, - т..точно он?

- Недоверие оскорбляет их. Он может обидиться. Но он Вас очень любил, поэтому продолжает. Говорит, Вы думаете, что его убили.

- Да, да, - вскричал дедок, - у меня есть доказательства!

- Нет, - мадам покачала головой, - это была случайность. Нелепая, но случайность.

- Но как же...

- Никого не вините. Никто не виноват. Это он говорит.

- Сынок, ну как же это..., - старик захлюпал носом.

Если это обман, то очень жестокий. Дино заметил, как Лиза незаметно смахнула слезинку. Этого всё равно бы никто не заметил, все были увлечены разворачивающимся спектаклем.

- Крепитесь и помните, что он Вам сказал, - участливо обратилась медиум к расстроганному доктору.

- Затем обвела взглядом зал и уставилась на девушку из компании: - За вашей спиной вырос дух. Пожилая женщина. Мария. Говорит, её родственники здесь.

- Бабушка? – ахнула юная особа.

- Да, это ваша бабушка.

- Ой, бабулечка, ты меня слышишь?

- Она вас не только слышит, но и видит. Она давно пыталась выйти на контакт, но не получалось. Говорит, что вы сейчас очень похожи на Оксану. Это кто?

- Тётя моя, - удивлённо протянула девушка.

- Вот этим-то бабушка немного недовольна. Говорит, что не для того Вас на скрипке учила играть, чтобы вы свой талант понапрасну расстрчивали.

- Так ты у нас ещё на скрипке играешь? – неуместно хохотнул юнец с той же компании и тут же умолк, получив порцию осуждающих взглядов.

- Прости меня, бабуленька, - девчушка тоже хлюпнула носом, - а ещё что говорит?

- Говорит, дар свой не разбазаривай, не зарывай в землю. Найди профессора Валовского, он поможет.

- Вальевского.

- Что? – переспросила мадам.

- Профессор Вальевский, это её старинный друг.

- Может быть... Говорит, чтобы прекратила жизнь такую, беспутную. Мать не огорчай. Ей и так тяжело.

Девчушка закрыла лицо руками и, содрогаясь от рыданий, выскочила из комнаты. Скептически было настроенный юнец, друг её по всей видимости, поддавшись порыву побежать, догнать её, встал в нерешительности, но любопытство, а быть может, желание узнать что-то ещё, своё, усадило его на место.

- А можно мне, - робко спросила женщина в чёрном, по ученически подняв вверх руку с узловатыми, обезображенными подагрой, пальцами.

- Не торопитесь! Давайте по очереди! Встаньт

е за спины людей, иначе как я узнаю? – тихо пробормотала мадам, обращаясь к невидимым собеседникам.

- Дино почувствовал, как озноб пробежал по спине. Это что, она духов так расставляет? Согласно купленным билетам?

- Конечно, - медиум (уже язык не поворачивался назвать её гадалкой, ворожеей) участливо посмотрела на бедную вдовушку. – Вы ведь по мужу скучаете?

Ну это, что говорится, к бабке не ходи. Это Дино и сам понял, что она вдова. Большого фокуса здесь не было.

- Скучаю? – грустно переспросила женщина. – Да он всегда со мной. Вот здесь, - она положила ладонь на грудь. – Я вот только совета пришла спросить. У него. Или у Вас. Не знаю даже, удобно ли про такое спрашивать.

- Давайте попробуем.

- Может хватит людей-то мучить? – засомневался сидевший сзади молодой человек бомжеватого вида, - Вот вы им сейчас надежду дадите. На долгую счастливую старость. На богатство, на карьеру со славой, ещё там на что... А потом всё – пшик! И неправда это всё! Может, Вы актриса какая подставная. Красиво всё обставили здесь и вещаете! Балаган какой-то...

- Молодой человек! – повернулась к нему вдова, - если уж я сюда пришла, то уж точно не для того, чтобы выслушивать ваш нездоровый скептицизм.

Мадам, не обращая внимания, продолжала что-то бормотать. Молодой человек мотнул головой, как бычок и, фыркнув, покорно замолчал.

- Я вижу ещё одного. За вашей спиной, - она посмотрела на бомжа. - Георгий, – произнесла она, глядя за спину, - кто это? Нос горбинкой, седая шевелюра, небольшая острая борода?

- Георгий? – растерялся тот. – Я понятия не имею...

- Мы должны ему помочь, он хочет сказать что-то важное! Вспоминайте, я вам помогу.

Молодой человек терялся в догадках.

- Довольно пожилой человек, - продолжала описывать Бельзье, пристально глядя в пустое пространство поверх голов.

- В руках кожаная коричневая папка. Похоже, писатель. Или учёный. Нет, точно писатель. Говорит, что не родственник, а скорее, друг.

Глаза бомжа округлились

- Ну чем я ещё могу помочь? – Бельзье торопилась. Видимо, очередь выстроилась немалая. - Крупная родинка на левой щеке...

- Не может быть, - прошептал молодой человек. – Это мой сосед, писатель. Георгий Иванович. Но ведь он умер очень давно!

- Он передавал вам папку перед смертью? Коричневую?

Бомж громко сглотнул и кивнул головой.

- Надо выполнять последнюю волю умирающего, - укоризненно покачала она головой. – Но он не держит на вас зла.

- Да я думал, какой он писатель? – оправдывался бомж. - Так, пописывает на досуге. Старческая блажь, - он осёкся и от неожиданности, словно стыдясь своих слов, прикрыл рот ладонью.

- В той папке сборник рассказов, - она улыбнулась кому-то невидимому. – я всё поняла! – и снова, глядя на молодого человека, продолжила, - Он говорит, про какую-то премию. Опубликуйте, а авторское право и все доходы от последующей экранизации он оставляет за вами.

- Ни фиги себе! – парень от неожиданности упал на спинку стула и растерянно почесал под кепкой.

Мадам снова развернулась к вдове.

- К вам никто не пришёл, – сказала Бельзье извиняющимся тоном, - Наверное, он уже очень далеко. Но, подождите. – сощуриив глаза, она силилась что-то рассмотреть в полумгле. - Сегодня очень необычный сеанс. И в зале много людей, которые первый раз открывают для себя, что такое общение возможно. И я сделаю маленькое отступление, чтобы объяснить некоторые нюансы. Иногда души людей, высокоразвитые души быстро уходят, возносятся на более высокий план. И вызвать их становится очень сложно, иногда невозможно. А бывает, что просто не могут. Я не говорю про низкие, падшие души, в самом низком подплане или как мы их называем сферы. Но у них тоже есть свои дела, непонятные нам. Видимо, очень важные. Но они могут прислать кого-то вместо себя. Назовём их ангелами-хранителями, если так понятней.

И опять обращаясь к вдове:

- Ваш муж был очень чистый человек.

- Это был ангел! – воскликнула та.

- Вы даже не представляете, насколько Вы близки к истине. Можете спрашивать, Вам ответят.

Старушка, хотя собственно, почему старушка, просто убитая горем женщина заметно волновалась. Шутка ли – муж ангелом сделался!

- У меня такой бытовой вопрос. Уж не знаю, удобно ли? Родственники квартиру нашу забирают, а мне – хоть на улицу! Я ничего сделать не могу, вернее, не успели мы ничего сделать. Он ушёл как-то внезапно. Да и не думали мы об этом. Документов-то и нет никаких. Вот и решила его спросить. Как же мне сейчас? Уж Вы там спросите кого...

Глаза медиума были закрыты. Голова опять задвигалась, как на шарнирах и вдруг, резко распахнув глаза, она обвела вокруг невидящим взглядом. Опять закрыла глаза и быстро начала говорить.

- Ничего они сделать не смогут и волноваться Вам не о чем. Он обо всём позаботился. В его кабинете, в столе, есть выдвижной шкафчик. Там с левой стороны есть небольшой замок, открывает в самом конце потайную дверцу. Он там свой пистолет держал. С табличкой, наградной что ли? Не могу разобрать. Но он и сейчас там. И документы на квартиру и завещание – всё там. Не успел он Вам сказать. Завтра с утра идите к нотариусу. А пистолет сдайте, ни к чему он вам.

- Боженька!... Да как же это? – запричитала вдова. – А можно, я сейчас прямо? Ну, как же?.. Спасибо Вам, хорошая моя! – женщина резво для её возраста побежала к выходу.

Лиза посмотрела на Дино влажными глазами и грустно улыбнулась.

Долго ещё Белзьё выискивала родственные, дружеские связи посетивших этот сеанс духов, называла имена, описывала внешности видимых ею сущностей, разъясняла, убеждала и пророчила вероятное будущее к неопишуемому изумлению окружающих, пока, наконец, не обвела оставшихся усталым взглядом.

- Дорогие мои! На сегодня наш сеанс закончен. К сожалению, это требует колоссальных энергетических затрат. И, боюсь, силы мои не бесконечны. Мне было очень приятно, если я сегодня кому-то помогла. Это мой долг. Я очень надеюсь, что зародила в ваших сердцах хоть крохотное зерно истины. И мы все будем стараться стать чище, добрее, терпимее. Да хранит вас Бог!

- Лиза настолько была ошарашена происходящим, что забыла, для чего они здесь. Легонько подтолкнув Дино локтем в бок, она шепнула: - А как же мы?

Ему ничего не оставалось, как тихонько подойти к уже собравшейся уходить мадам.

- Скажите, а где Вас можно найти? Ну, где Вы принимаете?

- Принимаю? Нет, - улыбнулась она, - я не занимаюсь приёмом посетителей.

- Скажите, - Лиза не выдержала, - а как это у вас получается?

- Не знаю, я просто их слышу. Они приходят, некоторые дёргают меня за рукава, тянут меня: я... сейчас я. Я их описываю, передаю людям то, что они хотят сказать. Но всё равно не успеваю охватить всех.

- И вы, наверное, сильно устаёте?

- Иногда. Но вы ведь хотели что-то спросить? А вы уверены, что хотите (она подчеркнула) ЭТО знать?

- Что? – не понял Дино.

- То, что хотите спросить?

- В-общем-то, да, - стушевался Дино. Для неё что, секретов вообще не существует?

- Завтра на Арбате у нас закрытый сеанс. Я приглашаю Вас с Вашей дамой. Думаю, с точки зрения науки, не знаю, как историку, но вам будет очень интересно.

Она пошла к выходу.

- Подождите! А найти-то вас как?

- Очень просто. Арбат, дом архивных юношей, рядом с церковью Николая Явленного.. И не опаздывайте, ровно в 7 ворота закроются. Кстати, девушка, вы сами медиум.– загадочно произнесла она и вышла.

Свечи совсем догорали и начали одна за другой с шипением гаснуть. Дино оглянулся и, увидел, что они остались вдвоём с Лизой. Он схватил её за руку и они почти бегом выскочили на улицу.

Глава 4

Хорошо быть молодым, не задумываться о жирности съеденного мяса, количестве выпитого, а тело твоё сильное и упругое, не скованное артритами, ревматизмами послушно подчиняется твоим желаниям, - думал Борис Львович, с завистью глядя на купающегося журналиста. Игорь, фыркая, выныривал, плескался и дурачился, как мальчишка, покрикивая от студёной водной прохлады.

- Эх, жаль, фотоаппарат не захватил, - развалясь на диванах в одном халате на голое тело, сожалел Игорь. Его волосы, мокрые после купания завивались чёрными, без единой проседи, завитушками, на накаченной голой груди серебрились капельки воды, а холёное, омоложенное, лицо, светилось от счастья и наслаждения.– Такая красота! Если рай и существует, то наверняка, он именно такой.

Игорь любовался необыкновенно красивой панорамой побережья, словно сошедшей с рекламных буклетов. Узкие бухты врезались в песочный берег и там, между красных скал поросших соснами, у кромки прозрачной бирюзовой воды утопали укромными, песочно-охристыми пляжами. Непрístupные утёсы перемежались зевами глубоких гротов и тихих заливов. Природа словно кичилась своей первозданной красотой, что встречается только на необитаемых островах.

Солнце затуманенным апельсиновым шаром клонилось к западу, ища покой за неприступными утёсами и живописными скалами.

Домики рыбаков окрасились в нежно-жёлтый цвет как и белоснежная палуба яхты.

- Ты фотографируешь? – поинтересовался Борис Львович.

- Фотографирую – это громко сказано. Так, балуюсь понемногу. Вот только людей я не люблю снимать.

Борис Львович вопросительно приподнял брови.

- Они лгут. Передо мной, перед собой, перед временем... Совсем другое дело природа, пейзажи. Я ведь человек небедный, на путешествия мне денег хватает, но совершенно нет на это времени. Я всё мечтаю найти минут 10 и посмотреть на цветущие деревья, пройти по молодой травке, вдохнуть запах распускающихся почек — ведь завтра весны уже не будет. А вы знаете, - Игорь зачарованно глядел на заходящий закат, - фотографии восходов и заходов чрезвычайно похожи. Иной раз даже профессионал не может отличить. Хотя, какое техническое достижение может передать этот хрустальный воздух, шелестящий ветерок, плеск волн. А раздающийся на многие километры запах свежешманной рыбы, напоминающий запах свежих огурцов, облако дыма вашей сигары или донесённый с вершин утёсов запах столетних сосен?

- Да вы романтик, батенька! – рассмеялся Борис Львович.

- Нет, - подыграл ему Завадский, - это у вас хороший вкус.

- Ты знаешь, на заре фотографии в ходу была такая история. Её рассказывали как анекдот, но доля правды в этом была. Жена одного человека была озабочена психическим состоянием своего мужа. Она упорно ходила по знаменитым докторам того времени, со слезами перечисляла признаки его помешательства, но самым главным аргументом по её словам было его желание пригвоздить к стене свою тень или зафиксировать её на волшебных пластинках. Очередное светило науки счёл его действительно сумасшедшим и посоветовал ей как можно скорее отправить мужа в психушку.

- Спустя какое-то время показ нескольких изображений, снятых с помощью света произвёл в научном мире эффект разорвавшейся бомбы. Тени были так закреплены на металлических пластинках, а сумасшедший был никто иной, как Луи Даггер – отец фотографии. Вот так. Пройдёт немного времени и какой-нибудь другой сумасшедший придумает и как запахи передавать, и мысли... Ну вот видишь! О чём бы мы не говорили, будто по кругу ходим. Возвращаемся в одно и то же место.

- И с твоего позволения я продолжу. Хоть художник и должен быть голодным, но так и мы с тобой не художники, - хохотнул он. – Просто немного поанализируем. А анализировать лучше на сытый желудок.

Мясо, приправленное овощами, было восхитительно. Завадский привык, чтобы выглядеть неотразимо, жить в рамках почти военной дисциплины, не мог отказать себе в маленькой слабости. Как и все русские, он любил халяву. Всевозможные шведские столы со всем присущим им разнообразием и обилием он не мог обойти стороной. Сказывались, видимо, издержки советского детства. Впрочем, одинаково он любил и фирменные шмотки, обожал шикарные отели и просто умирал от богатства. Так вот, такого мяса он не едал нигде. Круглистые ломтики прожаренной в крахмале свинины с тонкой коричневатой корочкой напоминали пышные оладьи и таяли во рту. А овощи, совсем не

похожие по вкусу на купленные в супермаркете синтетические, наполненные нитратами, а благоухали как в детстве.

- Не помню, кто сказал, что нашу реальность можно сравнить с луковицей. Шелуха, слой за слоем, а где-то там внутри – что-то очень важное, настоящее. И чтобы до него добраться, ой, как много слёз нужно пролить! Кому-то достаточно верхней, шуршащей шелухи. Снял её, остановился. Яйца можно красить в чудесный коричневый цвет, чего дальше-то лезть? Кому-то этого недостаточно, дальше роет. А там ещё одна, за ней следующая, ещё плотнее. И редко кто до конца доходит. Может, единицы. Вот и выходит, что реальность, наш мир – это не то, что мы видим.

- Ого! Глубоко копнули!

- Ага, сейчас ещё глубже копнём. Представь себе, чисто гипотетически, что в одной отдельно взятой стране приходят к власти сборище шарлатанов. Шайка авантюристов. В силу каких причин – это тоже ещё предстоит выяснить.

Новую власть шатает из стороны в сторону, во всём проявляется её бездарность и неспособность управлять. Новая экономическая политика вызывает отторжение, словно инородное тело. Наевшись сказками, народ начинает ненавидеть новую власть. Повсеместное искоренение религии, уничтожение храмов только подливает масла в огонь. Страна кипит – тут и там вспыхивают народные восстания. Многие дальновидные прощельги, предвидя скорый конец, уже бегут из страны, прихватив награбленное. Оставшиеся руководители понимают, нужно что-то делать с таким народом.

Вот было бы здорово, думают они, если бы в одно прекрасное утро сто миллионов граждан проснулись бы с невероятной любовью к новой власти. Готовыми выполнять все её приказы, бросаться за неё на штыки и танки. Брат на брата ради неё. Сын на отца. Нужно было чудо. Ну, или, по крайней мере, какая-то технология массового оболванивания. Технически это возможно. Привораживают ведь тех, кто не отвечает взаимностью зельями или заговорами. Но это единичные случаи. Можно ещё задурить головы нескольким тысячам. Но этого тоже явно не достаточно. Но если бы такая технология – фантастическая, утопичная, невероятная сработала – то власть удержалась бы. И она удержалась! Значит...

- Чудо произошло? – предположил Завадский.

- Судя по всему, да. В-общем, задача была такая: каким-то образом зомбировать миллионы россиян...

- Подождите, - растерялся Игорь, - так вы сейчас всё это говорите о...

- А ты до сих пор и не понял?

- Я думал, это аллегория.

- Да нет, брат, здесь не аллегория, здесь факты. И весьма, весьма интересные. Задача поставлена, наработки определённые в этой области были, не зря же они с первых дней интересовались оккультизмом.

“Опять двадцать пять!”, - Игоря начал раздражать этот пустой разговор. Жалко было потерянного впустую времени, но Лесоводский, казалось, уже ничего не замечал вокруг. Глаза его, окружённые набухшими мешками, затуманились и, глядя куда-то сквозь своего собеседника, он продолжал:

- Была, была база, которая опиралась на древние знания. И были люди, знающие, как это знание использовать, знали, как запустить передатчик. Не хватало только одного.

- Блин! – не выдержал Игорь. – Древний Вавилон какой-то!

Теперь уже он сам плеснул себе глоток вина и выпил.

- Да ты не волнуйся так, - успокоил его Борис Львович. – Вавилон говоришь? – и многозначительно протянул, - Может быть, может быть... По словам Нострадамуса Советская власть и была Новым Вавилоном и отмерил ей жизни ровно 74 года и 7 месяцев.

- А вот дальше было самое интересное. Ты представляешь себе ситуацию – в стране голод, разруха, гражданская война, транспорт парализован и тут не кто-нибудь, а ГПУ организует секретную экспедицию на Русский Север. С огромным бюджетом!

- Борис, я честно не понимаю, к чему это всё? Ну, в конце концов, что здесь плохого? Научные изыскания даже в таких непростых условиях – да это только плюс этой новой власти!

- А ты знаешь условное название этой этой экспедиции? Изучение быта лопарей!

- Кого?

- Лопари, саамы – это народность, живущая на Кольском полуострове. Но есть у них одна особенность. Вроде болезни.

- Не понял, они что туда поехали болезнь изучать?

- Так-то оно так, да не совсем. Явление это, скорее, похоже на массовый психоз или иногда его называют арктической истерией. Люди, даже пришлые, вдруг начинали говорить на неизвестном им языке, безоговорочно выполняли любые команды, исполняли странные танцы. И, главное, если человека в таком состоянии ударить ножом, то оружие не причинит ему никакого вреда. Меряченье называется этот феномен. По преданию, именно в этих местах находилась легендарная Гиперборея, прародина арийской расы. А говорить лопари эти начинали на языке предков. Протоязыке, из которого произошли все остальные.

- Подождите, так это та самая Гиперборея, которую немцы в своё время искали?

- И немцы тоже. Вот, пожалуйста, ещё одно сходство! Как и то, что практически все марши, под которые весело, с задором маршировала толпа, были национальными немецкими!

- Да ладно! – не поверил своим ушам Игорь.

- Начиная с “Мы шли под грохот канонады” и заканчивая “Маршем энтузиастов” нацисты распевали с не меньшим оголтелым фанатизмом, чем советские рабочие. Марши, брат, это олицетворение мистической, я бы даже сказал, жреческой власти. И вот самые мощные, причём враждующие режимы 20 века выбрали марши своим символом. И не прогадали! Ну, это так, к слову.

Так вот, возглавил экспедицию некий Дарченко. Личность таинственная, загадочная и, к сожалению, трагическая. Профессиональный, как сейчас бы сказали, экстрасенс, блестящий учёный, писатель, мистик и к тому же оккультист, он руководил секретной лабораторией и, как никто иной знал, что искать. Арктическая прародина, эта географическая сестра Атлантиды предположительно находилась именно в этих местах, на Кольском полуострове.

Гиперборейцы представляли собой высокоразвитую цивилизацию. Они умели строить летательные аппараты, знали секрет атомной энергии, владели магией и умели управлять силами природы.

Растительность за Полярным кругом сам знаешь какая – ягель да берёзки карликовые. А тут вместо корявой и скудной растительности пред глазами экспедиции открылся вид на потрясающей красоты скалы, роскошные деревья и дивное зеркальное озеро. Крупные грибы-ягоды поражали своими размерами и количеством, немислимыми в приполярной тундре.

- Неужели Земля Санникова? – неуверенно произнёс Игорь, вспомнив зачитанную в детстве до дыр книгу о затерянном в Северном Ледовитом океане уголке дикой природы, сохранившимся с доисторических времен.

- Почти, только более реалистичная. Прорабатывалась версия о загадочном источнике тепловой энергии. Возможно, именно его искал Дарченко. Воздействие на организм этой силы и вызывает галлюцинации или неопишуемое чувство ужаса, приступы той самой арктической истерии, которые многие приравнивают к состоянию зомби. Чем не психотронное оружие? Для свершения мировой революции совсем неплохо было бы иметь такое генерирующее устройство.

- Ну и как, нашли источник? – заинтересовался Завадский.

- Много чего нашли. 70-метровое изображение распятого человека, напоминающее негатив, чего стоит! Возможно, именно такие контуры и остаются на поверхности твёрдых тел после ядерного взрыва. Древнюю обсерваторию, лабиринты, жертвенные сооружения, наскальные рисунки и даже пирамиды, которые оказались древнее египетских.

- Нашёл, значит?

- Нашёл. Иначе, как объяснить, что через 15 минут после вынесения приговора, Дарченко расстреляли, как и остальных членов этой экспедиции.

- Подождите, Борис Львович! – по-мальчишески запальчиво заговорил Игорь. – Если он действительно нашёл прародину человечества, почему это замалчивают? Это же сенсация мирового масштаба!

- А ты не понимаешь? – грустно произнёс Лесоводский. – Это же все устоявшиеся догмы летят коту под хвост. Культурные, исторические и, в первую очередь, религиозные. Получается, всё, чему нас учили верно с точностью до наоборот.

Вот такая вот история, - выдохнул Борис Львович.

- Да уж, много интересного вы мне тут понарасказывали.

- Теперь-то ты понял, что это не просто бредни старушки на завалинке?

- Борис Львович, но если всё это секретная информация, откуда вы знаете такие подробности?

- Знаешь, мой дорогой, если есть тайна, ею обязательно захочется поделиться. А имеющий уши да услышит. У меня один учитель был, так вот он постоянно говорил “Запускайте ежа в мозговую коробку!”. Вот у меня всю жизнь этот ёж и шебуршит там, - он постучал пальцем по темени. – Эх, много, друг Горацио на свете, что и не снилось нашим мертвецам, - и дружески похлопал Завадского по плечу.

- Мудрецам! – улыбнувшись, поправил его Игорь.

- Да какая разница!

- Борис Львович, простите мне моё тугодумие, но я так и не понял – я-то здесь при чём? Неужели вы готовы снарядить очередную экспедицию, а меня пророчите на роль Дарченко? Сразу скажу, - это не по адресу.

- Ты в детстве кем хотел стать? – ох уж эта манера отвечать вопросом на вопрос. Игорь поймал себя на том, что какая-то снисходительная улыбка не сходила у него с губ.

- Я вполне серьёзно, кем?

Игорь на мгновение задумался.

- Было нас три друга, закадычных таких, что даже кровью братались. Чтобы навсегда вместе, даже когда женимся. Пацаны были, - он усмехнулся. – И вот после школы хотели все вместе на исторический податься. Ну, вы понимаете, археология, раскопки, приключения в духе Индианы Джонс. Искать сокровища, города, как Шлиман. Но не срослось, героем я не стал.

- Ну, видишь, как замечательно всё срастается. В жизни всегда, как говорится, есть место подвигу. Нужно просто вовремя появиться в нужном месте и в нужное время.

И добавил шёпотом:

- Мы не должны дать им возможность воспользоваться этим.

- Да чем, Борис Львович?

- Тем, что привёз Дарченко из экспедиции. Артефактом.

- А почему вы думаете, - Игорь решил включиться в игру и тоже перешёл на шёпот, - что им уже не воспользовались, ведь столько лет прошло?

Лесоводский помахал головой.

- Нет, если бы это было так, ты бы уже видел мир совершенно другим. Последствия были бы необратимые. Тех людей, что знали как действует передатчик уже давно нет в живых. Иначе зачем Им было проводить психотехногенные эксперименты с Башкировским. Помнишь, вся страна вертела головами у телевизоров и воду заряжала? Тогда была попытка подавления у людей левого полушария, шло манипулирование, массовая промывка мозгов. Но Башкировский канул в прошлое, что-то там не заладилось, потому что передатчик всё это время работал с переменным успехом. И именно сейчас (и у меня есть все основания так полагать) возможно его техническое завершение. Вся теоретическая база уже разработана и испытана и вот-вот он заработает на полную мощность.

- Бред какой-то! – Игорь устало потёр глаза.

- В тридцать седьмом про лагеря тоже большинство сказала бы – бред.

- Да как он, этот передатчик хоть выглядит? Как пуговица, как пушка или как авианосец?

Закат тем временем краснел, окрашивая неопрятно раскиданные по небосводу клочки розовой ваты облаков. Домики рыбаков из жёлтых тоже постепенно становились розовыми, порозовев – темнели, пока окончательно не растворились в опустившуюся на побережье мглу. Пришло время новой разноцветной ночной жизни. Проснувшиеся отели мерцали всеми цветами радуги и невесомо парили в окружении собственных огней миниатюрными островками, крошечными независимыми Лапуту, связанных между собой ёлочными гирляндами дорог.

Глава 5

- Мясо фазана должно созреть. Вот провисит он денька три, выпотрошенный, в пере и только после этого его можно ошипать и коптить. А древесину тоже надо подобрать особенную. Тут только грецкий орех и подойдёт. Можно и замариновать. Суток пять его продержишь в уксусе, винцом зальёшь, специй разных подбросишь. А как готово будет, мясо-то, можно и запекать. В сливочном соусе. Потом ломтики, тончайше нарезанные, насколько это возможно, раскладываешь ровненькими такими рядочками, зеленью изумрудной проложишь и под винцо.

Я бы вообще сравнил приготовление этой птицы с холстом художника. На мясо, которое само по себе хорошо, только добавляешь оттенки, мазки. Оно будет брать всё, что ему не предложишь. Только предлагать надо осторожненько, чтобы не испортить всю картину. Фазан и лук любит, и бекон, и трюфели. Но в сметане с шампиньонами, а лучше белыми грибами – это уже не мясо, это песня получается!

Машина резко дёрнулась, медленно прокатилась по инерции, устало фыркнула и остановилась.

Водитель в отчаянии стукнул ладонями по рулю и заковыристо выругался.

- Бать, - развернулся к нему любитель фазанов и заметил с укоризной: - Ну сколько раз я тебе говорил, продавай ты эту колымагу.

Машина глухо урчала, но заводиться отказывалась.

- Легко сказать продавай, она ж, почитай, как дитё мне. Я на ней полстраны исколесил и ещё столько же проездит.

Сидящий рядом с водителем грузный человек в тёплой камуфляжной куртке без знаков отличия занервничал и, повернувшись назад, сказал кому-то:

- Ну, ты видел? Я ему и джип хотел купить, а он ни в какую. Никак не может с этим шерпаком расстаться! Ему же, как гранёному стакану – триста лет в обед!

Из глубины салона выплыло худое, узкое лицо обтянутое лыжной шапочкой.

- Люди в этом возрасте весьма консервативны в своих привязанностях, не правда ли?

- Да на кой он мне, этот джип? – вскипел водитель, сдвинув с потного лба кепку. - Мне ж не перед девками красоваться. А наши дороги любят наши машины. Верняк!

- И безнадёжно патриотичны, - закивал худой.

- Вот и оставайся со своим “верняком”, а мы с Виноградычем ногами дотопаем, - грузный вывалился из машины и, смачно, до хруста, потянувшись, крикнул от удовольствия. Природа пробуждалась, тоже потягивалась, зевая, но томно и нежно, словно молодая любовница. Свежий утренний ветерок пьянил ароматом черёмухи, молодой травы и нёс издалека по близкой воде звон соловьиных трелей. – Вытрухайся, едрёныть, - он распахнул заднюю дверцу, - тут километра полтора осталось. Прогуляемся.

Потёртый в проплешинах чехол с надёжным, проверенным годами Ремингтоном, приятной тяжестью лёг на одно плечо. Взвалив тяжёлую охотничью сумку на другое, он вдруг выпрямился и замер, чертыхнувшись. Где-то глубоко под камуфляжной курткой тоскливо заныло. На всякий случай он взялся за козырёк бейсболки и резким движением развернул её задом наперёд.

- Говорил я тебе, надо было на служебной?

Виноградыч с сочувствием посмотрел на покрасневшие уши старинного друга. Сам невысокого роста, в обтягивающем спортивном костюме, ещё больше подчёркивающим

чрезмерную худобу, он был похож на подростка. Юношеская улыбка, казалось, навсегда затаилась в уголках блестящих, с искринкой, глаз. И только глубокие, прорезающие лицо морщины выдавали его возраст. В руках он держал прозрачный пакет, сквозь который просвечивала нехитрая сложенная телескопическая удочка со спиннинговой катушкой.

- Да, понимаешь, осечка тут у меня вышла.

- Вроде стрелять не начал, а уже осечка? - с неизменной смешинкой в глазах поинтересовался Виноградыч.

- Ружьё, пока первую дичь не увидишь, заряжать нельзя. Удачи не будет.

Генерал, как любой охотник, был очень суеверен и свято верил в приметы, известные только посвящённым в таинство охотного дела.

- А оно, что, заряженное? – с опаской спросил Виноградыч и немного посторонился.

- Да ты не бойся, – натянуто хохотнул генерал, - не выстрелит. А противоядие я уже принял.

И он загадочно показал на перевернутую бейсболку.

Виноградыч недоумённо пожал плечами. Охоту он не любил и не понимал. Вот рыбалка – совсем другое дело. Посидеть на берегу с удочкой сродни медитации. Глядя на дрожащий поплавок можно расслабиться, привести мысли в порядок. И, вжав голову в плечи, ёжась от утренней прохлады, он засеменял к зарослям кустарника.

- Батя! – крикнул генерал. Из-под капота показалось перепачканное лицо отца. – Поезжай прямо в заказник! – и шутливо погрозил пальцем. - Без нас не начинайте!

Батя махнул рукой и генерал, широко переставляя ноги в высоких офицерских ботинках, тяжело зашагал по меже, догоняя друга.

Над узкой речушкой, окаймлённой порослью дикого орешника с бледными листьями, колыхался туман, тянулся полосой над редкими камышами.

- Ну, давай, выкладывай, - шмыгнув, перешел на деловой тон генерал, - что за посмешище учудил наш Старик на весь мир? Вы-то куда смотрели?

- Ты же знаешь, как трудно работать в таких условиях. Нам блокировали все каналы, эти люди тоже не лыком сшиты. А Он, как выпьет, сам не свой становится.

- Блокировали им! – буркнул генерал. – Работать надо лучше! Идти на шаг впереди. Предвосхищать, так сказать, события. С меня же голову снимут! Все вместе загремим под фанфары!

Загремять под фанфары, даже со всеми полагающимися по рангу почестями, ему, пережившему не один режим, совсем не хотелось. Вся эта хваленая демократия ничуть не лучше так и не построенного социализма. Мало что изменилось. Вот только первые лица страны раньше не позволяли себе выкидывать такие фортели. Устраивать песни-пляски под американский оркестр – это же ни в какие ворота не лезет! Да ещё и Курилы ни за хрен собачий собрался япошкам возвращать!

А всё от того, что народ всегда делает самый худший выбор из предоставленных. Народу ни в коем случае нельзя доверять его же судьбу. Неужели никто не замечает очевидного? Делать хорошую мину при плохой игре и оправдываться, что страна движется намеченным демократическим курсом, слава Богу, не наша задача. Есть специально обученные люди. Поиграли в демократию - и будет. Пора заканчивать этот балаган!

Он вытащил из кармана сигарету. Бороться с давней привычкой нелегко! Курить хотелось страшно, но – бросать, так бросать и, покатав её между жёлтыми, изъеденными никотином, пальцами, он жадно потянул носом заманчивый запах. Когда-то он выкуривал по три пачки в день и бросал уже раз двадцать и это был очередной период отвыкания. Уже три дня держался, решив окончательно не идти на поводу у вредной привычки. Сигареты всегда помогали ему думать и теперь, лишив себя возможности курить, он доставал табачную палочку и нюхал.

- Ладно, давай дальше. Отчёт по проекту готов?

- Уже у тебя на столе. И информация в нём весьма интересная.

- Миша, ты всего лишь руководитель проекта, - отрезал генерал. – Выводы будут делать другие люди.

- Извините, товарищ генерал. В-общем, всё, как мы и предполагали, но гораздо серьёзнее. Редуктивный анализ мозга..., - начал худой.

- Михал Михалыч, ты же не анализы принёс! Давай без этих ваших докторских терминов. Генерала всегда раздражала привычка доктора дотошно разбавлять свои доклады излишней и непонятной медицинской терминологией.

- Так вот, - не обращая внимания на грубую прямолинейность друга, а, скорее, привыкнув за долгие годы службы, хоть и в разных ведомствах, продолжил доктор, - в результате исследований, у неё обнаружена гипертрофированная, просто патологическая ненависть к лицам славянской национальности.

- Нет такой национальности, - снова буркнул генерал.

- Что, прости?

- Нет, говорю, такой национальности. Есть славяне.

- Славяне есть, а национальности нет? – съязвил доктор.

- Пока, - многозначительно произнёс генерал и вдруг замер на месте, приняв стойку, как охотничья собака и устремив взгляд в сторону нетронутой низкой травы с редкими желтыми стеблями.

Доктор невольно остановился и прислушался. “Ко-гок-ко-гок” раздалось в траве какое-то бормотание. И вдруг резкий, оглушительный треск крыльев разрезал воздух и великолепный, упитанный фазан, яркий, медно-рыжий с черными и белыми отметинами, свечой взмыл вверх.

- Это ж надо, при его яркой окраске и так маскироваться, - восхитился генерал и тоскливым взглядом проводил удаляющуюся птицу.- Поедим мы сегодня всё-таки петушка в сметанном соусе!

Настроение его сразу улучшилось, дичь увидена – примета не срывается. И он весело двинулся дальше, тяжело перешагивая через упавшие стволы осин с бурой мрачной листвой, которые немного омрачали окружающий легкомысленный пейзаж.

Лёгкий ветерок шевелил листья орешника. Они дрожали и разворачивались на ветру бледным отливом, похожим на солнечные блики.

- Продолжай, - приказал он еле поспевавшему за его широкой поступью Виноградычу.

- Помнишь, в своё время Леди – Железная босоножка обмолвилась, что на территории России, с точки зрения экономики, целесообразно проживание 15 миллионов человек?

Генерал угукнул.

- Эта пошла ещё дальше. Она считает, что достаточно и 5-6 миллионов. Пару миллионов на обслуживание Транссибирской магистрали, кратчайшего пути в Европу, а остальным остаётся обслуживание самых грязных производств – химических, металлургических. Ну, и ядерных могильников, конечно.

- Занятно, - протянул генерал, помолчал немного, думая о чём-то о своём и вдруг тихо напел низким голосом:

Ловко прыгает Мадлен,

Ножкой дрыгает Мадлен.

Шалунья, резвунья

По имени Мадлен.

Ладно, хватит лирики, пошли дальше. Только не размазывай, давай самую суть.

- А далее идёт подтверждение Теории о золотом миллиарде.

- Ну, это старо. Русские, конечно, в этот миллиард не вошли.

- Безусловно, - отметил доктор, тяжело дыша от быстрой ходьбы. – Северные народы по её мнению, сами себя истребят алкоголем, сигаретами, наркотиками. Старики и так скоро вымрут, поэтому надо приниматься за молодёжь и детей.

- Хорошо, а как быть с теми, которых не берёт ни алкоголь, ни разврат?

- С мусульманами? А с этими всё вполне традиционно. Войной.

“Редкостная сучка”, подумал генерал и, не удержавшись, снова вытащил сигарету и, щёлкнув дорогой зажигалкой, прикурил её.

- Товарищ Лоскутников, - укоризненно посмотрел на него Доктор.

- Цыц! Я и сам знаю, - генерал жадно затянулся и, стыдясь своей слабости, впечатал сигарету в мокрую траву. – Извини, продолжай.

- Далее в отчёте следует, что её возмущает, что Россия обладает самыми большими в мире запасами полезных ископаемых. Этими запасами, считает она, должно распорядиться всё человечество, а не одна страна.

- Всё человечество под присмотром Соединённых штатов?

- Конечно. И боюсь, выводы из этого всего неутешительные. Война в Косово, которую они развязали, это только первый шаг к установлению контроля над Россией.

- Ну, это ещё бабушка надвое сказала. С агентом разобрались?

- Этот цээршник пытался хвалиться, что их люди прекрасно осведомлены о наших лодках. Ведут наблюдения за действием каждого члена экипажа. И состояние оружия для них тоже не секрет.

- А не блефует?

- Да в том-то всё и дело, что нет. Привёл в доказательство точки нанесения ударов.

- Ну, тогда объясните ему, что просвечивание ядерных субмарин впечатляет. Зато мы можем наведаться ненароком, прогуляться, так сказать, по “мозгам” Президента США или Генерального секретаря.

- Уже намекнули.

- И что он?

- Предложил дружить и обмениваться информацией.

- Ну-ну...

Тут неожиданно речушка круто забирала вправо и перед ними встали густые непроходимые кусты, за которым виднелся тёмно-зелёным фоном сосновый лесок. Потянуло дымком. Где-то совсем близко находился заказник.

И тут случилось нечто, что начисто лишило генерала поднявшегося было настроения.

Низкое, мрачное уханье невероятной мощью раздалось из леса и прокатилось по воде. Доктор от неожиданности присел, озираясь по сторонам, а Генерал побледнел и вновь потянулся к карману. Жуткие вопли переросли в стоны, перетекали в истеричные рыдания, ухали и скрежетали так что кровь стыла в жилах. И, наконец, взвизгнув напоследок, стихли.

- Не хотел бы я оказаться в этом месте ночью, - глаза Доктора блестели от восхищения. – Теперь я понимаю наших предков. При желании эти звуки можно было принять и за голос лешего, и за полчища духов умерших, особенно ночью. У страха, как известно, глаза велики.

И, увидев, что генерал снова нервно дымит сигаретой, забеспокоился:

- Я понимаю, ты расстроен, испуган... Крик филина тяжёлое испытание и для человека со здоровым сердцем, а уж с твоим и подавно! Но не надо курить! – попросил он.

- Зря идём! – Лоскутников сильно затаился, держа сигарету в кулаке. – Не будет сегодня удачи. Не к добру это.

- Вот уж не думал, что охота – такое нервное занятие, сплошь построенное на приметах и суевериях. Тайный орден какой-то!

Уворачиваясь от клубов сигаретного дыма, Доктор вёл друга, бережно держа его под локоть. Они обошли непроходимый зелёный вал и вошли в молодой сосновый лесок. Совсем недалеко послышался многоголосый лай собак. Казалось, собаки соревновались, кто кого перелает.

- Что-то насчёт этой странной эпидемии удалось выяснить? – осторожно освобождая локоть, спросил Лоскутников.

- Да, немного. Она сама поверхностно владеет темой. Но, как мы поняли, к косовским солдатам было применено некое химическое соединение, в одночасье меняющее структуру клеток крови.

- Ну, я же просил! – взмолился генерал.

- Всё очень просто, - терпеливо продолжал Доктор. – Человек теряет иммунитет и может погибнуть от любой, даже самой пустяковой, болячки. Это всё, что удалось узнать. Да, и ещё, - он остановился и на всякий случай осмотрелся вокруг. – В СМИ начинает просачиваться кое-какая информация о наших изысканиях.

- Что-то конкретное?

- Нет, так, домыслы, расследования особо ушлых журналистов. Поговаривают, снос гостиницы “Москва”, якобы, с какими-то тайными планами управления коллективным сознанием связан. Не думаю, что они накопают что-то серьёзное, но всё-же...

- Да снести её к чёртовой матери, чтобы не мешала урезонивать этих клоунов из Думы! Директива уже спущена, действуйте по отработанному сценарию. Пусть ваши люди подбросят часть информации кому-нибудь из мадригалов, например, Стародворской. Её давно уже никто не воспринимает всерьёз. Она озвучит, потом все вместе посмеёмся, - задумчиво произнёс генерал. – Эта схема всегда работала.

- Понял, - Михаил Михайлович вдруг снова улыбнулся и нерешительно спросил:

- А ты знаешь, как тебя подчинённые называют?

- Да знаю! – недовольно буркнул генерал. – Только тот Мэрлин волшебником был. А я больше с наукой дело имею. Хоть и не в чести у нас астрология, а результаты свои приносит.

- Говорят, ты столы дубовые умеешь двигать. Мы вот с тобой уже лет тридцать вместе работаем, а я ни разу не видел.

- Да враки всё это. Твои люди вон что вытворяют, мне такое не снилось.

- Я их по всей стране отбирал, - Доктор не скрывал гордости. – Потом годами с ними работал, развивал, направлял в нужное русло природные данные.

- Миш, - первый раз генерал назвал Доктора по имени. – Если мне прикажут запустить механизм, я даже не знаю, смогу ли. Да и против Главного пойти не смогу, несмотря на его художества. Я же его сам выдвигал, каждый шаг просчитывал. Да только сейчас его карты больше неприятности показывают. Я думаю, это конец.

Конечно, конец, - думал Доктор, - ведь приказ уже получен и мои люди уже обрабатывают, сжимают направленными лучами, вызывая болезненные спазмы, и без того измождённое сердце Старика. А вот личные привязанности в нашем деле только во вред. Сдаёт генерал. Ох, сдаёт...

А вслух сказал:

- Конец – это всегда начало чего-то. Ты лучше скажи, карту Оператора составил?

- Составил, - пыхтел генерал. Охотиться ему расхотелось, азарт, который так будоражит кровь, пропал. – Есть некоторые нестыковки, но на сегодняшний день это лучшая кандидатура.

- Вот и славненько, остальное мы доработаем.

Поохотиться в тот день так и не удалось. Шальная пуля неосторожного загонщика попала генералу аккурат в самое темечко, снеся пол-головы. Хоронили его в закрытом гробу, со всеми полагающимися почестями. Под фанфары.

Григорий ехал на службу. Его трясло и подбрасывало совсем не от того, что угрозило сесть чуть ли не на самое отвратительное место — на колесо, а от выходявших алкогольных паров, с дрожью покидавших тело.

Если раньше Григорий был канунщиком, как презрительно называла его покойная жена, по той причине, что праздники, дни рождения и прочие даты, коими изобилует календарь, он начинал отмечать далеко накануне, за три-четыре дня, то после её предательской измены, возлияния его стали ежевечерними. Нет, вдовцом он не был, а жена, живая и здоровая, согласно новому статусу сейчас выглядела так, как не выглядела за годы жизни с ним. Известное дело, на следовательскую зарплату не пожируешь. Но обида и горечь предательства засела острой занозой в его сердце настолько, что он просто похоронил её для себя и называл её только так, а не иначе.

Изменила бы по тихой, он такой, простил бы. Ан нет же; её роман развивался страстно, на глазах у всех соседей, которые ехидно перешёптывались ему в спину. Да ещё с кем? С быстроразбогатевшим, из бандюганов, воротилой. Вот тогда-то он и ушёл. Тихо. Без криков и ненужных разборок. Взял свои вещи и перебрался в коммуналку, где его никто не пилил, не клял на чём свет стоит его работу, не приносящую денег и где можно в тишине хлопнуть стакан водки, а то и два и, как он выражался, под аккомпанимент «тоски зелёной», забыть про трупы и кровичу. А самое главное, не думать про этот унижительный плевок в самую душу.

Зато служил он преданно, до самозабвения. Не выслуживаясь, особо не выпячиваясь, но честно, что само по себе было большой редкостью.

Неуживчивый и импульсивный характер давал о себе знать — друзей у него не было, на работе его недолюбливали, взяток он не брал, а чрезвычайно обострённая привычка говорить правду никому в наше время не добавляет симпатии, тем более в славящемся своими нравами ментовском братстве.

Да ещё имечко с фамилией добавляли проблем. Угрозило же родителей так его назвать! Григорий Отрепьев! Гришка Лжедимитрий. Монах. Самозванец. И быть бы ему предметом зубоскальства и издёвок за созвучность с историческим персонажем, если бы не кулаки, которые отросли раньше, чем он выучился читать.

«Пивка бы, - думал Григорий, - холоденького, бочкового!». Он сглотнул и заботливо погладил сумку, холодившую колени. Да и курить хотелось ужасно. Прикрыв глаза, он представил, как наливает в стакан оживляющую влагу и почувствовал, как от монотонного покачивания его уносит в сладостные объятия сна.

Троллейбус, забитый под завязку туристами, опаздывающими студентами очередной раз дёрнулся и резко остановился.

Задремавший было Григорий открыл глаза и сонно щурясь, огляделся по сторонам. Нет, не приехали, можно ещё подремать. Он снова закрыл глаза и сонная истома сладко разлилась по всему телу.

И тут же раздался пробирающий до внутренностей истошный женский крик. «А-а-а, - залиливистой трелью звучало в ушах. - Падаем!».

Отрепьев клюнул носом и открыл глаза. О том, что происходило дальше, он помнил с трудом. Когда-то в одной из умных книжек, он вычитал, что в минуты опасности в человеческом организме включаются скрытые способности. То ли работа мозга ускоряется в тысячи раз, то ли внутренняя программа формирует вокруг себя свои ощущения пространства и времени. Вот так и сейчас всё происходило совсем не с той скоростью.

Как в замедленной киносъёмке он видел, а скорее, ощутил, как троллейбус, дёрнувшись, накренился и со зловещим скрежетом стал плавно уходить носом вниз. Машинально вцепившись, как за спасительную соломинку, в поручень впередистоящего сидения, Григорий с силой потянул его на себя, словно пытаясь вытянуть, затормозить сползающий троллейбус.

Как в калейдоскопе мелькали лица с раскрытыми в беззвучном крике ртами. В воздухе, как в невесомости орбитальной станции летали дамские сумочки, пролетела клетчатая кепка. Пассажиры, стоявшие на задней площадке кубарем скатились по проходу и оказались сверху огромной кучи-малы человеческих тел. Крики слились в сплошной гул. Отрепьев разглядел, как из этой массы с ужасом в глазах тянула к нему руку, моля о помощи, какая-то женщина. Но он не мог действовать с такой же скоростью, оценивать он начнёт позже.

Троллейбус ещё раз трянуло и он замер. Передняя часть была заполнена шевелящейся человеческой массой, стонавшей, матерящейся и рыдающей. Григорий один из немногих сумел задержаться наверху и смертельный перевес был явно не в их пользу.

Он глянул в окно. Откуда-то из под колёс змейкой расплзалась трещина, стремительно приближаясь к противоположной стороне улицы.

- Бензином пахнет, - вывел его из оцепенения истеричный визг. В нос ударил душающий запах. В тот момент ему даже не пришлось в голову, откуда в троллѐйбусе взяться бензину?

- Никому не курить! - невпопад приказал Отрепьев и вдруг заметил рядом с окошком неприметную табличку «В случае аварии разбить стекло молотком». Обшарив взглядом пространство вокруг, молотка он не обнаружил, зато наткнулся на другую, чуть меньшую табличку, которая гласила: «Молоток находится у водителя».

- Ёхана булочка! - ругнулся Григорий. Думай, думай, заставлял он себя. Он попытался просунуть опухшие трясущиеся пальцы под резиновую прокладку стекла, чтобы выдернуть, а затем выдавить стекло, но та, как приклеенная, не сдвинулась с места. Сумка эта ещё мешает, плечо тянет... Сумка! Тут он вспомнил, что тянуло в перекинутой через плечо сумке. Бутылка шампанского, редкого, дорогого! Мужикам вѐз, день рожденья все ж! И подлечиться не мешало бы после вчерашнего. Да видно, не до лечения будет.

Он размахнулся и с криком «Глаза берегите!» одним прицельным ударом увесистой бутылки, вышиб стекло. Бутылка, не разбившись от сильного удара вместе с сумкой полетела вниз, где на самом дне, метрах в десяти, воткнувшись искорёженной кабиной в песок, лежал сорвавшийся уже КАМАЗ, из пробитого бензобака которого вытекала с бульканьем прозрачная радужная жидкость. Но Григорий этого уже не видел.

Мелкие осколки стекла осыпали его, сдирая кожу. Голыми руками, не обращая внимания на заливающие кровью руки, он вытащил длинные кривые кинжалы стекла и осторожно выглянул в окно.

Троллейбус висел, сдерживаемый тормозами, безвольно качал обесточенными усами, зацепившись задними колёсами за самый край глубокой расщелины.

- Давай по одному! - скомандовал он и протянул руку висевшему на поручне студенту. Тот осторожно отцепился и резво оказался у спасительного выхода. Троллейбус закачался и снова раздались крики.

- Тихонько, тихонько, сынок, - почему-то сказал Отрепьев, хотя молодой человек был ненамного моложе его самого. Достаточно было одного резкого движения, чтобы эта консервная банка превратилась в братскую могилу.

Подсадив парня, он тоже осторожно выполз наружу.

Прямо перед ним, блестя тонированными стёклами и дыша тупым рылом в зад чудом удерживающегося троллейбуса стоял новёхонький чёрный Хаммер. Чёрный, будто только сошедший с конвейера, он лоснился своими упитанными боками в пробивающихся сквозь тучи солнечных лучах. Его передний бампер венчал валик лебёдки со стальным тросом.

Григорий не задумываясь схватился за крючок.

- Эй, - крикнул он водителю тяжеловеса, - разматывай лебёдку!

Трос ослаб.

- Уходи отсюда!

Из машины выскочил человек и замахал руками. На лацкане его дорогого пиджака мелькнул депутатский значок.

- Уже вызвали, кого надо! Сейчас всё поползёт, уходи!

- Глеб Николаевич, но там же люди! - выскочила из другой двери девушка. - Надо срочно...

- В машину, я сказал! - приказал депутат. - Поехали, поехали, разворачивайся, - крикнул он водителю. Тот послушно включил мигалку, но тут раздался угрожающий скрежет. Они дружно подняли глаза и застыли в удивлении. Фонарный столб на тротуаре качнулся и медленно стал заваливаться.

Отрепьев, не медля ни секунды, схватил крючок лебёдки и с быстротой молнии продел его в кольцо, торчащего из вмятины заднего бампера троллейбуса.

Лиза вскрикнула, увидев, как под тяжестью столба компрессор, оставленный строителями у обочины дернулся и бесшумно провалился под землю, оставив после себя клубы вздыбленной пыли. Пыль моментально осела, потому что вслед за этим упругий фонтан захлестал из недр образовавшейся ямы. Видимо, компрессор повредил водопроводную трубу и вода хлестала, летним радужным дождём оmyвая всё вокруг. Тем временем столб, не чувствуя никакой преграды, продолжал заваливаться, пока не повис безвольно на трамвайных проводах, которые опасно заскрипели, заскрежетали, растягиваясь, вот-вот норовя лопнуть.

- Заднюю! Жми! - яростно крикнул мокрый насквозь Григорий. Хаммер завизжал, до дыма прокручивая на месте колёсами, трос натянулся и в воздухе остро запахло жжённой резиной.

Столб ещё немного повисел, зацепившись за провода и, разорвав их, рухнул, разбрасывая фонтаны искр, намертво прижав троллейбус к осыпающемуся склону расщелины.

Где-то недалеко завывла пожарная сирена, в небе стучал пропеллером вертолёт спасателей и со всех сторон подтягивались кареты скорой помощи. Крики, слёзы, визг тормозов смешались в один сплошной гул. Отрепьев устало опустил на бордюр.

- Да выключи ты уже свою тархтелку! - махнул он рукой водителю.

- Слушай, тебе в больницу надо, - рядом на корточки опустил депутат.

- В смысле, псих? - попытался пошутить Григорий. Его по-прежнему трясло, только теперь от пережитого стресса. «Вот тебе, Отрепьев, и именины! Считай, что заново родился». Он шмыгнул носом и грязной рукой размазал кровь по лицу.

- Ты в крови весь, может, ранен?

- Да пошёл ты! - зло огрызнулся Григорий.

- Ну, как знаешь, - депутат отряхнул и без того чистые брюки и скомандовал: - Лиза, в машину!

Всё это время стоявшая рядом девушка с участием попросила:

- Поезжайте в больницу, вам порезы промоют. Заражение ведь может быть.

Тем временем на Проспекте образовалась гигантская двухсторонняя пробка и машинам скорой помощи приходилось пробираться до места происшествия по тротуарам. Магистраль власти была забита.

- Освободите полосу! - потный гаишник с рацией в руках бегал и махал руками. - Освободите резервную полосу!

Фуражка его сдвинулась на затылок, обнажив вспотевший лоб.

- Кортёж едет! - беспомощно развёл он руками.

- Ты что, придурок, какой кортеж? Куда? - Отрепьев кивнул с сторону ямы почти во всю ширину проспекта и увидел преинтереснейшую картину. Возникшие как из-под земли вездесущие журналисты с камерой, нацеленной на депутата уже брали интервью, по горячим следам освещая происходящее.

- А что мне оставалось делать, там же люди! - донеслось до Отрепьева. - И что такое груза железа, даже такое дорогого, по сравнению с человеческими жизнями!

- Вот урод, ёхана булочка! - сплюнул Григорий и вдруг он увидел, как за стайкой журналистов, прямо у них под ногами, змеится, расплзается зловещая трещина.

- Все быстро на середину дороги!

Компания обернулась на крик, ничего не понимая. И тут же схваченный за шиворот депутат отлетел, отброшенный резким ударом за бронированный Хаммер. - Ты! - крикнул Отрепьев девушке, - давай туда же!

Трещина, разрывая тротуар, подползла к основанию сталинской высотки, замерла, и через секунду витрина модного бутика покрылась мелкой сеткой, словно задрапированная ажурной гипюровой тканью и со стеклянным звоном вылетела, рассыпавшись мелкой крошкой.

Дом охнул, именно охнул так, что памятная мемориальная доска у подъезда лопнула на две неравные половины. Все вокруг замерли в ожидании, слушая этот страдальческий звук, только пожарные и врачи скорой помощи не обращали на это внимание и продолжали вытаскивать раненых, промывать раны и накладывать повязки. Люди стояли, задрав головы и ждали самого ужасного, что только может произойти.

Но дом устоял.

Глава 7

- А граждане всё продолжают послушно тянуться к избирательным урнам. И, к своему великому изумлению отдают свой голос за претендента, которого ещё недавно кляли на чём свет стоит за все издевательства, что он уже над ними проделал. А ведь выбор был. Небольшой, но был ведь!

А хочешь, я тебе расскажу сценарий следующих выборов? Игорь замотал головой.

Появится никому неизвестный, не имеющий ни политической платформы, ни какой-то существенной программы. Так... из серии “Куда идём мы с Пятачком большой, большой секрет” и к невероятному удивлению женщин, пенсионеров, в-общем, избирателей, не склонных к аналитическому мышлению и шатких в психологическом плане с необъяснимым упорством голоса отдадутся именно ему.

Кто более-менее догадывается, что это хорошо обставленная фикция, ничего сделать не могут. Не тот уровень. И всё, стадо избрало пастуха, угодное хозяевам этого стада.

Далее произойдёт следующее, сценарий беспроигрышный и срабатывал не один раз. Чтобы публику целиком занять, отвлечь её и как-то поднять рейтинг новоиспечённого лидера, нужно устроить яркое, громкое и интригующее представление, которое всколыхнёт волну национализма и террористов начнут мочить в сортирах. Взрывы домов мирных граждан тоже подойдут. Цель оправдывает средства.

К твоему сведению, последним государственным деятелем, честно и действительно демократическим путём пришедшим к власти был Адольф Гитлер. Вот так уважаемые пассажиры наш полёт заканчивается...

Лицо Бориса Львовича как в знаменитом клипе Майкла Джексона, вытягивалось, изменялось, то приобретая усики под носом, чёлка отрастала, становясь похожей на характерную гитлеровскую, то, плавно перетекая, обрастало женскими чертами лица, пока окончательно не превратилось в вульгарного вида блондинку, мурлыкающую приятным голосом и требующую пристегнуть ремни. Тяжёлая и страстная, она наваливалась всей

массой своего, раздувающегося, как воздушный шар, тела и прижимала, вдавливала распятого в кресле Завадского.

Игорь вскрикнул и с трудом разлепил один глаз. Сквозь студенистую дрёму стали вырисовываться очертания кресел, спина стюардессы в проходе и даже тягучие, заволокшие непомерную бездну под ними, тучи в иллюминаторе.

Завадский не выспался. Несколько часов тревожного забытья, которые и сном-то назвать нельзя, не принесли организму желанного отдыха. А он привык спать помногу и долго. Его работа требовала постоянно быть в хорошей форме, недаром он слыл самым стильным ведущим. Но сегодня выспаться явно не удастся. И о тренажёрном зале можно забыть. Вечером прямой эфир, а ещё надо кое-что проверить.

Не то, чтобы он поверил во все эти рассказы Бориса Львовича о заговоре, артефакте и прочей лабуде, но всё же в его словах была какая-то логика. Иллюзорная, но была. Этого материала хватит, чтобы из мухи сделать слона, уж это он умел. Чутьё его ещё никогда не подводило.

- Домой, Игорь Николаевич? – водитель предупредительно открыл дверцу служебной машины и, держа зонт над шефом, нерешительно топтался на месте.

- Нет, Илюш, сейчас не домой. - Игорь пытался собраться с мыслями. – Поехали, по дороге расскажу.

Машина, фыркнув, рванула с места, увозя журналиста в дождливую, промозглую Москву.

От обочины отделился чёрный фургон с матовыми стёклами и, пропустив несколько автомобилей, пристроился сзади, не теряя удаляющуюся машину телевидения из виду.

На низком ночном небе блистали мириады звёзд и дрожащим сиянием отражались в морской воде. И в самом центре этой звёздной паутины, утыканной звёздами, как бисеринками утренней росы, случайным мотыльком, попавшим в гигантскую сеть, замерло крошечное, словно игрушечное, судёнышко.

Ночная прохлада бодрила и окончательно выветривала такой необходимый в этом возрасте сон.

Борис Львович зачарованно переводил взгляд с теряющегося в бесконечности неба на водную, остывающую поверхность.

- Смотри, Володя, как наверху, так и внизу, - не поворачивая головы в сторону как из под земли выросшего помощника, печально произнёс Борис Львович. – Совершенно не различить, где небо, а где вода.

Володя положил локти на фальшборт и тоже посмотрел на звёзды.

- Что, не спится?

- Я уже в том возрасте, когда это нормальное явление. Стою вот, думаю.

С неба сорвалась и медленно скатилась одинокая звезда.

- В старину говорили, это чья-то жизнь закончилась, - с грустью произнёс хозяин. – Когда-то и мы такой же звёздочкой... Но никто этого не заметит.

- Борис Львович, сейчас говорят по-другому. Надо желание загадать.

- Я слышал, если человек говорит, раньше по-другому было, деревья были выше, трава зеленее, значит, он стареет. Ничего не изменилось, Володя. Ни-че-го. Люди не стали лучше, а мир чище. Ты сам успел-то?

- Что?

- Желание загадать?

- Я-то? – Володя ухмыльнулся. – Успел.

- Ну и ладненько! Пусть хоть кому-то станет лучше. Всё, иди спать! Я вот тоже немного постою и тоже, - Лесоводский, прикрыв глаза, смешно захрапел, - забудусь беспокойным старческим сном.

Ночной туман плавно заволакивал водную гладь и, поднимаясь от воды, медленно, клочками таял в прохладном воздухе.

- Борис Львович!

- Чего ещё? – недовольно буркнул хозяин.

- Зачем вы ему всё рассказали?

- Ты имеешь в виду Завадского?

Володя пристально глядя в глаза босса, кивнул.

- А пусть почувствует себя режиссёром в этом театре абсурда, - махнув рукой, наигранно хохотнул Лесоводский.

Помощник не сводил с него глаз, упрямо ожидая более обстоятельного ответа.

Борис Львович надул щёки и затажно выдохнул.

- Понимаешь, Володя, - он вдруг почувствовал, что невероятно устал, - с моим народом однажды уже произошла Катастрофа. Я не хочу, чтобы это повторилось.

- И вы серьёзно думаете, что это может случиться?

- Я не думаю. Я знаю. Как же я устал, Володя! От всего устал.

- А давайте я вам таблеточку дам, - оживился помощник. – Заснёте, как младенец!

- Ох, не люблю я всей этой химии, - поморщился хозяин.

- Да они натуральные, на травках, - захолопал Володя бесцветными глазками с белёсыми, словно выцветшими, ресницами.

- Ну, если только на травках... Давай, неси свою отраву.

Если бы он только знал, как недалёк был от истины в этот момент.

Лёжа в своей огромной мягкой кровати, Борис Львович ворочался с боку на бок, пытаясь заснуть. Невероятное одиночество вдруг накатило на него, вызывая колющие в самое сердце воспоминания. Лица, бывшие когда-то родными, друзья, которых почти не осталось, обрывки забытого прошлого, смешиваясь с несуществующим, неведь откуда взявшимся, чередой сменяли друг друга, как кадры документальной хроники, заставляя всё быстрее стучать сердце. Боль становилась всё сильнее и сильнее, в горле пересохло.

- Вот ведь, не действует, чёртова таблетка, - рассердился он и потянулся к стоящему на прикроватной тумбочке высокому стакану с водой. Не дотянувшись, слабеющие пальцы скользнули по прохладному стеклу и тут, сквозь невыносимую боль, пронзившую всё

тело, он услышал звук заведённого лодочного мотора. Звук стихал по мере удаления от яхты, пока окончательно не исчез, потонув в оглушительном свисте в голове.

Душа отлетела быстро в тот момент, когда упавший стакан разлетелся на тысячи осколков и освободившаяся влага бурным пятном растеклась по дорожному ворсистому ковру.

Вырвавшись на свободу, мятежный дух ещё долго беспокойно метался над тёмными волнами, не понимая, что произошло. То, что ещё совсем недавно было его обителью в этом бренном мире, никак не давало покоя и манило, притягивало к себе, хотя трудно было поверить, что это несимпатичное, грузное тело, нелепо свесившееся с массивной кровати, ещё совсем недавно было тюрьмой, сковавшей его на долгие мучительные годы.

Глава 9

Весь следующий день Дино не находил себе места. Потрясение, которое он испытал накануне немного улеглось и ему на смену пришло удивление, приправленное доброй порцией любопытства. Гораздо легче было забыть эту средневековую чертовщину, отмахнуться, ведь объяснения этому феномену с научной точки зрения он не находил. Оставалось одно — признать, что без вмешательства сверхъестественных сил здесь не обошлось? Каким-то образом, с помощью необычных, недостижимых обычным людям органов чувств, люди, подобные мадам, могут приоткрывать двери в неведомый мир и видеть невидимое. Какие же силы тогда стоят за этим? Людям свойственно бояться и отвергать всё, что неизвестно и неисследованно, но одна только мысль, что человеком управляют силы, гораздо более могущественные, а он сам является лишь мельчайшей частицей этого мира, была невыносима.

Утро выдалось спокойное. И без того немногочисленные посетители из числа прикормленных приспешников толстосумов, стремящихся к власти накануне выборов, жадно ракапывали информацию, компромат на конкурентов, пыхтели над предвыборными программами для своих хозяев и почти не мешали ему. Он же лихорадочно штудировал книги, справочники, что-то сравнивал. И чем глубже он вникал в суть этого необычайного явления, пытаясь найти хотя бы какое-нибудь рациональное

зерно, тем ошеломительнее были откровения, что ему открывались. К своему величайшему изумлению обнаружил, что по различным оценкам, насчитывается до 20 млн. людей, постоянно участвующих в спиритических сеансах и такого рода феноменами не гнушались и великие мира сего — Бутлеров, Вагнер, Аксаков, Менделеев и даже автор романов о Шерлоке Холмсе — Артур Конан Дойл. Если существует некая духовная связь с этими невидимыми сущностями, то получается, что загробная жизнь существует на самом деле? Неужели и вправду возможно проникнуть в беспредельность «потустороннего» мира и связаться с его обитателями? Но это уж точно не вписывается ни в какие рамки!

- Динка! – Дино обернулся. Его чуть не сбил с ног какой-то расфуфыренный усатый очкарик. Дино не успел опомниться, как тот уже, обхватив ногами, повис на нём.

- Дин! Яп-понский бог! Как я рад тебя видеть! – верещал очкарик.

И, видя, что Дино не разделяет с ним радости встречи, заглянул ему в глаза. – Ты что, не узнаёшь, что ли?

- Нет, - искренне ответил Дино.

- Очкарик медленно сполз с него и, как психиатр, пощёлкал пальцами перед глазами.

- Снегин, ты в нормуле?

- Извините, но я, правда, вас не узнаю.

Франт расхохотался.

- А, я понял! – Он похлопал Дино по плечу и жестом фокусника сдёрнул со своего лица бутафорские очки с усиками. – Оп-ля! А так? В аэропорту купил. Для неузнаваемости. Слава, сам понимаешь... И смотри-ка, действует! Всего-то пара элементов и даже близкие друзья не узнают.

Дино смотрел на него, по-прежнему ничего не понимая.

- Динка, ну хватит! Это же я – Гарик. Игорь Завадский.

И, видя, что Снегин действительно его не узнаёт, забеспокоился:

- Ты что, головой стукнулся, Аденоид?

Это была школьная кличка Дино, так его называли только самые близкие друзья, неужели он и этого не помнит?

Дино растерялся. Он не знал как себя вести.

- Что, и “Дикая собака Динка” тоже не помнишь? – Игоря стал раздражать этот спектакль.

- Послушайте, - начал Дино.

- Ну, хватит, Дин! - обиделся Игорь и зачастил привычной скороговоркой: - Я понимаю, что тебе тоже очень не нравится, что я делаю. Перемывать чужое грязное бельё в эфире, у всех на глазах противоречит твоим моральным принципам. Мне самому иной раз это противно. Но это не значит, что близкие друзья должны отворачиваться от меня. Работа имеет свои побочные явления, это я понимаю. Но мухи, как говорится, отдельно, котлеты отдельно. И то, что я делаю, тоже имеет свои плоды. Рейтинги, имя, деньги, наконец! Но я совершенно не намерен жертвовать старой дружбой. В отличие от некоторых, - и он многозначительно посмотрел на растерянного Дино.

- Динка, да что с тобой? – недоумевал Игорь. – Ну, подумаешь, лет десять не виделись, но это же не повод...

“Вот она, спасительная ниточка!” – наконец сообразил Дино.

- Ой, здравствуйте, Игорь! – проходившая мимо женщина всплеснула руками. – А я смотрю, вы или не вы!

Оба дружно повернули головы в сторону невысокой пухлой библиотекарши на коротких ножках, туго перетянутой пополам, словно сарделька, поясом юбки.

- Здравствуйте, Бронислава Яковлевна, - Дино учтиво поклонился.

- Здравствуйте, Диночка, - она продолжала с умиленной улыбкой смотреть на Завадского. – Игорь, мне так неловко, но не могли бы вы дать автограф. Не мне! Я уже вышла из этого возраста. Дочке моей, она вас обожает.

Завадский нацепил одну из своих дежурных обаятельнейших улыбок и, достав откуда-то из глубин шикарного пиджака пачку своих же фотографий, размашисто надписал одну из них и вручил светящейся от счастья сардельке. Она кокетливо рассыпалась словами благодарности и удалилась, оставив после себя стойкий запах дешёвых духов.

- Блин, как на нашу географичку похожа. У вас тут все такие мымыры?

Дино, стоявший до этого истуканом, вдруг схватил Игоря за локоть. Протащив его через весь читальный зал, не обращая внимания на удивлённо приподнявших головы посетителей, впихнул в дверной проём хранилища и усадил на стул.

Завадский всю дорогу дурашливо сопротивлялся и бубнил, не переставая:

- Снегин, я, конечно, понимаю твои эмоции. Радость встречи переполняет твоё букинистическое сердце, но не надо так откровенно это демонстрировать. Что подумают люди? К моей неподмоченной репутации ещё не доставало недвусмысленных намёков на мою нетрадиционную сексуальную ориентацию. Хотя подмочить тебе её всё-равно не удастся, я, дабы тебе было известно, слышу непоколебимым любителем женского пола. И это у нас, заметь, взаимно.

Игорь откровенно веселился.

- Смотри-ка, и не изменился совсем, только очки эти дурацкие нацепил. Очкарик, засунул в жопу шарик! Хоть бы линзы вставил. Вот ты хоть помнишь, какого цвета у меня глаза

были? А такого цвета глаз, как у меня сейчас даже в природе не существует. Девчонки тащатся!

Дино несколько раз пытался остановить эту словесную тираду, но Завадского несло так, что это было бесполезно.

- Игорь, остановись!

- Что вы говорите! – он театрально всплеснул руками, вальяжно развалившись на стуле. – Нас вспомнили, наконец!

- Игорь, послушай, я тебя правда не помню. И эту, Брониславу Яковлевну нашу не помню.

- Фиру Моисеевну.

- Что?

- Нашу географичку звали Фира Моисеевна.

- Не важно! Нет, это, конечно, важно, но гораздо серьезнее то, что я ничего этого не помню.

Тут уж растерялся Завадский.

- Ты что, серьезно? Вообще ничего? Как белый лист, да?

- Не совсем. Что-то, как в дымке, туманно, даже разглядеть невозможно. Что-то чётче, но как-то безлико, урывками, в одну линию не выстроишь. Есть, правда, яркие воспоминания...

- Ну вот, цепляйся за них, раскручивай! – пытаюсь помочь другу, посоветовал Игорь.

- Да пытался! Даже ездил туда.

- И что?

- Ничего. Там меня никто не помнит.

- Не понял, - у Завадского округлились глаза.

- Да я сам ничего не понимаю. Приехал я в этот монастырь...

- Снегин, ты что монахом заделался? – хихикнул Игорь. – С тебя станется.

- Да я точно помню, что в монастыре жил. И настоятеля, и братьев помню. И дворик, и сад. Липы как раз цвели и гудят от многомиллионных пчёл. Воздух сладкий, густой и тягучий как мёд, аж голова кружится. Пчёлы слетаются, братья мёд собирают. Картинка чёткая такая, ясная.

Пришёл я туда, иду по липовой аллее, всё знакомое, куда идти – знаю. Поднимаюсь по лестнице к настоятелю. А он не то, что не помнит – понятия не имеет, кто я такой.

- Ни фиги себе! – открыл рот Завадский и смотрел на Дино, как на диковинку. – Слушай, вот у меня на передаче тоже таких вот дуриков, - вырвалось у него, - ой, извини! Так вот с ними доктора поработали, по телевизору показали и всё!

- Что всё?

- Родственники нашлись. А память потихоньку восстанавливается. Может, специалистам показаться? У меня есть.

- Да поработали уже! У нас свои специалисты, видишь, какая система?

- Да уж, - Завадский огляделся. – Книжно-червячная у вас тут система. Или синечулочная. Видел вон, - он кивнул головой в сторону воображаемой Брониславы Яковлевны. – Слушай, а как ты работаешь, без памяти-то?

- Да в том-то и дело, что касается работы и знаний, всё это не стёрлось. Даже наоборот.

Дино и сам не мог этого объяснить. Да и как понять, что взяв в руки книгу или фотографию, с удивлением для себя он открывал, как из глубин подсознания вдруг возникали и постепенно проявлялись, как в ванночке с проявителем, ожившие картинки давно происходивших событий. Так же, как и не мог контролировать их. Они, это видения, вспыхивали непроизвольно, но, исчезая, оставляли в удивлённой памяти отпечаток со всеми мельчайшими деталями. Он не мог с точностью сказать, происходило это на самом деле и он каким-то непостижимым образом становился невольным наблюдателем, подсматривал за жизнью чужих людей или всё это был лишь плод его воображения.

Может, он и вправду стукнулся головой, прав Завадский? И от удара завертелись, заскрипели неведомые пружины, запустился механизм, раздвигающий таинственный занавес, обнажая костюмированное действие многолетней давности? Если это так, то какие же ещё секреты хранятся там, в глубине?

- Что, - продолжал допрос Игорь, - и Трепло не помнишь? Гришку нашего Отрепьева?

- Лжедмитрия? - неуверенно предположил Дино.

- Дааа... тяжёлый случай, - Игорь протёр глаза – усталость и недосып давали о себе знать, как бы он ни храбрился. – Конечно, хорошо, что я здесь тебя встретил. Нет, ты не подумай, я рад. Правда, очень рад! – он положил свою ладонь на руку Дино. – Но есть у меня одно дельце. Надо кое-что проверить.

- Ну, выкладывай своё дельце.

- Понимаешь, я вчера встретился с одним чеком...

- С кем? – не понял Дино.

- С чеком. С человеком. Только никто так сейчас не говорит. Ты чего, Снегин, замшел, как пень в этой норе? Нулевые на дворе и выражаться нужно согласно нашему продвинутому времени. С чеком, с кренделем, с перцем. Ничего, - он снисходительно улыбнулся, - мы с тобой ещё наверстаем упущенное. Восстановим, так сказать, пробелы в твоём развитии, ископаемое. – И, посмотрев на часы, протараторил: - Всё, всё, всё, давай о деле! У меня времени в обрез. Короче, мне нужны все материалы о некоем Дарченко и, в частности, о его экспедиции на Кольский полуостров.

- Это не ко мне, это тебе в соседний отдел надо.

Лицо Игоря скорчилось в просительной гримасе.

- Хорошо, пойду челом бить к Брониславе Яковлевне, - послушно произнёс архивариус.

– Только...

- Дин, - взмолился Завадский, - у меня нет времени. Давай-давай.

Дино махнул рукой. Бог с ней, с этой бюрократией, надо же помочь свежееобъявившемуся другу.

Глаза слипались. Игорь сам не заметил, как задремал.

- Вот, - вывел его из забытья голос. Перед ним стоял смущённый Дино и протягивал тоненькую коричневую папку.

- И это всё? – удивился Завадский. Он был уверен, что придётся столкнуться с томами уголовного дела, допросов и отчётов по экспедиции.

- Вроде как остальные документы сожгли, когда немцы к Москве подходили, - честно выложил Дино всё, что удалось узнать.

- Ты уверен? – недоверчиво спросил Завадский. – А то знаю я вашу систему.

- А ты в чём-нибудь сам уверен в наше время?

Игорь вспомнил ночной разговор на яхте. Если до этого он и был в чём-то уверен, то сегодня всё казалось иначе. Всё, что до этого казалось незыблемым, крепко стоящим на ногах, могло исчезнуть и превратиться в прах. Даже в театре, под слоем грима, престарелая травести смешна и омерзительна и ей быстро находят замену. Сегодня ты поймал свою волну, летишь, разбрасывая брызги своего обаяния, подставив лицо опьяняющему бризу славы. А назавтра, сбитый вымпельным ветром свалишься с гребня волны, с шумом и брызгами, летящими во все стороны. А всенародная любовь, ещё недавно бывшая такой кричащей и навязчивой, как молоденькая фанатка, разворачивается спиной и удаляется к другому объекту страсти. А то ведь может ещё и ноги вытереть да плюнуть сверху!

Ох, как ему хотелось, чтобы весь этот бред с красным оккультизмом именно им и оказался. Чушь собачьей! Но журналистское любопытство брало верх. Приходит новое время, вознося новых героев. Молодёжь напирает сзади. Как там у Чехова, “задние тоже хотят”? Нет, Завадский, уж эту возможность ты не упустишь! Попал на гребень волны, попробуй здесь и закрепиться!

Ты постоянно должен быть на виду, - говорила его наставница, главный редактор, - постоянно привлекать к себе внимание. Неважно, скандальными романами или дурно пахнущими сплетнями.

Уж он-то сумеет раздуть из этого сенсацию, даже если её здесь и нет, и его имя навсегда войдёт в журналистские скрижали всего мира.

- Ты прав, - согласился он, - может, этого и достаточно. Всё, я пошёл, - он спрятал папку под пиджак и, придерживая её одной рукой протянул другую для прощального рукопожатия.

- Ты что? – Дино опешил. – Куда пошёл, ты посмотри на гриф. Это же секретные документы!

Он усадил растроившегося Завадского снова на стул. – Читай здесь! Я и так делаю больше, чем положено.

- Да я думал – дома, на досуге, всю ночь же не спал, - оправдывался Гарик.

- Здесь, я сказал, - отрезал Дино.

Завадский тяжело вздохнул, открыл папку и попытался сосредоточиться.

Со старинной, плохо сохранившейся фотографии, смотрели из прошлого угрюмые, уставшие люди. Лиц не различить, но восточные скулы, приплюснутые носы выдавали в них жителей Севера. А если присмотреться, можно увидеть некоторое сходство стоящего слева высокого полноватого человека в гимнастёрке и тем же лицом, только гораздо старше и полнее, в скудном личном деле. Та же небритость, седой ёжик волос и очки круглой оправе.

- Смотри, Снегин, - воскликнул Завадский и хихикнул, - очки-то как у тебя! Один в один!

Он оглянулся. Дино нигде не было видно.

Игорь пробежал глазами личное дело Дарченко, записанное корявым размашистым почерком.

- Так, родился, - Завадский пробежал глазами несущественные по его мнению места, выискивая только самую суть. - Профессор, занимается изысканиями в области древней науки, поддерживает связь с членами масонской ложи. Ого! Со специалистами по развитию науки в Тибете. На провакационные вопросы с целью выяснения мнения о Советском государстве, вёл себя лояльно. Работал в лаборатории при Институте Мозга. Надо же, название-то какое придумали! Расстрелян в 1937. Не густо.

Ни отчётов об экспедиции, ни протоколов допроса, ничего из того, что он так ожидал увидеть, не было и в помине.

Да была ли она вообще, эта бредовая эжкспедиция? Вот ведь любят у нас создавать секреты там, где их не существует.

Он перелистал содержимое папки ещё раз и вдруг наткнулся на еле заметную, сложенную в несколько раз и пожелтевшую от времени вырезку из газеты. Он развернул клочок. Статья оказалась на английском языке и содержала только интервью чудом спасшегося от репрессий, вовремя сбежавшего на Запад, участника той злополучной экспедиции.

“Мы открыли следы очень древней цивилизации, и это, несомненно, была затонувшая в доисторические времена Гиперборея, легенды о которой существуют практически у всех народов Евразии. Среди безлюдных лапландских сопек мы обнаружили впечатляющие памятники практической магии и получили неопровержимые доказательства того, что местные шаманы являлись последними жрецами этой таинственной цивилизации. Плоды нашей экспедиции в течение длительного времени с успехом использовало высшее советское руководство и именно нам Советская власть обязана своими поистине сногшибательными успехами во внутренней и внешней политике, и это красноречиво подтверждено тем фактом, что впоследствии практически все участники экспедиции и пославшее нас руководство ВЧК и Института по изучению мозга были уничтожены, когда Сталину потребовалось скрыть источники своей силы”.

Ничего себе! Ни больше ни меньше! Получай, Завадский. Даже не между строк, а открытым текстом! Прав, значит, был Борис Львович.

Далее шли хвалебные отзывы:

“Проф. Дарченко открыл остатки древнейших культур, относящихся к периоду, древнейшему, чем эпоха зарождения египетской цивилизации”.

И в самом конце шли, переведённые на английский, выдержки из почти не сохранившегося дневника астрофизика Кондуллайна, который тоже участвовал в экспедиции:

“ На белом, как бы расчищенном фоне, напоминающем расчищенное место на скале, в Мотовской губе выделяется гигантская фигура, напоминающая темными своими контурами человека. Мотовская губа поразительно, грандиозно красива. Надо себе представить узкий коридор версты 2-3 шириной, ограниченный справа и слева

гигантскими отвесными скалами, до 1 версты высотой. Перешеек между этими горами, которым оканчивается губа, порос чудесным лесом, елью - роскошной, стройной, высокой, до 5-6 сажень, густой, типа таежной ели. Кругом горы. Осень разукрасила склоны попеременно с лиственницами пятнами серо-зеленого цвета, яркими кущами берез, осин, ольхи."*

"Солнце освещало яркую картину северной осени. На берегу стояли 2 вежи, в которых живут лопари, выселяющиеся на промысел с погоста. Их всего, как на Ловозере, так и на Сейдозере, около 15 человек. Нас, как всегда, радушно приняли, угостили сухой и вареной рыбой. После еды завязался интересный разговор. По всем признакам мы попали в самую живую среду седой жизни. Лопари вполне дети природы. Дивно соединяют в себе христианскую веру и поверья старины. Слышанные нами легенды среди них живут яркой жизнью. Старика они боятся и почитают."

"Об оленьих рогах боятся и говорить. Женщинам нельзя даже выходить на остров - не любят рога. Вообще же они боятся выдавать свои тайны и говорят с большой неохотой о своих святынях, отговариваясь незнанием. Тут живет старая колдунья, жена колдуна, умершего лет 15 назад, брат которого, до сих пор еще глубокий старик, поет и шаманствует на Умб-озере. Об умевшем старике Данилове говорят с почтением и страхом, что он мог лечить болезни, насылать порчу, отпускать погоду, но сам он однажды взял задаток у шведов (вернее, чуди) за оленей, надул покупателей, т. е. оказался, по-видимому, более сильным колдуном, наслав на них сумасшествие."

"Вечером после краткого отдыха пошел на Сейдозеро. К сожалению, мы пришли туда уже после захода солнца. Гигантские ущелья были закрыты синей мглой. Очертания Старика выделяются на белом фоне горы. К озеру через тайболу ведет роскошная тропа. Везде широкая проезжая дорога, кажется даже, что она мощеная. В конце дороги находится небольшое возвышение. Все говорит о том, что в глубокой древности роща эта была заповедной и возвышение в конце дороги служило как бы алтарем-жертвенником перед Стариком".

Стоп! Завадский удивлённо уставился на листок. А при чём тут астрофизик? Неужели, чтобы изучать непонятную, даже самую немыслимую болезнь, нужен астроном? Он ещё раз жадно пробежал глазами текст.

И если только это не дешёвый трюк жёлток газетёнки, ушлой до разного рода сенсаций, то получается...

Игорь повертел в руках вырезку и, обнаружив с обратной стороны, в самом низу дату выхода газеты, задумался.

Вряд ли в послевоенное время стали заниматься такими газетными утками. Тем более, что как показало время, сенсации не получилось. Так, утечка информации, которой не дали раздуться. Вот ведь, воистину, великие открытия делаются на кончике пера, сидя в библиотечных стенах. Или в секретных архивах. Не зря, не зря пришёл.

- Ну и что ты тут разобрал? - из-за его плеча выглянул Дино и с интересом рассматривал жёлтый листок.

Завадский вздрогнул от неожиданности.

- Фу, дурак! Я чуть инфаркт не получил! На, читай.

- Да ты что, - сконфузился Дино, - английский я только со словарём.

- Эх, деревня! Языки учить надо. Это всегда пригодится.

- Извините, виноват. Из деревни — быковат, - Дино шутливо поклонился и вдруг заметил фотографию.

- О, узнаю! Ты вернулся к жизни, брат мой «Дикая Собака Динка»? - начал кривляться, как когда-то в детстве, Гарик.

- Ого, старая какая, - Дино протянул руку за фотографией.

- Эй, - остановил его Завадский. - куда грязными руками!

Дино отдёргнул руку.

- Это что, кровь?

Игорь брезгливо смотрел на уже подсохшую бурую струйку, вытекающую из-под пластыря. Мучительное, томительное ощущение тошноты подступило к горлу. От вида крови его мутило и становилось дурно, как тургеневской барышне.

В глазах Дино было искреннее недоумение.

- Я не знаю.

- На, вытри, - Гарик вынул из кармана белоснежный выглаженный носовой платок. - Порезался, что ли?

- Да я правда не знаю! - и робко предположил: - Может, о стеллажи?

- Ага, ещё скажи, что стеллаж тебе и первую помощь оказал. Ну ты, Снегин, точно стукнутый.

Дино на всякий случай обмотал платком запястье и Завадский сунул ему фотографию прямо в забинтованную руку.

- Вот теперь смотри! Историк, блин.

Дино растерянно смотрел на застывшую картинку. Высокий человек в окружении людей с размытыми лицами. Кто они, карелы? Угорцы? Непонятно.

И вдруг, словно в мыльном пузыре, изображение дёрнулось, начало менять свои очертания, расплываться и исчезать. А где-то в голове, на внезапно возникшем внутреннем экране увлекла в себя, затянула ожившая, словно кадры кинохроники, картинка, одновременно видимая и изнутри и снаружи.

Старуха низко склонилась над его лицом.

- Для этого ты должен получить разрешение.

Дино казалось, что он умирает. Боль сжала сердце. В груди пекло. Он задыхался под накрывшем их вместе с шаманкой, одеялом.

- Зачем? - прошептал он.

Она сорвала с него рубаху, полоснула грудь острым искривлённым ножом и зашептала.

- Александру нельзя туда без разрешения Стариков. Александр должен быть сильным. Я сделаю так, что сильным будешь. Здоровым будешь. И пройдёшь в подземелья, где чужь до времени схоронилась.

Пока сочилась кровь, шаманка нашёптывала заклинания, а перед глазами Дино проплывали таинственные пирамиды, заросшие буйной растительностью, гигантские человеческие фигуры, выжженные на скалах над водной гладью зеркального озера, мощёная древняя дорога, развалины древней обсерватории, каменное изваяние цветка-лотоса, какие-то люди и он сам. Только в теле чьём-то чужом, тяжёлом и непривычном. С той старинной фотографии. На дальней стороне озера, там где сходятся вместе, напоминающие своим видом женские груди, две сопки, на самом краю бездонной расщелины осветилась, окружённая сиянием, подобным северному, вожделенная пещера, похожая на замурованный склеп.

- Это вход в Шамбалу! Я нашёл его.

Левую щёку обожгло, как огнём. Дино вздрогнул и открыл глаза.

- Ты что, Снегин?

Перед ним стоял бледный взъерошенный Гарик. Он так и остался стоять с занесённой для пощёчины рукой.

- Куда тебя унесло?

- Бред какой-то!

Дино глотнул воздуха и погладил левую сторону груди.

- Что, что ты видел?

- Экспедицию видел. Этого, - он кивнул головой на фотографию.

- Ни фигасе! - обомлел Завадский. - Как это у тебя так? Ты что, экстрасенс?

- Не знаю, - пожал Дино плечами. Он и сам не мог понять, как это у него получилось.

- А что ещё видел?

- Всё видел. Петроглифы...

- Чего?

- Петроглифы, буквы, высеченные на камнях. Огромный старик на скале, только вот..., - Дино помолчал, раздумывая, стоит дальше говорить или нет. - Выкинули меня оттуда. Словно блокирует кто-то информацию.

Тень сомнения пробежала в голове Игоря. У него начало складывалось впечатление, что все, кто приближался к этой странной истории, в которую посвятил его вышедший в тираж политик, потихоньку трогаются умом.

- Что-то ещё успел увидеть? – на всякий случай поинтересовался он.

- Они искали вход.

- Какой вход, Дино? Куда? Что из тебя всё щипцами приходится вытаскивать!

- Вход под землю. Место это необыкновенное. Такие места ещё называют местами силы. Что-то там есть, глубоко под землёй. Я не знаю, Игорь! - взмолился Дино.

Тут Гарик немного занервничал.

- И что, нашли?

- По-моему, нашли.

У Игоря сжало дыхание, но он старался не выдать волнения.

- По твоему или точно нашли, Снегин? А что-то очень важное, мумию, я не знаю, ещё какую хрень, такую, что мир может перевернуть?

Дино помахал головой.

- Ты уверен?

- Я бы видел.

* Здесь и далее используются сохранившиеся отрывки из дневника Александра Кондиайна, участника лапландской экспедиции, геофизика и астронома, впервые опубликованные в книге Демина В.Н. - «Загадки русского Севера».

Глава 10

Утром Праскева впервые проснулась от головной боли. Не открывая глаз, она лежала и прислушивалась к таким новым для неё ощущениям. В висках стучало и мириады раскалённых обжигающих молний впивались в мозг, пытаясь пробиться наружу. Похоже, иногда им это удавалось. Ей показалось, что один глаз набух и раздулся. Осторожно приоткрыв его, она почувствовала как на тонкую сплюсненную подушку потекла тёплая влага.

Где-то над самой крышей дома раздалось хриплое карканье. Стая растревоженного воронья шумно похлопав крыльями и ещё немного покрячав, так же неожиданно угомонилась.

- Ишь, раскаркались тут, - пробурчала Праскева. – Каркайте, каркайте, на свои же головы и накаркаете.

Нехорошее предчувствие, чуть зародившись, потонуло в новом потоке боли.

Монотонная и тупая, она становилась невыносимой. На всякий случай Праскева прошептала про себя заговор от боли, хотя знала, что не подействует. Вот так всю жизнь другим помогала, а сама оказалась беззащитной перед хворью. От себя-то её не отведёшь. Может, таблетку какую, да только где же её взять, лекарств в этом доме отродясь не было.

На секунду стало полегче, но через мгновение женщина снова схватилась за голову.

Казалось, вся боль, что от людей отводила, решила отомстить и, поселившись в голове, тыкала раскалёнными цыганскими иглами.

С трудом встав с постели, она прошлёпала на кухню, намочила водой полотенце и обмотала вокруг головы, пытаясь затушить мучительный пожар.

- Ох, не к добру это! Хотя, с какой стороны посмотреть, боль-то она очищает. Устала я, подзадержалась здесь. Забыл про меня Господь, никак не приберёт, - думала про себя Праскева.

- Зато люди не забывают. Нужна, стал быть, людям. Надо бы глянуть, что с глазом. А то неприлично в таком виде людей встречать.

Да как посмотришь, все зеркала в своём доме она уничтожила лет сорок назад. Придётся наверх идти.

Она нехотя, как была, в ночной сорочке, одной рукой придерживая влажный тюрбан на голове, поднялась по деревянной лестнице и очутилась в просторной душевной комнате. Утренний свет робко лился сквозь узорные, покрытые цветными стёклами, окна и расплывался на дощатом полу разноцветными пятнами, запутывался в там и тут свисающих с потолка гирляндах увядающих трав и цветов.

Дивный целительный аромат свежесрезанной зелени струился в воздухе и приятно щекотил ноздри. Женщина непроизвольно, скорее, по привычке, потянула носом и, как собака расщепляет запах на миллионы тончайших оттенков, заострённый нюх различил вдруг среди сотен пахучих различий еле уловимый душок гнили.

Никогда прежде такого у неё не случилось. Всё подсыхало ровно и в срок.

“Нехорошо, надо бы плоды перебрать”, - машинально отметила про себя.

В другой раз она тут же бросилась бы отделять от драгоценных сборов гиблый зачаток, но сейчас было не до этого.

Осторожно переступая через расстеленные газеты, на которых сушились разложенные пучки трав, аккуратно, листик к листику, цветок к цветку отлёживались, набирали силу сборы лекарственных растений, которые потом, путём незатейливых манипуляций и

мудрёных смешиваний превращались во всевозможные зелья, снадобья и эликсиры, Праскева прошла в самый угол благоухающей комнаты. На деревянной треноге, незаметно притаившейся за чередой ниспадающих стеблей, сквозь ажурную, с блеском, ткань просматривалась массивная позолоченная рама.

Праскева медленно потянула покрывало, за которым блеснула серебристая зеркальная поверхность.

Из зеркала на неё смотрела древняя сгорбленная старуха.

Глава 11

- Диночка, можно я у тебя яблочко украду?

Бронислава Яковлевна потянулась к тарелке с фруктами.

Дино с трудом втиснулся в уютное кресло за крошечным столиком, зажатый со всех сторон рядами компьютеров, принтеров и коробками с Бог весть ещё какой оргтехникой. Скромное помещение, бывшее ещё недавно комнатой отдыха для сотрудников походило теперь чуть ли не respectable офис со всеми предполагающимися для этого современными атрибутами. И только потрёпанный атлас мира годов этак 80-х косо висел на стене, постоянно норовил съехать, кренился и напоминал о былом краснеющим величием 1/6 части суши. Наконец-то прогресс докатился и до них! Новые времена приносят новые веяния и на смену рутинной бумажной работе пришли странные слова 'оцифровка', базы данных, электронные каталоги. Что это - Дино смутно себе представлял и пока предпочитал работать по старинке, по бумажным каталогам, в отличие от Брониславы Яковлевны, которая, несмотря на свой возраст, пыталась учиться, стуча по клавиатуре двумя пальцами, извлекать из недр этих монстров нужную информацию.

- Да берите хоть всё, - Дино протянул ей тарелку. - Может, пообедаете со мной?

- Заманчивое предложение, - архивистка кокетливо скосила глазки и тут же её лицо приняло озабоченное выражение. - Диночка, ты не подменишь меня? Мне убежать срочно надо, а день сегодня, ты же видишь, не особенно напряжённый...

- Нет проблем, Бронислава Яковлевна!

- Спасибо, Диночка, тебе делать-то особенно ничего не придётся, - пятясь к двери тараторила женщина, на ходу с хрустом откусила яблоко и скрылась в проёме двери.

Дино вздохнул и включил старенький телевизор. Обедать опять придётся в одиночестве и смотреть, конечно же, нечего. Предвыборная гонка съедала половину эфира, заставляя людей, даже глубоко равнодушных к политике, окунаться в гущу суетливых событий, хотелось им этого или нет. Вот и сейчас холёный депутат красиво говорил что-то о национальной идее и славянских корнях. Дино взял с блюда ароматный мандарин, сглатывая слюну, очистил. Сок брызнул из-под пальцев, когда он разламывал его пополам и комната наполнилась щемящим праздничным запахом Нового года. Дино с аппетитом отправил одну дольку в рот и зажмурился от удовольствия. Урман, один из сотрудников, всегда баловал его витаминами. Даже зимой на столе у Дино не переводились свежие фрукты или овощи, ягоды или цитрусовые, это при том, что редко кто видел старика, выходящим из архива и тем более разъезжающим на своей инвалидной коляске по магазинам. Он привязался к Дино, наверное, потому, что был так же одинок. Кроме фруктов среди предупредительно расставленных приборов на столе, где обычно обедал Дино, стоял тёплый пластиковый тетрапакет, от которого исходил божественным запахом.

... драгоценности на 3 миллиона царских рублей, коллекция оружия, скульптуры и посуда от Фаберже, наградные венки и кубки балерины и, возможно, ценности её мужа, Великого князя. В пересчёте на современный курс - не менее 200 миллионов долларов, - долетали из телевизора обрывки фраз.

Дино замер, не успев открыть крышку с пакета с едой и сделал погромче.

- Я глубоко уверен, - спокойным поставленным голосом расписывал депутат, - что рано или поздно, несмотря на препоны и рогатки, которые ставят музейные работники, мне удастся найти клад троюродной бабушки Амалии Гнежинской.

Дино присвистнул. Так вот, оказывается, ради кого старалась Лиза!

Камера то наезжала на депутата, показывая ухоженное моложавое лицо крупным планом, то отъезжала, высвечивая общий план окруживших его людей и репортёров. И вдруг в этой толпе мелькнули знакомые черты.

- Скажите, по закону Вам причитается часть от клада, - вопрошал неугомонный журналист. - Не в этом ли кроется Ваша личная заинтересованность? На что потратите деньги?

- Господин Пындя, - Лиза (а это была, несомненно, она, восхитительно подтянутая, с элегантным белым шарфом на шее - настоящая бизнес-леди), вступила в разговор, - уже заявлял ранее, что отказывается от причитающейся ему части. Все найденные сокровища останутся в собственности государства и он сам, лично, проследит, чтобы они пошли на нужды нашего города. Эта находка может стать лучшим подарком родному городу.

- Власти опасаются, что ваше заявление может вызвать эпидемию кладоискательства, - сыпались вопросы.

- Технология поисков настолько дорогостояща и специфична, что изыскания возможны только на государственном уровне. Так что частников и чёрных археологов просьба не беспокоиться.

Она снисходительно улыбнулась и у Дино зашлось сердце. Как же она потрясающе красива!

- Чёрт! - хлопнул он себя по лбу, он совсем забыл про сегодняшний сеанс. - Она же должна позвонить! Что я ей скажу?

Так и не узнав, что приготовил ему Урман на сегодня, он выбросил нетронутый обед в мусорную корзину и бегом помчался в свой отдел и засел разгадывать странную загадку, которую загадала мадам Белзьё.

'Архивны юноши' написал он на чистом листе бумаги и задумался. Не архивные, а именно архивны как сказала гадалка.

Архивны юноши толпою
На Таню чопорно глядят
И про нее между собою
Неблагосклонно говорят, -

всплыли в памяти пушкинские строки. Но в то время, когда поэт писал 'Евгения Онегина' так называли как и представителей талантливой блестящей московской молодежи, элиты дворянства, которые формально числились в архивах, но занимались своими делами, так и просто начитанных, образованных людей-книголюбов. Получается, что место, в котором будет проходить сеанс это архив или библиотека? Пока совершенно непонятно. Идём дальше. Церковь Николая Явленного. Это ему ни о чем не говорило. Такой церкви он не знал, а, возможно, просто не помнил, что в его положении неудивительно. Эх, жаль, Бронислава Яковлевна, ушла. Уж она-то знает старую Москву, как никто другой. Ну, да ладно, будем разбираться своими силами. И к чему вообще эти загадки, неужели нельзя было просто сказать адрес, - недоумевал Дино.

Он прошёл в читальный зал, где на одном из стеллажей хранились справочник по религиозной архитектуре, по лестнице забрался на самый верх и, найдя нужный том, прочёл:

'Церковь Николая Чудотворца Явленного был символом старого Арбата. Представляла собой большой однокупольный четырехстолпный храм в псевдорусском стиле. Шатровая колокольня оставалась древняя - 2-й пол. XVII в., являлась одним из лучших образцов московских шатровых колоколен. Адрес на 1917 год - Серебряный переулок, 2. Статус - не сохранилась'.

- Ерунда какая-то получается, - подумал Дино. Церкви-то уже нет! Исчезла. Снесена. Разрушена. Это что, шутка такая? Да непохоже, чтобы мадам лукавила.

Он схватил несколько книг в охапку и почти бегом промчался за свой стол. На Арбате жил Пушкин, который и сам причислял себя к этим самым юношам, на Арбате же была и существовавшая когда-то церковь Николая Явленного. Состыковав эти факты, он быстро пробежал по найденным в книге строкам и растерялся окончательно. 'Дом с привидениями'? Что за бред?

- Как поживаете, молодой человек?

Дино вздрогнул.

- Извини, я снова тебя напугал.

Напротив стола, заваленного словарями и энциклопедиями сидел в мудрёном инвалидном кресле достаточно странного вида человек с всклокоченными седыми волосами. Его непривычная внешность казалась даже страшноватой, а на его лице всего было слишком. Слишком широкие скулы. Слишком широкий нос. И даже цвет самого лица был какого-то слишком землистого оттенка. Выражение неморгающих глаз менялось от заинтересованной участливости к собеседнику до животного испуга пресмыкающегося.

Сколько он здесь работал уже не помнил никто. Так же, как и наверное, имени этого человека. Все называли его по фамилии. Просто Урман. Урман был величайшим интеллектуалом и одному Богу известно, сколько он тайн хранил, проработав в закрытом хранилище всю свою жизнь. В подвальном помещении, где он проводил большую часть своего времени в особых условиях, при низкой температуре хранились рукописи. Оттого-то и утеплялся всегда старик и даже немощные ноги прятал под ворсистым пледом. Его побаивались из-за его нелюдимости и странной внешности, а из-за его особенности появляться внезапно ходили легенды. Злые языки поговаривали даже, что он умеет проходить сквозь стены.

- Ты же знаешь, Дин, с тех пор, как японские филантропы подарили мне эту штуковину, - он похлопал коляску по подлокотнику, - я только что не летаю. Хотя, кто знает, - вымученно, как будто это доставляло ему боль, улыбнулся он, - на что она ещё способна.

Коляска, которую и инвалидной язык не повернётся назвать, действительно была необычной. Одним нажатием кнопки спинка кресла вертикально выдвигалась вверх, одновременно приподнимая сиденье, отчего сидящий в ней человек мог не только стоять, но и сделать пару шагов благодаря выезжающим снизу педалям, которые управлялись кнопками на пультах с обеих сторон. Кнопки сияли, переливались разными цветами, как в китайской игрушке и, по мановению пальцев, в зависимости от желания владельца, запускали регуляторы подогрева или охлаждения и даже предмет зависти более молодых коллег - портативный компьютер, с которым Урман мастерски управлялся.

Дино как-то поинтересовался, как же работает столь нашпигованное чудо, но старик так долго и туманно изъяснялся о загадочных токах, новейших техногенных разработках, что Дино, так ничего и не поняв, потерял всякий интерес углубляться в неизвестные ему сферы. Он и так сейчас много чего не понимал, не до физики - в себе бы разобраться.

- Ну-с, молодой человек, чем озадачены? Вид какой-то у вас сегодня растерянный, часом не влюбились? - поинтересовался старик как бы между прочим, в своей обычной манере переходить то на покровительственное 'ты', то на уважительно-ироничное 'вы' в общении с Дино. Никто никогда не видел его раздасованным, злым или, наоборот, радостным. Казалось, он вообще был лишён всяческих эмоций. Оттого, что он разговаривал, как рыба, прихлопывая неподвижными губами, речь у него получалась акающая и словно исходящая из горла, как у чревовещателя.

- Влюбился? Да нет, что ты, - задумчиво произнёс Дино. - Ты же знаешь, такие как я не очень нравятся современным женщинам. - Он усмехнулся, - ещё и больной. Загадка тут одна не даёт покоя.

- Ты не больной, - защитил Урман Дино от самого себя.

- Всё относительно, Урман, в этом мире, согласно теории Эйнштейна - сказал Дино печально.

- Ох, уж мне эта бредовая теория! - пробурчал Урман. - Скорее Земля окажется полой внутри, чем она - правдой. Давай, выкладывай свою шараду.

Дино вежливо улыбнулся над странной шуткой и до него вдруг дошло:

'Точно, как же я сразу не сообразил. Если кому-то под силу отгадать этот ребус, то Урман в их числе'.

- Короче говоря, есть ключевые слова, а вот складываться никак не хотят. Надо определить место.

- Так, какие слова?- откуда-то из подлокотника кресла выдвинулся сделанный из того же блестящего материала, что и коляска, кронштейн с предупредительно открывающейся крышкой компьютера.

- Что объединяет Арбат, архивных юношей и церковь Николая Явленного.

Урман начал было быстрыми движениями пальцев набрать на клавиатуре нужные слова и вдруг прервался, медленно поднял глаза, несколько секунд вглядывался в Дино суженными немигающим взглядом и подозрительно спросил:

- Место, которое всё живое в землю утягивает? Зачем тебе это?

- У меня там встреча, - растерялся Дино.

Старик захлопнул крышку.

- Нет этого места! Сгнуло! Во время войны ещё разбомбили.

Урман развернулся на своей коляске и буркнул через плечо, удаляясь в глубь хранилища:

- И не занимайся всякими глупостями!

- Да как же нету! - Дино бросился вслед за ним. - Ведь должно быть! - раздасованно крикнул он вслед.

Но Урмана уже и след простыл. Словно растворился старик.

- Чёрт, летает она, что ли, у него, - пробурчал Дино.

Он снова засел за словари, ещё раз всё перепроверил. Бред, он и есть бред!

И что я скажу Лизе? Что гадалка обвела нас вокруг пальца, напустила тумана для пущей важности, обманула? Как ей объяснить, что место, где должен состояться закрытый сеанс - дом с шестиколонным балконом и высокими окнами, обросший легендами и вымыслами и к которому сходятся все ниточки, где проживали выдающиеся архивисты, рядом с церковью Николая Явленного, не сохранился?

Ему было безумно стыдно, но он решил для себя, что отказываться от свидания с такой женщиной было бы весьма неблагоприятно с его стороны. Лучше банальнейшим образом, на голубом глазу назначить встречу на Арбате, а там действовать по обстоятельствам. Афера, чистой воды афера!

Дино нетерпеливо поглядывал на настенные часы. Время поджимало и опаздывать совершенно не входило в его планы. И Урман, как назло, куда-то запропастился. То появляется в самый неожиданный момент, то исчезает - не найдёшь. А последний посетитель, похоже, уходить не торопился. Он обстоятельно обложился энциклопедиями и увлечённо рассматривал тонкую картонную папку.

Дино снова взглянул на часы.

- Извините? - тихо произнёс он и вдруг с удивлением увидел в руках человека ту же самую папку с грифом секретно, что сегодня изучал Завадский. Что за чертовщина! С чего это вдруг в один день всех сразу заинтересовала загадочная экспедиция Дарченко?

Посетитель оторвал голову от папки и вопросительно посмотрел на архивариуса глазками-буравчиками. Невыразительная внешность и цепкий взгляд выдавали в нём работника силовых ведомств. В этом уж Дино научился разбираться. И тут же промелькнула мысль, лёгкое воспоминание, где он видел это невыразительное тонкое лицо с крупными губами, рыжеватые волосы с залысинами, открывающие высокий лоб и эту напряжённую невесёлую улыбку. Именно этот человек на днях интересовался дневниками Гнежинской. Эта цепочка совпадений в другой раз показалась бы ему весьма странной, но сейчас было не до этого.

- Извините, пожалуйста, но мы уже закрываемся.

- Уже? Да я, вроде, только вникать начал. Вы мне не поможете? Здесь на английском, - и он протянул Дино уже знакомую вырезку из газеты.

- Нет, - слукавил Дино, - я по-английски не очень. Я французский учил.

Силовик вздохнул.

- Я вот тоже только по-немецки. Всё-всё, сворачиваюсь. Привык, понимаешь, что у меня ненормированный рабочий день. Особенно сейчас, - он заговорщицки подмигнул и, поднеся руку к глазам, пристально посмотрел на циферблат. Дино невольно засмотрелся на необычные, массивные и явно дорогие, как ему показалось, часы.

- Обычно у меня тоже ненормированный, но только не сегодня, - оправдывался Дино.

- Понимаю, понимаю. Только один вопрос.

Бесцветный перешёл на шёпот, как будто их мог кто-то услышать.

- Рукописи монаха Авеля случайно не у вас хранятся?

- Я не знаю, это вам в отдел рукописей надо, к Урману. Но я сомневаюсь, что если даже и есть...

- Давай так, - тихо, словно стесняясь, прошептал странный посетитель. От напряжения он крепко сжал челюсти, на скулах выступили желваки мышц. - Узнай, а я тебе позвоню и ты дашь чёткий ответ. Добро?

Дино пожал плечами.

- Вообще-то у нас так не делается.

- Обычно не делается, - незнакомец напряжённо улыбнулся. - Но мы умеем быть благодарными.

Не успел Дино открыть рот, чтобы спросить, кто подразумевается под этим 'мы', как незнакомец стянул с запястья часы и вручил растерявшемуся архивариусу.

- Носи на здоровье!

- Да вы что! - отмахивался Дино.

- Бери, бери! Я же видел, как ты на них смотрел. Подарок, так сказать, за услугу. Как узнаешь - позвони, - и странный человек протянул ему бумажный прямоугольник.

'Владимир Путейцев' - было написано на визитке, а внизу, помельче, непонятное 'куратор УКРОСО'.

Дино почти бегом пересёк читальный зал, пробежал по двухэтажному вестибюлю с каталогами, кубарем скатился по широкой дворцовой лестнице и пулей вылетел из здания архива.

Лиза топталась в мучительном ожидании в одном из ближайших к Арбату проезжих переулков и с нетерпением посматривала по сторонам.

Без пяти минут семь возле топтавшейся в ожидании Лизы, скрипя тормозами, резко остановилась нелепого жёлтого цвета колымага. Дверца распахнулась и из машины прямо к её ногам вывалился Дино.

- Эффектно, - иронично усмехнулась девушка. - Только вот опаздывать к даме на свидание некрасиво.

- Да я знаю, - стушевался Дино. - Неловко получилось, на работе задержали.

- Ну, давай, веди, а то времени совсем не осталось.

Дино замялся.

- Я сейчас всё объясню. Дело в том, что Москву я не помню.

- А я её вообще не знаю, ты же помнишь, надеюсь, что я с другого города?

- Да, да, это я помню, - Дино тянул время, не зная как ей признаться. - Но дело не в этом.

- Значит, не узнал, - вздохнула девушка.

- Нет, нет, узнал, - путался Дино и неуверенно добавил, - вроде.

- Значит, у нас получается просто свидание? - Лиза ничуть не казалась огорчённой.

- Нет, не просто, - обрадовался Дино. - У нас историческое свидание, свидание с историческими местами.

Закатное солнце плавилось в собственных лучах и раскалённой лавой стекало сквозь тяжёлый, неподвижный воздух, отражаясь в пылающих окнах.

Темнеющее небо за спиной Лизы подёрнулось вдруг туманной ряской и Дино показалось на мгновение, что призрачные очертания колокольни церкви замаячили над крышами домов. Он моргнул и странное видение тут же исчезло.

- Да что мы тут стоим, пойдём, я тебе кое-что расскажу.

Они свернули за угол и вышли на Арбат. Дино собирался показать своей спутнице место, где раньше, много лет назад стоял дом, который в народе прозвали Домом с привидениями.

Странный белёсый туман окутал здания и фонари старинной улицы. Праздные зеваки, туристы, художники и музыканты, привычно занимающиеся своими делами, всё покрылось лёгкой пеленой тумана, отчего улица стала походить на сценическую декорацию, подсвеченную вкрадчивым светом софитов.

- Дома номер 14, на который странным образом намекала гадалка, - начал было Дино и тут же осёкся. - его как бы нет. - Машинально закончил он фразу.

Перед ними сквозь прозрачный туманный тюль на зелёной молодой траве скверика вырисовался одноэтажный дом. С десятью окнами, колонным балконом, точь в точь, как на старинной фотографии, сделанной ещё до революции и виденной Дино в справочнике по старой Москве.

- Этого не может быть! - прошептал он.

Лиза, как и многие другие люди, гуляющие вдоль особняка, казалось не замечали всей странности момента.

- Да как же не может, - услышала его шёпот Лиза. - Вот же он. И табличка с номером. Пойдём скорее, мы уже и так опаздываем.

Она схватила оторопевшего Дино за руку и так, держась за руки, они поднялись по ступенькам.

Но вокруг никто этого не заметил.

Дино взялся за старинную, с бронзовой патиной ручку в виде головы льва и в страхе отдернул руку. Кажущаяся твёрдой поверхность зыбко поёжилась, словно побеспокоенное голографическое изображение. Он в недоумении посмотрел на свою спутницу. Но та, удивлённо озираясь по сторонам, вглядывалась в странный туман и не заметила этого. Тогда он осторожно дотронулся до массивной двери. Рука, не почувствовав никакого препятствия, вошла в студенистое пространство.

- Входите, молодые люди, - раздался совсем рядом знакомый голос.

- Ну, чего ты медлишь? - нетерпеливо спросила Лиза и решительно рванула ручку на себя. Дверь открылась как ни в чём не бывало.

С той стороны стояла и приветливо улыбалась мадам Бельзье. Если бы не короткая кожаная курточка из под которой выглядывала белоснежная гофрированная блузка на старинный манер и крупные, отливающие серебром, украшения, её можно было принять за классную даму из института благородных девиц.

- Ещё немного и вы бы не успели, - загадочно произнесла она и, шелестя юбкой, прошествовала вглубь полутёмного помещения.

Дино пропустил Лизу вперёд и украдкой оглянулся. Двери не было! В мерцающем проёме, как за аквариумным стеклом, спокойно прохаживались люди, занятые своими делами. Яркие иностранцы фотографировались на фоне двойника Ленина, туристы торговались с лоточниками за безделицы. Жизнь продолжалась, кипела в привычном ритме на этой базарной лубочной картинке.

На миг ему показалось, что эта плавающая пелена проёма навсегда отделила его от размалёванной реальности, нарисованной кем-то неведомым и предложенной всем этим людям в данность.

Более важное и ценное, но неясное и пугающее, находилось по эту сторону пелены. Нет, страха не было. На душе было спокойно.

Быстрым шагом пройдя по тёмному коридору с угадывающимися силуэтами портретов на гобеленах, Дино вдруг приостановился и с удивлением заметил странную, явно напоминающую какой-то виденный ранее сюжет, картину. Трое мужчин разного возраста с посохами в руках с благоговейным любопытством рассматривают высокое могильное надгробие. Самый юный в задумчивости облокотился на плиту, другой, с курчавой бородой, опустившись на колени, водит пальцем по таинственной надписи и пытается указать что-то очень важное женщине, стоящей в стороне. Одетая в синий хитон с золотой накидкой и покровительственно положив правую руку, она со спокойствием взирает на высеченную на камне фразу. 'Пастухи Аркадии?', - с трепетом подумал Дино. Только вот одеты они более правдоподобнее, каменный 'ящик' имеет немного другую форму, а само изображение было перевёрнутым в другую сторону, словно в зеркале отображающее известное полотно.

- Вас что-то заинтересовало, мой друг? - вкрадчиво спросил мягкий голос. Рядом неожиданно возникла фигура мадам.

- Я никогда не видел этого варианта картины, - восторженно признался Дино. Надо заметить, что истинным ценителем живописи он никогда не был, но именно этот сюжет имел отношение к величайшей загадке последних веков. Тысячи студентов-историков, их преподавателей и попросту авантюристов всего мира, пытались разгадать эту тайну. Не обошло это увлечение и нашего героя.

- А никто и не знает о его существовании. - Белзье стояла, сложив руки на груди и задумчиво вглядывалась в глубину картины. - Время этого полотна ещё не пришло.

Из-за её плеча показалось растерянное личико.

- А что в нём такого... загадочного? - полюбопытствовала Лиза с интересом глядя на картину.

- Пастушка нет соблазна что Пуссен и Тенье хранят ключ мир 681 крестом и этой лошастью Бога я добиваю этого демона хранителя в полдень синих яблок, - медленно продекламировала Белзье.

Лиза, нахмурила брови, пытаясь понять этот бессмысленный набор фраз и озадаченно посмотрела на Дино.

- Понимаешь, эта картина - ключ. Вернее, один из трёх ключей, открывающих потрясающую тайну. Я поражен! Как вы можете скрывать такое сокровище, которое по праву должно принадлежать людям?

- Сокровище? - ещё больше заинтересовалась девушка. - Она дорогая, да?

- Она бесценна! - Дино не находил слов от изумления.

- Не все сокровища, тем более, несущие для них определённую опасность, должны принадлежать людям. Иногда они дожидаются своего часа и открываются самому достойному, - мадам загадочно улыбнулась. - В полдень синих яблок.

- Полдень синих яблок? Как странно звучит, - пожала плечами Лиза. - А что это означает?

- Не знаю, - вздохнула Белзье, - но по семейному преданию, мой прапрадед, который и зашифровал разгадку в этой картине и утверждал, что равного или лучшего достояния на земле нет ни у кого.

- Пуссен, автор картины - ваш прапрадед? - не переставал удивляться Дино.

- По материнской линии, - просто ответила мадам, не отрывая глаз от произведения знаменитого родственника.

- И вам самой не хотелось разгадать тайну сокровищ тамплиеров? - задохнулся Дино.

- А кто вам сказал, что речь идёт о тамплиерах? Возможно, это указывает путь к местонахождению Ковчега Завета, ведь недаром женщина, которая больше похожа на жрицу, нежели на простую пастушку, - она провела ладонью перед картиной, и как гид в художественном салоне описывает заурядную репродукцию, продолжила, - изображена в синем хитоне с жёлтой накидкой. Ведь, как известно, что при перевозке золотой Ковчег укрывали синими кожами. Да и палец этого бородатого пастуха указывает на высеченное слово 'Аркадия'. Возможно, эти четыре фигуры соответствуют первым четырём буквам

этого слова? 'Арка' - одно из значений слова Ковчег на латыни, - она вопросительно посмотрела на ошалевшего от такой версии архивариуса.

- А быть может, - мадам многозначительным взглядом посмотрела через плечо на девушку, которая удивлённо раскрыв рот, таращила глаза попеременно то на удивительную картину, прятанную в себе всемирную тайну, то на мадам, так просто к этим тайнам относящуюся, - ни о том, ни о другом, а о чём-то, что гораздо дороже всех сокровищ в мире. - Полдень синих яблок означает, что золотой предмет, по аналогии с золотыми яблоками, покрытый синим, как внутреннее убранство Ковчега, может быть найден при помощи Венеры точно в указанное время.

Скрестив руки, она потёрла озябшие плечи, хотя было достаточно тепло и заторопилась.

- Всё, молодые люди, мы и так подзадержались. Пора начинать.

Дино ещё несколько секунд посмотрел на покрытое тайной творение Мастера, быстрым шагом догнал женщин и вместе они вошли в мягко освещённую гостиную.

Невероятной красоты старинная витиеватая мебель - изящные стулья, лёгкие диваны и широкие кресла - была сдвинута в передней части салона. Вдалеке, на второй половине, на небольшом возвышении стоял рояль в тон деревянной отделке стен. Сами стены задрапированы мягкой бордовой тканью и если бы не электрический свет, льющийся из светильников под стать всей обстановке, можно было подумать, что они внезапно, каким-то чудесным способом перенеслись во времени век эдак в девятнадцатый.

Необычайное ощущение уюта и, конечно, выразительное чувство вкуса хозяев дома - всё читалось здесь.

'Канделябров не хватает', - Дино, всё ещё находясь под впечатлением, которое на него произвела версия о ветхозаветном Ковчеге, скептически оглядел просторную комнату и невольно ухмыльнулся .

Человек двенадцать гостей, в основе своей, того золотого возраста, когда свобода позволяет посвящать достаточно времени на грустные воспоминания уходящих лет и на созерцание, познание того, на что его раньше не хватало, при виде новеньких дружно закивали. Вполне современно одетые, без длинных платьев с кринолинами и фраков, которые как нельзя лучше вписались бы в интерьер, и всё же в глаза бросалась некоторая

разношёрстность компании. Солидный мужчина восточной внешности в дорогом костюме, старушка в растянутой вязанной кофтенке, дедуля с аккуратно разглаженными остатками былой растительности на голове и одетый в застиранные джинсы, неуместно смотревшимися на фоне антикварной обстановки, молодящийся пижон в ермолке, которая непостижимым образом держалась на абсолютно голом черепе - что могло их связывать между собой? Атмосфера таинственности и некоей театральности окутывала всё помещение и напоминала ожидание священнодействия.

- Располагайтесь, где вам будет удобно, - мадам показала рукой на кресла.

- Послушайте, - теперь уже Лиза не могла оторвать взгляда от знаменитого портрета Пушкина на стене, - эта замечательная копия..., - она хотела из уважения добавить, что хозяйева, должно быть, большие поклонники великого поэта.

- Это не копия, - улыбнулась Белзьё. - Здесь все картины подлинные.

'Но я точно помню, что видела её в Художественном музее!' - удивлённо подумала девушка.

- У вас в музеях много чего...ненастоящего, - Елена теперь уже грустно улыбнулась, словно это была её вина. - Этот портрет тоже по праву принадлежит дому, в котором вы сейчас находитесь.

- У вас есть с собой бумага? - вдруг спросила она.

Молодые люди переглянулись.

- Напишите на листке первое пришедшее на ум слово. Любое. Так сказать, для чистоты эксперимента. Уверена, вы не будете разочарованы.

Лиза порылась в сумочке и достала блокнот, который всегда носила с собой. Дино успел разглядеть на кожаной тиснёной обложке затейливый герб с инициалами депутата. Золотые буквы ГП окружали кокетливые витиеватые вензеля.

'А замашки-то у депутата имперские', - украдкой усмехнулся он.

- На, пиши, - протянула Лиза именную ручку с точно таким же гербом.

- Что писать? - шёпотом переговаривались они. Она сдвинула брови и по-учительски строго посмотрела на Дино, но он рассеянно смотрел куда-то поверх её головы. Она оглянулась. Глаза классика, сияя поразительно живым, насмешливо-укоризненным взглядом, пристально наблюдали за ними. Лиза покачала головой, но, подобно взору младенца Гора на руках языческой богини, взгляд не менее именитого классика неотступно следовал за ней. Отвернувшись от портрета, она написала на своём листке 'Пушкин', но потом передумала и зачеркнула. Слишком всё просто! Может, он здесь специально висит, в расчёте на таких простачков. Нет, надо усложнить задачу. Написав, она свернула вырванную страницу пополам, потом ещё раз, и ещё, словно пытаясь поглубже спрятать написанное, пока лист не превратился в крохотный квадратик.

Дино всё стоял, задумчиво глядя на завораживающую картину. Взгляд поэта с укором насмеялся над пустыми попытками найти иллюзорные сокровища. Дино немного стало стыдно и неловко за пустую трату времени, за внезапное и не по своей воле охватившее его желание найти вожденную вещицу.

'Тебе-то она зачем?', - казалось, спрашивал взгляд.

Уж ему-то она точно не нужна, оправдывал себя Дино. Вот депутату она нужна для самоопределения и утоления амбиций, Лизе, чтобы угодить новоявленному монаршему отпрыску. В конце концов, он просто помогает в поисках. Но девушка уж больно хороша! Он даже не припомнит, чтобы ему кто-то так нравился. Но он многого сейчас не помнит.

'Желание корыстно', - настаивал классик.

- Пойдём, уже начинается, - прервала его раздумья Лиза.

Дино ещё раз бросил взгляд на портрет; глаза смотрели уже не с укором, а ободряюще, поддерживая то ли мысли архивариуса, то ли выбор - поэт был известным сердцеедом. А, быть может, ему это всё только показалось?

- Дамы и господа! - вышедший на подмостки из двери позади рояля мужчина был похож на благородного английского лорда, сошедшего со старинной фотографии. Подтянутый, в безупречном костюме, он невольно вызывал уважение.

- О, я вижу в наших рядах пополнение, - обратил он внимание на пару, сидящую в первом ряду.

Лиза смущённо улыбнулась.

- Надеюсь, вы проникнетесь нашей идеей и станете постоянными членами нашего сообщества. Но для начала давайте знакомиться. Павел Илларионович Стахов - руководитель этой, - он обвёл рукой зал, - секции. Или правильнее сказать, ложи.

'Масоны?', - опешила Лиза и вопросительно посмотрела на Снегина. Тот внимательно слушал Павла Илларионовича и, похоже, пропустил это сногшибательное открытие.

'Ну вот, вляпались! Масонства нам только и не хватало'. Чего-чего, а этого она никак не ожидала. Как бы ненароком девушка дотронулась до изящного крестика. В виде двух золотых перекрещенных палочек, он достался ей от бабушки и, как считала Лиза, был своего рода оберегом. Когда нужно было сделать выбор или в минуты опасности она всегда взволнованно его теребила, поглаживала пальцами, ища защиту или совета. Вот и сейчас мысленно обратилась с просьбой о защите и попыталась сосредоточиться.

Между тем Павел Илларионович мягким, обволакивающим голосом, чётко выговаривая каждое слово, рассказывал о разветвлённой международной сети их организации, отчего Лиза окончательно уверовала, что их пытаются заманить в лоно этой сети. А там, если не съесть, то принести в жертву какому-нибудь кровожадному богу. О кровавых злодеяниях масонов она тоже была наслышана.

- Члены нашего братства принадлежат к разным расам, исповедуют разные религии, но нас связывает одно - желание изучать истину и делиться этими знаниями с другими. Ведь нет религии выше Истины, - словно с трибуны вещал Стахов, без горящих глаз и кричащего фанатизма, а его низкий, бархатный голос ни к чему не призывая, наоборот, успокаивал и заставлял прислушиваться к каждому слову.

- Истина эта достигается изучением, размышлением и чистотой жизни. Цель наша - исследование психических или, так называемых, 'духовных' феноменов, неизученных тайн природы и божественных способностей, сокрытых в каждом человеке. Вот в весьма краткой форме на чём базируется наше братство.

'Братство? - похолодела Лиза. - Секта! Конечно, как я раньше не догадалась? Лучше уж, наверное, были бы масоны!'

- Нет, не секта, - улыбнулся Павел Илларионович. Лиза вздрогнула; да что это такое, уже подумать ничего нельзя. Прямо, не люди, а сканеры.

- Мы ни к чему не призываем и ничего не проповедуем. Мы только изучаем и показываем возможности бессмертной души, временно заключённой в оболочку физического тела.

И добавил:

- Мы - Просветители. И стать членом нашего братства совсем не сложно. Каждый, кто желает учиться, кто предпочитает помогать ближнему, а не получать от него помощь, любящий мудрость, добро и истину может стать одним из нас.

Сегодня наше заседание носит закрытый характер и, если бы не исключительные обстоятельства, - он загадочно помолчал, - то людям, не имеющим посвящений, попросту говоря, определённой психологической подготовки, вряд ли удалось бы принять участие в том, что последует далее.

Какие это были обстоятельства, о которых упомянул этот импозантный, похожий на графа, мужчина, Дино с Лизой так и не успели узнать. Из узкой двери позади рояля, ведущую по всей видимости, во внутренние комнаты, показалась мадам Белзьё и что-то шепнула ему на ухо.

- Ну-с, пожалуй, мы начнём, - Пётр Илларионович потёр руки и удалился в ту же дверь за роялем.

- Дорогие друзья, - продолжила уже мадам. - Я хочу напомнить вам, что всё происходящее в дальнейшем требует полного молчания и бездействия. Только лорд Стахов имеет право описывать и комментировать всё, что вы увидите, но чтобы не предстало пред вашими глазами, ничего не предпринимайте и оставайтесь доброжелательными. Духи не любят агрессии и недоверия.

'Лорд? - заинтересовался Дино. - Неужели и в самом деле настоящий лорд?'

Ну, это уж слишком! - Лиза начала терять терпение. - Наверное, сейчас самое время встать и тихонечко покинуть это сомнительное сборище шарлатанов во главе с самозванным лордом. Но что-то её удержало. Вспомнилось, какое впечатление на них произвёл сеанс с духами, который проводила эта полуцыганка со странной фамилией. Чисто женское любопытство подсказывало ей, что нужно остаться, не каждый же день доводится быть свидетелем материализации духов. Может, когда-нибудь она и займётся расследованием этой странной, непонятной, окрашенной в сверхъестественные тона стороны человеческого бытия. Она посмотрела на Дино. Ему, наверное, ничуть не легче окунуться в эти тайные глубины, всё-таки научный работник.

Но ни Лиза, ни Дино даже представить себе не могли, в какую потаённую бездну человеческого сознания им придётся проникнуть. Мистический, разрушающий вихрь закружил уже, завертелся, снося на своём пути старые, обветшалые постройки для строительства новых, более крепких и надёжных и распахнул перед ними двери в Храм неведомого и необъяснимого.

- Скажите, а он и правда лорд? - шёпотом полюбопытствовала Лиза у присевшей рядом Белзье.

- Конечно! - шепнула та в ответ. - У нас нет места лжи.

Тем временем дверь позади рояля отворилась и вошёл Павел Илларионович. За руку он держал немолодую уже женщину. Длинное, до пола воздушное платье наглухо скрывало её руки и шею. Двигалась дама очень странно, как во сне.

- Она что, слепая? - шепнула Лиза.

Белзье прижала палец к губам.

Стахов подвёл женщину к роялю и бережно положил её послушные вялые руки на крышку инструмента. Бледное, со следами былой красоты, лицо, казалось фарфоровым и неживым в приглушённом свете, мягко льющемся из настенных светильников.

- Сегодня я хочу представить вашему вниманию, - негромко начал лорд, - человека, достигшего невероятных результатов упорным трудом. Путём двадцатилетнего отшельничества, особых упражнений и полного отказа от мирских соблазнов она стала такой, кокой вы будете иметь великую честь её увидеть. Итак, очень известный в наших кругах сенситив Марианна Весницкая. Уверен, её способности произведут на вас неизгладимое впечатление.

Прошло немного времени, но ничего подобного на обещанный фурор не происходило. Пауза затягивалась, а тишина становилась натянутой и немного конфузной.

Стахов подал знак Белзье, она неслышно поднялась к роялю и, прикоснувшись к нему ладонями, закрыла глаза.

Через несколько мгновений непонятно откуда раздалось... лошадиное ржание. Дино повёл глазами по сторонам, ища источник этого звука. Ржание тем временем становилось всё громче, словно невидимая лошадь приближалась. Стук копыт раздался совсем близко. И вдруг резкий грохот выстрела пронзил комнату.

Лиза пригнула голову и закрыла уши. 'Ужас!' - донёсся до Дино её испуганный шёпот и вдруг он почувствовал прогорклый запах пороха. Казалось, фигуры женщин у рояля даже заволочло лёгкой дымкой от ружейного выстрела.

Топот копыт, приглушённый грохотом, перерос в тихое, жалобное ржание и хрипы раненого животного. Странное, отрывистое и пульсирующее бульканье, похожее на звук выталкиваемой из смертельной раны крови было слышно так отчётливо, словно не пласты времени разделяли сидящих в сумрачном зале и несчастное агонизирующее животное, а всего лишь крышка рояля.

Хотя, кто сказал, что этот временной срез существовал на самом деле? То, что Стахов сказал это во время показа, ещё ни о чём не говорит. Теперь понятно, почему эти, с позволения сказать, сеансы, проходят при закрытых дверях. Окажись здесь хоть один из представителей серьёзных научных кругов или журналисткой братии, очередного обвинения в шарлатанстве было бы не избежать. Что говорить, сеанс с вызыванием духов был гораздо убедительней.

Дино оглянулся и оглядел заворожённые лица с суеверным поклонением вззирающие на подмостки, где происходило это сомнительное действо. Всем от пятидесяти и старше, молодёжи совсем нет. Таких гораздо легче оболванивать. Эх, люди, люди, в каком веке вы живёте! Технический прогресс ушёл далеко вперёд, а вас всё так же легко поймать на удочку суеверия. Неужели не понятно, что это чистой воды трюк: спрятанные в рояле динамики, пущенный из пиротехнического устройства с надписью 'Сделано в Китае' дымок.

И он тоже хорош! Поверил этой мнимой мадам, попал под её чары! Лапы сектантов очень цепки и хорошо бы прямо сейчас убраться отсюда.

Он решительно взял Лизу за руку. Из её вспотевшей ладони неожиданно вывалился забытый скомканный кусочек бумаги и подкатился прямо к сценической площадке. Павел Илларионович, заметив, невозмутимо поднял его и пристально посмотрел на Дино.

'Не делай поспешных выводов' - ясно прозвучал в голове голос. Дино непроизвольно выпустил руку Лизы и замер. 'Это мне послышалось или...' - ошарашенно подумал он.

Лорд вложил свёрнутый катышек в руку женщины-медиума. Помяв его некоторое время и даже понюхав для пущей убедительности, женщина вдруг резко выкинула вперёд руку, указывая на Лизу и одними губами что-то прошептала. Стахов, не поворачивая головы, только глазами, повёл на девушку и опять недоумённо посмотрел на медиума. Что-то незримое происходило между ними. Дино окончательно потерял интерес к происходящему, пока Белзье, взяв за руку совершенно сбитую с толка Лизу не провела её на подмостки и не усадила в предупредительно выдвинутое лордом антикварное кресло.

- Дорогие братья и сёстры! - Стахов был немного взволнован. - Что вы увидите сейчас, лишний раз докажет, что магические духовные силы существуют в каждом человеке. Но вот пользоваться ими могут не многие. Некоторые даже не подозревают, - он посмотрел на раскрасневшуюся от смущения Лизу, - какими силами они владеют.

Дино невольно залюбовался девушкой. Словно сошедшая с картин раннего Возрождения в своём румянце на прозрачной коже, нежно оттенявшем её, чуть широковатые, скулы в обрамлении сверкающих медным золотом волос и сиянием больших миндалевидных глаз, она была похожа на Афродиту. Венеру, рождённую из пены. Так же чиста и невинна.

На слабо освещённом подиуме остались только она и стоящая позади кресла мраморно-неподвижная женщина. Стахов протянул ей металлический прут. Потёртый в некоторых местах и увенчанный почему-то египетским крестом, он был похож, скорее, на посох и выглядел угрожающе.

Дино напрягся, но Лиза так обезоруживающе улыбнулась, словно уверяя его, а, быть может, себя, что ничего страшного с ней не произойдёт.

Женщина, чьё имя он даже не расслышал, обвела посохом вокруг кресла невидимую нить и снова встала сзади, положив руки девушке на плечи.

Улыбка медленно сползла с Лизиного лица, взор ещё минуту назад такой чистый и ясный, затуманился. Она нахмурилась и уставилась невидящим взором перед собой, куда-то поверх голов сидящих в зале.

И вдруг губы её пришли в движение. Невнятное бормотание постепенно переросло в нечленораздельные, повторяющиеся, звуки. Звуки складывались в слова. И вот уже можно различить фразы. Короткие и разорванные, они звучали всё громче. Непонятные, незнакомые слова всё быстрее срывались с её губ. Казалось, они призывают кого-то невидимого.

И, резко выбросив вперёд руку, она почти прокричала:

- Бетховен!

Дино вздрогнул. Сидевшая рядом мадам молча развернула и показала ему выброшенный медиумом помятый листок бумаги, на котором рукой Лизы было выведено 'Бетховен'.

'Тем более не убедительно, - кивнув, подумал архивариус, - ввести человека в особое состояние гипноза, вызвать из лабиринтов подсознания им же задуманное слово, это больше похоже на трюкачество заезжих фокусников'.

Но то, что произошло дальше, Дино впоследствии вспоминал с содроганием.

Она полулежала в кресле и беспокойно стонала. Запрокинутая голова металась из стороны в сторону. С пересохших, потрескавшихся губ слетали обрывки фраз, похожих на болезненный бред. Волосы, ещё минуту назад ниспадавшими золотистыми локонами, растрепались и торчали всклокоченной нечёсаной шевелюрой, как змеи мифической Медузы.

- Да она же..., - Дино не мог поверить своим глазам, - седая!

Господи, да что же такое здесь происходит? Он рванулся, чтобы подбежать к ней, прекратить этот смертоносный балаган, но тело не слушалось. От руки Белзье, которая крепко держала его за запястье, плавно потекли мягкие разряды, ощутимые флюиды спокойствия и расслабления. Он словно прирос к стулу, одурманенный таинственными чарами.

Тем временем икры изящных ножек девушки напряглись, вены набухли и в считанные мгновенья, прямо на глазах, ноги раздулись и безвольно повисли, поражая своей несоразмерностью с верхней половиной девического тела. Если бы не поразительная проворность Петра Илларионовича, который с трудом успел стянуть с неё туфли, добротная обувь не выдержала бы такого давления и лопнула бы по швам.

Дино с ужасом взирал на это адское зрелище. Мысли с сумасшедшей скоростью проносились у него в голове. Зачем он привёл её сюда? Почему не увёл, как только они поняли, куда попали? Да что это за гребень такой, чтобы приносить ему такие жертвы? Будь он прок... Он не успел даже мысленно закончить эту фразу, как его ждал новый удар.

- Господин Бетховен, - невозмутимо обратился к девушке Стахов. Та лежала не шелохнувшись. Седые космы разметались по её лицу.

- Господин Бетховен, - прямо в самое ухо, как обычно громко говорят глухим людям, повторил лорд.

Она подняла голову, закрытые глаза дёрнулись, широко распахнулись и посмотрели на всех скорбным, наполненным трагической безысходностью, взглядом. По залу пронёсся вздох удивления.

Словно мазками причудливых теней, вылепленных искусным мастером, на них смотрело лицо, в котором немислимым образом угадывались черты великого композитора. Внушительный подбородок выдавался вперёд, так что нижняя губа прикрывала верхнюю, вокруг рта пролегли глубокие складки, а глаза, бездонные и светлые, как вода в Рейне, смотрели скорбно и печально. Непреклонная воля и мучительные страдания чувствовались во всём облике.

От собственного бессилия и от невероятной жалости к несчастной девушке Дино только глухо застонал и по щекам его потекли слёзы.

Лиза повернула голову и, заметив рояль, попыталась встать, но раздувшиеся култышки ног не удержали вес тела и она, покачнувшись, без сил рухнула на кресло.

Губы её задрожали и едва слышным низким голосом она дважды что-то произнесла явно на немецком языке. Павел Илларионович подставил ухо к её пересохшему рту, но и тогда с трудом расслышал просьбу, ответил что-то тоже по-немецки, а затем подкатил к ней инструмент и развернул кресло.

Вялая ладонь скользнула сверху вниз, разглаживая клавиши в глубоком раздумье. Коротенький мотив, всего четыре звука яростно и грозно прозвучали в напряжённой тишине салона. Вот он повторился, на этот раз ещё мощнее, ещё требовательнее. И снова угрожающие удары, словно сама судьба стучится в двери, принося с собой несчастья и страдания. И вдруг, горячо и быстро, еле поспевая за необузданным демоническим вдохновением, полились ноты, пробуждая из небытия минутные, светлые воспоминания. Заполняя всё пространство, зазвучала необыкновенной красоты, божественная музыка, вызываемая лёгкими причудливыми видениями и, словно, сотканная из света, тепла, паутинок и лунных лучей. Звуки то швырялись отдельными нотами, то с неукротимым иступлением взлетали наверх подобно струям фонтана и, испугавшись невероятной высоты, на которую забрались, с силой срывались вниз, чтобы снова, собравшись с силами, мощными пассажами устремиться вверх. Безудержные и гневные звуки, вновь прервались тревожным резким мотивом судьбы и, споткнувшись, вдруг прекратились. Прямоугольные опухшие пальцы слабо касались клавиш, которые оставались немыми, но

в воцарившейся тишине невозможно было оторвать взгляд от лица чародея, вызвавшего эту нечеловеческую музыку, от его пальцев, которые выдавали всю силу его волнения.

Сзади послышалось всхлипывание. Мокрое, с придыханием, еле сдерживаемое, хлюпанье вдруг разразилось приглушёнными рыданиями.

Мерный неизменный ритм тем временем становился сильнее, закружился в необычайном порыве веселья и ярости и взорвался, наконец, ошеломляющим титаническим шквалом, рассыпавшимся мириадами искр, радостных и ликующих.

Казалось, инструмент не выдержит и вот-вот развалится под напором страстей кудесника, который, тряся седой шевелюрой, чертовски колотил по роялю и, приподнимаясь в эйфории игры, с силой вжимал педаль до пола.

Грандиозная картина борьбы человека с лишениями и невзгодами жизни во имя радости и счастья, живо представала перед глазами.

И тут пронзительный, режущий ухо, словно крик ужаса, аккорд разорвал эту вакханалию звуков. Лиза с глухим стуком уронила голову на клавиши. Затем медленно подняла её и с лицом, перекошенным от боли, погрозила кому-то кулаком в сторону занавешенного окна. Грудь её вздымалась, как от нехватки воздуха, глаза закатились, а голова продолжала метаться всё медленнее и медленнее, пока на застыла в изнеможении на изголовье пурпурного кресла. Совершенно бледное бескровное лицо в обрамлении рассыпавшейся гривы волос, казалось посмертной гипсовой маской.

Стахов взял её безжизненную руку и произнёс:

- Всё кончено. Она полностью пережила его смерть.

Дино закрыл глаза. Внутри всё окаменело и только дикая первобытная ненависть к этим жестоким людям стучала изнутри. Но и она не могла пробиться сквозь каменную оболочку. Ему хотелось кричать, но он не мог выдать из себя ни звука. Белзьё продолжала крепко держать его за руку, как приклеенная. Вот в чём дело! Это она! Надо попытаться разорвать эту безумную гипнотическую связь. Но тело, словно парализованное, не слушалось.

А может, мне это только снится? Конечно, это сон! Ночной кошмар, ведь наяву этого не может быть. Надо заставить себя открыть глаза, заставить проснуться. И ужасный сон развеется, как утренний туман. Сколько он так просидел, он не помнил, время потеряло своё значение, но тут вдруг неожиданно резкий ледяной порыв ветра заставил его вздрогнуть и Дино осторожно разлепил глаза.

Глава 13

- Рита! Сделай мне, пожалуйста, кофе. Покрепче.

Игорь на ходу сунул невзрачной девушке стопку газет, просмотренных по дороге.

- Просмотри, я там отметил кое-какие темы.

- Игорь Николаевич, вы опаздываете, - укорила его редактор и со вздохом стала собирать рассыпанные по полу газеты.

Игорь ворвался в гримёрку и плюхнулся на кресло.

В комнате стоял непривычный запах свежей сдобы. На столике, прямо возле зеркала, лежали, сложенные аккуратной стопкой домашние пирожки. Точно такие же готовила его мама-учительница по праздникам. Он схватил пухлый румяный пирожок и с наслаждением понюхал.

- Завадский, ты же на диете!

- А с чем пирожки?

- С котятками! Их ешь, они пищат, - разматывая шнур от фена, сострил subtilный молодой субъект в кожаных обтягивающих штанах.

- Дурак, - улыбнулся Игорь и положил пирожок на место. Опять, наверное, Рита расстаралась. Ну, как ей объяснить, что путь к сердцу мужчины лежит не только через желудок. Хотя, чего греха таить, и через него тоже.

- Всё, Валентин! Давай, работай!

- Матка боска, как всё запущено! - манерный Валик оглядел помятую физиономию ведущего. - Бурная ночь?

Игорь похлопал себя по небритым щекам.

- Ага, бурная. И имя её - турбулентность. Ненавижу самолёты.

- Не понял, - удивился Валик. Рука с машинкой для бритья застыла в воздухе. - Куда-то слетать успел? Ну, ты, блин, Фигаро!

Гарик, любуясь собой в зеркало противным фальцетом, не попадая в ноты, пропел:

О, браво, Фигаро, браво, брависсимо,

О, браво, Фигаро, браво, брависсимо,

Браво, брависсимо, браво, брависсимо,

Браво, брависсимо, тра-ля-ля-ля, -

завертел он в конце. Как и многие люди, страдающие отсутствием слуха, Завадский очень любил петь. Это приносило нечеловеческие страдания окружающим. Валентин поморщился.

- Ты лучше скажи, в чём я сегодня, - перестав петь, спросил Завадский, придиричиво присматриваясь как длинные ухоженные пальцы мастера ловко обращаются с волосами.

- Ой, - стилист эмоционально всплеснул руками, - костюмчик - просто улёт! Рубашечка беленькая, - щебетал он, укладывая волосы Игоря в фирменную экранную причёску. - И на этом фоне шарф. Огромный, тяжёлый, цвета спелой вишни. Прямо немецкий мальчик на прогулке. Щетину сбривать?

- Оставь подобие бородки.

- Гинекологической?

- Валь, не до шуток! Я ещё сценарий не смотрел. Что-нибудь посерьёзней, не очень хочется быть немецким мальчиком.

- Что может быть мужественней испанской бородки, как у гинекологов, - пробурчал Валентин.

- Да вы что, охренели вконец! - Из зеркала на него смотрел, как ему казалось, трансвестит, ни дать ни взять. Только на шее не болтался легкомысленный разноцветный боа, а распластался, скрывая шею до подбородка, широкий шарф.

- Мальчиком немецким здесь и не пахнет, а вот пидором за версту несёт!

Игорь разошёлся ни на шутку.

- Гарик, ты не понимаешь, это нормальный стиль такого good-fellow - замечательного парня. Жиголло. Корты, пикники, - как мог успокаивал привыкший к закидонам своего начальника оскорблённый Валик. - К тому же этот бренд...

- К чёрту бренды. Их сейчас полно, а я один. И мне не хочется терять свой рейтинг.

'Всё, - закатив глаза, думал Валик, - свою порцию взбучки я уже получил. Эх, надо было дать ему чёртов пирожок. Голодный Завадский хуже фашиста на танке'.

- Выглядите шикарно! - в комнату вплыла высокая девушка и, не сводя с Игоря восхищённых глаз, протянула сценарий. Тот расплылся в улыбке. Девушка была новенькая, с горящими глазками и пухлым треугольным, как у куклы, ротиком. А самое главное, с волосами того нежного светлого оттенка, глядя на который Завадский забывал обо всём на свете. Блондинки были его слабостью. Хотя, и чёрненьких и рыженьких он тоже не обходил стороной.

- Только вот... кажется... неувязочка вышла, - девушка осеклась и растерянно посмотрела на Валика.

- Светочка, - зажурчал любвеобильный Завадский. От привычки быстро говорить на съёмке, в жизни у Игоря иногда пропадали слоги в словах. Вот и сейчас у него получилось не Светочка, а Свечка.

- Не в то место ты устроилась на работу.

Валик прыснул.

- С такими данными тебе прямая дорога в шоу-биз. Хочешь, я тебя с нужными людьми познакомлю? Что ты делаешь сегодня после эфира? - перешёл в наступление Игорь. Глаза сально увлажнились, взгляд стал игривым и он зашептал: - Меня сегодня пригласили на один фуршет...

- Да ну вас, Игорь Николаевич!

Девушка покраснела и, прежде чем выскочить из комнаты, пролепетала:

- Вас уже ждут.

Игорь с Валиком переглянулись. Похоже, ставшее традиционным, пари уже вступало в силу.

- На сколько? - протянул руку Завадский для заключения сделки.

- На сто зелёных, как обычно, - Валик вложил свою ухоженную ручку в ладонь Игоря. - А когда?

- Да сегодня же!

- Не-а, - протянул Валик, глядя на звезду влюблёнными глазами, - это совсем другая история, не из этих. Эх, жаль на меня никто не ставит, я бы...

- Ну, ты у нас лошадка известно какой масти. А знаешь, отчего ходят слухи, что я тоже того, - Игорь многозначительно пошевелил пальцами.

- Мама миа, известно почему, - Валик пожал плечами. - Не женат, гламурен, душка.

- И нравлюсь, заметь, и тем и другим. Но я - законченный кобель. Правда, породистый, - поднял палец вверх Игорь и скрылся за дверью.

- Да уж, - усмехнулся Валик. - Дворняжка ты переодетая!

- Ты что-то сказал? - в двери показалась голова Завадского.

- Удачи! - кокетливо помахал пальчиками Валик и сконфуженно скривился.

В зале царил обычная суета. Ассистенты суетливо бегали, рассаживая зрителей согласно существующему на телевидении порядку. Самых симпатичных и стильных - на первые ряды, разбавляя их завсегдатаями эфиров, предел мечтаний которых - засветиться на мерцающем экране телевизора, но таких было немного. Женщины далеко за сорок, неухоженные, но принарядившиеся по такому поводу, большие поклонницы мыльных опер и телевизионных шоу, подобного этому - вот был основной костяк таких мероприятий. 'Луковые головы', так их здесь называли, за неимением средств не могли позволить себе красить головы дорогостоящими импортными красками и делали это обыкновенной луковой шелухой и являли собой образ среднестатистического российского телезрителя. Вне зависимости от времени суток и усталости, они готовы были бесплатно аплодировать, изображать скандалы, искренне возмущаться и Бог весть, что ещё понадобится в этом суррогатном плавильном котле.

- Мобильники выключить, я сказал! Кто там не понял? Жвачку, жвачку выплюнь, эй ты, во втором ряду и чтобы я её больше не видел! - гремел в динамиках энергичный всевидящий голос.

Девушки-редакторы сновали туда-сюда, раздавая заранее подготовленные вопросы. Администраторы отрабатывали со зрителями хлопки. Хлопки перерастали в оглушительные аплодисменты, а те, в свою очередь, переходили в одобрителный гул.

Человеческие эмоции - смех, радость, восторг, неодобрение здесь вызывались поднятием табличек с нужным словом.

Ярко освещённая софитами студия разогревалась от накала ламп и эмоций в ожидании прямого эфира и была похожа на гудящий улей. Беспорядочное и хаотичное движение и в самом деле напоминало танец пчёл. Такой же быстрый и нескладный на первый взгляд, он подчинялся определённой системе, выписывая геометрические фигуры. Особый язык передачи информации. Каждый чётко знает своё дело. И дело это работало на результат.

- Все по местам! До эфира пять секунд, - донёсся голос режиссёра.

- Мотор! Начали!

Раздались позывные передачи и в студию стремительной походкой влетел блистательный Завадский.

- Добрый вечер! Добрый вечер! Добрый вечер! - зазвучал в эфире голос, любимый миллионами женщин.

Взлетела табличка с надписью 'Бурные аплодисменты' и зал зашёл в овации.

- Драмкружок, кружок по фото,
Хоркружок - мне петь охота,
За кружок по рисованью
Тоже все голосовали.

Кто же не слышал этих слов Агнии Барто? Они как нельзя лучше характеризуют тему нашей сегодняшней передачи. Нашим гостям помимо своей основной работы удалось отличиться и в других, порой самых неожиданных, областях. А для кого-то из них хобби стало частью их жизни.

И первый участник нашей программы депутат Глеб Сергеевич Пындя. Встречайте!

Табличка 'Аплодисменты' взметнулась вверх и под оглушительный шквал дрессированных ладушек в свете прожекторов появился гость программы.

И тут даже привыкший ко всяким неожиданностям Завадский растерялся и потерял дар речи. По странной случайности или недосмотру редакторов вошедший оказался одет точно-точно как ведущий программы. Единственная разница - шарф на теле депутата был не тягучего салонного бордо, а цвета глубокого фиолета. Но это уже не имело никакого значения, потому что в целом сцена напоминала картинку из детского журнала 'Найди пять отличий'.

Чертыхнувшись про себя, Завадский нашёл в себе силы обыграть недоразумение.

- Мы с вами, как два внука одного подслеповатого дедушки, которых, чтобы не перепутать, он снабдил такими отличительными знаками.

Зал хохотнул по команде и тут же послушно замолк.

- Да, интересное совпадение, - смутился депутат. - Это, наверное, оттого, что мы с вами находимся на одной энергетической волне. Такое бывает, - он пытался найти оправдание, искренне веря, что звезда такой величины вольна сама себе выбирать наряды.

'Эта швабра сегодня же вылетит у меня к бениной маме' - Завадский был вне себя от злости и готов был убить предмет ещё столь недавнего желания, допустившего столь непростительную ошибку.

Микрофончик, спрятанный в правом ухе, забубнил что-то голосом главного редактора и эфир продолжился как ни в чём не бывало.

- Только что мне сообщили, что наш уважаемый гость стал героем дня. Это не просто слова. Он совершил, не побоюсь этого слова, подвиг, спасая людей из падающего автобуса. Это заслуживает не просто аплодисментов. Давайте стоя поприветствуем нашего героя!

Последние его слова потонули в шуме аплодисментов зрителей, вставших в благодарном порыве по табличке 'Аплодировать стоя'.

- Хотелось бы, - срывался ведущий на крик, чтобы прорваться сквозь плотную завесу оваций, чтобы у нас было больше таких чиновников, которые не на словах, а на деле проявляли свою заботу о простых людях, даже если эта забота граничит с угрозой для их жизни.

- Спасибо, спасибо, - кивал депутат. - Ну, во-первых, это был не автобус, а троллейбус. Но, в сущности, какая разница? Я сделал всё, что от меня зависело в тот момент. Люди могли погибнуть и у меня не было времени на раздумья. Я просто хочу сказать, что кто-то должен понести ответственность за то, что на улицах нашего города появляются огромные провалы. И он её обязательно понесёт. Это я вам как депутат обещаю!

Зал одобрительно загудел.

- Вы, насколько я знаю, родом из Петербурга?

- Да, я питерский. Там родился и вырос. И вот сейчас перебрался в Москву.

- Расскажите нам, откуда у вас вдруг появилось такое необычное увлечение. Вы - такой занятой человек и вдруг - археология. Где находите время для любимого занятия?

- Время всегда при желании можно найти. А то, что оно появилось вдруг - это не совсем правильно. Скорее, это закономерность, к которой подводила меня жизнь. Древние мифы, сказания, легенды словно преследовали меня и, как ни странно, находили удивительное подтверждение. Они, как кольца детской пирамидки скрывают главный стержень, что-то очень важное. Ты анализируешь, логически связываешь, вытягивая общие ниточки. Петелька, крючок, петелька, крючок. Цепляется одно за другое и потихоньку клубок уменьшается, а под руками оказывается связанный, упорядоченный рисунок. И вдруг начинаешь постепенно прозревать.

Завадский сморщившись слушал велеречивого политика. За столько лет работы он много повидал, маргиналов хватало во все времена. И он мог безошибочно вычислить о чем дальше пойдёт речь, не глядя в сценарий. Вот сейчас, например, всё сведётся к поискам национальной идеи. Любят почему-то политики это делать накануне выборов и благополучно забывают по их окончании. Но эфир был проплачен и приходилось выслушивать весь этот бред, словно сошедший со страниц журнала 'Вязание'.

- Интересно, и какой же рисунок вы соткали для себя, что привело вас к археологии? - попытался он выправить разговор в нужное русло. Жёсткие временные рамки передачи не позволяли размазывать беседу, как кашу по тарелке. Говорливых гостей нужно постоянно держать в определённой канве. И зачем этому депутату понадобилось угрожать столько денег? Чтобы рассказать о своём невинном увлечении? Не нравился ему этот человек, но Завадский был профессионал и умел скрывать свои чувства, если этого не требовал регламент.

- Соткал его не я, - Пындя уверенно сидел на диване, держа на коленях сложенные в замок руки. - Я только смог открыть его для себя. История эта очень запутанная и весьма загадочная, как и положено быть таким историям - со множеством белых пятен. Всё началось с гребня.

- А вот с этого места, пожалуйста, поподробнее. Не секрет, что самые удивительные и интересные открытия начинаются с пустяков. Если бы Пифагор не принял вовремя ванну, а яблоко не упало Ньютону на голову, неизвестно, сделали бы они свои открытия. Так как простая бытовая вещь изменила вашу жизнь?

- Нет, - Глеб Сергеевич помахал пальцем, - эта вещица совсем не простая. Этот золотой гребень принадлежал великой балерине Амалии Гнежинской. А подарен ей был никем иным, как последним российским императором Николаем Вторым. Об их романе ходили легенды. История эта невероятно трогательная, а для меня особенно. Ведь Амалия Фаддеевна - моя двоюродная бабка.

Зал удивлённо зароптал.

- Получается, я - единственный прямой потомок этого удивительного романа. Так что найти гребень и остальные сокровища балерины, спрятанные ею в начале революции, для меня - дело чести.

Завадский, одобрительно улыбаясь, кивал головой зрителям - вот, мол, как история закрутилась.

'Ох, уж эти мне русские фантазии на монаршие темы!' - думал про себя Игорь, внимательно рассматривая очередного авантюриста.

Особа, приближённая к императору совсем не походила на отпрыска благородных кровей - невзрачный, невысокого роста, с покатым лбом, гладким и чистым, как у младенчика.

- Если появляются самозванцы, значит, в России настало смутное время, - не сдержался Завадский и сам не понял, как произнёс это вслух. - Не кажется ли вам..., - он не успел закончить фразу, как на табло сверху зажглась надпись 'Рекламная пауза' и микрофон в ухе разразился руганью.

- Завадский, ты что, с ума сошёл? Вылетишь с телевидения с волчьим билетом! У нас пропрезидентский канал! Они музыку заказывают, а ты им про смутное время! Совсем охренел? Мы, конечно, вырежем, - уже более дружелюбно забубнил голос, - но, боюсь, на пингинов с оленеводами, - так телевизионщики между собой называли жителей Дальнего Востока, - проскочило. И моли Бога, чтобы никто не заметил!

- Почему меня никто не предупредил, что он потомок императора? - зло спросил Игорь у невидимого редактора.

- Да он на каждом углу об этом кричит! Правда это или нет - вилами по воде писано. На работу надо вовремя приходить, тогда бы и ты знал! - микрофон отключился.

Ну вот, стоит один раз опоздать, как сразу начинают тыкать, как слепого котёнка. Как же всё осточертело! Пойду реабилитироваться перед депутатом, а то надулся, поди, индюк думский.

- Не обижайтесь, Глеб Сергеевич, - Завадский присел на подлокотник массивного кожаного дивана, - просто нервы сдают. У нас в последнее время крутится столько царственных особ, диву даёшься! Конечно, есть искренне верующие в своё родство, но и проходимцев хватает. Столько насмотрелся.

Вид у Пынди был совершенно не надутый, а совсем даже наоборот. Девушки-редакторы, симпатичные, как на подбор, знали своё дело. Одна стакан свежавыжатого сока принесла, другая о чём-то весело щебетала, тыча пальчиком в сценарий, а совсем молоденькая гримёрша изящно припудривала высокий, с залысинами, лоб депутата.

- Да ничего, я понимаю, - выглядывая из-под ловко снующей по лицу кисточки гримёра, - довольно произнёс Глеб Сергеевич. - А вы знаете, что я думаю? То, что происходит за кадром, надо показывать зрителям. Это гораздо интереснее, - подмигнул он.

- Один-один, - засмеялся Завадский.

Он почувствовал, как неприязнь к этому человеку стала сменяться симпатией и даже лёгкой завистью. Молодой, богатый герой, строящий блестящую карьеру, да ещё с такой родословной - он имеет весьма неплохие шансы стать первым лицом страны. Да к тому же, как оказалось, человек он бескорыстный.

- Но обо всём по порядку. Сегодня наш герой спас ценою собственной жизни людей, не на словах, а не деле доказывая настоящую любовь к своим избирателям, к своей стране, - продолжалась передача после команды 'Мотор', - а завтра, мечтает вернуть родному городу несметные сокровища его бабки - великой балерины. Итак, всё началось с гребня. Как вы узнали о сокровищах? Это фамильное предание? И что вообще представляют собой эти сокровища? - засыпал Завадский гостя вопросами.

- Ну, во-первых, я ни в коем случае не хочу апеллировать своим происхождением. Имперских амбиций у меня нет. Я привык всего добиваться сам и рассчитывать только на свои силы.

Взлетела табличка 'Овация', зал захлебнулся аплодисментами. Ничуть не смутясь, Пындя продолжал.

- Несколько лет назад, в Париже, со мной встретилась одна весьма пожилая пара. Когда-то они были дружны с Амалией Фаддеевной, которая, как известно, тоже до конца своих дней жила во Франции. Умерла она в полной нищете, но перед смертью открыла им тайну спрятанных сокровищ. Как оказалось, богатство, которое так влекло большевиков, осталось неразграбленным и преспокойно ждёт в тайнике своего часа. А это ни много, ни мало, драгоценности, бриллианты, изделия Фаберже на сумму сотни миллионов долларов.

Зал ахнул и безо всякой таблички.

- Так вам известно место? - Завадский напрягся. Он почувствовал, как вспотели ладони. Зрители боялись пошевелиться, чтобы не прослушать заветные слова. Даже перегретый софитами воздух, казалось, начал источать тот неповторимый запах предвкушаемого богатства, который чувствуют истинные кладоискатели.

- Известно, - прищурившись, улыбнулся Пындя. И выдержал длительную паузу. Тишина достигла своего апогея, как затихает природа в ожидании катаклизма.

- Мне известно это место, - повторил депутат, - но я не буду его разглашать, дабы не вызвать приступ золотой лихорадки, ненужную истерию, которая несомненно возникнет вокруг этих поисков.

Вздых разочарования пронёсся по студии. Глеб Сергеевич поднял руку ладонью вверх, призывая к спокойствию.

- Это богатство по праву должно принадлежать городу, где жила Амалия Фаддеевна. Это будет наш с ней подарок, - пафосно произнёс он. - Единственное, что я бы хотел оставить себе на память, это гребень. В память о бабушке.

Игорь облегчённо вздохнул. Как легко, оказывается, попасть под пленительные чары кладоискательства.

- Ну тогда расскажите нашим разочарованным зрителям, чем примечателен гребень. Почему именно он вам так дорог? Не яйцо Фаберже, не какая-нибудь подвеска. Ведь наверняка император одаривал свою фаворитку многими, не менее дорогими, украшениями.

'Игорь, уводи его на археологию', - шепнул микрофон в ухо. - Да и, честно говоря, пока мало понятно, как всё это связано с вашим увлечением археологией, - продолжил послушный ведущий.

- История гребня уже сама по себе примечательна и невероятна! Уже одно то, что он был найден ни кем иным, как Николаем Гумилёвым, уже заслуживает внимания.

- Знаменитым поэтом? - уточнил Гарик.

- Именно! Путешествуя по Кольскому полуострову, молодой поэт находит местонахождение древней цивилизации. В одной из вскрытых древних гробниц он и обнаружил этот гребень. По преданию, именно в этом месте находилась знаменитая Гиперборея - прародина единого человечества, одного языка. Так он и получил своё название - гиперборейский.

Завадский почувствовал, как сердце начало бешено колотиться. Нет, таких совпадений просто не может быть! Да ещё в один день! Словно кто-то пытался подвести его к чему-то очень важному.

Пындя не мог усидеть на месте, помещение студии не вмещало в себя историю вековой давности и он продолжал рассказ стоя, оживлённо жестикулируя.

- Результаты этой экспедиции были просто ошеломляющими! Наскальные надписи или так называемая 'Каменная книга', которая содержит знания, мудрость всего мира и была вырезана предводителем ариев - жителей Гипербореи. Трон весом в 17 тонн с древнеегипетскими символами. А так же на скале гигантская чёрная фигура - изображение бога Одина с крестообразно раскинутыми руками, загадочные пирамиды, - увлечённо

перечислял депутат, - остатки мощёной дороги, необычный лаз, ведущий в подземные туннели, по которым, якобы, можно проникать не только в Нижний мир, но и связываться с Космосом.

- Подождите, - Завадский не мог поверить в такую удачу, - была ещё одна экспедиция Александра Дарченко после революции. И именно в эти места!

- О, - удивился Пындя, - я смотрю, вы неплохо подготовились! Действительно, легенда о Гиперборее интересовала многих правителей во все времена. Сама Екатерина Великая снарядила первую экспедицию на Русский Север во главе с самим Михайло Ломоносовым.

Есть сведения, что он тоже видел Каменную или как её ещё называют Голубинную книгу, чем и объясняется его головокружительная карьера. Многие знания даёт эта книга. Но императрица искала там что-то другое. Эликсир молодости или бессмертия, секретом которого, якобы, владели гиперборейцы. Или источник колоссальной магической силы, абсолютного оружия по силе схожего с ядерным, ведь технологии их были удивительны. Надо сказать, что экспедиция Гумилёва так же финансировалась из царской казны. Царь чрезвычайно интересовался Гипербореей.

Третий Рейх, интерес которых к оккультным наукам и сакральным знаниям общеизвестен, тоже стремились найти прародину человечества, - почти слово в слово повторял депутат рассказанное Борисом Львовичем тёплым средиземноморским вечером.

- Ну, а Дарченко, - нетерпеливо поинтересовался Завадский, - что он нашёл там?

- Игорь! - зло зашептал микрофон в ухе, - Сворачивайся. Его время давно вышло, вы и так уже пол-эфира съели! Прекрати эту отсебятину!

- Столкнулся Дарченко на Кольском полуострове и с какой-то чертовщиной. Его люди испытывали необъяснимую слабость, головокружение, страх, у некоторых начинались галлюцинации, а естественный вес человека либо уменьшался, либо увеличивался.

Дальнейшее Завадский помнил уже с трудом. Депутат что-то страстно рассказывал о необходимости снаряжения новой экспедиции. Обрывки фраз, обращённые к заинтересованным зрителям - потенциальным избирателям, смутно долетали до его рассеянного сознания.

- Мы, россияне - потомки самой древней и загадочной цивилизации. Мы - прямые наследники древнейшего пранарода и богоизбранные хранители бессмертных традиций, - гулким эхом отзывалось в голове.

Как во сне он довёл эфир до конца, автоматически задавая стандартные вопросы новоиспечённым звёздам шоу-бизнеса с внешностью пэтэушников и послушно выполняя команды квакающего в ухе микрофона.

Глава 14

Глаза заволкло мрачным кровавым светом и, только привыкнув к темноте, Дино понял, что это приглушённый, сведённый почти на нет, свет одинокой лампы окрашивал комнату в зловещий багряный свет, слабо освещал освободившиеся подмости и, упираясь в завесу мрака, искусно скрадывал углы. Там, скорее, угадывались очертания какой-то мебели, но Лизы не было!

Несмотря на наступивший вдруг могильный холод, по вискам струился липкий пот, но Дино не замечал его, он был подавлен.

На возвышении стояла только женщина в белом платье с широко открытыми, невидящими глазами. Она казалась совершенно безумной в красном сиянии. И тут она тяжело и часто задышала и изо рта её сорвалась струйка пара.

Кошмар продолжался!

И тут раздался стон. Полный нечеловеческой тоски и одиночества, он звучал в полной тишине, как из самой преисподней, заставляя холодеть в жилах кровь. Потом послышалось несвязное бормотание, которое переросло в тихий страдальческий лепет.

- Это, наверное, какой-нибудь бедняга из низших сфер, - нахмутив брови, задумчиво произнёс Павел Илларионович. - Обычно не советуют иметь с ними дела. Но мы попробуем всё же ему помочь. Скорее всего, он недавно попал туда и не знает, что умер. Беспомощный, он блуждает, как в тумане.

Милый друг, - обратился Стахов, взглядываясь в мерцающую дымку, - нам очень жаль тебя, но ты уже умер.

Бормотание прекратилось. Казалось, растерянный дух прислушивается.

- Ты не можешь понять, почему мы не видим тебя. Ты в потустороннем мире. Всё не так, как ты ожидал и потерянно бродишь во мгле. Но ты не должен бояться, всё во благо. Ты должен молиться, чтобы стать чище и, очистившись, возвысишься духом. И если ты будешь думать не только о своём печальном положении, но и о других несчастных, тебя ждёт блаженство. А мы будем за тебя молиться.

- Дарья Гавриловна! - обратился он к старушке в вязанной кофте. - Прочтите молитву за упокой души этого несчастного.

Старушка послушно кивнув головой, словно только этого и ждала, беззвучно забубнила губами и, как заметил Дино боковым зрением, начала испуганно осенять себя крестными знаменами.

Сквозь непрерывный поток неведомых токов мадам Белзьё, дурманящих голову и парализующих волю, Дино с немим ужасом наблюдал, как облако задрожало и, подвластное неведомой силе, как пластилин в умелых руках, продолжало уплотняться.

Из облака выплыла фигура не старой ещё женщины. Он со страхом взглядывался в лицо призрака. Что-то знакомое угадывалось в очертаниях головы, статной поступи. Перед ним стоял тот, кто наполнял его сны чудесными образами и неистоимой любовью, заставляя в детстве, проснувшись, плакать в подушку от жалости и одиночества. Человек, которого ему так не хватало все эти годы.

- Мама? - одними губами прошептал ошеломлённый Дино.

Женщина распротёрла руки, пытаясь дотянуться до него, шептала что-то неслышно бескровными губами и, сделав несколько неловких шагов, как будто провалилась под землю. Теперь он не мог с точностью сказать, был ли этот призрак его матерью или это только показалось в причудливой игре света. Пар закружился, увеличиваясь в размерах. Из серебристого, зыбкого облачка стали вырисовываться очертания. Они росли постепенно и, уплотняясь, сливались, превращаясь в фигуру, невысокую и стройную, как у подростка. Тонкие руки с изящными запястьями плавно переплывали в узкие плечи, таяли, как снежные хлопья, чтобы через мгновение снова обрести реальными чертами.

На голове привидения, постоянно менявшего черты лица, словно кто-то невидимый продолжал вылепливать его, проступили пронзительные чёрные глаза.

На доли секунды в переливающихся клубах пара мелькнуло лицо женщины-медиума. Залепленное чем-то вроде крупной паутины и перекошенное нечеловеческой гримасой, оно снова потонуло в таинственной дымке.

И вот уже материализовалось следующее видение. Очаровательная, молодая, невысокого роста, крепкая, с узкой, затянутой в корсет, талией, женщина из плоти и крови, казалась, полна жизни. Её лицо со странным бледно-жёлтым оттенком резко выделялось на фоне чёрных, как смоль, собранных в пышный пучок волос, а небесно-голубой костюм подчёркивал несомненную женственность, обаяние и шёл ей чрезвычайно. И даже крохотный букетик ландышей, кокетливо вдетый в петлицу, казался свежим, как будто только что сорванным.

Она посмотрела удивлёнными, немного испуганными глазами, полными живого блеска.

- Ради Бога, не бойтесь ничего. Вы здесь среди своих. Никто не причинит вам зла, - протянув к ней руки, трепетно произнёс Стахов.

Женщина продолжала молча разглядывать людей, в глазах появился интерес, когда она остановила свой взгляд на Дино.

- А я и не боюсь, - тоненьким, писклявым голоском произнесло видение.

- Невероятно! - лорд казался растерянным. - Обычно, когда приходят в первый раз, не могут говорить.

- Ну, мне это совсем не трудно, - вдруг кокетливо улыбнулась женщина, обнажив превосходные, очень красивые зубы в сияющей улыбке. - Тем более, что меня кто-то очень хотел видеть. Кстати, а что вы с ним сделали? - она указала пальчиком на Дино.

- Понимаете ли, - начал оправдываться Стахов, - люди, не подготовленные к такому роду манифестациям, реагируют неадекватно. И, чтобы помочь им не провалиться в бездну безумия, мы принимаем некоторые меры защиты.

- Бедный мальчик, - изящная фигурка странно двигаясь, приблизилась к Дино. - Он очень напуган. Зачем вы его так напугали?

Стахов улыбнулся.

- Сегодня он только приподнял покрывало Изида. Открыл для себя совершенно иной мир, а это нелегко для неподготовленной психики!

- Так успокойте его, скажите, что с его девушкой ничего страшного не случилось. Он очень переживает! Удивительно, - щебетала она, - почему люди так боятся смерти?

Существо явно было настроено на общение.

- А вы не боялись? - поинтересовался Павел Илларионович.

- Тоже очень боялась, - она склонила головку набок. - Моя жизнь была романтической сказкой. Я любила и цеплялась за неё. Меня интересовали только материальные блага. Ах, если б я знала, что всё это мишура. И только любовь, истинная любовь всё решает.

- Ну-с, господа, теперь вы можете задавать вопросы, - разрешил Стахов.

Зал оживился.

- Кто вы? - надтреснутым голоском раздалось откуда-то сзади.

- Я отвечу на ваш вопрос, - снова вмешался лорд. - Энергию надо беречь. Это мадам Гнежинская. Великая танцовщица, бывшая когда-то славой и украшением русского балета.

Дино похолодел.

- Вы счастливы? - посыпались вопросы.

- Очень!

- Скажите, - с кавказским акцентом неуверенно начал мужчина в дорогом костюме и характерной горбинкой на носу, - ислам - правильная религия?

- Все религии правильные, если помогают человеку стать лучше.

- А вы сейчас где живёте, - старичок, задавший вопрос, осёкся, - обитаете?

- Я не поднялась высоко, но там всё равно чудесно! У вас на земле так не приветливо и мрачно. Но это для вашего же блага!

- А это не грех - вызывать мёртвых? - задала вопрос полная пышногрудая дама и тут же смущённо покраснела.

- Пожалуйста, не называйте нас мёртвыми, - попросила балерина. - В нас больше жизни, чем в людях.

Маленькая и подвижная, она словно лучилась неисчерпаемой энергией. Необыкновенная женственность и обаяние исходило от неё. Плавный изгиб спины,

гордый поворот головы; трудно, невозможно было поверить, что эта женщина, грациозно и свободно проплывающая по зале, не была человеком. Вернее сказать, уже не была человеком, а духом, покинувшим телесную оболочку много лет назад.

- А вы верили в Бога?

- Я ходила в церковь каждое воскресенье, но в расчёт принимается только ежедневная духовная жизнь.

- А вы видели Бога?

- Нет, что вы! Бога увидеть нельзя. Он везде - вокруг вас. Внутри. Но я видела Христа. Он был весь в сиянии.

Зал ахнул.

- Как он выглядит? Так же, как мы его себе представляем?

- Не совсем. Христос не воплотился в тело человека по имени Иисус 2009 лет тому назад, 20 марта, почти за два часа до восхода солнца. Настоящий Христос уже приходил на Землю, но это было задолго до того, как появился Иисус Назорей, который был Великим Учителем, как и Будда, и Магомет у мусульман, и ещё сотни просветлённых. Но его учение невероятно исказили и обезобразили.

По залу пробежал недовольный ропоток.

- Тот образ, к которому вы привыкли, тоже очень свят, - балерина смотрела грустными глазами, полными любви. - Но всё же молиться нужно высшим сущностям, а не людям.

- А как же церкви, люди, верующие в него вот уже сколько столетий? - возмутился набожный старик.

- Важно, что люди делают, а не во что верят. Но не имеет большого значения, что вы делаете, если вы не помогаете другим. Религии созданы, чтобы сделать вас чище. Но, - чувства переполняли её и глаза её наполнились влагой. Казалось, она вот-вот расплечется, но она с достоинством продолжала, - близится тот день, когда рухнут прогнившие церкви, придёт конец их жестоким учениям.

Её тонкий голосок звенел и переливался.

Стахов облокотился двумя руками на кресло и с довольным видом со стороны наблюдал за реакцией зрителей. Не каждый день удаётся получить такие чудесные результаты. На редкость удачный сеанс!

- Скажите, госпожа Гнежинская, - не удержался он, чтобы не задать свой вопрос, - не могли бы вы описать сферическое строение тонкого мира. Проще говоря, куда попадают люди сразу после..., - он подыскивал нужное слово.

- Я поняла, - обаятельно улыбнулась балерина, - то, что вы называете смертью похоже на выход в другую комнату. А там, - она прищурилась, - первая сфера из семи, которые окружают землю. Каждая сфера отделена одна от другой. Выше находятся самые лёгкие, самые тяжёлые внизу.

- А где находится ад? - не унимался старик.

- Нет иного ада, чем этот видимый мир.

- Когда придёт Мессия? - робко подал голос полноватый, в ермолке на гладко выбритом черепе, молодящийся мужчина преклонного возраста.

- Ждать Спасителя, чтобы он сделал за людей всю работу, неправильно. Каждый человек должен сам, благодаря инструментам, которые ему даны, выполнить всё, что полагается именно ему. Познать, где вы есть, познать себя - вот ваша задача.

- Расскажите о своей жизни там, - прошамкала милая старушка - божий одуванчик. Она перестала, наконец, креститься и немного осмелела.

- Я не могу, мне не разрешают. Вы должны просвещать людей. Говорите им, что смерти нет. Всеобщее невежество...

Последние её слова потонули в стенаниях медиума, продолжавшей всё это время стоять с раскинутыми руками. Лицо её очистилось, голова пришла в движение.

Видение, ещё мгновение назад казавшееся прекрасной женщиной, начало таять.

- Энергия почти на нуле, - заторопился Стахов. - Госпожа Гнежинская! Последний вопрос. Наш новый друг хотел узнать...

- Пусть спросит у Макоши, - её голос растягивался и грубел, словно старая заезженная пластинка. Контуры её фигуры стали прозрачными. - Макоша знает.

Быстро уменьшившись, она превратилась в маленькое светящееся облачко на полу. Померцав, исчезло и оно, окончательно растворившись в воздухе.

Глава 15.

Таинственная бездна, удивительный мир, населённый жизнью, непостижимо существующий где-то рядом, а быть может, пронизывающий видимую нами реальность и лишь небольшую часть которого он увидел, лишь на мгновение приоткрыв мистическую завесу, пугал и притягивал одновременно. Что это было? Обман чувств, ловкая инсценировка или в самом деле души, нашедшие временное пристанище? Но не могло же всем сразу померещиться одно и то же! К тому же, видения были разные, а мистическое превращение Лизы исключало режиссёрское вмешательство. Значит, всё это происходило на самом деле. Тогда человечеству, которое без конца усиленно развивает свой материальный мир для улучшения комфорта собственного тела нужно отбросить всё и обратить свой взгляд на Небо, заняться изучением этих феноменов.

Эти открытия могут перевернуть наши, и без того с ноготок, знания о строении Мироздания, месте человека в нём и смысле жизни вообще и тогда всё, что изучалось до этого, все ничтожно малые знания, наработанные за сотни веков пойдут прахом.

Смерть Лизы и её чудесное воскресение, лицо живой, но словно опутанной паутиной, подобно мумии, женщины со странным призванием и лицо уже покойной, но такой восхитительно осязаемой и совсем не иллюзорной балерины - всё это внушало панический страх до такой степени, что он, взрослый мужчина, боялся выключить свет. Боялся, чтобы таинственные видения, повинуюсь каким-то своим законам, не выплыли бы из темноты, ведь для них не существует преград, которые мы сами для себя установили. Мозг отказывался понимать, что всё вокруг не есть пустота. Было даже страшно подумать, что воздух наполнен ими, невидимыми сущностями. Они окружают тебя, кто-то моля о помощи, кто-то просто с интересом наблюдая. Он снова взволнованно вспомнил до костей пробирающий леденящий стон несчастной души, не ведавшей, что ей делать дальше и неприкаянно бродившей во мраке холодной неизвестности. Если смерти нет, а есть жизнь, другая, но не менее, а, может, и более деятельная и осмысленная, то кому выгодно это скрывать? И зачем обрекать человека, который и так настрадался в этой жизни на ещё большие страдания в мире ином, когда можно сделать жизнь легче, и легче встретить смерть? Ведь существовали на Тибете, в горных монастырях, в Древнем Египте сакральные Книги, которые наставляли усопшего при переходе в потусторонний мир. Значит, древние знали больше?

От этих мыслей голова шла кругом и можно было сойти с ума.

Вдруг резкие переливчатые трели звонка несдержанно разрезали тишину квартиры. От неожиданности и без того напряжённый в своих мыслях Дино вздрогнул и оторвал голову от подушки. События сегодняшнего вечера настолько ошеломили его, что придя домой он обессиленно повалился на кровать поверх одеяла как был, в мокрой одежде и промокших насквозь ботинках и не замечал лёгкого озноба продрогшего тела.

Но кто это мог быть с столь поздний час?

В дверь нетерпеливо забарабанили.

- Динка, открой! Я знаю, что ты дома! - раздался знакомый голос.

Не успел Дино щёлкнуть замком, как приоткрытая дверь с силой распахнулась, чуть не задев плечо и в прихожую влетел Завадский с выпученными, покрасневшими глазами.

Он глотал ртом воздух, как выброшенная на берег рыба, а намокшие, налакированные волосы торчали в разные стороны, как будто озверевшие поклонницы долго трепали их, пытаясь растащить кумира на сувениры.

- Блин! Ну почему в этой стране, - согнувшись пополам, выдохнул он, - лифты не работают в самый нужный час! И не смотри на меня, как на второе пришествие, - поймал он удивлённый взгляд Дино.

- Как ты меня нашёл?

- Ой, Снегин, - всё ещё тяжело дыша, Завадский уверенно прошёл на кухню и налил в пыльный стакан воды, Дино покорно пошёл за ним, - прекрати ваньку валять! Я тут в первый раз что ли? А пылищи-то, пылищи!

Игорь скривился, с отвращением вылил воду и захлопал шкафчиками, словно что-то искал.

- Слушай, выпить нет ничего?

- Не знаю, поищи.

- Не знаю, - передразнил его Завадский. - Тут такие события творятся, Миллениум на дворе, а он забился в свою пыльную нору, как паук. Опа! Что это у нас? - обрадовался он и, достав початую бутылку какой-то бурды, коротко спросил:

- Будешь?

Дино помотал головой.

- Тогда я сам.

Игорь разболтал содержимое бутылки, как мучимый жаждой алкоголик только что купленный портвейн не отходя от прилавка и жадно присосался к бутылке.

Внутри всё обожгло и тут же тепло приятно растеклось по телу.

- Уф, - выдохнул он, поморщившись, - ну и гадость!

Дино улыбнулся.

- Что ты ржёшь, сволочь, - Завадский растянул рот в блаженной улыбке, обнажив два широких передних зуба, отчего стал похож на слегка окосевшего зайца.

- Такие лица, как было у тебя сейчас, печатают на утро в уголовной хронике.

- Главное, чтобы не в некрологе! Ты не понимаешь, Дин, я нашёл его!

- Кого?

- Не кого, а что. - Игорь торжественно поднял вверх палец. - Объект управления миром! Предмет исполнения желаний!

- Ты что, влюбился? - продолжал улыбаться Дино, глядя на ликующего друга.

- Надеюсь, ты не забыл своей дырявой башкой, зачем я к тебе сегодня приходил? - глаза Игоря стали серьезными.

Дино нахмурился.

- Ну, помню.

- Так вот, - Завадский перешёл на заговорщицкий шёпот, - я не знаю, что там привезла эта экспедиция, но то, что они ехали туда с определённой целью найти то, что переломит мир, ход всей истории, это точно!

Язык начал заплетаться.

- Но! - Игорь ещё раз хлебнул из бутылки. - ЭТО было привезено раньше. Ещё при царе. Представляешь, царь тоже интересовался этой темой.

Дино внимательно слушал и вдруг его охватило боязливое предчувствие.

- Я просто дурею, - Завадский разошёлся и от восторга размахивал руками, - царь интересовался, Советская власть интересовалась, Третий рейх тоже не обошёл вниманием. Оказывается, именно в этом самом месте по преданию существовала легендарная Гиперборея, праматерь человечества, цивилизация с высочайшими, даже на сегодняшний день, технологиями и магическими артефактами.

- И ты веришь во все эти сказки? - неуверенно произнёс Дино. Он и сам с сегодняшнего вечера не мог различить грань между сказкой и реальной жизнью.

- Фома ты неверующий! - обиделся Игорь. - У тебя пожевать нет чего? А то я, по-моему, косею, с утра ничего не ел.

- Найдётся.

- У тебя же в холодильнике мышь повесилась! От голода. Я видел.

- Какая мышь? - обомлел Дино.

Завадский расхохотался, увидев полное брезгливого ужаса лицо Дино.

- Эх, ты, ботаник! - Игорь вытер выступившие слёзы. - Так говорят, когда пустой холодильник, жрать нечего. Учить тебя - не переучить!

- Ну, мышь, запечённую в гриле я тебе боюсь предлагать, ты же не кореец, а вот фризелли - рискну. Итальянский, почти классический!

; Давай, - Гарик с недоверием покосился на холодильник, надёжно прячущий от посторонних иностранные деликатесы, - рискни...

Дино совсем не обижался на зубоскальства Гарика, ведь он был, в сущности, хорошим парнем, к тому же единственной ниточкой, связывающей с прошлым, только немного смвинутым на своей популярности. Но это уже, как говорится, издержки профессии.

Он тщательно отпилил от зачерствевшей буханки чёрного хлеба добрый кусок и бросил на решётку духовки.

- Неужели ты до сих пор не понял, - упивался тем временем Гарик своими открытиями, - что всё человечество делится на тех, кто обманывает и тех, кому сливают 'баланду для нищих', кому просто не раскрывают всей правды. Тысячи лет одна половина обманывает другую. А у нас - тарелки летают, барабашки стучат, чертовщина какая-то творится, а государство молчит, блин, как будто нет всего этого. Значит, есть, что скрывать? Вот и выходит, что не всем нужно знать правду!

- Да какую правду? - Снегин никак не мог взять в толк, к чему клонил Завадский, но ход его мыслей был, скорее всего, правильный, ведь одна из таких, тщательно скрываемых сторон, открылась сегодня и самому Дино.

- Я понимаю, что всё это выглядит как бред сивой кобылы. Я тоже так думал, когда мне один умный человек пытался всё по полочкам разложить. Но слишком уж всё железно складывается.

Дино стоял, сложив руки и облокотившись на дверной косяк, слушал, как покрасневшийся товарищ пытался собраться с мыслями, которые постоянно разбегались и выдавал одну нелепицу за другой. Его на удивление быстро развезло, пары алкоголя ударили в голову и остановить его было невозможно.

- Если ты сейчас говоришь о теневом закулиссе, то это просто смешно, - всё-таки попытался вставить Дино.

Завадский споткнулся на полуслове и удивлённо спросил:

- О чём я говорю?

- Ну, существует такая теория, что миром на самом деле управляют не всем известные официальные лица, а небольшая кучка избранных влиятельных людей, мировой элиты. Они то и разжигают войны, насаждают новые смертельные болезни, наркотики, чтобы избавиться от бесполезных едоков, вроде нас с тобой.

На этих словах Завадский снисходительно усмехнулся, уж к этой категории он себя точно не относил.

- В итоге, по их замыслу, на Земле должен остаться 'золотой миллиард', который и будет наслаждаться всеми благами, данными природой.

- Снегин, ты мне сейчас напоминаешь ту корову из анекдота. Две коровы на ферме беседуют: - Представляешь, люди нас держат, только чтобы доить, а потом убить на мясо. А вторая (это та, которая ты) ей и говорит: - Слушай, задолбали эти твои теории заговора!

Мне плевать, что там творится в мире. Я тебе о том, что лежит на поверхности, под самым твоим неверующим носом.

Вот скажи, возможно ли, чтобы в страну пришла ненавидимая народом власть, но через какое-то время этот самый народ шмыгающей массой, поджав лапки, и добровольно, строем под звуки мистических маршей идёт за ней, восхваляя и преклоняясь?

- Возможно, - на полном серьёзе ответил Дино. - И были такие случаи. В сказке 'Крысылов', например.

- Я тебя серьёзно спрашиваю!

- Ну, я опять отвечаю, теоретически возможно. Что-то подобное уже было у Стругацких, по-моему. Там башни строили для подавления сознания. У Беляева во 'Властелине мира', - Дино откровенно издевался, - сумасшедший учёный придумал механизм для управления миром. Но это опять же - фан-тас-ти-ка. Сказки!

- Башни, говоришь, - Игорь задумался и, покачиваясь, заходил по комнате. - Наша бы подошла в самый раз. Там ходов-переходов видимо-невидимо, даже люди теряются. Такой Бермудский треугольник! Торчит, как шприц, видимый отовсюду, если туда излучатель поставить, никто не догадается, а охватить можно всю Москву.

- Так, стоп, Игорь! - Дино поднял две руки вверх, этот бред начал его потихоньку раздражать. Так и до белой горячки недалеко. - Какой излучатель? Какая башня? Что ты несёшь?

- Ты не понимаешь! Ты ничего не понимаешь!

Голова Завадского безвольно упала на грудь. - Всё же к этому идёт!

- К чему, Игорь?

- Ты вообще знаешь, что в стране творится? Они же ни перед чем не остановятся. Вот-вот они запустят передатчик и начнут обрабатывать людей по полной, но пока у них не хватает одной, очень важной детали. А я её нашёл! Я! - он постучал себя в грудь. - Как её достать, это дело техники, но главное, они даже не знают, где она находится. А я знаю!

- Что это за деталь такая и кто они? Объясни нормально!

Гарик подозрительно принялся и показал пальцем на плиту.

- Слушай, там мышь твоя не сгорит?

Хлопнув себя по лбу, Дино ринулся к духовке.

- Это, - продолжил было Гарик и, сделав паузу, чтобы подчеркнуть торжественность момента, с расстановкой произнёс, - золотой гребень балерины!

Кровь отхлынула от лица Дино, пальцы ослабели и то, что должно было стать фризелли с тихим стуком брякнулось прямо на немый пол. Да что это такое, стоило появиться этой вещице в его жизни, как тут же начало происходить что-то странное, какой-то нездоровый ажиотаж закрутился вокруг неё!

- Ну, и... где он находится?

Дино изо всех сил пытался казаться равнодушным. Он сглотнул, подавив волнение, незаметно отряхнул упавший кусок, медленно смочил его в подсоленной воде, сложил на него уже нарезанный помидор, сбрызнул остатками оливкового масла и положил на тарелочке перед торжествующим Игорем готовый фризелли.

- О, - Завадский злорадно усмехнулся, - я вижу врубился наконец! Как где? Там, где ему и положено быть. В тайнике под особняком Гнежинской.

Дрожь пробежала по телу. Дино снова с трепетом вспомнил видение, ещё несколько часов назад представшее перед ним. Оно кипело жизнью и любовью так, что даже у самого отъявленного скептика не осталось бы малейших сомнений в правдивости её слов, как бы удивительны они не были. И что-то в конце она произнесла о гребне! Тогда он даже не воспринял её слов, голова была забита другим: внезапная, такая явная смерть Лизы, потом появление мамы, всё это настолько шокировало его, что последующее далее просто блокировалось и без того готовым взорваться мозгом. А ведь она произнесла какое-то имя! Странное, похожее на кличку.

- Что в ступор впал, кассету в башке зажевало? - вывел его из размышлений острый запах коньяка и жареного хлеба, бившего в лицо. Дино поморщился. Рядом стоял Завадский и довольно скалился. - Понял, наконец?

- Ты не знаешь никого по имени или, скорее, по кличке Маконя? Нет не Маконя, - силится вспомнить Дино, - Макоша. Точно, Макоша!

- Что, авторитет какой-то?

- При чём тут авторитет? Хотя, может и авторитет... Ну, вообще, слышал что-нибудь?

Игорь сморщил брови и, смешно выпятив губы, пытался вспомнить знакомых авторитетов, потом помахал головой:

- Не-а, я не знаю.

- Макоша, Макошь, - теперь пришёл черёд Дино ходить по кухне, с головой уйдя в размышления. - Была в славянской мифологии такая богиня. Её ещё называли Мать - сыра земля. Приносила процветание и удачу, - вслух рассуждал он. - После насаждения христианства трансформировалась в Праскеву Пятницу. - К сожалению, это было всё, что он знал об этой древней богине. - Но Гнежинская вряд ли была язычницей, да и с какой стати ей давать такие абстрактные, зашифрованные ответы.

- Снегин, - заканючил Гарик, - Я тебе про Фому, а ты мне... хрен знает про что!

- Да мне сегодня гадалка одна сказала... - соврал Дино. Не говорить же, в самом деле, что ему сама Гнежинская об этом сказала! Хорошенькая, наверное, со стороны у них компания получается. Один всё про Мировой заговор талдычит, другой с духами якшается.

- Ты чё, - не поверил своим ушам Завадский и пьяно ухмыльнулся, - к бабке ходил?

- Да это длинная история! Потом как-нибудь расскажу. Так вот, она мне сказала, что надо спросить у какого-то Макоши, якобы, он знает, где гребень.

- Так ты знал про гребень? - задохнулся Завадский от возмущения. - И мне ничего не сказал? Друг называется, блин!

Он сделал несколько неуверенных шагов к выходу, но ноги предательски подкосились и если бы Дино не успел его вовремя подхватить, так и распластался бы в своём прикиде от кутюр прямо на несвежем полу.

- Э, друг, да ты пьян совсем!

- Да, я пьян, - вися на руках Дино, промямлил напившийся Завадский. - Но я пьян от счастья! Я вообще не пью, чтоб ты знал. Пусти меня, я хочу домой!

- Да куда ты в таком виде, да ещё ночью!

Дино с трудом, потому что отяжелевший Игорь к тому же сопротивлялся и пытался ухватиться за всё, что попадало под руку, оттащил его в просторную гостиную. Поделённая на несколько зон, она служила хозяину и спальней, и кабинетом, и столовой. В дальнем углу, между стеклянной нишей полукруглого окна и огромным обеденным столом приютился массивный диван, где с лёгкостью могли расположиться двое. Туда-то он и уложил ослабевшего Завадского.

- Ни фиги себе! - Игорь пьяно огляделся и присвистнул от удивления. - Снегин, да ты буржуй! Это сейчас так научные работники живут? Ты что, взятки берёшь?

- Чего?

- Да обстановочка... А вот котлы у тебя плебейские.

Дино помог Игорю снять кожаные мокасины, который тот безрезультатно пытался стянуть и снова уложил его, накрыв тяжёлым, колючим пледом.

- Часы - это так, подарок.

- Ну, хреновый, значит, подарок! - Завадский на секунду задумался, вспоминая, где он видел такие же и махнул рукой, - А, выбрось. Слушай, - он снова попытался сесть, но потерял равновесие и неуклюже завалился, - а тётка твоя не придёт?

- Какая тётка?

- У тебя ж тётка была. Пелагея или... Вот, блин, надо же, забыл! Строгая такая! Из тех, что и коня на скаку перепрыгнет и..., ух! - он округлил ладони перед собой, изображая два невидимых шара. - Кровь с молоком! Померла, что ли?

- Тётка, говоришь? - Дино озарила одна догадка. Удивительно, как он раньше до этого не догадался! - Нет, не придёт. Уехала она, - и, беспокойно озираясь по сторонам, рассеянно добавил, - наверное.

Он кинулся к громоздкому, с резьбой буфету и распахнул нижние дверцы. Послышался звон отодвигаемой посуды, шелест бумаг. Ничего не обнаружив, Дино подставил стул и полез на антресоли, затем вывернул внутренности письменного стола, заглянул в платяной шкаф, перевернул содержимое комода и даже исследовал многочисленные книжные шкафы, обитые деревянными панелями, осторожно заглядывая за корешки книг. Он лихорадочно рылся и копался, что-то оттаскивал, перебирал, гремел посудой и стульями, хлопал дверцами, выискивая что-то, как ищейка.

- Снегин - простонал Игорь. - Что ты летаешь, как потерпевший, сквозняк создаёшь? Меня укачивает!

Он должен быть где-то здесь! Не может не быть! - думал Дино, стоя руки в боки посреди комнаты и покусывал губу от напряжения.

Завадский, покачиваясь, сел на диване.

- Чего ещё?

- Я писать хочу! - Игорь по-детски сморщился и смешно задрыгал ногами.

- Ну, иди. Сам-то дойдёшь?

- Обижает!

Игорь шатаясь и держась за стены, чтоб не упасть, поплёлся в туалет.

- Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, - вдруг запел он дурным голосом, жутко перевирая мотив.

Хорошо всё-таки, что Завадский остался ночевать. Одному в пустой квартире вряд ли удалось бы заснуть.

Взгляд вдруг упал на висевшую над диваном фотографию. Женщина, очень похожая на Дино склонила голову на плечо красивого немолодого уже мужчины, по виду годившегося ей в отцы. Именно её он видел сегодня на сеансе. И она что-то хотела ему сказать! Но ведь если они, духи ушедших людей, всё время незримо находятся где-то рядом и нас слышат, то может...

- Мамочка! - взмолился он мысленно. - Помоги мне, пожалуйста, понять, что со мной происходит!

И тут ноги сами собой, словно кто-то невидимый подтягивал его к фотографии, задвигались и он не успел опомниться, как коленями уперся в пухлую диванную подушку. Не мешкая, он приподнял крышку и под ворохом измятого постельного белья нашёл его - небольшой, в пластиковом синем переплёте, альбом для фотографий. Ну, вот, наконец, сейчас всё и прояснится!

Но тут раздался громкий вопль! Дино выронил от неожиданности альбом и опрометью выскочил в прихожую.

В дверном проёме, колыхаясь и цепко держась за косяки, шально улыбался Игорь.

- Я их раскусил! Это Мавзолей!

- Тьфу ты! - сплюнул Дино. - Я уж подумал...

- Это мавзолей, представляешь? - упрямо повторил Гарик.

- Это, - Дино для пушего убеждения ткнул пальцем в пространство за спиной Завадского, - туалет, Игорь! Опять ты за своё? Так и до горячечки недалеко!

- Не трогай меня, - хлопнул он по рукам Дино, который попытался с силой взять его под мышки.

- Ну, как знаешь, - Дино развернулся, - у меня дела поважнее есть, чем пьяную звезду на себе весь вечер таскать.

- Нет, ты только подумай, - Игорь семенил сзади, пытаясь чётко проговаривать расплзающиеся слова, - мимо чего десятки лет маршировали миллионы людей, распевая сакральные мантры славы? Мимо мавзолея. Куда первым делом вели иностранцев? На Красную площадь. Об-раба-тывать. И откуда вообще в атеистическом, - это слово особенно трудно ему далось, - государстве вавилонские замашки? Знаешь ли ты, историк хренов, что мавзолей - это точная копия вавилонского жреческого храма? И вавилонцы использовали его для жертвоприношений.

- Правильно говорят 'вавилоняне', - поправил его Снегин, раскрывая, наконец, драгоценный альбом. - В Вавилоне строились зиккураты - усечённые сверху пирамиды с подземным ярусом. В них, на подземном уровне, хранились мощи царя. Считалось, что через его тело входили силы бога подземного мира. А если уж быть до конца точным, это строение больше походит на пирамиду Луны, где ацтеки приносили жертвы своему богу Вицлипусли. Но это ни о чём не говорит! Просто архитектурное решение, не более!

Не обращая внимания на пыхтящего за спиной Завадского, Дино принялся рассматривать фотографии. Их было, как ни странно, совсем немного.

- Какой на фиг вицли-шмицли-пуцли? - запутался Завадский и шмыгнул носом. - По всему миру древние маги строили оккультные сооружения и только у нас это называется архитектурное решение! Офигеть! - не мог он нарадоваться сам на себя. - Ай, да Завадский, ай да сукин сын! Ой, - он из-за плеча Снегина ткнул пальцем в одну из фотографий, - наш класс! Смотри, какой ты тут волосатик! А этот урод - ботаник в отстойных очках - это я, что ли? Ужас! А Трепло какой худющий был! Это он сейчас шайбу наел.

- Какой Трепло?

- Друг наш ситный! Сейчас где-то в ментовке прозябает.

Дино нетерпеливо переметнул страницу.

- А, вот она, тётка твоя Ефросинья. Красивая всё-таки была, я люблю таких. Но злая!

- Ты же сказал Пелагея.

- Тебе же лучше знать, она же не моя тётка. Ой, - Гарик икнул, - чёт мне нехорошо. Мутить начало.

Дино уже в который раз уложил поддатого друга и заботливо укрыл.

- Дедушка Ленин, дедушка Ленин... Вицлипуцли - вот кто он, - раздалось из-под одеяла сонное бормотание.

Сидя за обеденным дубовым столом, который ещё помнил ушедших родителей, Дино вынимал из закрепок фотографию за фотографией и заново проживал, восстанавливал по крупинкам, благодаря своему удивительному дару, свою забытую жизнь.

Эпизод за эпизодом, как в калейдоскопе, мелькали картинки, не связанные между собой единой нитью, многое оставалось за рамками, но и того, что он видел, хватило, чтобы хоть немного расцветить белый лист своей исчезнувшей ёпамяти. Изображения проявлялись чёткие, достоверно оживляя фотографии в мельчайших деталях, показывали важные события его жизни.

Сколько он так просидел, Дино не помнил. Когда начало светать, он взял в руки последнюю фотографию. На него смотрела миловидная женщина с доброй улыбкой, гордым взглядом и гладкой кожей. Её можно было бы назвать красивой, если бы не

испещрённое мелкими веснушками лицо с невыразительными, словно выбеленными бровями и ресницами. Про таких говорят, женщина без возраста, на вид ей можно было дать и тридцать лет, и пятьдесят. Дино поводит ладонью над фотографией и закрыл глаза.

Глава 16.

- Не понял, он что, пьяный что ли? - по-женски хихикнул в темноте голос.

- Пьяный, пьяный. Небось, всю бутылку высосал. А скорее всего, нанюхался чего, уж больно он это дело уважает, - пробурчал второй.

- Что он там за ахинею несёт? - не унимался молодой.

- Твоё дело на кнопки нажимать, плёнку перематывать да помалкивать, - резко оборвал второй. - А я выйду, покурю.

- Так вы ж не курите, товарищ подполковник!

Боковая дверь бесшумно отъехала и слабый свет далёкого одинокого фонаря на мгновение осветил набитый аппаратурой внутренности салона. Из неприметного тёмного фургона с тонированными стёклами, вкрадчиво затесавшегося в самом углу тёмного двора выскользнул человек. Одетый во всё чёрное, он нырнул в ближайшие кусты и слился с темнотой. Торопливо справив мелкую нужду, он вытер руки измятым носовым платком, достал телефон и не спуская глаз со светящегося окна на девятом этаже, набрал номер.

- Алё? Это Путьцев говорит. Тут звезда наша разухабилась.

В трубке затрещало и Володя, поморщившись, отодвинул её подальше от уха.

- Где? У оператора дома, пьяный. Нет, но он назвал ключевое слово.

И помолчав, продолжил:

- Да неважно, что он там ляпнет, главное, его могут услышать. Растрезвонит на своём телевидении, на это карканье слетится много воронья, к чему нам лишние разговоры? Ага, вас понял!

Почти бегом он промчался до фургона.

- Всё, сворачиваемся!

- Куда, товарищ подполковник, мы же ещё...

- Давай, стажёр, домой к этому петушку.

Глава 17.

Сквозь узкую щель в двери плохо просматривалась окутанная в полумраке комната. Видно было лишь, как на стуле, не доставая ногами до пола, сидел мальчишка лет семи. Хлопая заплаканными глазёнками, он пугливо наблюдал за хлопочущей вокруг него незнакомой, не похожей на доктора, тётенькой. Та деловито выставляла на дощатый стол совсем не те страшные вещи, которых он так боялся у врачей и при этом так разговаривала таким ласковым голосом, так по-доброму улыбалась, что малыш, шмыгнув носом, почему-то поверил ей и стал даже с любопытством ждать, как же она собирается его лечить.

- Ты только молчи, миленький, ладно? Ничего не говори, как будто в рот воды набрал и ни одна капелька чтобы не пролилась. Так надо. Сиди просто, смотри.

Мальчик надул щёки и плотно сжал губы, что б уж точно, ни она капелька не просочилась.

- Вот молодец! А как только мы закончим, там уж и начнёшь щебетать на здоровье, маме на радость. И никто дразнить больше не будет.

Она с глухим стуком водрузила на стол пустую стеклянную банку.

- А м-м-амма не у-уй-дёт? - сильно заикаясь, спросил мальчуган.

- Да что ты, маленький, он на улице дожидается. Про воду помнишь?

Малец кивнул головой и послушно надулся. Раздался треск, очень похожий на звук разбиваемого яйца, потом какое-то хлюпанье. Женщина стояла спиной и в щель не было видно, что же там происходит, только невнятное нашёптывание раздавалось то и дело в тишине. Пока она колдовала над головой мальчика, в банке начали происходить удивительные вещи. На дне что-то странно зашевелилось и стало расти. Быстро увеличиваясь в размерах, как бы распухая, шевелящаяся масса доросла до середины банки. Одно моргание удивлённых глаз и глядь!.. А там уже подчиняясь неведомой центробежной силе, выполняя какую-то диковинную работу, бегали по кругу... малюсенькие человечки. Гномики!

Крик изумления, нет, не крик даже, выдох вырвался невольно, но этого было достаточно, чтобы дверь распахнулась и всё пространство перед глазами заполнило перекошенное от гнева лицо, изрытое, как печёное яблоко, морщинами.

Дино отпрянул от фотографии, как тогда, в детстве, испугавшись такого незнакомого лица тётки, обожающей его до самозабвения. Видение словно смело толщу пыли, наглухо застилавшую таинственные ячейки памяти.

Рыхлый рассвет, смущаясь заглядывал в окно и, пробираясь сквозь засохшие цветы на подоконнике, падал мутным утренним светом

За столом, обессилено пожив голову на руки, спал невероятно уставший от переживаний, которые ему довелось сегодня испытать, Дино.

Шутка ли, за несколько часов прожить целую жизнь!

Глава 18.

- Дино, ты можешь толком объяснить, куда мы едем?- стуча каблучками по гранитным плитам, спросила Лиза. Она запыхалась и еле поспевала за Дино, усердно стараясь не поскользнуться на скользком полу.

Они промчались по длинному проходному коридору, спустились по широкой лестнице и оказались на платформе, освещаемой свисающими со сводчатых потолков в клетку, круглыми светильниками. Невдалеке, на фоне жёлтых мраморных стен, маячила огромная мозаичная голова Вождя мировой революции.

На перроне уже топтался в ожидании поезда разнопёрый народ. Рабочий день подходил к концу и жители пригорода, студенты, рабочие и конторские клерки разъезжались по окраинам, чтобы наутро снова вернуться в этот кипящий муравейник мегаполиса, неистощимо благодатный на прокорм.

Дино придирчиво осмотрел Лизу сверху донизу. Твидовый кремовый костюм безупречно сидел на её изящной, словно изваянной, фигурке, а распущенные золотые волосы, аккуратно сдерживаемые сзади заколкой, открывая лицо, мягко струились по плечам.

- Я же просил тебя, одеться попроще, - глядя на бежевые, в тон костюму, туфли на каблучках, стушевался Дино. - Тяжеловато тебе будет.

- Да как попроще-то? - возмутилась она и, оглянувшись по сторонам, уже тише продолжила, - Я срываюсь с работы, лечу неизвестно куда. Где я могла переодеться?

Она перешла на заговорщицкий тон.

- Это будет ещё один сеанс, да? А что, мне начинает нравиться эта тема!

Народ всё прибывал и прибывал, всё теснее прижимая их друг к другу. Дино предусмотрительно взял ладонь девушки в свою руку, чтобы не потеряться в этой сутолоке. И правильно сделал, потому что буквально вслед за этим нахлынувшая волна желающих убраться восвояси из этого города внесла их в распахнувшийся зев вагона и плотно прижала к противоположной двери. В спёртом воздухе разнёсся устойчивый смешанный запах духов, пота, колбасы и перегара.

- Ненавижу общественный транспорт! - сморщила носик Лиза. - Нельзя было на машине? Я бы служебную взяла.

- Нельзя, - Дино боялся признаться, что дороги он попросту не помнит, - Мы бы в пробках дольше...

Тут вагон плавно дёрнулся и Лиза оказалась так близко, что он почувствовал свежий запах её волос. Нежный, ни с чем не сравнимый, он щекотал ноздри, а в памяти проплывало, как, окутанная сумраком таинственной гостиной, стояла она вчера богиней, рождённой из пены сновидений, её мистическая смерть, вызванная гением из мира духов, чуть не лишившая его рассудка. Он не хотел её больше потерять!

- Вы должны нас извинить за столь жестокий эксперимент, - раздался в ушах голос Стахова. - Это ещё раз подтверждает, что людям, не прошедшим определённую подготовку, очень опасно, если не противопоказанно участие в таких демонстрациях. Рассудок людей, тысячелетиями убеждаемый в одном, может не выдержать картину обратного. Нам пришлось уберечь вас от этого, временно парализовав вашу волю. Я изучаю эти феномены уже много лет и многого насмотрелся. Реакция людей непредсказуема, вплоть до разрыва сердца. Мы не можем себе этого позволить.

- Но почему, если этот мир так... реален, - Дино сам не мог поверить, в то, что говорит, - все научные силы мира не бросить на его изучение? Уверить людей!

- О,- с жаром воскликнул лорд, - я бы сказал больше! Он более реален, чем наш мир, вернее, чем наша иллюзия реальности. На земле была проделана огромная работа по сокрытию этих знаний. Во все времена находились люди, которые пытались раздвинуть границы невежества - Пифагор, Платон, Аристотель, Сократ, но их никто не слышал. Человек ограничен в своих органах чувств и ему трудно поверить, что рядом с ним кипит жизнь - невидимая, несколько иная, но совершенно реальная. Ведь мы не можем видеть ветер, мы просто знаем, что он есть по движению листвы, по дуновению, по ряби, пробежавшей по воде.

- Но ведь в Библии...

- Библию, мой друг, писали люди, спустя много столетий после описываемых в ней событий. Следовательно, её нельзя считать достоверным источником.

- Дин! - прозвучал тихим колокольчиком голос. - Я очень устала.

Лиза еле стояла, перетаптывалась на онемевших ногах и никак не могла взять в толк, о чём идёт речь.

- Да, да, конечно, молодые люди, не смею вас задерживать. А вам, леди, - Павел Илларионович с нескрываемым восхищением смотрел на неё, - я настоятельно рекомендую хорошо отдохнуть. Природа щедро наделила вас особыми свойствами, которые только начинают вам открываться. Это связано с колоссальными затратами энергии, но со временем вы научитесь использовать их без опаски для здоровья.

- Скажите, а что это был за несчастный дух? - не удержался и задал Дино последний вопрос.

- Это один из неприкаянных духов. Он ещё не понимает, что мёртв. Бродит, как в тумане, в растерянности и сомнении. Его ложные убеждения тверды и расходятся с тем, что он увидел на самом деле. Многие, попав туда, совершенно беспомощны. Они слишком привязаны к земле, поэтому плотны и тяжелы, чтобы подняться наверх. Мы пытаемся им помочь, указать нужный путь.

- Ты тоже думаешь об этом? - Лиза не сводила с него пристальных глаз. Ей нравилось это новое ощущение - быть посвящённой в тайну, которую пока не дано постичь окружающим их, занятым своими мирскими делами, обывателям.

Дино лениво кивнул. Они стояли, тесно прижатые друг к другу и молча смотрели на свои отражения.

Однообразная стена, мелькавшая за окном сменялась панорамными видами утопающей в весенней молодой зелени Москвы и поезд, ныряя под землю, стуча, снова проносился сквозь серое однообразие.

Люди заходили и выходили, толкаясь и наступая им на ноги, менялись запахи, звуки, настроения и глядя на это суетное мельтешение, Дино поражался, как мало они знают об истинном многообразии жизни. Ему мучительно захотелось остановить их, образумить, но для чего? Чтобы в ответ они назвали его обманщиком и безумцем? И он, отвернувшись, снова уставился в окно.

- Теперь-то ты можешь рассказать, что там произошло? - первой нарушила молчание Лиза.

- Мясо опять подорожало! - рядом, на отвоёванные с боем места, плюхнулись две дородные тётки злобными, отягощёнными нелёгкой долей, лицами .

- Я что, сознание потеряла? - не отставала Лиза.

- Так я вот свининку прикупила по смешной цене, - гремел голос одной из тёток.

- Ты умерла, - неожиданно для него самого вырвалось у Дино.

- Немного с душком, ну да ничего.

Лиза улыбнулась.

- Я серьёзно.

- Промою в уксусе, зажарю, потом потушу, ничего не почувствуется.

- Я тоже.

Познание иного мира, даже такое мимолётное, принесло невероятную печаль.

Дино очень хотел рассказать, поделиться, какие невыразимые чувства охватили его, видя её предсмертные страдания. О несчастном скитальце, блуждающем во мраке и не находившем успокоения. О матери, появившейся на мгновение и так же внезапно исчезнувшей. О видениях таинственного мира, предсказании балерины и проведённой бессонной ночи, в результате которой они несутся сейчас в забытое неизвестное только благодаря внутреннему чувству, которое и вело его, зыбко качаясь на волнах памяти. Но тётки, ничуть не стесняясь других пассажиров так громко принялись обсуждать рецепты кулинарных изысков приготовления заговявшегося мяса, которые перешли, не сбавляя тона, в обсуждение скромных и незатейливых радостей семейной жизни, что откровенничать расхотелось.

Дино очень боялся ошибиться и ему было очень важно, чтобы Лиза была с ним рядом. А она уже и не спрашивала, куда они едут, полностью доверяясь ему.

Приятный голос, наконец, объявил последнюю остановку и вагон опустел.

- Ты думаешь, она их видела?- они самыми последними медленно поднимались на эскалаторе на поверхность.

- И всё-таки, вчерашний сеанс меня не впечатлил. Может, просто я всё самое интересное пропустила. Зато потом спала, как убитая, в отличие от предыдущей бессонной ночи. Всё лежала и думала. Это смахивает на ловкую фальсификацию. Как говорит мой шеф: 'понты для приезжих'. Она этих духов как билетёрша в театре распределяла, вам сюда, а вам к этому человеку, а вам на это место. Как такое возможно? Ты думаешь, она действительно их видела?

- Кого? - думая о своём спросил Дино.

- Духов!

- Я их всё время слышу! Слышу, как они хотят, чтобы рассказывали о них, заметили. Терзают меня, тянут за рукава: я следующий...нет, я! Но я не успеваю представить всех, хотя стараюсь изо всех сил! - раздался снова в голове голос Белзье.

- А мы с тобой даже обсудить это не можем! - выговаривала Лиза. - Всё летим куда-то... Не в метро же об этом говорить, в самом деле! Что подумают люди, послушав содержательную беседу двух сумасшедших?

Они вышли на улицу. Свежий и чистый воздух, запах зелени, цветущих садов с вкраплением приятного дымка, который только и можно почувствовать за городом, ворвался в лёгкие, расправляя их и заставляя дышать полной грудью.

- Нет, меня просто захватила эта тема! - без умолку щебетала Лиза. - Можно назвать это исследование 'Разоблачение шарлатанов из мира духов'. Или просто 'Духовное шарлатанство'. Дино, нет, не пугай меня!

Прервав цепь своих рассуждений, она настороженно посмотрела в ту же сторону, что и её спутник. От треугольного, словно игрушечного автовокзальчика, словно от солнца, нарисованного детской неумелой рукой, аккуратными лучиками были расставлены рейсовые автобусы.

Дино растерялся. Путеводная ниточка, что так уверенно вела его из глубин подсознания, открывшись на кодовое слово, казалось, была потеряна навсегда. Споткнулась о нумерацию автобусов и... растаяла.

- Только не говори мне, что это ещё не всё и нам предстоит ещё трястись на автобусе.

Именно это он и хотел сказать. Как же ей объяснить, что не знает, а, вернее, попросту не помнит дороги, идёт по наитию. Поэтому и взял её с собой, чтобы не свернуть с полдороги, пройти до конца.

- Ба! Ни фиги себе, какие лица! - раздался совсем рядом радостный вопль. Прямо на них, расставив руки, будто пытался поймать их невидимой сетью, вихляющей походкой двигался здоровенный детина.

Этого ещё только не хватало! - Дино инстинктивно сделал шаг вперёд, чтобы избавить насторожившуюся Лизу от безобразных цепляний и нападок пригородного гопника.

- Это ж каким ветром нас сюда занесло? - продолжал скалиться бугай.

Дино напрягся, готовясь отразить любой удар. Хотя весовая категория была явно не в его пользу, но рыхловатость громилы, отёчность под глазами и припадочный румянец на щеках не говорили о его хорошей спортивной форме.

- Динка! Здоровяк расхохотался удивительно залиvistым и чистым, как у ребёнка, смехом. - А я издаleка смотрю - ты, не ты! Ты, чертяка! - и дружески хлопнул Дино по плечу.

- К тётке приехал? Правильно! И красавицу какую с собой привёз!

Здоровенными ручищами он обнял обоих за плечи и с силой поволок к вокзальчику. Лиза недоумённо покосилась на впившуюся в плечо ладонь с вьезшейся под ногтями грязью и из под плеча бугая посмотрела на Дино. От просаленной байковой рубашки несло потом и машинным маслом.

- Нагулялся, значит? Правильно, сколько можно бобылём ходить? За ним знаете сколько девчат увивалось? Ещё бы, столичный хлопец, красавчик, умница, спортсмен - не нам,

голытьбе, чета! Да ещё с квартирой в центре Москвы. У-у! - гремел Громозека. - А он всё перебирал, зато вон какую кралю отхватил!

Он панибратски потрепал смутившуюся девушку, и без того чувствуящую себя неловко в сильных объятиях.

- Затрухайся, едрёныть! - подтолкнул он обоих к допотопному автобусу. Лиза с сомнением посмотрела на невесть каким образом сохранившийся экспонат. Обшарпанный, с проплешинами родной краски и нанесённой чуть ли не обычной малярной кистью другой, слегка не в тон, с обмотанной синей изолентой ручкой, он не вызывал ощущения, что может не только куда-то довезти, но и даже сдвинуться с места, предварительно не развалившись.

- Не Мерседес, - оправдывался водитель, - зато по нашим дорогам этой барбухайке цены нет. Вмиг домчит! Скоро обещали новый дать, да в наше захолустье пока доберутся! Пока - что есть, то есть.

Внутри автобус был немного симпатичней, чем снаружи. Новая оббивка и кокетливо собранные, хоть и не очень свежие, шторы даже создавали некоторое подобие уюта.

Редкие пассажиры с интересом смотрели на красивую пару.

- Здравсьте, - натянуто улыбнулась старушка и кивнула Дино как старому знакомому и тутже, проводив их взглядом, стала увлечённо нащёптывать что-то соседке помоложе.

'Так, - подумала Лиза, - в предлагаемых обстоятельствах прояснились новые детали.'

И снова принялась приставать с расспросами.

- Дино, ты объяснишь, наконец, куда мы едем? К какой тётке? Зачем? И кто это такой? - зашипела Лиза, показывая взглядом на новоявленного знакомого, оказавшегося водителем.

- Я не знаю, - честно сказал Дино и, увидев её удивлённые глаза, добавил, - то есть, не помню.

- Дино, не морочь мне голову! Какие-то люди тебя узнают, братаются, чуть ли не целуются с тобой на улице, а ты их не знаешь. А завтра скажешь, что и меня не помнишь?

- Нет, - глаза его потеплели, - не скажу.

- Тогда говори, зачем ты меня к своей тётке везёшь?

- Я про тётку сам только сегодня ночью узнал.

- Да? - она недоверчиво округлила губки. - И как? По интернету или во сне увидел? Что ты всё время врёшь и изворачиваешься? Неужели так трудно сказать правду?

Заведённый с нескольких попыток движок взревел и автобус, накренившись на один бок, рванул с места. В салоне запахло отработанным бензином, а откуда-то из-под пола

раздалось странное брэнчание, очень похожее на звон бутылок. Но мотор работал очень тихо и на последние брошенные Лизой слова оглянулась любопытная старушка

Лиза обиделась и отвернувшись, надула губки. Потом, подумав, снова повернулась и выдавила:

- Понятно, на смотрины везёшь!

С чего он только взял, что я питаю к нему какие-то чувства! - думала она. - Нет, но откуда такая самоуверенность, что нескольких мимолётных встреч достаточно, чтобы представить меня своим родственникам в качестве невесты. И почему он всё время врёт!

- Слушай, а где ты так играть научилась? - спросил невпопад Дино, вспомнив, как виртуозно бегали по клавишам её пальцы, исполняя знаменитую симфонию, какие нечеловеческие звуки она извлекала из инструмента.

- На чём? - она удивлённо приподняла брови.

- На рояле?

- На каком рояле, Дино? Про таких, как я говорят, не то, что медведь на ухо наступил, а он мне ещё и обе ноги отдал. У меня же ни голоса, ни слуха. Ты мне зубы не заговаривай, будешь рассказывать?

Сказать, что рассказ Дино произвёл на неё впечатление, значит, ничего не сказать. Многому она не очень поверила, считая, что он несколько приукрашивает, непонятно, правда, для чего. Чтобы выгородить этих людей, которые отлично инсценировали спектакль с подставными 'духами'? Но ведь они ему никто. К тому же она сама стала частью этого спектакля. Её-то уж никто не подкупал. Выгородить себя? Он ей и так нравился, такой, какой есть, с памятью или без. А эта телевизионная 'звезда', и без того болеющая манией величия, приобрела ещё и паранойю! Подумаешь, одной манечкой больше, одной меньше, у творческих людей такое встречается. Самое поразительное, что все эти события нанизывались одно на другое, как лепёшки в детской пирамидке, на одну ось. Похоже, что призрак балерины говорил правду, - обескураженно думала Лиза. Как они могли узнать о тётке Дино, когда он сам её не помнил? К тому же такие важные подробности, как её прозвище. Всё это никак не укладывалось в цепь её логических рассуждений.

- Это всё из-за него, да, из-за гребня этого?

Дино пожал плечами.

- Теперь ты понимаешь, почему я очень хотел, чтобы ты была рядом?

Бедный, у него своих проблем хватает, так я ещё втянула его в историю, - корила она себя.

- Дино, это только лишний раз доказывает, что ты... мы, - она взяла его за руку, - на правильном пути.

- Скажи, а я была очень безобразна..., - она имела в виду раздувшиеся ноги, но даже боялась это произнести, - в этом виде?

- Ты была прекрасна!

Они долго тряслись на этой развалюхе, что, впрочем, не мешало, ей гнать с огромной скоростью. Он жутко гудел и хрустел под полом, трясся на самой мелкой кочке и опасно наклонялся на поворотах. За окном тянулись бесконечные берёзовые леса, до блеска вымытые прошедшими дождями. Леса сменялись великолепными сосновыми борами на белёсом песке. А когда автобус, не сбавляя скорости, нырнул в низину и покатился по мосту, Лиза затаила дыхание от восторга. Широкая река потрясающе красиво сверкала и переливалась под заходящим солнцем. Справа от дороги, вдали, на высоких холмах висел небольшой городок с милыми деревянными, словно кукольными, домиками и бледно-синими куполами монастыря. Автобус круто свернул с бетонки, серой лентой убегающей за горизонт, с натугой взобрался на горку, пронёсся мимо облезлого покосившегося указателя с надписью 'Выселки', выбитой почему-то славянской вязью и, крякнув, резко остановился у крайнего дома.

Добротно сработанный, в деревянных кружевах наличников и высокой мансардой, кокетливо увенчанной флюгером-петушком, он разительно выделялся на фоне деревенских лачуг, лёгких дачных домишек и даже типичных новостроек, виднеющихся вдалеке, стандартных, а потому ничем не примечательных.

- Приехали! - подмигнул в зеркале водителя.

Ну, так я заеду завтра с утра, махнём на рыбалку?- уже высунувшись из окна, оскалил бугай щербатые зубы.

Дино посмотрел на Лизу, с жалостью разглядывающей носки своих запыленных туфель. Дождь, похоже, обошёл стороной эти сохранившие пасторальную чистоту места и, судя по крупным отпечаткам капель, только слегка поприбил дорожную пыль.

- Нет, мы сегодня же обратно.

- Что, даже чаю не попьёте? - хохотнул водитель.- Ладно, давай, - протянул он ручищу, - передавай привет Макоше!

Дино почувствовал, как кровь отхлынула от лица.

- Кому?

- Ой, извини, Праскеве Фаддеевне.

И, махнув рукой, укатил дальше, обдав облаком пахнувшей дождём пыли вконец озадаченных искателей сокровищ.

Глава 19.

Давно он не чувствовал себя так гадко. Непривыкший к обильным возлияниям организм был отравлен выпитым вчера коньяком и расплачивался за это каждой клеточкой. Безумно хотелось пить, голова кружилась, раскалывалась на тысячи мелких кусочков, но пошевелиться не было ни сил, ни возможности. Самое лучшее средство в этом случае - холодный душ, но для этого нужно подняться с кровати и, что хуже того, дойти до ванной, а это было равносильно самоубийству.

При одной этой мысли выпитая коварная жидкость вот-вот грозила вылиться наружу. Он боялся открыть глаза, но, чтобы избавиться от отвратительных, назойливых кругов перед закрытыми глазами, он всё же с трудом разлепил веки и с удивлением огляделся. Как он добрался домой, он помнил с трудом, как и то, что какой-то случайный мудака, когда он карабкался по лестнице, уколол его остриём зонтика прямо в пятую точку и, извинившись, побежал дальше, перескакивая через ступеньки. Укол был болезненным, правая ягодица и сейчас отчаянно саднила.

- Так тебе и надо! - резко повернув кран, сделав струи обжигающе-холодными, выговаривал он сам себе.

Суперсовременный новомодный душ бил из множества дырочек и искусно имитировал струи дождя, которые с силой хлестали тело.

Поворот в другую сторону. Горячо. И снова ледяная. И снова обжигающий кипяток.

Игорь с жадностью ловил капли и высасывая зубную пасту прямо из тюбика, полоскал рот, пытаясь избавиться от неприятного привкуса.

Хорошо ещё, что сегодня понедельник, выходной и не надо идти на работу. Растеревшись до красноты, как он делал всегда, Игорь развернулся спиной к зеркалу во всю стену. Сбоку на волосатом бедре красовалась небольшая красная припухлость. Вот урод! Где это видано, чтобы зонты такими острыми были? Для самообороны что ли?

Он накинул на голое тело короткий, нежно-персиковый халатик с вышитым вензелями логотипом одной из гостиниц, где он бывал. Кто-то забирает из гостиниц мыло и шампуни, кто-то полотенца, кто-то простыни, а Завадский не гнушался ни тем, ни другим, ни третьим. С этой своей клептоманией он ничего не мог поделаться. Вроде, и не нуждается ни в чём, а вот противиться этой ещё одной своей слабости он не мог. Это было сродни собирательскому азарту. Даже вчера с яхты Бориса Львовича не забыл прихватить белоснежный с оранжевой окантовкой по воротнику и буквами БЛЛ. На память.

Нет, всё-таки контрастный душ творит чудеса! Стало намного легче, только всё ещё тошнило. Он снова почувствовал вкус вчерашнего коньяка и содрогнулся.

Вспомнив, что в недрах огромного двухдверного холодильника с прошлой вечеринки должны были остаться маринованные корнишоны, он перешагнул через неряшливо

разбросанные на полу вещи, скинутые впопыхах и, потирая ноющую ягодицу, прошлёпал на кухню.

Немцы в таких случаях предусмотрительно оставляют на утро открытую баночку пива, обмануть организм. Алкоголь выдыхается, а ощущение остаётся. Говорят, помогает. Немцы - умные. А он - дурак, и обманывать организм не привык, да и пить не научился. Пиво, даже выдохшееся, его сейчас мало интересовало, а вот ледяной рассол, живительный эликсир, был в самый раз и должен окончательно вернуть его к жизни.

Тщательно выбрав подходящий фужер из бара, оказавшийся для мартини, схожего по цвету с рассолом, он терпеливо вылил такую же золотистую, только с мелкими укропными зонтиками, жидкость из банки и, закрыв глаза, выпил. Зубы обжигают заломило. Он прижал тыльную сторону ладони к плотно сжатым губам, остужая ломоту, потом налил ещё и посмотрел на прозрачную жидкость на свет.

Он старался во всё придерживаться эстетики, даже в таких излишних мелочах. Сказывалось небогатое детство и нищее студенчество.

Он вырос в семье с весьма скромным достатком в коммунальной квартире на пятом этаже без лифта со всеми бытовыми дрызгами на кухне и общей уборной. Мать-учительница растила его одна. Перебиваясь какими-то разовыми заработками, где-то репетиторством, где-то кружками, с большим трудом зарабатывая на умеренную жизнь, ей всё-таки не удавалось насытить всё возрастающие потребности отпрыска. Красивая жизнь, пестревшая с экранов и модных журналов, манила и звала. Маленький тщедушный очкарик, завидуя благополучным одноклассникам, обрастал комплексами, от которых сейчас, спустя много лет, вознесясь на самую вершину медийной пирамиды, пытался спрятаться за обманчивостью подобия тем детским мечтам о красивой жизни. Теперь он мог себе это позволить, мечты стали реальностью. Но то, с какой завидной периодичностью он менял мебель, покупал новомодные электроприборы и прочие престижные атрибуты достойной жизни, наводило на мысли, что он всем видом пытается доказать, и в частности, самому себе, что он - лучший, избранный. Не даром он не уставал всем с гордостью напоминать, что сам сделал себя, забывая при этом людей, что вели его к успеху и искренне не понимая, что всего лишь винтик в гигантском отлаженном механизме.

Взгляд случайно упал на бронзовую пепельницу для гостей в виде головы Мефистофеля, стоявшую почему-то не на своём месте. А у каждой вещи в этом доме было своё, строго отведённое ей место и он следил за этим с тщательностью педанта.

Он протянул руку к пепельнице и тут же отдернул в испуге.

Ему показалось, что рогатый демон, словно дразня, высунул изо рта язык! Завадский захлопал глазами, пытаясь сморгнуть безобразное видение. Ничего себе, допился! Ещё раз бросив испуганный взгляд на пепельницу, он на всякий случай отвернул её от себя.

По мановению пульта плотные гардины разъехались в разные стороны, обнажая огромные, во всю стену, окна. Яркий солнечный луч, выглянувший ненадолго сквозь пелену набухших облаков, залил шикарную квартиру-студию, отделанной в лучших

традициях многозвёздочных отелей и так же безупречно прибранную. Дом-отель без хлама и пыли. Детская мечта о кругосветных путешествиях и тут нашла своё отражение.

Игорь включил компьютер и пока он загружался, снова с опаской оглянулся на пепельницу. Если что-то происходит, то нет никакой гарантии, что это не произойдёт ещё раз - гласит один из законов Мэрфи. И хоть маловероятно, что это ужасающее зрелище повторится, мало приятно хранить вещицу, которая в любой момент может отчебучить невесть что. Он решительно подошёл к столешнице и, стараясь не смотреть на пепельницу, выкинул её с мусорное ведро.

Всё, теперь никакая нечисть не будет отвлекать его от задуманной работы. И даже головная боль совсем ушла, как только он открыл крышку новёхонького, апельсинового цвета ноутбука и растворился на бескрайних просторах Сети.

- Я сначала думал, он матерится - лаобань, да лаобань! А это, оказывается, хозяин по ихнему. - Борис Львович хихикнул. - Ну-ка, Вань, - подозвал он повара, - озвучь свою теорию.

- Какую, лаобань? - китаец почтительно поклонился.

- А ту, что ты мне намедни о ваших мумиях рассказал.

- Они не наши, лаобань. Китаец не строит серафиму, нам не можно!

- Ну, в-общем, выдал он мне одну штуку. То ли шумеры, то ли в Древнем Египте...

- Нет, - снова поклонился китаец, - когда люди большой были.

- Вот, - одобрительно кивнул Лесоводский, - существовала технология, что-то вроде обратимой консервации. Тело вскрывали, удаляли из него все внутренности, заливали особым раствором и туго перематывали.

- Борис Львович, - Игорь с аппетитом обсасывал обжаренную на огне куринную ножку, - ну, это же обычное для тех времён мумифицирование. Этих мумий фараона...

- Да это я и без тебя знаю, ты послушай дальше. Мумия...

- Серафима, - упрямо повторил китаец.

- Вот ведь заладил! Ну какая Серафима?

- Якоря, лаобань.

- А, ну да. Это забальзамированное тело, которое он всё время серафимой называет, - китаец кивнул, - было своеобразным якорем, удерживающим душу. Считалось, что таким образом можно даже через очень длительное время оживить тело.

- Для чего? - Игорь перестал жевать.

- А для того, чтобы сохранить знания. Для потомков.

- Но каким образом можно оживить, извините, выпотрошенное тело?

- О! Это не менее интересный ритуал. Если тело принадлежало учёному, то основной предмет оживления - голова, если виному военному начальнику - всё тело. Никогда не знаешь, какие знания понадобятся. Таким образом они хранились, дожидаясь своего часа. Пока не созреет материальная база, нужные технологии, мумия хранится под стеклянным, желательнее хрустальным саркофагом. Тебе это ничего не напоминает?

- Ну, разве что 'Сказку о мёртвой царевне', - пожал плечами Завадский.

- Сказка, друг мой, ложь, да в ней намёк. Была ещё одна особенность.

- Какая, - Игорь подавил зевок.

- Если соблюдать определённые условия, мумию можно превратить в эгрегор. И тогда всё психотронное оружие мира может оказаться игрушкой по сравнению с его силой.

- И что это за условия?

- Жертвоприношения! - выпучив глаза, прошептал Борис Львович, как школьник, рассказывающий страшную историю.

Игорь поперхнулся и, вытирая белоснежной салфеткой губы, взмолился:

- Борис Львович! Ну, хватит меня разыгрывать! Я уж было повёлся, - слукавил он, не веря на самом деле ни одному слову Лесоводского.

- А я тебя не разыгрываю, я тебе глаза открываю.

- Хорошая у вас тактика - закрыть мне рот, чтобы открыть глаза. У меня весь аппетит пропал.

- Да ты кушай, кушай. Я постараюсь лояльненько так обрисовать, без жутких подробностей.

- Вот спасибо!

- Мы остановились на том, что этой мумии нужна постоянная подпитка, энергетическая, в виде поклонений, распевания гимнов, мантр и совсем иного рода, - Борис Львович с опаской посмотрел на Игоря, - ну, то, что я сказал раньше.

- Мгм, - промычал Игорь, - Я понял.

- Тогда подключается усилитель в виде золотой пластины, желательнее древней, с начертанными на ней указаниями и душа мумии начинает выполнять любые указания - влиять на огромную национальную общность, диктовать свои условия.

- А зачем это мумии?

- Ну, что ты как ребёнок! За этим стоят люди. Страшные люди!

Первым делом он вбил в поисковик слово 'серафим', но, похоже русскоязычному сегменту всемирной паутины в нужном ему значении это слово знакомо не было.

Поисковик выдавал шестикрылого Серафима, Серафима Саровского, Серафимо-Дивеевский монастырь, Серафимовича и даже какую-то Клавдию Серафимовну.

Игорь ничего другого не ожидал и решил зайти с другой стороны - более продвинутого и многознающего западного интернета и вбил слово латиницей. Тоже ничего особенного.

Он задумался. Что-то во всей этой истории было. Насколько интересное, настолько и странное. Знамёна с головой вождя, демонстрации с портретами, пионеры, бюсты, октябрятские значки - всё это словно было частью какого-то гигантского таинственного ритуала во имя тщательно оберегаемой мумии.

Но предмет трепетного поклонения многих поколений, а порогу говоря, не преданное земле тело, было темой неприкасаемой. В своё время. Но сейчас всё изменилось, строй, правители, люди, всё стало иным, а воз, точнее, труп и ныне там. Современные дети уже понятия не имеют, кто был этот человек, приоритеты, что он культивировал, канули в лету, а кто-то продолжает тратить огромные средства, раз в неделю мыть и переодевать, сохранять неизвестно для чего тело, бывшее когда-то вождём. И изначально, кому из безбожников пришла варварская мысль устроить усыпальницу в самом центре страны?

Здесь было, где развернуться.

И он набрал на клавиатуре простые, но священные когда-то для каждого советского человека слова 'Красная площадь'.

Пробираясь сквозь частокор патетики и дифирамбов, он наткнулся на прелюбопытнейшую статью. Американский исследователь из числа воинствующих антикоммунистов, которые знают о России гораздо больше, чем сами россияне, но ссылаясь на вполне определённые, не скрываемые источники информации, писал на первый взгляд полную чушь. Чем дальше продвигался Завадский по тексту, с удивлением обнаруживая неожиданные страшные подробности истории сакрального места, тем больше он мрачнел, повысившееся было настроение тут же улетучилось. И вдруг он почувствовал резкий приступ рвоты.

Он еле успел добежать до туалета, как его вывернуло, как ему показалось, со всеми потрохами, в фарфоровый, с сияющей золотом колючей проволокой, лентой вьющейся в

глубине прозрачного стульчака, унитаза. Рвало его долго и мучительно, до спазм. Отравленный организм, спровоцированный страшными подробностями казней и пыток, с отвращением исторгал всё, что принесло ему мучительные страдания. Американец словно нарочно издевался, маниакально смаковал издевательства над людьми, описывал процессы вырывания ноздрей, четвертования, стегания кнутом, варения заживо и прочих мерзостей, что веками творились на этой обители страха и боли. Реки и ручейки крови мучимых и убиваемых текли, пропитывая это место насквозь и просачиваясь, скапливались, омывая бледные застывшие лица сброшенных здесь же, в оборонительные рвы, уже казнённых, людей.

Красная, стало быть, кровавая. И снова острый приступ рвоты сжал в спазмах истерзанный желудок.

Тщательно умывшись и налив себе чаю, он снова сел за монитор. В голове пронеслось, как всего один только раз, будучи ещё школьником, попал в Мавзолей, который так гнетуще подействовал на его неокрепшую детскую психику, что потом всю ночь он метался в кошмарах.

Вчитываясь в текст, Игорь вдруг споткнулся на слове терафим и по телу пробежал озноб. Так вот, что имел в виду китаец! Никакая не Серафима! Терафим!

Иностранец через строчку упоминал заветное слово и иначе, как зиккурат, Мавзолей не называл.

И тут Игоря поджидал очередной шок! Оказывается, терафимом главного бога вавилонян ВИЛа (на этих словах он почесал затылок, совпадение весьма необычно!) была забальзамированная голова рыжего, бородатого и лысого мужчины (тоже случайность?), заключённая в стеклянный саркофаг (третья случайность - уже закономерность!).

Игорь, боясь пропустить каждое слово, с жадностью вперился в экран.

Историк лихо, со знанием дела, как будто только этим и занимался всю жизнь, описывал технологию изготовления терафима, создание энергоинформационного поля, подпитку. Слова, сплетаясь в длинную логическую цепочку, обрастали неожиданными потрясающими выводами. Он манипулировал ими, сведя воедино события и факты, которые бывшему советскому человеку даже в голову не могли прийти. Игорь не был верующим человеком, но иногда ходил в церковь и даже покрестился, отдавая дань моде, захлестнувшей Россию. И хоть духовность эта была, скорее, ярмарочной, показной, но людям нужно во что-то верить. И когда развалилась вера коммунистическая, на её обломках возникла другая крайность. Люди, подавленные бездуховностью общества, массово ринулись в церкви, пытаясь заменить освободившееся место новым заблуждением - религией, которой их лишали мучительные десятилетия.

Но даже у него, читающего эти строки, волосы вставали дыбом. Страшно было подумать, что это может оказаться правдой. Ещё страшнее, что всё это похоже на правду!

Он схватил телефон.

- Светочка! - от тошноты дыхание перехватило, голос задрожал, что можно было принять, не видя собеседника, за сладостное томление.

- Да, Игорь Николаевич, - испуганно произнёс женский голосок на том конце провода.

- Слушай, у меня к тебе дело. Я понимаю, сегодня выходной, но не в службу, а в дружбу! Тут одна темка наметилась, давай её вместе проработаем, - многозначительно предложил он.

Голосок радостно защебетал.

- А вот это будет зависеть от проделанной тобой работы, - расплылся Завадский в заячьей улыбке. - Нет, не обижаюсь. Записывай, к завтрашнему дню... Записывай, я сказал, запомнит она! К завтрашнему дню ты должна мне подготовить материал по терафиму. Терафим, записала? Смотри, ничего не перепутай! В библиотеку сходи, книги какие-нибудь возьми. А ты запишись! В библиотеку иногда полезно ходить. Да, и ещё. Нужен представитель церкви, пригласи попа - батюшку, дьякона, чёрт их знает, как они там называются, пусть озвучит точку зрения церкви на Мавзолей. Не думаю, что она это одобряет. В-общем, мне нужно всё, что касается Мавзолея. Как причём? - Вот ведь курица непонятливая! - зло прошипел он в сторону и продолжил в трубку: - Мавзолей, терафим - всё это звенья одной цепи. Давай, работай, на этой неделе должны запустить экстренный выпуск! И помни, без труда не поймаешь и триппер!

Завадский отключился. Он откинулся на высокую спинку кожаного кресла, закинул руки за голову, надул щёки и, имитируя звук барабана, отстучал одними губами пионерский марш, потом прокрутил мышкой леденящие душу подробности, громко отхлебнул обжигающий напиток и попытался сосредоточиться на тексте. На столе завибрировал телефон. Не открывая глаз от экрана, Игорь раскрыл новомодную 'ракушку' и приставил к уху.

- Инициативу проявляешь? - вкрадчиво спросил голос.

- Алё! Кто это?

- Ну-ну..., - в трубке раздались монотонные гудки.

Завадский посмотрел на дисплей. Номер не определён.

- Что за шутки? - Гарик раздражённо швырнул телефон. Но всё только начиналось. Сразу вслед за этим он почувствовал неприятную изжогу, будто в рот попал пучок волос. Покатав языком и не найдя его, Игорь ещё раз отхлебнул подостывший чай и прополоскал рот. Может, пойти прилечь? Но уж больно не хотелось остаться один на один со своим похмельем, молча лежать и прислушиваться к этому ужасному состоянию. Самое лучшее сейчас - отвлечься, тем более, что нетерпимо хотелось узнать, до чего же дошёл в своих изысканиях ушлый америкос.

Дальше оказалось как в сказке - ещё страшнее.

- Нет, таких совпадений не бывает! Не может быть, чтобы Борис Львович строил свои предположения, начитавшись эту статью. Он же говорил про какие-то свои источники, - раздумывал Игорь.

Он жадно вчитывался в текст и сомнения его улетучивались.

Если верить исследователю, зиккурат работал. Но не в полную силу и охватывая лишь небольшие массы людей, чтобы подпитывать жизненной энергией терафима. В том, что труп в усыпальнице был именно им, Завадский уже не сомневался, как и то, что убийство последней императорской семьи было ритуальным, чтобы зарядить проклятую батарею.

Игорь ожесточённо взлохматил волосы, вскочил с кресла и взволнованно подошёл к огромному окну.

Такую информацию трудно переварить. Он потёр небритые щёки.

Перед ним растилалась вся Москва, залитая солнечным светом, где-то вдалеке маячил Кремль со сверкающими в бликах кровавыми звёздами.

Сколько же тайн хранишь ты, Белокаменная?

Терафим, терафим - отдавалось в голове странное, незнакомое слово. Тера - земля, фим - дух. Голова. Мёртвая голова.

Смутные воспоминания всколыхнулись, вызванные мерцающим рубиновым сиянием звёзд и, словно отражаясь от них проецировались, уплотнились в голове, пробуждая детские ощущения прикосновения к страшной тайне.

- Один тамплиер любил знатную даму, но она умерла в юном возрасте. В ночь после похорон обезумевший от любви рыцарь проник в могилу, открыл ее и удовлетворил свое желание с безжизненным телом.

- Что он с ней сделал? - испуганно переспросил Гарик, хлопая глазами.

- Не перебивай! - огрызнулся Гришка, удивляясь, как в таком взрослом возрасте, двенадцать лет всё-таки парню, можно не понимать таких простых вещей. - Трахнул он её!

- Мёртвую? - Гарик так и остался сидеть с открытым ртом. Изумлению его не было предела. Он вообще с трудом представлял весь процесс, но одна мысль, что это делают голыми, была сама по себе омерзительна. А тут ещё и мёртвую!..

Дино бросил на Гришку укориженный взгляд и продолжил замогильным голосом читать невесть где раздобытую страшную книжку. Его лицо, подсвеченное дрожащим пламенем свечи было ничуть не лучше таинственной говорящей головы.

- И тогда из мрака донесся голос, приказывающий ему прийти сюда девять месяцев спустя, чтобы найти плод его деяния. Рыцарь повиновался приказанию, и когда подошло время, он снова открыл могилу; меж больших берцовых костей скелета он нашел Голову. "Не расставайся с ней никогда, - сказал тот же голос, - потому что она принесет тебе все, что ты пожелаешь". Рыцарь унес ее с собой, и, начиная с этого дня, всюду, где бы он ни был, во всех делах, какие бы он ни предпринимал, голова была его ангелом-хранителем и помогала ему творить чудеса, пока не стала собственностью ордена.

Голова могла заставить цвести деревья, заставляла землю давать урожай, могла сделать их богатыми. Они обвязывали эти головы или притрагивались к каждому идолу маленькими шнурочками и носили их потом на шее.

Так возник у тамплиеров культ говорящей головы. Бафомет. Символом Бафомета стала пентаграмма.

- Что? - снова не понял Гарик.

- Гарик, ты что, тупой?- злился Гришка. - Пентаграмма. Звезда.

- Но у них же кресты были, - не унимался Гарик.

- Да плевали они на крест! Отрекались от него, ты что, не слышал?

- Зачем, они же сами носили плащи с крестами? - искренне недоумевал Гарик.

- Они считали Христа лжепророком, - терпеливо объяснил Динка, - а сами поклонялись Бафомету. Говорящей голове.

- Ага! - Гришка сузил глаза и, сжав зубы, твёрдо произнёс: - Они тоже не верили в эту церковную лабуду. У них тоже звезда была символом, значит, они - наши!

Гарик было очень страшно. Темнота давила со всех сторон, а тусклый свет одинокой свечи отбрасывал причудливые тени на стены тёмного подвала, на лица друзей, уродливо искажая черты. И только слышно, как в полной тишине где-то рядом из трубы зловеще-монотонно капала вода. Кап, кап, кап... - и эхом разносилось по лабиринтам подвала.

Он еле сдерживал себя, чтобы не сорваться с места и не вынырнуть из глубины этого подземелья, где оживают мёртвые головы, но только нервно заёрзал на протёртом топчане, расстеленном прямо на кирпичах.

- Звёзды - это хорошо.

- А я вот что думаю, - Гарик так завидовал Гришке, которому, казалось, не было страшно ничего на свете, - нам тоже надо соорудить своего Бафомета. Если для него не существует никаких тайн, можно у него узнать, где находятся сокровища тамплиеров.

- Соорудить! - хмыкнул Динка. - Скажешь тоже! Это тебе не сарайчик построить. - Он обвёл глазами собственными руками выстроенные дощатые перегородки каморки, втесавшейся между бетонными стенами подвала.

- Бафомета, старичёк, творят! - рассуждал Динка. - Недаром они свои крестовые походы устраивали на Востоке. Тут без кровавой магии не обошлось. И потом, где ты найдёшь отрубленную голову?

Гарик похолодел. Снова захотелось сбежать, но гордость не позволила. Он и так в свои годы выглядит младше своих друзей и ни в коем случае нельзя, чтобы его посчитали трусом.

- Нет, ну там же было сказано, - он кивнул головой на книгу, - что голова не обязательно должна быть человеческая. - Гарик мзо всех сил пытался храбриться и не дать голосу предательски задрожать. - Можно kota, например.

Трепло, казалось, его даже не слышал.

- Ой, тоже мне магия! Засовываешь тело в масло или в другую медицинскую фигню, ждёшь год, пока плоть сама не отпадёт и всё, золотой ключик у нас в кармане! Хотя, - он одобрительно посмотрел на трясущегося мелкой дрожью Гарика, - кот всё-таки проще. Проблем меньше.

Он хихикнул.

- Потом золотую пластинку в рот.

- Да много он тебе намяукает? Трепло, ты не понял, голова пророчествовала, говорила что будет. Вещала.

- Я всё правильно понял! Урожай давала? Давала. Богатство давала? Защиту от врагов, опять же.

- Нет, - упрямылся Динка, - голова должна быть обязательно мужской, лысой или рыжей, а лучше и то и другое и бородатой. Тогда это будет настоящий Бафомет.

Что же он там вещает такого? Но точно не 'Верной дорогой идёте, товарищи'. А мозг зачем на кусочки филигранные распилили? Чтобы изучать, как он свой шедевр 'Болезнь левизны в коммунизме' написал?

Мелькнувшая тень вырвала Завадского из раздумий. Он резко повернулся и ему показалось, что он увидел... кошачий хвост. Чёрный пушистый кончик мелькнул и скрылся в проёме двери ванной комнаты.

Что за хрень? Завадский котов с детства ненавидел и даже немного побаивался. Но как он мог попасть сюда, шутка ли 14 этаж! Он бросил взгляд на стеклянную стену, но все створки были плотно подогнанны.

Так, допился, вторая галлюцинация за сегодня - это перебор.

Но тут раздалось явственное и такое тоскливое мяуканье, что все сомнения отпали - в доме был кот! По телу пробежала дрожь.

На цыпочках, чтобы не шуметь, он прокрался к ванной, включил свет и осторожно заглянул в щель. На мраморной раковине сидел, обмахиваясь пушистым хвостом и облизывался огромный чёрный котяра! Шёлковая шерсть его лоснилась и переливалась серебристым инеем, подсвеченная сиянием настенного хрустального бра.

- Эй! А ну-ка, брысь отсюда! - Игорь испугался не на шутку. К тому же, он понятия не имел, как обращаться с этими скверными животными. - Кис, кис, кис, как там тебя зовут?

- Глюк, - облизнулся кот и удивлённо посмотрев жёлтыми глазищами, потоптался передними лапами по мрамору, будто прицеливаясь перед прыжком, грациозно прыгнул, где-то по середине, между полом и раковиной завис на секунду и... исчез. Растворился в воздухе.

Завадский зажмурился. Холодный пот прошиб его с головы до ног и тут же сменился жаром.

- Твою мать! Да что же это творится сегодня? Он тут же вспомнил сказанные на одной из передач слова потомственной ведуньи, над которыми тогда вволю посмеялся, что лучшее средство от нечисти - это простой русский мат. И тут же выдал такой перл, что даже привыкшие к этой его особенности - изъясняться нецензурными выражениями, сотрудники, провалились бы от стыда. Что уж говорить о бедной маме-учительнице!

Он нервно вытер испарину со лба. Нет, срочно на воздух, а ещё лучше, в редакцию, уйти с головой в работу, отвлечься и вместе со Светочкой поработать над сенсационным материалом. А там, глядишь, вместе и вечерок скоротаем и забудутся, как кошмарный сон все эти утренние, нет, скорее, уже дневные, глюки.

Он вышел из ванной и, споткнувшись о валяющиеся на полу джинсы, замер, озираясь в недоумении. Одежда, где же у него одежда? Он тупо стоял и смотрел на своё отражение в зеркальной двери, совершенно позабыв, что именно за ней и находится огромный гардероб со шмотками от Гуччи, Ковалли и прочих именитых брендов, которые тоже напрочь выветрились из головы. В зеркале отражался беспомощный, растерянный, взлохмаченный человечек, совершенно не напоминающий того импозантного и себялюбивого шоумена, что ежедневно ходит с экранов телевизора в каждый дом, чтобы по-соседски простирать чужое бельё. Сексуальный, жиголло, душка. В распахнувшемся халатике, бесстыдно обнажившим голое тело, он был похож на испуганного ребёнка, беззащитного от детских страхов. Но, похоже, страшилки начинали оживать в его реальной жизни.

За его спиной в отражении что-то зашевелилось. Он с ужасом смотрел, как чашка с недопитым чаем легко заскользила по поверхности стола. Подкатившись к самому краю, повисела, качаясь, словно раздумывая и рухнула на пол, разметав со стеклянным звоном мелкие осколки, смешанные с остатками чая.

Завадский резко развернулся, не понимая, что происходит, но тут тяжёлое кресло отлетело и с глухим стуком брякнулось о стену, словно отброшенное мощным щелчком. Посыпались куски краски и одновременно раздался оглушительный звонок телефона.

Игорь хорошо помнил, что поставил его на вибровывоз. Телефон продолжал дребезжать. Совершенно разбитый и растерянный, он пробрался к столу и похолодел. Вдруг ниоткуда раздался... похоронный марш. Казалось, звуки лились прямо из головы, будто самодеятельный духовой оркестр с расстроенными музыкальными инструментами, поселился прямо у него под лобной костью. Музыка звучала всё громче и громче. Инструменты безбожно фальшивили, а барабанное бумканье отдавалось во всём теле.

Телефон продолжал противно дребезжать. Игорь заткнул уши, но и это не помогло. Труба пронзительно и визгливо перешла на крещендо, сорвавшись, поперхнулась неимоверным киксом и оборвалась.

Тяжело дыша, Гарик опустился на пол и осторожно отнял руки от головы. Сердце бешено колотилось.- Господи, что это было, - только и успел он подумать, как где-то вдалеке раздался звук милицейской сирены. Смешавшись с треском и радиопомехами невидимой рации, звук приближался. Повертев головой, улавливая направление и совершенно позабыв, что с высоты 14 этажа и через толщу звукопроницаемых стеклопакетов услышать подобное невозможно, Игорь понял, что это снова звучит в его голове, будто туда встроили радиоприёмник. Сирена протяжно выла и, казалось, конца этому не будет. Невероятный, первобытный страх обуял его, но инстинкт самосохранения подсказывал ему путь к спасению. Неимоверным усилием воли он приподнялся с пола и на четвереньках, как собака, пополз к вывернутым несвежим джинсам. Мышцы свело судорогой и ему с трудом, но удалось, лёжа прямо на полу, продеть одну ногу в штанину. Еле как справившись со второй, он пополз к двери, упираясь руками и таща безвольное тело. Уйти, сбежать, уползти из этой взбесившейся квартиры! Что это было - проделки какого-нибудь Барабашки, вдруг поселившемся в его доме или внезапно воспалившееся воображение играет с ним такие злые шутки, он уже не думал. Пальцы на ногах согнулись и никакой силой нельзя было их разогнуть, чтобы как-то натянуть обувь. Кое-как ему удалось втиснуть скрюченную ступню в кожаный ботинок, но тот глухо треснул и мягкая добротная подошва отвалилась, как срезанная бритвой.

В голове шумело, трещало, обрывки каких-то мелодий, заглушая мысли, не замолкали ни на минуту. Одной рукой взявшись за ручку двери, он подтянулся из последних сил и, крутанув ключ, навалился на дверь. Бронированная дверь не поддавалась!

В голове громко кликнуло и противный писклявый голос жалостно попросил:

- Не ходи, не стоит. - И добавил с игриво, - Работать всё равно не дадим.

Завадский со стоном сполз на пол.

- Кто вы? - всхлипнул он.

- Мы - твои друзья. А ты, - мерзкий голос сделал паузу и вдруг резко зачастил, как автомат, - шизофреник, шизофреник, шизофреник...

Игорь от бессилия схватил себя за волосы, с силой прижал голову к коленям, пытаясь спрятаться от нетерпимого кошмара. Пальцы вдруг странно ослабли и, поднеся оба кулака к глазам, он увидел клочья собственных волос.

- Сукииии! - разнеслось по квартире. - Падлы, что же вы делаете? - голос его сорвался на визг и он забился в истерике.

- А не фиг лезть туда, куда тебя не приглашали.

- Как узнаешь тайну, - торжественно забубнил вдруг голос похожий на женский, - береги её, она ведь с нашим знаменем цвета одного! - И противно заулюлюкал, - Мальчиш Кибальчиш!

- Прекратите! Я дам вам денег. Много денег, у меня есть, только прекратите.

- Слышишь, - хвастливо вещал похожий на женский голос, - он даст нам денег.

- Деньги, - хихикнул мужской, - он думает всё можно купить за эти жалкие бумажки? Да знаешь ли ты, что господу вашему Иисусу Христу даже голову некуда было преклонить?

Голоса издевательски захихикали.

- Так то Иесус, а он - звезда!, - и неумело подражая голосу Цоя, один из голосов пропел гнусавым голосом, - Звезда по имени Солнце.

- Запомни, ты у нас как на ладошке, каждое твоё движение нам известно и не вздумай что-нибудь делать без нашего разрешения.

Собравшись с остатками сил, Игорь резко, как ему показалось, подскочил и рванул к телефону - единственную ниточку, связывающую его с миром. Звонить! В милицию, скорую, пожарную, пусть хоть кто-то приедет и вытащит его отсюда!

- Шизик, - в трубке раздался всё тот-же издевательский голос невидимки, - Чего ты дёргаешься? В психушку всегда успеешь. Как там поётся? В желтом доме чертиков зеленых будешь ты ловить казённой простыней?

- Ага, - вторил ему другой, - и на тот свет тоже тоже успеет.

Силы окончательно оставили его. Он словно оцепенел и, лёжа на полу безучастно смотрел немигающими глазами перед собой. Из носа тоненькой струйкой вытекала кровь, а в расширенных зрачках отражались огромные окна в мерцающих зигзагах молний на мгновение заливающих мертвенным светом всё пространство шикарной квартиры.

Голову изнутри словно раздуло до гигантских размеров и в самой сердцевине этого невообразимого пространства ослепительно лучился солнечным светом, сиял, притягивая всё внимание, гребень балерины. Вокруг него, как вокруг солнца, затмевая друг друга планетами-спутниками плавали, то увеличиваясь в размерах, то исчезая совсем, лица со старинной фотографии с лопарями. Самого Дарченко, Дино, императрицы Екатерины II, каких-то людей в немецкой форме. Всё кружилось и вертелось. Всеобщий хор голосов стихал и снова, нарастая, оглушал.

Он лежал и равнодушно слушал голоса, которые, казалось, навсегда поселились в его голове.

- Эй, шизик!

- Ой, никак помер.

- Нет, это только хорошие люди долго не живут, а такие, как он, будут жить вечно, - развлекались голоса.

- Только вот арбуз от слона отличить не сможет.

- Что-то он быстро сломался. Я же говорил, хлюпик, а не чувственная натура! Хлю-юпик!

Наверху постоянно что-то падало с ужасным грохотом, мебель без конца передвигали и возмущённые соседи подолгу тарабанили в наглухо закрытую дверь, но в ответ только слышалось невнятное бормотание.

А через несколько дней, когда встревоженная мать, обеспокоенная пропажей сына, подняла на ноги всю милицию и та, без промедления взломала заклинившую дверь, взору их предстала ужасная картина.

На полу, перепачканном рвотой и нечистотами, нетерпимый запах которых, насквозь пропитал спёртый воздух и заставил заткнуть носы даже бывалых милиционеров, сидел Игорь Завадский. Абсолютно голый и похудевший настолько, что кожа на некогда накаченном и упругом теле, висела складками, шелушилась и кое-где сходила целыми клочьями. На груди краснела огромная сочащаяся желтоватой слизью язва.

Он подслеповато прищурился и, узнав мать, радостно улыбнулся, но вместо знакомой миллионнам экранной улыбки бескровные губы ощерились, обнажив пустой, без единого зуба, рот.

После полугодового курса реабилитации в частной психоневрологической клинике, его подлечили. Но плата за лечение была столь высока, что поглотила все его сбережения. Но и этого было мало. Чтобы окончательно вернуть его к нормальной жизни, пришлось продать квартиру в элитном доме и переехать к старушке-матери в однокомнатную 'хрущобу' на окраине Москвы, которую сам же когда-то ей и купил. Поскольку арбуз от слона он всё-таки отличал, родная редакция снова взяла его на работу. Из жалости. Он добросовестно разносил начальству кофе, никогда не путая, кому и сколько положить ложек сахара или налить сливок.

Только Дино поднял руку, чтобы постучать, как дощатая дверь распахнулась и на пороге возник видный, ухоженный мужчина в тёмных очках. Опираясь на изящную палочку, больше похожую на трость, он, широко улыбаясь, продолжал разговаривать с кем-то.

- Ты у меня, Давыдыч, будешь ещё на роликах кататься, - звучал из глубины дома молодой голос.

- Скажете тоже, Праскева Фаддеевна! - весело засмеялся мужчина.- Лучше уж на этом... на виндсерфинге.

- Можно и на нём. В следующий раз приедете, расскажете, что это за штука такая. Только чай не забывайте пить. Два раза в день, натошак.

- Да помню!

Мужчина заметил у двери молодую пару и, видимо, приняв из за очередных посетителей, спросил:

- Вы к ней?

И, проходя мимо, ошеломлённо прошептал:

- Волшебница! Просто волшебница!

Лиза просто сгорала от нетерпения. После недолгих размышлений, она пришла к выводу, что Дино не столь горяч, чтобы тянуть её в какую-то глушь, в конце-концов, их объединяют только дружеско-деловые отношения (может, он ему совсем не нравится?) Может, ему удалось выяснить что-то насчёт гребня? И тогда любопытнейшие совпадения последних дней запутанными ниточками одного клубка сводились к этой женщине.

Она чувствовала, что должно произойти что-то очень важное. И хотя, материальные противоречия здравого разума брали вверх, зёрнышко сомнения, как сказала мадам Белзье, было посеяно и, похоже, набирало силу.

- И одеколоном не пользуйся, когда ко мне идёшь! Сбивает он меня. Работать мешает!

В проёме показалась моложавая женщина лет сорока с небольшим, чем-то отдалённо напоминающая актрису Наталью Андрейченко в молодости. Тоненький чёрный ободок бережно поддерживал волосы, ниспадавшие на плечи, покрытые тёплой шалью, светлым каскадом. Про таких говорят 'кровь с молоком' - гладкое лицо с редкими веснушками пылало здоровьем и свежестью.

- Диночка! - прошептала она. Глаза её подёрнулись запрудой слёз. Она бросилась на шею стоявшему истуканом и боящемуся пошевелиться Дино и разрыдалась. Со стороны могло показаться, что он вообще её первый раз видит.

Лиза тоже опешила, но только от того, что ожидала увидеть женщину более преклонного возраста, но никак не эту, чуть старше племянника. Скорее, она могла сойти за сестру или за не дай Бог, любовницу, что вообще не лезло ни в какие ворота.

- Ну что же ты! Тебя всё нет и нет, я уж нервничать начала! Уж передумала невесть что. Времена ведь сам знаешь какие, беспокойные! Ой, красавица какая! - ахнула тётка, только сейчас заметив Лизу.

- Ну, наконец-то, Диночка! Дождалась-таки, - всплеснув руками, причитала она по старушичьи, что как-то не очень вязалось с её внешностью. - Как зовут-то тебя, детка?

- Лиза её зовут, - как-то неуверенно пробормотал Дино.

- Ой, да чего же мы тут стоим, пойдём в избу. Ужинать будем.

Более чем скромная, почти аскетичная обстановка совсем не гармонировала с наружной отделкой дома. Неприхотливая старенькая мебель, даже на фоне чистойшей, почти стерильной белизны стен, совсем не радовала глаз, скорее, наоборот. И только массивный чёрный диван, оббитый дермантином и занимавший добрую половину первой комнаты привлекал внимание. Довоенный, со вставленными прямо в высокую спинку рамками выцветших фотографий, на которых уже ничего нельзя было разглядеть.

И запах! Невероятно душистый аромат травы, спелых ягоды чего-то ещё, неуловимого, но приятного до чрезвычайности.

- Ой, как у вас пахнет! - не удержалась Лиза. - Вы каким дезодорантом пользуетесь?

Дино потянул носом. Пахло чем-то удивительно родным и знакомым.

- Да это от него всё осталось, от Давыдыча, - не поняла тётка. Хотя тёткой её даже язык не поворачивался назвать. Как и по имени, которое ей совершенно не шло.- Сейчас проветрю.

- Нет, чем-то таким..., - Лиза закрыла глаза от восхищения.

- А-а, - улыбнулась белоснежной улыбкой Праскева, - так это у меня наверху, в сушилке травки разные, коренья, намедни собрала. Вот и сушатся, благоухают. Ни с чем не сравнимый запах, почище духов всяких французских.

Дино вдохнул ещё и ещё. И вдруг, о, чудо, - где-то глубоко зашевелились, задвигались с необыкновенной яркостью воспоминания, которые, казалось навсегда стёрлись из памяти. Сначала робко, потом всё яснее выплывали они и, сплетаясь в быстром танце, цеплялись одно за другое, выросли в стройный хоровод. И в центре этого круга стояла она!

- Макошенька! - словно только увидел её, вскричал Дино.

- Тю! - удивлённо выдохнула Праскева.

- Как же я по тебе соскучился, ты даже не представляешь!

Дино заметно оживился, как щенок, радостно крутился вокруг тётки, искал её взгляда и, найдя, не мог налюбоваться.

- Как мне тебя не хватало!

Лиза непонимающе наблюдала за странным перевоплощением, похожим на странную игру.

- Давай я тебе воды что ли наношу!

- Да ты что, миленький! У меня же водопровод недавно провели.

Дино хлопнул себя по лбу. - Забыл! А давай я тебе в баньку наношу. Заодно и дров наколю, руки соскучились по работе.

- Эт можно, - разрешила Праскева. - А то мне с утра не здоровилось. А мы пока на стол накроем.

- Давайте я вам помогу, - вызвалась Лиза. Ей было стыдно признаться, но готовила она отвратительно. Самое большее, на что её хватало, это именно на сервировку стола, ну, и салат какой-никакой нарезать.

- Ага! Давай, салатик нарежь. - Лиза вздохнула и покорно взяла нож. - Только покрупнее режь. И зелени не жалей, Диночка так любит.

- Я сегодня ничего не готовила, - щебетала она, накрывая на стол, - с утра не здоровилось. Так что откушаем, чем Бог послал.

- Ничего себе, вам Бог послал! - удивилась Лиза, глядя, как на столе появляются, словно на скатерте-самобранке дорожные колбасы, красная икра, трюфели и даже мидии с устрицами!

- А что делать, дитятко? Клиент нынче богатый пошёл. Деньжищи огромные зарабатывают, только вот здоровье-то не купишь. Я, конечно, помогаю им, лечу, а они благодарят, кто сколько даёт. А как же! Кто деньгами, кто продуктами, а отказываться я не имею права. Вот недавно один такой целый грузовик с мебелью подогнал, так я его тут же развернула и к Динке. Пока его дома не было, всю мебель-то и поменяла.

- Так вы доктор?

- Можно и так сказать. Хотя за моё врачевание лет 400 назад сожгли бы на костре не задумываясь. А по нынешним временам только от церкви и отлучили. Я же чем лечу? Травами, отварами, молитвами разными.

Лиза огляделась, ища глазами иконы, но не нашла.

Во дворе раздался стук топора. Стоя посреди двора, раздетый до пояса, Дино ловко раскачивал тугие пеньки, выгнувшись, с силой вонзал топором в дровяную твердь и по вымощенной тропинке носил готовые поленца, теряясь у ел заметного в сумерках бревенчатого сруба.

- А почему его так назвали?

- Дино-то? Да отец его покойный, учёный был, тоже историк. Так вот он считал, что древние славяне и немцы один и тот же народ. Отсюда и имя бога - Один. Букву только переставил. Он ведь для него светом в оконце на старости лет был. Богом.

Лиза засмотрелась в окно и не заметила, как острое лезвие ножа, скользя по толстой коже краснобокого помидора, полоснуло по пальцу. Она вскрикнула даже не от боли, а от вида алой струйки крови, капающей из глубокого пореза прямо на стол.

- Что, миленькая?

Праскева сердобольно взяла её руку. - Ну, что же ты так неосторожно. Засмотрелась, видать..., - кивнула она в сторону окна.

И не успела Лиза опомниться, как тётка уже несла крошечную баночку.

- Динка-то наш - парень видный. А умный-то уж какой! - приговаривала она, густо намазывая, прямо по крови, порез. - Он же и диссертацию защитил. Он говорил мне, да я запомнила, название уж больно мудрёное. Это у них семейное. Отец с матерью тоже учёными были.

Двумя руками зажав пораненный палец, она что-то пошептала и свежая ранка на глазах начала сужаться и скреившись окончательно краями, оставила после себя тоненькую выпуклую полосочку.

- Ну, вот, и это через пару дней пройдёт.

- Удивительно! - поразились Лиза.

- Ничего удивительного, природа всё предусмотрела в этом мире и готова поделиться своими секретами. Бери - не хочу. Да видно, не все хотят посмотреть дальше собственного носа.

Во дворе с вёдрами в руках с радостным улюлюканьем носился Дино, радуясь и дурачась, как ребёнок.

- А где его родители?

- Погибли они. Вот так вот жили счастливо и умерли в один день. История загадочная, концов так и не нашли. Тогда я Динку и взяла к себе. Нет, жили-то мы в Москве, в родительской квартире, а сюда на лето приезжали. А потом в институт поступил, я сюда переехала. Изредка навещалась к нему, а то и он ко мне. Одни мы с ним, с кровинушкой моим, на этом свете. Мне-то одной много не надо.

- Тётка! - раздался в прихожей голос Дино. - А где ключ, краны подтянуть?

- Ой, - всплеснула руками Праскева, - чего это ты меня так называть стал? Всегда вроде Макошей величал. В сенях там посмотри, ключей вряд ли сыщешь, но может плоскогубцы подойдут.

- Я его уж ругала в детстве и наказывала. - продолжала делиться женщина. - А он всё Макоша, Макоша, - передразнила она детским голосом.

- А почему Макоша? Производное от фамилии? - поинтересовалась Лиза.

- Да нет, - вздохнула Макоша, - это ещё с гимназии за мной тянется. У нас кружок был спиритический.

'Да что же это такое! - пронеслось в голове Лизы, - и здесь всё вокруг этого закручивается'.

- Вам, молодым, это не понять. А тогда они были очень популярны. Общались с духами, литературу специальную изучали. И у каждого было своё прозвище. Из старорусских. Языческих. Я - Макоша - мать-сыра земля. Светлое имя, маков цвет. Я тогда уже верховодила, вот и прозвали так. Свой Лель был. Красавчик такой! - засмеялась она и тут же погрустнела. - Кто ж знал, что это прозвище так на всю жизнь ко мне и приклеется.

- И как бизнес, - попыталась Лиза перевести разговор на другую тему, - процветает?

- Да какой бизнес, люди добрые дают. Врачи ведь часто не то, что помочь, определить болезнь не могут. А потому что лечат они тело, когда перво-наперво нужно лечить душу, там причина. А тело - это только последствия. У каждой болезни ведь своя подноготная есть.

Например, ушибы, травмы разные - это следствие обмана. Когда человек знает, что то, что он говорит - заведомая ложь, его предупреждают.

Укусы с сильным опуханием, как и растянутые мышцы - почти всегда следствие гордыни. Даже у гемороя своя предыстория есть. Нежелание отпускать то, что должно уйти по природным законам. Внутренняя энергия начинает циркулировать неправильным образом и выливается в такую форму. Облысение - озабоченность, тяжёлые мысли долгое время, волосы просто не выдерживают такой энергии в голове. Кожные заболевания - неуважение к людям. Шизофрения - неправильное обращение со знанием. Узнал что-то, что поменяло твоё мировоззрение, а выхода информации этой нет. Не осваивается, не применяется., не направляется вовнутрь. Вот и выливается в болезнь. Поэтому, если передаёшь кому-то знания, влияющие на здоровье, психику, должен нести за это ответственность.

- Но с природой всегда можно договориться. Она живет по своим, но законам. Вот сейчас все на диетах модных сидят.

- Да, полных людей много. Но сейчас не обязательно сидеть на диете, всё гораздо проще, если есть деньги. Можно выкачать жир, липоксация называется.

- О, Господи, это ещё зачем? Двигаться больше надо! И нужно, опять же, слова заветные говорить, когда в отхожее место идёшь...

- Куда? - не поняла Лиза.

- По большому, - разъяснила Макоша. - Каждый раз сходишь и приговариваешь: 'В отхожее место пришла, сало с себя принесла. С телесов сойдёт, с дерьмом в землю уйдёт. Пусть оно не растёт, не нарастает, а убывает. Каждый день, каждую минуту, весь мой век!' И в конце обязательно добавить: 'Да будет так!'

- А можно просто сказать 'в туалет'? - заинтересовалась девушка.

- Можно, конечно. От перемены мест слагаемых, как говорится... Да тебе-то зачем, - удивилась Праскева. - Вон какая шупленькая!

- Может пригодится, - хихикнула Лиза.

- А вот ещё давеча, пришла ко мне одна молодуха. Краси-и-вая! А на носу бородавка висит, как игрушка на новогодней ёлке. Нет, прямо как сосулька, - Лиза окончательно развеселилась. - Вот и помогла девке, чего не помочь - мучается, уж замуж давно пора, а не берёт никто. А я глянула - это и не бородавка вовсе!

- А что?

- Венец!

- Ага, терновый!

В дверях широко улыбаясь стоял раскрасневшийся от работы Дино. С мокрых, слегка завившихся, волос, прямо на голое тело капала вода и растекалась по мускулистому торсу, блестя бисеринками капель. На руке тусклым золотом поблёскивал широкий браслет с часами.

- Смейся, смейся, Динка, - растирая его полотенцем, приговаривала тётка. - Вот ты умный, умный, а дурак. Безбрачия венец! Эх, да что тебе рассказывать, материалистам закон не писан. Так, - спохватилась она, - огурчики забыла!

- Да куда столько, нам же не съесть!

- Цыц! - шутливо замахнулась на него полотенцем Праскева. - Не каждый день любимый племянник приезжает! - и хвастливо добавила: - Твои любимые.

- Ты что, качаешься у себя в архиве? - оставшись наедине, спросила Лиза, глядя на мускулистое тело Снегина и смущённо захихикала.

- Не-а, - он втянул живот, напряг мышцы, отчего кубики пресса стали ещё рельефнее, а плечи раздулись в изумительной богатырской трапеции и комической походкой циркового силача прошёл к столу и навис над хохочущей девушкой, - Макоша говорит, что у нас в роду все мужики такие были. От природы.

И потешно задвигал бровями, как провинциальный ловелас, чем привёл Лизу в неописуемое веселье.

- Аполлон! - только и выдавила она сквозь смех. - Слушай, - тыльно стороной ладони аккуратно промакивая выступившие слёзы, вдруг шёпотом спросила, - а сколько же ей лет?

- Много, - так же шёпотом ответил Аполлон.

Праскева выбрала банку с огурчиками средней величины. Крепкие и пупырчатые, аккуратным строем один к одному, как солдатики, стояли они, залитые прозрачным

рассолом. С живописными виноградными листьями внутри, долька чеснока и крупными укропными соцветиями, они словно сошли со страниц кулинарной книги или рекламы домашних заготовок. Подумав, прихватила ещё и бутылочку с рубиновой тягучей жидкостью.

Ещё раз с довольным видом глянула рассол на просвет окна, в котором маячили отблески заходящего солнца и вдруг заметила стоящий по ту сторону забора незнакомый тёмный, словно пытающийся слиться с вечерними сумерками, фургон. Чёрный цвет она никогда не любила, от него исходила тревога, как и от этого автомобиля.

Виски сдавило. В голове тихими, тоненькими колокольчиками отдалась лёгкая, подобно утренней, только намного слабее, боль.

Не вникая в суть оживлённой беседы и даже не заметив того, что Дино хватает еду с общей тарелки, за что обычно ему попадало, как мальчишке, Макоша со стуком поставила закрытую банку прямо на стол.

- Я тут рассказываю, что ты у нас не стареешь, как Дориан Грей.

- Кто? - рассеянно спросила она.

- Роман такой есть. Невероятно красивый, вроде меня, - продолжал кривляться Дино, - юноша влюбился в собственный портрет. И все его пороки отображались на этом портрете. А сам он оставался таким же неотразимым и молодым.

- Не читала, - задумчиво произнесла Праскева Фаддеевна, прислушиваясь к боли в голове. Она, кажется, отступила так же внезапно, но сменилась странным предчувствием.

- А вы на чём приехали?

- На автобусе.

- На метро, - хором сказали Дино с Лизой.

Может, зря разволновалась-то? Может, к соседям кто приехал, а она уже надумывает Б-г знает что.

- Признайтесь, что вы просто знаете секрет вечной молодости. Элексир жизни, так сказать, - поддержала Лиза Макошу. Честно говоря, после того, что она здесь услышала, это было бы совсем не удивительно. Лизе, конечно, рано ещё думать о таких вещах, она была в самом расцвете своей молодости и красоты и пока её всё устраивало. Но страшно было подумать, что настанет такое время, когда кожа щёк с нежным румянцем начнёт увядать, лёгкие тени под глазами превратятся в одутловатые мешки, а мелкие складочки морщин, разрастаясь, завоюют всё лицо, превратив его в мочёное яблоко.

Это только такие великие, как Анна Жирардо, например, могут позволить себе такую роскошь, считать, что каждая морщинка - это кусочек жизни и что-то означает. И хотя в наше время молодость уже не столь скоропортящийся продукт, как ранее, благодаря новейшим технологиям - там надуют, тут урежут, здесь подправят, были б только деньги - ни одна женщина не отказалась бы омолодиться так безболезненно, как бы она этого не скрывала.

- Это же революция в медицине! - на полном серьёзе разглагольствовала Лиза. - Вы даже себе представить не можете, сколько миллионов это может принести! Это всё ваши травки волшебные?

- И травки тоже, - устало улыбнулась Праскева. - А миллионы мне ни к чему.

- Мне тоже, - хрустя огурцом, одобрил Дино.

Лиза легонько пнула под столом его ногу.

- Макошенька! - он отложил в сторону откусанный огурец. - Мы с тобой посоветоваться хотим по одному вопросу.

- Давайте, давайте, - Праскква заметно оживилась. - Как я за вас рада!

- Нет, это не то, что ты думаешь!

- А что я думаю? - игриво прищуривав глазки, она посмотрела на Лизу, щёки которой залились алой краской.

- Ну, послушай! - настаивал Дино. - Помнишь, ты рассказывала, что жила в Питере?

- В Санкт-Петербурге. Да, я петербурженка. - И с горечью добавила, - Была.

- Ой я тоже! - не удержалась Лиза.

- К сожалению, деточка, это было очень-очень давно. И чего ты вспомнил?

- Может, ты что-то слышала о сокровищах Гнежинской.

Праскева вздрогнула. Перед глазами поплыли разноцветные радужные пятна. Не зря, значит, колокольчики звенели, звали...

Она стряхнула невидимые крошки с платья и процедила сквозь зубы:

- Нет никаких сокровищ!

- Ага! - обрадовался Дино. - Значит, знаешь!

- Что положено, то и знаю! - отрезала тётка. И вдруг, заторопилась, боясь не успеть выговориться за долгие годы молчания, - Я всю жизнь тряслась, боялась, что вот-вот придут, заберут и меня. Для начала искоренила в себе всё дворянское, слилась с толпой, приспособилась.

Она приподняла край клеёнки, застилавшей стол и пошарив рукой под ней, достала пожелтевшую карточку.

- Вот она, сестрёнка моя двоюродная! - и поцеловала фотографию.

- Как сестрёнка? - ошарашенно пробормотал племянник. - Ты никогда не говорила.

- Да как же я могла! Тогда такая мясорубка началась. Так и храню эту тайну сама. Только вот, наверное, пришел черёд с нею поделиться.

- Но сейчас вам нечего бояться, настали совсем другие времена! - Лиза подозрительно смотрела на Дино, пытаясь понять, в чём подвох. А поразительное несоответствие возраста и внешности его родственницы наводило на странные мысли.

- Времена другие, а люди те же.

Если она действительно говорила правду, то ей должно быть не менее ста лет, что невозможно в принципе! Конечно, если не обошлось без волшебства. Нет, есть, конечно, отдельные случаи - долгожители где-нибудь в горных кавказских аулах или на Тибете, но они и выглядят соответственно, как нормальные почтенные старцы. Вторая мысль, которая тут же сменила первую - женщина больна. Психически нездорова. Как же она раньше не догадалась? Живёт в придуманном мире, травки собирает, зелья варит, может, грибы какие употребляет, вот и поехала немного головой-то. Надо бы с ней поосторожней, кто знает, может она ещё и буйная!

Лиза на всякий случай отодвинулась подальше от стола, но никто этого не заметил.

Дино с ужасом смотрел на фотографию, обрамлённую серой потертой картонной рамкой с надписью 'Императорский театр'. Это была та самая женщина, дух которой материализовался на сеансе у лорда Стахова!

- Не может быть! - сорвалось у него с губ.

Лиза осторожно заглянула через его плечо. С фотографии на них смотрела низкорослая, даже приземистая балерина начала века - изящный изгиб рук, ноги, скрещённые в третьей позиции.

- Нам ведь даже встретиться не дали, когда она в Москву приезжала. Я только издали её и видела. - И без того светлые глаза Прасковьи наполнились слезами и сделались совсем прозрачными. - Идёт, махонькая такая, седенькая, под руки её держат. А я слезами обливаюсь и крикнуть ей даже не могу. Два бугая по бокам прижали, рта раскрыть не дают. Она же иностранка была, в Париже жила. А я здесь, под колпаком.

- А вы почему не уехали? - попыталась поймать её Лиза.

- Побоялась. Да и к тому же уверена была, что всё это быстро закончится. А оно вон как повернулось...

- А ландыши она любила? - Дино вспомнил, что в петличке жакета видения был вдет крохотный букетик.

- О, ландыши были её любимые цветы! Она их боготворила. Считала, что они похожи на капельки слёз, а их-то она в своей жизни пролила немало. Одна эта история с императором, чего стоит! Уж как она его любила, даже чуть руки на себя не наложила, когда он женился на этой... иноземке! Ой, а что же вы наливочку мою не пробуете? - спохватилась она. - Диночка, ты же всегда её уважал. Давайте, раз разговор зашёл, помянем её светлую душу.

Хлюпая носом, она разлила тягучий напиток по стопочкам и, приподнявшись со стула, выпила залпом, не чокаясь, прикрыв глаза то ли от удовольствия, то ли от нахлынувших воспоминаний.

- А вы царя видели? - осторожно расставляла сети Лиза, пытаясь подловить женщину на лжи. Ведь должна она на чём-нибудь проколоться. Похоже, что несчастная сама свято верила во всё придуманное ей же. А, может, она из числа тех оголтелых поклонниц знаменитостей и, начитавшись множество книг о балерине, теперь живёт её жизнью? Нет, не сходится. Балерина далеко не была популярной личностью на просторах Советского Союза, о ней мало что было известно, тем более такой деревенской знахарке.

- Видела? - ухмыльнулась Макоша. - Даже танцевала один раз.

Ну, это явный перебор! Лизе вдруг стало тоскливо и захотелось домой, в гостиницу. Но, будучи по природе своей человеком жалостливым, она не могла обидеть больного человека и вот так, не дослушав, сорваться с места. Тем более, что Дино, похоже чувствует себя в своей тарелке, в отличие от неё и хлещет этот сомнительный самопал рюмку за рюмкой. А ещё говорил не пьёт!

Праскева, казалось, унеслась на волнах памяти, рассказывая в удивительных подробностях о балах, светских приёмах, слепленных ею из кусочков чьей-то чужой жизни. Она приосанилась, вытянула шею и вот уже вместо малообразованной деревенской знахарки перед ними сидела утончённая светская дама начала века. Во взгляде появилась необъяснимая гордость, смешанная с покорностью судьбе и в самом деле Лизе на секунду даже показалось, что просквозила какая-то благородная изысканность.

За окном давно стемнело. И только огромная рыжая луна в серых подпалинах светила ровным оранжевым светом на беззвёздном небе, отражаясь в чёрной полированной поверхности таинственного минибуса. Но никто этого не замечал.

Дино действительно опрокинул рюмки три подряд, но совсем не оттого, что считается частью русской субкультуры - горе - запивать, а счастье обмывать, случилось что - снова - здорово! Была в этой наливочке одна интересная особенность, что заставляла его мозг работать в нужном направлении, отменяя всё лишнее. Не зря он однажды назвал её транквилизатором для мозга! Вот и сейчас он пытался понять, разобраться. В голове не укладывался этот слишком запутанный, до неправдоподобия, клубок случайностей.

Похоже, и Лиза сомневается в происходящем, сидит, украдкой зеваёт. Он посмотрел на часы. Ого, время-то как бежит!

- Макошенька, - натягивая свитер, извиняющимся тоном взмолился Дино, - так что же там с сокровищами?

- А что с сокровищами? - Макоша поддела ножом несколько икринок и аппетитно отправила в рот.

- Вот Лизин шеф утверждает, что он дальний родственник Гнежинской и точно знает, где они находятся.

- И где? - равнодушно спросила тётка, облизывая нож. Она для себя уже всё решила. Вот с утра сделает всё, что нужно и можно на покой. Лиза напряжённо откинулась на спинку стула и искоса присматривала за её движениями.

- Под её особняком, в Питере.

- Врёт он всё.

- Что врёт?

- А всё! И что родственник, и про сокровища... Нет их там! И родственников у неё нет, кроме нас с тобой. С собой-то она ничего не взяла, не успела. Накануне её предупредили добрые люди, что ей угрожает опасность, еле ноги успела унести. Она поэтому и жила в Париже первое время чуть ли не в проголодь. Через сутки в её доме уже были мародёры, а ещё через два дня квартировал революционный полк. Но Малечка была современной женщиной, все деньги она держала в акциях, а драгоценности в сейфе Фаберже. Сейф знатный был!

- Да, слышан, - загорелся Дино и прояснил для Лизы, - тогда в России не было более надёжного хранилища. Он и сейчас дал бы фору по степени защиты многим банкам. Представь себе бронированную комнату-лифт. На ночь эту машину поднимали на уровень второго этажа и держали под напряжением.

Лиза для приличия покачала головой.

- Но, к сожалению, даже это не помогло. Разграбили, рассталили всё под чистую, когда беспорядки начались, - стуча пустыми тарелками продолжала Праскева.

- Я помогу, - снова робко вызвалась Лиза, зайдя на всякий случай с противоположной стороны стола.

- Да ты что! Сиди, находилась, небось, на каблучищах своих, - увидев, как Лиза смущённо прячет босые ноги, улыбнулась та.

Тогда Лиза решила вложить, наконец, свой последний козырь.

- А вы, может быть, знаете, была в её коллекции драгоценностей одна вещица?

- Да откуда же я помню все её побрякушки? У неё ведь их было, как осенью грязи на нашей улице, - искренне удивилась Макоша.

Дино сложил руки на стол и, положив на них голову, смотрел на тётку восторженными глазами, как будто в последний раз, запоминая каждую чёрточку её моложавого лица. Он был уверен, что сейчас получат ответ на вопрос, который их занимал в течение последних нескольких дней и тогда ему окончательно придётся поверить и в духов, и в загробную жизнь, и в Бога с чёртом.

- Я имею в виду гребень, - Лиза наматывала на руку роскошный локон и изо всех сил старалась делать равнодушный вид.

'Ну, вот и всё! Закончатся, наконец, мои мучения!' - Праскева тщательно обтёрла руки о полотенце, висевшее на плече.

- Ну, что ж, так тому и быть! - и вышла из комнаты.

- Дино! - Лиза с упрёком смотрела на него. - Тебе не кажется, что, во-первых, нам уже пора, мы же на электричку опоздаем, а во-вторых, - она пыталась подобрать слова, чтобы ненароком не обидеть племянника и, скосив глаза в сторону двери, за которой скрылась Макоша, произнесла шёпотом, - что это всё похоже на досужие вымыслы не совсем здорового человека?

- Не кажется ли тебе, - в тон ей вторил Дино, - что это мы немного, - он покрутил согнутой ладонью возле головы. - Причём, все! Помешались на чём-то... ненужном! А они, эти люди, знают гораздо больше нас и хранят это знание.

'Ну, конечно, - надулась девушка, -чего она ещё ожидала - родственники же! Защитник выискался!'

- Больных людей от церкви не отлучают! Отлучают того, кто представляет определённую опасность, инакомыслящим. Вот ты знаешь, почему Льва Толстого предали анафеме?

- А его что, отлучили? По-моему, он сам отрёкся.

- Потому что считал кощунственной историю о Боге, родившимся от девы, который пришёл искуплять за нас наши же грехи. А учение церкви называл коварной и вредной ложью, скрывающей настоящий смысл христианского учения.

Лицо Дино вдруг приняло волевой оттенок, глаза загорелись одержимым блеском.

- И совершенно справедливо! - раздался голос.

Лиза от неожиданности развернулась. Сзади, прислонившись о дверь, стояла Макоша. Под мышкой ое держала выцветший, в мелких цветочках, ситцевый свёрток.

- Каждый должен сам искупить свои грехи праведной жизнью, добрыми делами, а не ждать, когда придут и за него сделают его работу.

- И Гнежинская говорила то же самое, - чуть не вырвалось у Дино.

- А ты никогда не задумывалась, деточка, - Лиза напряжённо съёжилась, она терпеть не могла этих идиотских обращений: деточка, милочка, курочка, - что сделать объектом поклонения орудие пытки, мягко говоря, странно?

Рука девушки снова невольно потянулась к кресту на шее.

- А если бы он умер на дыбе, что у тебя висело бы на цепочке?

Лиза не могла вынести такого богохульства и хоть не считала себя подкованной в вопросах религии, робко попыталась оспорить:

- Так вы считаете, что 2000 лет человечество поклонялось неправильному Богу?

- Ну, во первых, не 2000 лет, а гораздо меньше. Я в своё время хотел защищать диссертацию на тему 'Христианизация Руси'.

Неприятное слово больно резануло ухо. Высокий божественный смысл разбивался о бюрократически-официальный термин вроде коллективизации или электрификации.

- Формулировочка не самая удачная, - согласился Дино, - но то, что мне открылось в процессе подготовки материала, было ничуть не лучше. Неприглядная картина получилась, поэтому я бросил эту затею.

- И что же ты такого нарыл?

- Почему 'нарыл'? Открыл. Причём, старался оценивать всё найденное беспристрастно, как историк, и к тому же атеист. Но к такому невозможно относиться беспристрастно! Существует совсем другая история, которую не преподают ни в школах ни в институтах, где рассказывают о том, что не имеет никакого отношения к тому, что происходило на самом деле. И это тщательно кем-то скрывается. Даже папа Римский Иоанн Павел 2, самый необычный папа за всю историю папства, как-то проговорился, что если обнародовать некоторые исторические документы, хранящиеся в тайных архивах Ватикана, то мир бы перевернулся. Князь Святослав, отец Владимира, того самого 'Красно солнышко', не выдержав кровавые деяния своего сына воскликнул 'Вера христианска - уродство есть!'

- Не может быть! - не поверила своим ушам Лиза.

- А то, что треть жителей Руси предпочли умереть, чем отдать на поругание новой, чуждой ему вере, насаждаемой огнём и мечом, своих богов, ты тоже не веришь? И то, что новая вера не принесла ничего своего, а только полностью заимствовала обряды, символику, таинства у религий Египта, Вавилонии, Греции и даже Индии, к сожалению, тоже правда.

А праздники, которые называются истинно христианскими, церковь ловко подсовывает под языческие - славянские, германские и даже кельтские, чтобы объединить под своим крылом массовые пристрастия, потому что вытравить их из народа невозможно! Они у него в крови!

- Ты хочешь сказать, что лучшие умы веками поклонялись подтасованным фактам? - Лиза задохнулась от возмущения. Кто дал ему право свою, весьма спорную, точку зрения выдавать за истинно верную? - А как же люди, глубоко верующие в Христа и ставшие впоследствии сами святыми, Сергей Радонежский, например.

- Сергей не знал никакого Христа! - выпалил Дино. - Он поклонялся Великой Матери, Богородице, Нотр Дам, как и во всём мире.

'Боже мой, что он несёт! Это всё она, эта ведьма виновата!'

Лиза с удивлением смотрела на изменившегося до неузнаваемости Дино. Откуда только взялась презрительная жёсткость, с которой он продолжал яростно вещать.

- На всякий случай, напомню, что секта, которой и было когда-то всё христианство, была иудейской! И первые Иерусалимские христианские епископы все были обрезанные евреи. Лишь спустя тысячу лет после смерти Христа, эта секта завоевала Русь. И тогда князь Владимир наложил запрет на историю Руси до этого периода. Ну, не было истории до христианства!

А кто стоял у истоков этого 'прогресса', там вообще, хоть святых выноси! 82-летняя старуха отправляется в Иерусалим производить раскопки спустя 300 лет после смерти Спасителя...

- Это ты про кого?

- Про Святую Елену, конечно!

- А ей что, было 82 года? - не верила Лиза.

- Представь себе! Да в этом возрасте можно всё, что угодно впарить. И гвозди, и обломки креста, выдаваемые за артефакты. Люди-то в тех местах известно какие живут. Предприимчивые!

- Дино! Как ты можешь так цинично, - вспыхнула Лиза. Ей был глубоко неприятен этот разговор. И хоть вера её была поверхностной, святотатства она не выносила.

- Нет, Лиза, я не циничен. Я объективен.

'Ты не адекватен, - чуть не выпалила она. - Перебрал с наливочкой, видно...'

- Уж кто циничен, так это её сынок, Равноапостольный Константин. Более жестокого и коварного деспота трудно сыскать. Обезглавил собственного сына, умертвил племянника, а жену свою просто сварил в кипятке! И этого человека церковь причислила к лику святых только за то, что он первым принял христианство. Как я должен относиться к такой вере?

В наше время, когда информации стало гораздо больше, вылезают на свет многие несоответствия, что тысячелетиями пытались скрыть от простых людей. Это всё - хорошо выстроенная мощная пирамида, ничем не отличающаяся от пресловутого МММ,- как по щекам хлестал Дино, - только с немного видоизменёнными интригами, подчищениями, подставами и навязыванием. Уже многие люди начинают задумываться - что-то здесь не так. Лиза, сними повязку с глаз!

- Да не пугай ты девочку! - строго прикрикнула на него Праскева, до этого хранившая молчание, так и замерев в дверях. Глядя на Лизу, которая сидела, закрыв лицо руками, она мягко произнесла:

- К Богу каждый приходит своей тропинкой. Просто у кого-то она длинней, у кого-то короче. Ему, видимо, - она кивнула в сторону Дино, - досталась самая длинная.

Дино усмехнулся.

- И ты придёшь. Если не в этой жизни, то в следующей обязательно.

- Вы тоже так думаете?

- Что, детка?

- Что Иисус не был..., - девушка снова не могла подобрать нужного слова. Она была совершенно сбита с толку.

- А что Иисус? Человек умер за идею, не такая уж это и редкость. Только очень большое внимание уделяли его смерти, а надо бы - жизни. Вот где настоящий урок!

- Ну, ладно, нам пора! - Лиза сунула ноги в туфли. Зря она сюда приехала. Она безумно устала от напряжения и безвольного ожидания, какое коленце выкинет эта больная женщина, от непонятных предчувствий и тревоги. Ещё этот разговор её окончательно добил. Нет, домой, домой, подальше отсюда!

- Сядь, - тихо попросила Праскева.

Лиза послушно села.

- Сейчас вы уедете, но сначала возьми вот это.

И она придвинула к Лизе ситцевый свёрток, который всё это время прижимала к себе, словно прощаясь.

- Что это?

- То, что должно принадлежать тебе.

Лиза осторожно развернула обветшалые края материи. В глубине васильковой раскраски ткани что-то блеснуло, отражая свет тусклой лампочки. Дино с любопытством вытянул шею, пытаясь рассмотреть, что же там такое и не заметил, как Лиза, удивленно посмотрев на Макошу, сидевшую с довольным, отрешённым видом столкнулась с взглядом, который долго ещё будет вспоминать. Такой взгляд лучистых глаз бывает, наверное, только у людей, которые прожили свою жизнь с пользой и достойно готовясь к встрече с Богом.

На застиранной тряпице лежал, сияя и переливаясь потрясающей красоты золотой гребень!

Дино присвистнул.

- Но почему мне? - Лиза не удержалась и взяла гребень в руки, чтобы получше рассмотреть. Искусная гравировка, украшавшая древнюю вещицу, и вырезанная неизвестным художником была необыкновенно изящна - крепко держась за спины двух дельфинов, неслась по волнам девушка в облегающей тунике.

- Он должен переходить по женской линии. Так считала Малечка!

- Но ведь мы же ещё...

- Вы с Динкой нашли друг друга, как две половинки одного целого. Вам на роду написано вместе быть, я это сразу увидела, - Прасковья погладила Лизу по руке. - Ты хорошая!

- Это ж какая историческая сенсация!

Дино взлохматил волосы и нервно заходил по комнате.

- Не надо сенсаций, - попросила Макоша, - пусть сама распорядится, как хочет. Только...,
- она помолчала. - Поосторожней с ним.

- Да вы что, Праскева Фадеевна, - Лиза не знала, какими словами отблагодарить эту женщину, эмоции переполняли её. Она вертела гребень и так, и эдак, и даже успела примерить, отчего Дино пришёл в неописуемый восторг. Вернее, в восторг он пришёл раньше, когда Макоша предрекла им быть вместе и сейчас радовался, как ребёнок.

- Как зеницу ока буду беречь, - щебетала Лиза.

- Да я не об этом, - в груди вдруг снова закололо и, похоже, эта головная боль снова возвращается. Макоша сжала виски.

- Малечка даже считала его катализатором революции. Много тайных сил он в себе хранит.

Дино помрачнел и внимательно посмотрел на тётку.

- И твоя вечная молодость...

- Это мне наказание за желание, - грустно продолжила она.

- Ничего себе, он ещё и желания исполняет? - восторженно воскликнула Лиза и тут же осеклась и с жалостью посмотрела на уставшую и будто на глазах увядающую, женщину. Под её глазами пролегли круги, морщины, казалось, углубились, белокурые волосы побледнели и потеряли свой природный восхитительный блеск. Она тяжело задышала, но стойко продолжила:

- Правильно загадывать желание - это своего рода талант. Можно взамен получить не совсем то, чего хотелось. А плату внести всё равно придётся. Свою плату я уже отдала. А теперь идите, а то на последний автобус опоздаете.

И вдруг вспомнив о непонятной тревоге, исходившей от тёмного фургона за забором, на всякий случай, добавила:

- Только через заднюю дверь, дворами, так ближе.

С невероятной любовью глядя на лицо внучатого племянника, светившегося от счастья, она вдруг спросила:

- А чем там всё закончилось?

- Где Макошенька?

- С красавчиком этим порочным что случилось?

- А, с Дорианом Греем? Ну, так, не выдержав угрызений совести, он вонзил нож в собственный портрет.

- А наутро его друзья нашли только лежащее возле портрета бездыханное безобразно-дряхлое тело, - по актёрски, со смешно-преувеличенным трагизмом в голосе, выдерживая паузы, закончила Лиза.

Если бы Дино со своей спутницей не были так заняты друг другом, весело болтая, унося с собой таинственный гребень, то, оглянувшись, они увидели бы в освещённом проёме двери маленькую, сгорбленную фигурку старухи. Надставив сморщенную ладошку наподобие козырька, укрываясь от света, она глядела подслеповатыми глазами им вслед.

Глава 21.

'Наши желания имеют свойства осуществляться. Но вслед за этим каким-то непостижимым образом следует расплата. И то, что казалось таким желанным, на достижение которого ушло столько сил, не приносит должного удовольствия. Расплата приходит незаметно, неся с собой разочарования и даже потери, всё зависит от ценности исполняемого желания. Сколько пришло, столько же и убудет, ничего не проходит бесследно. И, если заранее знать цену, стоит ли так неистово желать чего-то, чтобы потом получить наказание. Наказание за желание.'

Лиза отложила ручку, поправила красивый золотой гребешок, поддерживающий её жгучие локоны и подошла к окну.

Ночной город пылал мириадами огней. Сверкал, как гигантская праздничная шкатулка, зазывно манил вывесками и неонами реклам. Подобно другим огромным мегаполисам, он зажил своей, особой ночной жизнью, так влекущей приезжих со всех концов великой некогда страны. Жизнью, источавшей запах безумных денег, дорогих сигар, гламура и беспросветной нищеты.

Москву она не любила. За её высокомерность и нахрапистость, за сотни вечно спешащих людей с каменными лицами, за бесконечный шум и пробки, за холодные бездушные высотки, за неискренность. Этот огромный, бесконечный город напоминал ей захламлённую коммуналку и она чувствовала себя здесь мельчайшей песчинкой, потерянной среди шумных улиц и гигантских домов.

То ли дело - её родной Питер! Ветренный, дождливый, но надёжный, со своим лицом. Когда-то в детстве она считала, что такого города нет больше нигде на земле, но, когда подросла, узнала к своему величайшему удивлению, что город её впитал в себя всё разнообразие многих европейских городов. Узнала, но поздно, потому что уже была влюблена в него без оглядки.

В дверь тихонько постучали.

В голове вдруг зашумело. Перед глазами вспыхнули разноцветные пятна и лопались, словно мыльные пузыри, разбрызгивали искры, занозами больно впивались в мозг. Мириады мыслей впились в её сознание. Они были так быстры, что она не успевала понять их. Ей показалось, что она попала в ловушку теней собственных мыслей и нельзя было от них ни убежать, ни спрятаться. Мозг разрывался, выворачивался наизнанку и, не выдержав напряжения, оборвался и ухнул, провалился сквозь тело и уносился всё ниже и ниже в пустоту, пока не растворился в глубинах пространства.

Горничная проводила взглядом незнакомого официанта с неприметной, даже бесцветной внешностью, уверенно толкающего впереди себя столик на колёсах.

'Опять новенький! - устало подумала она. - Надо же, место шикарное, а такая текучка!'

И тут же забыла об этом, не заметив изящной женской ручки, свисающей из-под белоснежной скатерти.

Глава 22.

'Что за чертовщина!' - Дино ещё раз с удивлением посмотрел на часы. Он уже не раз замечал, что время каким-то невероятным образом теряется, будто проглатывается часами. И дело было, по всей видимости, не в барахлящем механизме, часы синхронно показывали то же время, что и у всех, он не раз сверял, и не в какой-то природной аномалии, которая вполне могла существовать в старинных архивных стенах, ведь кроме него нехватку затерявшихся пары часов, похоже, никто не замечал. Вот и сейчас то же самое - мгновение назад был полдень, и вдруг сразу два часа пополудню.

- Ты есть будешь? - раздался рядом знакомый квакающий голос.

- Урман! - Дино всплеснул руками. - Ты бы хоть сигнализировал, предупреждал как-то о своём приезде!

- Обед на столе.

- Слушай, Урман, на твоих сколько?

Урман нажал кнопку на подлокотнике и прошлёпал бескровными губами:

- Два ноль три.

- А пять минут назад сколько было?

Урман пристально посмотрел на Дино.

- Час пятьдесят восемь.

- Логично, - буркнул про себя Снегин. - А ты не замечал, что со временем что-то странное творится?

- Со временем всегда что-то творится. Временами что-то происходит. Времена меняются.

- Тьфу ты! Я тебе про Фому, ты мне - про Ерёму. Аномалия какая-то со временем у нас.

- Глупости! - фыркнул Урман.

- Диночка! Снегин! - в дверь просунулась голова Брониславы Яковлевны. - Где ты ходишь, Снегин? - обрадовалась она, увидев Дино. - Тебя уже часа два ожидают, - и, выпучив глаза, прошептала, - из милиции!

Дино оглянулся, Урмана нигде не было видно. Как сквозь землю провалился. Интересно, как это у него получается, словно растворяется в воздухе?

- Ну, пойдёте, Бронислава Яковлевна, посмотрим. Кто там к нам из доблестной милиции пожаловал.

- Ой, Диночка, - стуча каблучками по мраморной лестнице семенила рядом любопытная Бронислава Яковлевна, - а ты не мог бы у Игорька ещё автограф попросить? Моя соседка, когда узнала, что я его видела, чуть не лопнула от зависти. Она же ни одну передачу с ним не пропускает.

- Да не вопрос!

- Ой, спасибо тебе Как там у вас сейчас говорят, замётано?

У входных дверей, на стуле рядом с вахтенным столиком сидел, скрестя руки на груди человек и, казалось, спал. Надвинутая на глаза широкополая шляпа и черный плащ за версту выдавали в нём мента.

- Это что ещё за Глеб Жеглов?

- Ага! - билиотекарша стеснительно сложила расплывающиеся губы бантиком, глаза за толстыми линзами прикрылись, превратившись в узкие щелочки, отчего она стала отдалённо напоминать престарелую гейшу и прохихикала:- Похож!

Дино вежливо кашлянул.

Человек в чёрном плаще эффектным киношным движением пальцем сдвинул шляпу вверх и под ней показалось изъеденное оспинами знакомое лицо с длинным перебитым носом.

- Трепло! - расплылся Дино. - А я-то думаю...

- Ну, допустим, капитан Отрепьев, - резко оборвал его Григорий.

- Гришка, ты чего? - опешил Дино.

- Я к тебе... к вам по делу. Где мы можем поговорить?

Дино растерянно огляделся.

- Пойдём ко мне, что ли...

Всю дорогу Отрепьев молча пыхтел в спину Дино и, дойдя до места, вольяжно развалился на стуле и достал пачку Беломора.

- У нас не курят, - подозревая неладное, осторожно заметил Дино.

- А я и не собираюсь, - Григорий постучал мундштуком по пачке.

- Гришка! Мы же столько лет не виделись. К чему этот официоз?

- Где ты был вчера вечером? - не глядя в глаза, как бы между прочим, спросил капитан.

Фу, ты! Отрепьев в своём репертуаре. Страсть его к кинематографу была общеизвестна. В своё время даже пытался на актёрский поступить, но лёгкое заикание, а, может, попросту отсутствие способностей не позволили ему окунуться в мир кино. Но с тех пор он уместно и не очень пытался скрашивать серые будни, подражая известным киногероям. Даже папиросы курит так же, заламывая по старинке, синусоидой. А солдафонскими шутками он всегда отличался, как и свои розыгрыши сам же и считал остроумными, но никто вокруг не разделял с ним этого мнения. Наверняка с Завадским вчера притащились к нему домой и, обидевшись, что никого не оказалось дома, сидит сейчас и ломает комедию.

- К тётке ездил, дяденька оперуполномоченный, - включился Дино в игру. - Не губите, не бросайте меня в подвалы тёмные. Искуплю вино трудом праведным да коньячком трехзвёздочным.

- К тётке говоришь? И где живёт твоя тётка? - прищурился капитан. Надо же, столько лет прошло, а он совсем не изменился, раздобыл только вот.

- Известно где, на Выселках.

- Один ездил? - не обращая внимания на кривляния, допрашивал Отрепьев.

- Зачем один? С другой тётенькой. Помоложе и красивее.

- И что вы там делали?

- Что делали? Наливочку пили, разговоры рядили, молитву... нет, вот молитву не творили.

- Дино сложил губы, надул щёки и с писком выдохнул воздух.

- А надо бы! - с этими словами Отрепьев бросил на стол тонкую пачку фотографий. От них веяло холодом, сыростью и ещё тем самым запахом, который Дино не перепутал бы ни с каким другим. Это был запах смерти. Совсем недавней, свежей смерти.

- Что это? - с ужасом произнёс Дино.

- А ты посмотри, посмотри! Шут гороховый!

Дино раздвинул фотографии на столе, боясь взять их в руки.

- Я ничего не понимаю, что это такое?

- Это, - Григорий ткнул пальцем в одну из фотографий, - всё, что осталось от твоей общины.

- Какой общины, Трепло, ты что городишь?

- Нет, это не я, это ты нагородил. Что, сокровища не поделили, ёхана булочка? - Отрепьев навис над ошеломлённым подозреваемым.

Какие сокровища? Какая община? Похоже, на него пытаются навесить какое-то убийство. Дело известное, в милиции перебор с глухарями и решили за его счёт показатели исправить. А ещё друг называется! Дино аж задохнулся от возмущения.

- Тише ты, не ори! Можешь толком объяснить, что ты не меня хочешь повесить?

- Повесить? Да была бы моя воля, я бы перевешал таких волков в овечьей шкуре без суда и следствия! Вот уж не думал, что ты на такое способен! Ну, ничего, ты всё расскажешь! И куда труп дел и что с общиной сделал.

- Подожди, это какое-то недоразумение! - Дино начал лихорадочно думать. Как же можно ни в чём не повинного человека, вот так с бухты-барахты обвинять в том, что он не совершал! Это только во времена репрессий такое было, но никак не в наше время! - У меня есть алиби! Вчера я со своей знакомой Лизой Беккер ездил к своей тётке в Выселки. Она может подтвердить!

- Кто такая?

- Помощница депутата Пынди. Правда, я с утра не могу до неё дозвониться.

При слове 'депутат' Отрепьева покорило, он не любил, когда в его дела вмешиваются политики. Ничего хорошего от этого ждать не приходилось.

- Проверим, не беспокойся! - Григорий достал из кармана телефон.

- Серёга! Соедини меня с приёмной депутата Пынди. Пындя, я сказал, а не..., - он ухмыльнулся, - дал же бог фамилию. Да не в рельсу, ёхана булочка, прямо по коммутатору, напрямую соединяй! - в трубке затрещило, он отодвинул от уха трубку и поморщился. - Алё! Говорит оперуполномоченный капитан Отрепьев. Я могу поговорить с Лизой Беккер?

Он молча прислушивался к голосу в телефоне и по мере продолжения разговора, помрачнел ещё больше.

- Спасибо. Извините.

- Ну? - нетерпеливо спросил Дино.

- Что и требовалось доказать! Лиза Беккер исчезла сегодня утром из гостиничного номера, где она проживала.

- Как... исчезла? - прошептал Дино.

- Бесследно! - по-жегловски кривя рот отрезал Отрепьев. - Все вещи на месте, следов ограбления нет. А, может, она просто не возвращалась туда? - прошипел Григорий.

- Да как не возвращалась? Я же её сам до гостиницы проводил! - нелепая догадка вдруг озарила Дино. Макоша что-то говорила о неведомых способностях гребня. Если уж Гнежинская считала его катализатором революции, то судьба нескольких людей для него не в счёт. Неужели он начал действовать? Пока Макоша была его хранительницей, его действия она ощущала только на себе. Но, поменяв хозяйку, которая тут же исчезает, это уж чересчур!

- Подожди, Гриша, - засуетился Дино, - мне надо срочно встретиться с Макошей... с Праскевой! Поехали! Заодно спросишь у неё самой, где я был вчера вечером.

Дино вскочил со стула и тут же был с силой посажен обратно.

- Ты что, Снегин, непонятку включил? Под дурика косишь? Тётка твоя, вернее бабка, потому как по документам ей лет сто было, не меньше, Праскева Фаддевна Замоскворецкая пока считается пропавшей без вести. Но и теперь сомнений почти нет, что это ты со своей сообщницей, которую долгие годы выдавал за свою тётку и усахарили старуху. А потом, не поделив оставшееся от бабки наследство, ты и её порешил. И остались от козлика рожки да ножки.

И с легко узнаваемой интонацией Глеба Жеглова добавил:

- Пропал ты, чувачок!

Дино смутно понимал, что происходит, в голове гудело. Нет, этого не может быть! Макошенька, Лиза, что же он с вами сделал, гребень этот проклятуший!

- Конечно, - смутно сквозь гул доносился до него голос бывшего друга, - когда такое богатство лежит, дожидается. А старуха всё не умирает и не умирает. И хоть завещание на твоё имя оставила, расставаться с сокровищами не спешила. Чем не мотив? А теперь и главный свидетель исчезает, ты хоть понимаешь, чем это пахнет?

- Эх, Динка, Динка, - Отрепьев с силой откусил кончик папиросины и смачно выплюнул прямо на пол, - Правильно говорят, коготок увяз - всей птичке пропасть. Так вот ты уже по самые уши увяз. И моли Бога, что бы эта твоя... помощница депутата нашлась.

- Я никого не убивал, - только и мог произнести Дино. Он был окончательно растерян и даже не почувствовал, как защёлкнулись наручники на запястьях.

Глава 23.

- Ну, и откуда там взялась эта старуха? - за невозмутимой внешностью МихМиха скрывалось недоверие и даже лёгкая ирония.

- Я не знаю, - оправдывался Володя. - Когда эта парочка исчезла, вдруг появилась она, ведьма. Ни дать, ни взять ведьма! Пальцем нам так погрозила и... всё.

- Ты хочешь сказать, что это она испепелила Замоскворецкую?

- Михал Михалыч! Я же вам говорю, когда мы зафиксировали маячок с другой стороны дома, тут и показалась эта бабка! Пока я с вами связался, сообразил, что к чему, тут на втором этаже свет ярко вспыхнул, как напряжение скакнуло. Я бы даже внимания не обратил. Может она это... самоликвидировалась? Не зря про неё говорили, что с чертями водится, а душу свою дьяволу продала.

- С чертями, - пробурчал Доктор, - и ты туда же?

Казалось, этот человек совсем не умел злиться. Такие эмоции, как досада, злость, раздражение были ему неведомы. И только цепкие глаза пронзительным взглядом аспида изучали собеседника и заставляли сжиматься и покрываться испариной.

Виноградарь задумался. Похоже, эта вещица таила в себе немало сюрпризов. Он вспомнил какие неведомые глубины памяти она смогла пробудить у несчастной девушки в лаборатории. Одного он не мог понять, как целому отделу высокопрофессиональных экстрасенсов, которые дотошно вынюхивали, искали гребень по всему миру так и не удалось обнаружить его. Видно, не давался, выжидал своего часа. Вот и со старухой что-то странное творилось, явно гребешок напоследок расстарался.

- Да она у меня до сих пор перед глазами стоит! - волновался Володя.

- Кто?

- Ведьма эта!

Насколько же силён в людях тысячелетиями внушаемый суеверный страх, если уж видавшего виды подполковника проняло!

- У тебя всё?

Володя замялся.

- Нет. Оператора арестовали.

- Как арестовали?

- По обвинению в убийстве Замоскворецкой.

- Этого ещё не хватало! Кто?

- Капитан Отрепьев. Он ведёт это дело.

- Ну, так позвони, разрули ситуацию!

- Но это же не наше ведомство. И потом, вы прекрасно знаете, по закону его могут держать 48 часов, не выдвигая обвинения.

- Какие 48 часов, Володя!

Подготовка терафима идёт к завершению и каждая минута приближает их к назначенному часу X. Не хватало, чтобы из-за какого-то капитана всё сорвалось!

- Ладно, иди, я сам займусь этим.

Промозглый дождь моросил, не переставая. Когда-то он любил такую погоду. Она пахла детством. В приморском городе, откуда он родом, особенно хорошо гулялось в порту. Мелкие ниспадающие струи ярко освещались светом гигантских прожекторов, сверху нависали махины кранов, пахло рыбой, дорогим парфюмом заграничных туристов.

Когда-то любил, но не в продрогшей Москве с её набухшими от сырости домами.

Он смотрел, как капельки дождя притягивались одна к другой и, перейдя определённую критическую точку, не справлялись с собственным весом и стекали тоненькими струйками по боковому стеклу рассекающего брызги ночного такси.

- Вы адвокат?

- Что? - не понял Доктор и вопросительно посмотрел в зеркало заднего вида.

На него с любопытством смотрели глаза водителя. Бывшие когда-то красивые, но сейчас с отёкшими веками и неряшливыми следами косметики, он выглядели неухоженно и устало.

- Адвокат, спрашиваю?

- Да вроде того, - и Доктор снова отвернулся.

- Ну, вот, приехали, - женщина за рулём обернулась и показала пальцем, - вон оно - ваше отделение. Подождать?

- Нет, леди, не стоит.

- Леди! - грубовато улыбнулась водила, приняв от пассажира бумажку, - Скажете тоже!

И прокручивая колёсами, такси умчалось в ночь, обдав Доктора снопом брызг.

За столом душной, прокуренной дежурной громко переговаривались двое милиционеров.

- И что?

- Да ничего! Разворотило нашему комбату пол-голова. Уголовнички постарались!

- Да..., - молоденький сержант, уши которого торчали в стороны прямоугольными трапециями, слушал, раскрыв в изумлении рот.

- Уголовников этих потом по зонам раскидали, - продолжал лейтенант, уже успевший понюхать пороху в боевых действиях, - только говорят, после этого стал наш комбат по ночам приходиться.

- Как?

- А так, ходит по продолу* с дырой в голове и смотрит, тоскливо так... Я-то сам, Слава Богу, не видел, мужики рассказывали. То ли мстить приходит, может, виновных ищет. Кто знает!

Сержант опасливо огляделся по сторонам и осклабился:

- Нет, я в эти сказки не верю.

- Да я тоже! Эй, гражданин, вы к кому, - увидев мелькнувшую тень, лейтенант машинально схватился за автомат и тут же обмяк. Автомат выпал из рук и глухо стукнулся об пол.

Перед ними стоял, протягивая окровавленную руку, словно прося чего-то человек.

Волосы на его голове спеклись от засохшей крови, залившей правый глаз, а из безобразной раны на раскроенном черепе вытекало студенистое серое вещество.

- Комбат, - в ужасе прошептал лейтенант.

*Продол (жарг.) - тюремный коридор.

Глава 24.

Весь мир сузился до размеров клопа, маленькой и злобной сущности, ползущей по деревянному настилу. Тварь деловито направлялась к свежему телу, которое не успело пропитаться запахом стойкого мужского пота, грязных носков и испражнений, словом, всей этой всепроникающей камерной вонью. Букашка прополза ещё немного и тут же была с хрустом погребена под плюхнувшимся на неё толстым задом.

- Что, в первый раз загремел?

Дино безразлично подумал, что и его сейчас можно сравнить с этим клопом, которого можно раздавить в любой момент. Только и отличий-то, что тот родился здесь и чувств

никаких не испытывает, кроме инстинкта выживания - напиться бы чьей-нибудь крови. Ему неведомы ни унижения, ни чувство потери, ни жалости.

Тут Дино понял, что обращаются к нему и только подавленно кивнул.

- Не дрейфь, паря! - толстяк поскрёб грудь под, торчащей клочками, немойтой бородой. Из-под серой, в маслянистых пятнах мелькнула застиранная тельняшка. - Всё когда-то случается в первый раз.

Дино сидел, тупо уставившись в одну точку на противоположной обшарпанной стене и не шевелился.

- Не, друг, я серьёзно, ко всему нужно относиться философски, - глубоким басом продолжал бородач с внешностью не то бомжа, не то - попа-расстриги. - Наше тело - тюрьма, а это пострашнее будет. Мы, как бабочки, которым снится, что они - бабочки и это всё, - он обвёл глазами мрачную коробку камеры, освещённую тусклой лампочкой, - лишь иллюзия.

'Легко сказать! - с досадой думал Дино. - Её, эту философию даже за уши не подтянешь, когда у тебя умирает родная душа, ещё одна пропадает, а тебя предательски обвиняют в их убийстве. И ещё кто! Друг детства!'

- Эй, бабочка! - раздался писклявый прокуренный голос, который тут же потонул в шуме смываемой воды. - Ты чего там пургу метёшь?

Из-за перегородки, незамысловато скрывающей отхожее место показался тщедушный мужичонка. От долгих отсидок, чифира и тюремной баланды возраст его стёрся. Редкая растительность покрывала узкий, в шрамах, череп и была того неопределённого цвета, какой бывает у сидящих светловолосых людей или просто от долгой немывтости.

Одной рукой он без конца поддёргивал сползающие штаны, другой зажал ноздрю смачно высморкался в сторону параша.

- А это, - толстый презрительно осмотрел доходягу с головы до ног, - одно из тех жалких созданий, цель жизни которых лишь сытый желудок да плотские утехы. Потерянная слабая душа, не умеющая, да к тому же и не желающая бороться со своими пороками, ибо не ведаёт, что творит.

- Это кто не умеет бороться? - прошамкал урка впадающими губами. - Я умею! Могу, например, пить, а могу и... Хотя пить у меня получается лучше, - и он заквакал беззубым ртом.

- А насчёт слабака, это ты поосторожней, философ! Для тебя тело - тюрьма, а для меня тюрьма - дом родной. Вот и вся разница!

- Да разница огромная! Не важно, где жить, главное - как! Ты живёшь, как вот этот клоп. Паразитируешь. Без идеи, без смысла.

- А ты, значит, у нас идейный, - беззубый покрутил длинными, как палочки, пальцами.

- Можно и так сказать.

- Поп что ли? Уж больно на попа смахиваешь проповедями своими. - Он сбросил тоненькие ботинки и развалился на лежаке.

- Почему поп? Я - православный славянин. Вот за драку сижу. Посижу чуток, да выпустят, чай, не впервой.

- А что же ты кулаки распускаешь, славянин? Как-то не по-христиански это!

- А я и не сказал, что христианин. Я - язычник. А добро - оно должно быть с кулаками. Каждый русский мужчина должен быть по духу воином, умеющим постоять за себя. А в случае чего защитить своих близких, свой народ, а если надо - и свою страну.

- Не-ет, идейный - это я, - ханурик постучал себя кулаком в грудь. - Кто-то в окопах обороняется, родину защищает, кто-то революции делает, а я за всех сижу!

- Ты сам за себя сидишь! - гремел толстяк. - И я за себя. И он, - мотнув головой, показал он в сторону Дино.

'Эх, Трепло, Трепло, даже позвонить не дал, - не вникая в перебранку, думал о своём Снегин. - Хотя, кому звонить? Урману? Но что может сделать несчастный инвалид? Лиза пропала и наверняка её угрожает опасность. Остался Завадский. Точно, надо позвонить Гарику, уж он точно поможет вытащить меня отсюда! Или хоть узнает что-то о Лизе'.

Он вскочил с места и забарабанил в железную дверь.

- Эй! Мне надо срочно позвонить! Я знаю, у меня есть право на один звонок!

Он стучал, пытался докричаться до бесчувственных охранников, но снаружи не доносилось ни звука. Отбитые кулаки звенели, как два колокола. Не замечая боли, он в изнеможении опустился прямо на загаженный пол и тут же был подхвачен огромными ручищами.

- Эй, паря, - здоровяк заботливо усадил его на настил, - не кипишуй, всё равно не откроют.

Дино забился в угол, поджав ноги. Он готов был разрыдаться от неимоверной тоски и унижения, неизвестности и жалости к самому себе, к пропавшей Лизе, к несчастной Макоше.

- А у нас выбора не было! - доносились сквозь мысли слова толстяка, - У нас ведь как - или ты мусульманин, или буддист, или христианин. Ну, или на худой конец - иудей. И все за перегородками друг от друга прячутся, богов делят. А мне интересно, как оно там, изнутри, кто же правый. Мусульманство я уже попробовал чуток - не моё это, христианином тоже был, вот сейчас в язычество подался.

- И чем тебе христианство не угодило, язычник?- презрительно прокричал щербатый, брызжа слюной, - Истинная вера для настоящих русских.

- Христианство воспитывает психотип раба, как и у мусульман. Просто надо верить в существование Христа или Магомета, в то что они делали или не делали, что он на самом деле говорили или не говорили. А я не хочу слепо верить! Я знать хочу, почему это вот

так, а это так происходит. Язычество воспитывает свободного человека, сильного духом, жизнерадостного, смелого и независимого. Не надо верить в существование, например Бога Солнца, достаточно посмотреть на небо, почувствовать его энергию и увидеть влияние солнца на жизнь. Вот язычество и даёт мне знания о мире, помогает понять сложные вещи с помощью житейских аналогий.

- А чего яуреем не заделаешься? Смотрю, тебе без разницы,- пренебрежительно скривил губы худой.

- Не по нутру мне психотип рабовладельца. - Толстяк поскрёб волосатую грудь. - К тому же христианство - это всегда иудохристианство. Два побега одного семени.

- А может человек загореться сам по себе? - немного успокоившись и взяв себя в руки, еле слышно произнёс Дино.

Сидевший рядом толстяк погладил лысеющий череп.

- Не фигурально?

Дино покачал головой.

- Ну, вообще-то есть одно понятие..

- Да какое понятие? - взвизгнул худосочный. - Что ты вообще смыслишь в понятиях, перевёртыш? Ты сам себя найти не можешь. Да, небось, он сам и пустил петушка, чтобы мокруху замести. Да ты фраерок, лучше нам всю байду расскажи, а мы уж покумекаем, как тебе отмазаться.

Дино был настолько раздавлен и потерян, что любая помощь со стороны - жест, участие, совет - казалась ему манной небесной. Он набрал воздух, чтобы в двух словах, не вникая в подробности, рассказать свою историю, но его прервал резкий шёпот.

- Цыц! Не говори ему ничего! - приказал толстый и стрельнул глазами в уголовника. - Знаю я этих куриц подсадных! Потом всё против тебя и обернётся.

Щербатый недовольно крякнул.

- Да я ж помочь хотел! Смотрю - он пацан правильный...

- Сами разберёмся, - отрезал язычник и с интересом заглянул Дино в лицо.

- А как обгорел-то, сильно? Дотла.

- Вот это да... Ну, может, газ. Или проводка, - перебирал толстый, - или с сигаретой заснул.

- Да не курила она!

- Она? Женщина что ль?

Урка гыгыкнул.

- Ого! Бабу угондошил!

- Осталась лишь горстка пепла, - не обращая внимания на выкрики худотелого, продолжал делиться Дино с толстым, более добродушно настроенным соседом по камере, - несколько зубов, да левая ступня в тапочке. Сама комната почти не пострадала, а вот зеркало, огромное, до пола, обгорело и разбилось, как взорвалось от высокой температуры.

Толстяк помолчал и мрачно предположил:

- Очень похоже на кундалини.

- Что ещё за кундалини-мандалини такая? - хохотнул уголовник.

- Освобождённая энергия чудовищной силы, - шептал толстяк. - Немцы называли её 'вриль'. Считалось, что ею насыщена вся Вселенная и овладевший врилем может стать владыкой своего тела и повелителем всего мира. Но при произвольном, неумелом обращении может привести к воспламенению и тогда...

Не успел он договорить, как замок клацнул и дверь приоткрылась.

Услышали, наконец! - Дино подскочил к двери и замер.

Камеры наблюдения ничего не зафиксировали. То есть абсолютно ничего. Начальство, проводившее расследование глубоко уверовало, что подозреваемому удалось подкупить охрану и выйти на свободу. На плёнке было видно, как лейтенант странной полупьяной походкой подошёл к двери камеры и собственноручно выпустил его.

Сержант попал в больницу с нервным расстройством. А от лейтенанта ничего нельзя было добиться, он бредил, пытался прятаться и всё время вскрикивал в ужасе 'Комбат, комбат'. Недолго думая, его определили в Кащенко с подозрением на симуляцию. Но врачи подтвердили, что лейтенант серьёзно болен.

Соседи по камере ничего не знают, ничего не видели и даже не помнят, что с ними сидел ещё кто-то третий.

При ближайшем рассмотрении обвинения сбежавшему рассыпались в прах, но, на всякий случай, его объявили в федеральный розыск, потому как и капитан, который вёл его дело, тоже пропал. Впрочем, как и единственная свидетельница.

Динь-динь, - звенело в голове. - Динь-динь.

- Дин, Дино- пробился, наконец, из тревожного забытья знакомый голос. Сонные веки разомкнулись, в пелене проступили смутные очертания архива и взволнованное лицо Урмана.

Остатки кошмарного сна рассеивались, оставляя нехорошее предчувствие. Он ещё до конца не мог понять, где сон, а где явь, с какого момента стёрлась эта грань - Лиза, Макоша, камера, гребень. А это ужасное, изуродованное лицо в кровавых кровоподтёках, словно явившийся из фильма ужасов зомби! Приснится же такое!

Где-то невдалеке раздался звон разбитого стекла. Дино удивлённо посмотрел на Урмана.

- Тебе всё это не приснилось. Пойдём скорее!

Дино очень хотел спать. А тут ещё под ложечкой засосало, пустой желудок сокращался, причиняя боль. Он вспомнил, что ничего не ел с самого утра. Сонно ковыляя за бесшумной коляской, мимо стеллажей, Дино принялся. Его куртка и свитер источали тот самый невыносимый смрад, что царил в камере. Но запахи не могут сниться! Значит, прав старик - это был не сон, но он-то откуда знает?

Металлическая дверь зловеще поблёскивала в темноте. Урман неслышно подъехал к ней и с лёгкостью крутанул толстый обод.

Ничего себе, инвалид! Сколько раз Дино пытался тайно заглянуть за эту дверь, оставшуюся, как поговаривали, с довоенных времён, но массивное колесо, как приклеенное, не двигалось с места.

Урман первым въехал в открывшееся сумрочное пространство кабины, освещённой красноватым светом.

- Дино, быстрее, - поторопил Урман, видя как Дино в нерешительности застыл на месте, с мальчишеским любопытством разглядывал диковинный лифт. На противоположной стороне он заметил щель, разрезающую дверь пополам. Видимо, лифт был двусторонний. Его охватило чувство, что он уже видел этот лифт.

- Да, - прищурился Урман и кивнул кивнул куда-то за спину, - обычно тебе туда. Но не сегодня.

Дверь пришла в движение, возвращаясь на своё место и Дино ничего не оставалось, как нырнуть внутрь. Тут он с ужасом почувствовал, что не может сделать ни шагу. Что-то крепко удерживало его сзади. Он оглянулся и увидел как внешняя захлопнувшаяся дверь плотно зажала полы куртки. Не задумываясь, он молниеносно вытянул руки из рукавов и удивлённо проводил взглядом, как её с жамканьем слизнуло наверх будто невидимым пылесосом. Внутренние створки с облегчением захлопнулись. И тут Дино показалось, что он услышал своё имя.

- Снеги-и-н, - снова послышалось откуда-то сверху. Или ему это только показалось.

- Чего мы ждём?

- Мы не ждём, мы опускаемся.

Ничего не выдавало движения. Казалось, лифт завис на месте и только заложенные, как в самолёте, уши да лёгкая вибрация давали понять, что они несутся вниз на огромной скорости.

- Куда мы едем? - не унимался Дино.

- Всеми своё время, - скривил тонкие губы в подобие улыбки старик. - Ты всё узнаешь. Вернее, вспомнишь.

Лифт мягко качнулся, как на водной поверхности и створки разъехались, обнажая возникшую перед ними в нескольких метрах стену. Гладкая, словно покрытая глазурью и отполированная, как стеклянная, она освещалась голубоватым светом, словно исходящим изнутри. Стена оказалась частью длинного коридора, теряющегося вдаль. В отшлифованном полу виднелись утопленные рельсы узкоколейки.

Дино непонимающе озирался и оглянувшись удивлённо уставился на коляску. Урмана в ней не было! Только скомканный плед свешивался через подлокотник и, стекая по колесу, касался покачивающейся бахромой пола.

- Пойдём, - раздался рядом голос. Перед ним стоял на своих ногах, огромного роста, только согнувшийся по весом тяжёлого горба, таинственный старик.

- Урман, кто ты? - глядя прямо в рептилиевые глаза, прошептал Дино. Ему стало совершенно ясно, что этот странный человек не тот, за кого он себя выдавал всё это время.

Словно не слыша, Урман гигантскими шагами двинулся вперёд.

Внезапное и странное чувство дежавю охватило Дино, когда он, еле поспевая за горбуном шёл по коридору. Он озознавал, что здесь уже был, слышал те же слова и так же лился свет. Мозг ежесекундно подавал сигналы, что это уже происходило. Изредка попадались какие-то створчатые двери, тоже по всей видимости лифтовые шахты, ведущие в таинственные недра.

- Урман, ты объяснишь мне, наконец...

Из груди великана вырвался вздох, похожий на сип.

- Каждый раз, проходя по этому коридору, ты... простите, вы, - старик почтительно склонил голову, - терзаете меня одними и теми же вопросами. Вы же сами хотели этого!

- Да чего мы хотели? - Дино остановился.

- Во все времена были люди, - устало и заученно, будто ему приходилось это повторять очень часто, забубнил Урман, - наблюдающие за ходом развития человечества и старались обезопасить его от неразумного использования технических достижений.

- Зачем? - искренне изумился Дино.

- Чтобы люди не уничтожили самих себя. Единственное, в чём прав был старик Дарвин, так это то, что люди недалеко ушли от обезьян. Но мы никогда не вмешивались в их жизнь. Пока тебе, - он снова споткнулся, - вам, не захотелось изменить человечество.

- А я-то тут при чём? - недоумевал Дино. Он был совершенно сбит с толку.

- Снова возродиться в земном теле, пожертвовать столетиями непрерывного блаженства, чтобы испытать все муки и страдания низкого плана и перевернуть человеческое мировоззрение, ускорить на Земле новый виток эволюции - ваш поступок достоин восхищения!

Он снова согнул голову.

'Совсем съехал старик!' - подумал Дино. Но ведь куда-то он его ведёт, туда, где до боли всё знакомо. И потом, сам Урман, его внешность, цвет лица и больные ноги, которые он запутанно маскировал редкой и загадочной болезнью, всё говорило о его странной тайной жизни.

- Вы, как переодевшийся халиф, но мы всегда были рядом с вами. С самого воплощения вы находились под нашим присмотром.

- Подожди, Урман, я ничего не понимаю, объясни мне кто я, в конце концов?

- Ты никогда не задумывался, почему тебя так называли?

- Я всегда ненавидел своё дурацкое имя!

- Твой отец, называя тебя так, даже не подозревал, что ты сам выбрал это имя ещё там.

Он показал глазами куда-то вверх.

Дин-О. О-дин, - щёлкнуло в голове.

- Ну, надеюсь, ты закончил с расспросами?

Дино нахмурился.

- А мои родители?

- А что родители? Они даже не подозревали о твоей избранности. И то, что они погибли - есть лишь исполнение Божественного Закона, им ничем нельзя было помочь. Свою карму они отработали.

- Но почему я ничего не помню? - жадно расспрашивал Дино.

- Любая душа приходит в этот мир с заблокированной памятью прошлых жизней.

Дино невольно вспомнил сеанс воплощения духов. Всё это более и более становилось похожим на правду.

- Но почему я не помню своих друзей, близких?

- Это, как говорят здесь, побочный эффект от перезагрузки, твоя реальность раздвоилась и превратилась в абсолютно независимые друг от друга. Вы, люди, не можете существовать сразу в двух реальностях! По крайней мере, большинство из вас.

Слишком сложно было принять и понять Дино весь этот фантазийный бред.

Они свернули в еле заметную нишу, умело замаскированную под дверь лифта. Перед ними замаячил частокол из мерцающих лазерных лучей.

- Дальше вы сами. И да продолжится ваше существование полным преуспевания и самозабвения.

Дино нерешительно переминался с ноги на ногу, не решаясь войти в зыбкое поле.

- Смелее. Будет немного неприятно, но это поможет вам вспомнить.

Дино двинулся сквозь лучи. Лёгкие покалывания, похожие на мягкие разряды тока пронзили его тело со всех сторон.

Глава 26.

Отрепьев постучал ещё раз, уже сильнее. Он не сомневался, что подозреваемый скрылся за этой дверью. Кто-то же его пустил? Охрана, сообщники? Как он выбрался из камеры - завтра разберёмся, а сейчас надо во что бы то ни стало достать его, пока снова не совершил чего-нибудь.

Как же это происходит, где та грань, перейдя которую человек из умницы и всеобщего любимца становится жестоким убийцей? Разве эти чёртовы бумажки стоят того, чтобы ради них грохнуть собственную тётку? Или бабку, да какая там разница!

Григорий попытался постучать ногой, но нога в промокшем ботинке соскользнула и тупая боль пронзила отбитую пятку. Кондовая дверь умела отражать удары.

- Вымерли все что ли, ёхана булочка!

Прихрамывая, он отошёл на некоторое расстояние и осмотрел здание. Ни одно окно старинного, с сохранившейся лепниной, особнячка архива не освещалось, а сам он казался непривлекательным и заброшенным в лабиринте улочек.

- Я тебя достану! - пообещал Григорий и двинулся вкруговую. У каждого здания, как и у человека, есть свои слабые, незащищённые места. И у этого должны быть!

Цепким взглядом ищайки он внимательно прощупывал каждый метр неприступного с виду, в решётках, строения.

С того момента, как он, случайно проезжая мимо, вдруг увидел воровато озирающуюся знакомую фигуру, прошло минут сорок, не больше. И если здесь нет чёрного входа, то убийца всё ещё внутри. Отрепьев окончательно уверился в виновности Дино, иначе зачем ему было сбегать из КПЗ, если не виновен?

Вдруг он увидел незарешённое оконце. Крохотное, в которое, казалось, пролезть может только ребёнок, чернело оно под самой крышей. Тренированному телу не составило бы большого труда забраться наверх по многочисленным уступам, предусмотрительно оставленным уже советским архитектором, перекроившим внешнюю планировку согласно новым веяниям. Но Отрепьев с трудом подтягивался на мокрых от дождя уступах и волочил ушибленную ногу. 'Кто так строит! Растрелли, ёхана булочка! - пыхтел он, с упорством альпиниста преодолевая уступ за уступом. - Это ж мечта любого форточника!'

Левая нога соскользнула и если бы не водосточная труба, за которую он успел вовремя хватиться, лежать бы ему внизу уже не только с отбитой пяткой.

Вблизи окно оказалось не таким и крошечным. Локтем разбив тонкое стекло, он чудом, как кошка, протиснулся в отверстие и плюхнулся на пол, больно ударившись о какой-то твёрдый выступ головой. В нос ударил запах хлорки.

'Курить надо было бросать лет пять назад!' - потирая ушибленное место, подумал Отрепьев. Глаза привыкли к темноте и он увидел, что лежит на кафельном полу туалета, а мерцающий во мраке выступ, куда голова его, скользнув, чуть не угодила оказался унитазом. Хорош бы он был тогда! Сыщик - в попе прыщик, как сказал бы его наставник, когда отчитывал нерадивых стажёров.

Он вскочил на ноги, проткрыл незапертую дверь и прислушался. В такие минуты его охватывал особый азарт. Органы чувств обострялись и он крался, как тигр на охоте. Расширив ноздри, он потянул носом воздух, пытаясь почувствовать, отделить тот специфичный стойкий запах, от которого так трудно отмыться - вонь камеры. Уши его не пропустили бы ни малейшего шороха, будь это даже мышь, а глаза готовы были выхватить из темноты мельчайшее движение.

Пройдя немного вперёд по коридору, он оказался в читальном зале. Вот лестница, ведущая вниз, на первый этаж, значит, сам архив, где может находится этот ублюдок, налево, - сориентировался Григорий. - Если он заперся за бронированной дверью, его так просто не выкуришь, придётся вызывать подкрепление, а если повезёт...

Ему повезло. Дверь была открыта и он тут же услышал голоса. Приглушённые, но говорили явно двое. Сообщник! Отрепьев достал пистолет и аккуратно снял с предохранителя. Отсюда вам никуда не деться!

- Дино! - крикнул он, направляя звук за дверь. - Выходи, я знаю, что ты здесь!

Он подождал. Голоса стихли, наступила тишина. И вдруг, еле различимый звук задвигаемой металлической двери раздался из глубины комнаты.

Отрепьев бесшумно заскочил в архив и прижался к стене, держа пистолет наизготовку. Спиной он почувствовал, как стена легонько задрожала, мягко завибрировала, будто под землёй пронёсся невидимый поезд.

Он бесшумно двигался вдоль стены и вдруг наткнулся на колесо, которое от прикосновения его пальцев крутнулось, легко отодвинув массивную дверь. И тут же запах тюрьмы обдал его ноздри и ноги увязли в чём-то мягком. Он наклонился и поднял с пола куртку. Это была куртка Снегина!

Заглянув в бездонную шахту, он увидел глубоко-глубоко внизу удаляющуюся кабину лифта.

- Снеги-и-ин! - в отчаянии крикнул Отрепьев и его голос эхом прокатился по всему тёмному, безлюдному особняку.

Глава 27.

- Что это за хреновина, ёхана булочка! Откуда здесь лифт? - глядя вслед ухнувшей вниз с немыслимой скоростью странной кабины, подумал капитан. Он ещё раз осмотрел шахту, освещённую редкими огоньками. Огни уходили глубоко вниз и терялись в кромешной тьме. Он посмотрел вверх. Никаких признаков лебёдки, тросов и тому подобной механики, характерной для этого механизма не было! Но ведь как-то он работает!

Если этот чёртов лифт опустился, то должна быть кнопка вызова.

Кнопка, кнопка. Где у него кнопка?

Сначала он пошарил рукой возле лифта, но дверь, сдвинутая в сторону, мешала осмотреть другую часть стены. Если и есть эта треклятая кнопка, то наверняка она находится за ней. И наверняка, пока дверь открыта, срабатывает автоматическая защита, блокируя лифт. Странно, что она не сработала, когда он опускался при открытой двери, зажавшей куртку.

Григорий с силой сдвинул толстенную дверь и она тут же слилась со стеной настолько, что не осталось и малейшей щелочки. Он достал из кармана зажигалку. Газ в ней давно закончился, но он всюду носил её с собой из-за крошечного синего фонарика,

вмонтированной в дно и который мог пригодиться в любой момент. Такой момент настал. Сантиметр за сантиметром он просвечивал шершавую стену и только внизу, возле самого пола он нащупал незаметный рычажок, похожий на выключатель. Щёлкнув им, Григорий почувствовал знакомую вибрацию, которую сначала принял за проложенную под зданием линию метро. Есть! Похоже, лифт поднимается. Ждать пришлось долго, минут десять. Странно для такой скорости, с которой он ухнул вниз. На какую же глубину он опустился?

Отрепьев на всякий случай прижался спиной к стене и поднял пистолет, мало ли кто может там оказаться.

Но вот в недрах стены что-то глухо выдохнуло, как будто открылись двери автобуса и снова воцарилась тишина. Опер осторожно потянул на себя колесо и отодвинул массивную дверь. Тихо. Заглянул в кабину - никого. На боковой стене в темноте поблёскивала встроенная панель. Отрепьев присмотрелся - никакой нумерации этажей, только две большие мерцающие клавиши, показывающие стрелками 'вверх' и 'вниз' и рядом крошечные, сияющие изнутри, кнопки с цифрами, как в телефонах-автоматах.

Григорий, не раздумывая, ткнул пальцем ту, которая показывала 'вниз'. Внутренние створки лифта сомкнулись и под ногами всколыхнулась лёгкая дрожь. Казалось, лифт стоит на месте и Григорий ещё раз неуверенно нажал на кнопку и тут почувствовал, что уши закладывает, как в самолёте, который набирает высоту. Он терпеть не мог самолёты, а всё оттого, что боялся летать. Боялся ощущения бесконечности под ногами, щемящего чувства высоты, закладывания ушей. Он пытался всячески скрывать эту свою фобию, поэтому перед вылетом или надирался до чёртиков или глотал пригоршнями таблетки, чтобы оградить себя от этих страхов.

Григорий занервничал, ещё не хватало застрять здесь, в этой пустоте. Переминаясь с ноги на ногу, он ждал, когда закончится эта вибрация и даже приставил ухо к створкам.

- Эй, кто-нибудь! - позвал он и прислушался.

Снаружи не доносилось ни звука и ему ничего не оставалось, как терпеливо ждать. Сколько он так простоял с дурацким видом - открыв рот, чтобы избавиться от неприятного, до щёлканья, закладывания в ушах, он не знал. И вот, наконец, лифт плавно качнулся и замер.

Отрепьев с облегчением выдохнул. Но двери почему-то не открывались. Он постучал ладонью по пластиковой обшивке. И тут раздался безликий женский голос, заполнивший всё пространство кабины.

- Введите, пожалуйста, код, - вежливо предложил он.

- Ёхана булочка! - сплюнул Григорий. Что же это за лифт такой? Куда ведёт? Но вспомнив, с какого учреждения он спустился сюда, вопрос отпал сам собою. Секретные архивы? Секретная ветка метро? Подземелья? Да что угодно! У этого ведомства была масса секретов, которые они надёжно хранили.

Набрав наугад несколько цифр, которые заполнили зеленоватое табло, он услышал невозмутимое:

- Введён неверный код. Пожалуйста, введите ещё раз.

Но и в этот раз случайная цифровая комбинация не принесла результата.

Если бы он в этот раз остановился, изменил своей привычке брать всё нахрапом, с упрямством быка доходить до поставленной цели и нажал бы кнопку 'вверх', убегая, уносясь подальше от этого места, всё было бы по-другому. Продолжал бы бороться с угловатым миром, ловить и догонять преступников, к старости, глядишь, дослужился бы до полковника и, выйдя на пенсию, нянчил бы внуков в собственном домишке где-нибудь на окраине Москвы. Но привычкам своим он не изменял. Где-то там, за стенами лифта скрывается особо опасный преступник. А то, что ведомства у них с хозяевами лифта разные - не беда, начальство отмажет, чай не 37-ой год, - легковерно подумал капитан и просто положив раскрытую ладонь на цифровой квадрат с силой нажал. Бесплезно гадать, когда сочетания цифр дают сложнейшие комбинации.

Тут же над его головой оглушительно завывла сирена и панель запульсировала алым цветом. Резким движением он привычно выставил пистолет и прижался к стене.

Сверху мелькнула какая-то тень и последнее, что он видел в распахнувшиеся створки лифта - людей с автоматами наперевес в странной чёрной одежде, смутно напоминающей форму недавно созданной службы МЧС. Он успел только разглядеть странные нашивки у них на груди с надписью 'Мы владем ночью'.

Он задохнулся от дикой, первобытной боли, облотившей всё его тело. Ему показалось, что с него живьём сдирают кожу и от боли и страха он потерял сознание.

Глава 28.

- Я вам ещё раз повторяю, симптомы чрезвычайно схожи, ошибки быть не может и если эти удивительные способности использовать в научных целях! Нет, на вид ей чуть больше двадцати. Здоровье хорошее, хотя есть некоторая предрасположенность к нейроартритам, нервная система легковозбудима, что позволит подавить осознанное мышление. Рефлексы усилены при нормальном кровяном давлении.

Маленькая лампочка под потолком светила достаточно ярко, а сама комната с одним, занавешенным жалюзи, окном и занимавшей половину противоположной стены, зеркалом, была похожа на больничную, хотя больницей не пахло.

Девушка на кровати открыла глаза и с удивлением рассматривала человека, говорившего по телефону.

Встретившись с ней глазами, он быстро проговорил, неизвестно к кому обращаясь, к ней или к невидимому собеседнику на том конце провода:

- Не волнуйтесь, всё под контролем. - И положил трубку.
- Всё под контролем, - спокойно повторил он, пронзительно глядя прямо в глаза.
- Где я? - растерянно спросила она. - В больнице?
- Не совсем.

Незнакомец сел рядом.

- Понимаете, у вас весьма необычное, своего рода, заболевание. И мы просто немного вас наблюдаем.

Его глаза в мелкой сеточке морщин, казалось, лучились добротой, как у заботливого доктора. А голос внушал такое спокойствие и умиротворение, что Лиза поверила, что этот человек не сделает ей ничего плохого.

- А что со мной?

Лиза попыталась сесть, но тут же откинулась на подушку. Множество проводов от её головы тянулись к приборам странного вида, совершенно не похожих на медицинские, с выделяющимися рёбрами катушек и приковывали её к кровати.

Доктор щёлкнул каким-то рычажком в изголовье и передняя часть кровати, там, где находились ноги, пришла в движение. Подобно игрушке-трансформеру кровать сложилась и Лиза оказалась полусидящей в кресле. С глухим щелчком сбоку выскочили подлокотники, а подставка снизу плотно прижала ноги. Провода ослабли.

- Так удобнее? - улыбнулся доктор.

Лиза непонимающе разглядывала эту конструкцию. Она вообще сейчас мало что понимала.

- Доктор, неужели всё так серьёзно?

- Для нас - да, - загадочно ответил он.

- И долго мне придётся так..., - она не договорила, как из приоткрытой двери послышался топот ног и оживлённые голоса. Дверь распахнулась и в комнату быстрым шагом вошли несколько человек. Невысокий, пухлый человек с всклокоченной седой шевелюрой вбежал первым и сразу рванул к приборам.

- Где он? Покажите мне его!

Он остановился около самой массивной катушки и уставился куда-то вглубь прибора восхищёнными глазами. Длинными, несоразмерными пухлости его тела, пальцами, он достал из недр механизма что-то блестящее и поднёс к глазам.

'Гребень! - мелькнуло в голове девушки. - Так вот в чём дело!'

- Фрейя! - раздался восхищенный шёпот, похожий на шипение. Лиза подняла глаза.

В дверях стоял человек весь в чёрном и с такой же длинной и черной, как его пальто, бородой и только перчатки болотного цвета выделялись на фоне общей черноты. Высокий и худой до чрезвычайности, с тростью, с тёмным лицом и губами прелого цвета, он был похож одновременно на раввина и на дервиша и казался ряженым в белизне комнаты.

- Поставь на место! - с лёгким акцентом приказал Чёрный, как сразу для себя окрестила его Лиза.

- Но я ведь должен..., - вздохнул пухлый и поставил гребень на место.

- Николас, у тебя ещё будет время.

Лиза не могла оторвать взгляда от чёрных, как переспелые вишни, глаз, пристально взирающих на неё. Ей казалось, что на неё смотрят две бездонные дыры. И там, в глубине, на самом дне, она, нет, не увидела, а, скорее почувствовала на одно мгновение неизбытную вечность, наполненную нечеловеческой печалью. А, может, ей только померещилось от волнения. Её начало потрясывать.

- Вот, начинается.

Слова доктора было последнее, что она слышала.

Глаза девушки закатились. По щекам прокатилась тень, словно предгрозового ветер пробежал по ковру луговой травы. Лицо покрылось бурными пятнами, которые расплзались и пульсировали, бледнея и снова чётко проступая, исполняя мистический танец. Они исчезли так же внезапно, как появились и лицо, уставшее от непонятных перевоплощений, казалось мертвенно-бледным и заострившимся, как у покойника. И вдруг по мраморной коже от шеи и выше, выше, к подбородку, к переносице, пока не заполнили всю поверхность головы, стали проступать капилляры. Сначала еле видимые, но постепенно очерчивались, наливались бурным цветом, делали лицо похожим на потрескавшуюся маску. Девушка лежала молча, уставившись перед собой белками закотившихся глаз.

Николас испуганно, по-женски прикрыл рот в изумлении. Остальные тоже со страхом смотрели на происходящее. И только один Чёрный с интересом ожидал, что же будет дальше.

- А вы уверены, - он постучал набалдашником трости по ладони, - что это напоминает нужные нам симптомы?

Доктор растерянно смотрел на девушку. Но не успел он ничего ответить, как вдруг раздался утробный гортанный звук. Казалось, он шёл прямо из-под земли.

Нечеловеческий и ледящий душу, он тянулся, нарастая, звучал всё громче и громче, до озноба на коже. И тут голова девушки приподнялась, развернулась вокруг невидимой оси и опять уставилась перед собой невидящими белками глаз. Звук прекратился.

Доктор, стоявший рядом, боялся пошевелиться. Он многое видел за долгие годы своей работы, но такое встречал впервые. Конечно, он предполагал, что действие будет неожиданным, но такого он даже представить себе не мог! Эксперимент может выйти из-под контроля, ведь никто толком не знал, что делать в таких случаях. Экзорцизм - не их ведение. Надо срочно отключить усилитель!

- Не смей! - приказал грозный голос, когда доктор попытался вытащить гребень. Чёрный что-то шепнул Николасу и тот боязливо прошёл мимо кровати к приборам, что-то переключил и тут же отбежал на своё место. Доктор тоже отошёл на безопасное расстояние.

Ничего не происходило, но все, переглядываясь между собой, терпеливо ждали продолжения.

Один из наблюдавших, сурового вида, усатый человек, не выдержал, наконец, и уверенными шагами безбоязненно прошёл к продолжавшей лежать без движения, девушке. Придвинув опрокинутый в испуге доктором стул, сел, широко раскинув ноги, взял её руку и прислушался.

- Яков, вы же не врач, - неуверенно начал Доктор.

- Ну, вы - доктор, а толку? Я, в отличие от вас, скептик и ищу под всем материальную базу. Пусть она даже с того света. Вы же её чуть не убили!

Он опять развернулся в девушке. Она лежала по прежнему, вся белая, но бледность её уже не была мертвенной. Казалось, девушка была просто в глубоком обмороке. Зрачки встали на место, но глаза всё ещё смотрели невидящим взором.

- Ты слышишь меня? - Яков помахал ладонью перед её лицом. В груди девушки раздался клёкот. Низкие, гортанные и уже не такие ужасающие, звуки полились ритмичными переливами, их сменили странные урчащие хрипы, которые доносились из самых внутренностей. Монотонные и отрывистые, они пытались сложиться в какое-то слово или фразу.

- М-м-н-р-р-к-е-е-и-к.

Голова её заметалась, раскидывая локоны по подушке.

- Ме-не-э-э-р-и-и-к, - выталкивались звуки из полузакрытого рта и катились, подобно камушкам. Резкий рык прервал на секунду эту несущуюся абракадабру. И вдруг, как солнечный свет распадается в облаках на множество расходящихся лучей, так и этот ужасный рык распался на множество тяжёлых, низких голосов. Они журчали, причитали и стонали, независимо друг от друга, создавая немыслимую палитру звуков. Одни, переходя в хрипы, замолкали, их сменяли другие и искусно имитировали голоса зверей и птиц. Голоса то переливались, то свистели и булькали, как вода в котле, сливались в

нечленораздельные звуки и опять срастались в строгий ритмический узор, немислимым образом проецируя в сознание людей картины.

Прохладный свежий воздух, бурные реки, дикие степи, поющие птицы и потревоженные пески меж песчаных холмов живо предстали перед глазами, а быстрые кони, летящие высоко над землёй, врывались прямо в мозг и оставляли отпечатки копыт.

Присутствующие ошеломлённо взирали на это невероятное зрелище. Словно живая энергия исходила от этого пения и резонируя, пробирала до озноба.

Голоса диких зверей резко переходили в нечто похожее на мычание и срывались на криканье. Ритм всё усиливался, лицо девушки перекосила гримаса ужаса.

- Менерик! Менерик! - кричала она и рвала на себе волосы.

Она выгнулась дугой, затем резко выпрямилась, вскинула горделиво голову и обвела комнату смотрящими внутрь себя глазами. От этого взгляда всем стало не по себе. Всем, кроме Чёрного, который с довольным видом наблюдал за мастерскими перевоплощениями.

Качаясь вперёд-назад, Лиза начала говорить своим голосом, чётко проговаривая каждое слово:

- Пурнам адах. Пурнам идам. Пурнам пурнам удасате.

Пурнам пурнам адайя пурнам ева авасиксьяте.

- Филолога сюда! Быстро! - крикнул кому-то Доктор.

- Не надо, - остановил его Чёрный. - Это санскрит. То - полнота, это - полнота. Взяв полноту из полноты, так же останется полнота. - И добавил совсем не понятное, - Ишавасья упанишад*.

Девушка повернула голову на сказанную фразу и уставилась на Чёрного.

- Тарнхари?

Чёрный вздрогнул.

- Аум! Крато смарга смаро крато Тарнхари! Смяра, смара!** - как заведённая повторяла Лиза.

Далее произошло совсем неожиданное. Такой прыти от Тарнхари никто не ожидал. Он подскочил к креслу и резко выбросил вперёд руку. Блеснувший ритуальный стилет, который он успел выхватить из недр своего одеяния, вошёл по самую рукоятку точно под левую грудь девушки. Она, казалось, даже не заметила нанесённого удара и продолжала проговаривать загадочные мантры.

- Са парьяджас чукрам акайям авринам - асनावирам судхам апапа видхам.***

Тарнхари невозмутимо с хрустом выдернул незапятнанный стилет. На белой сорочке виднелся только узкий порез и больше ничего не напоминало о смертельной, несовместимой с жизнью, ране.

Девушка молча смотрела перед собой.

- Невероятно! - не веря своим глазам промолвил Яков.

- Что и требовалось доказать, - Тарнхари отряхнул руки.

Доктор, до сих пор онемело стоявший сзади, произнёс:

- До сегодняшнего дня я думал, что перестал удивляться. Оказывается, это возможно! Я не просто удивлён, я поражён! А вот это гортанное извлечение звуков...

- Это горловое пение, мистики тут никакой нет. - Тарнхари оглянулся на девушку.- Любопытнее то, что эти возможности развиваются годами и сохранились они, да и то не в таком виде, только у некоторых северных шаманов. Чтобы неподготовленные связи извлекали такое! - он покачал головой. - Не знаю, как вы, а я получил большое наслаждение.

- Это было завораживающе. А что она вначале пыталась сказать? Как звала кого-то.

- Менерик, - подал голос молчавший до этого полноватый человек в круглых роговых очках и стриженным седым ёжиком на голове. Он в задумчивости потёр подбородок. - Это дух предков. Память предков, если хотите. Отсюда и гортанное пение, которым в совершенстве владели в тех краях, откуда гребень.

В разговор снова вмешался Доктор. Он уже пришёл в себя и только лёгкая бледность выдавала недавнее волнение.

- Александр Васильевич, позвольте полюбопытствовать, а причём тут санскрит? - робко спросил он.

- Санскрит - это всё, что осталось от арийского языка, так называемого, прото-, первоначального, на котором говорили гиперборейцы, прародители арийской расы.

Тарнхари, облокотившись на трость, задумчиво смотрел на девушку.

- Вот уж не думал, что мы встретимся, Фрейя.

- Кто бы мог подумать, - не унимался Доктор, - что маленькая вещица может хранить такое количество информации! Такие перспективы открываются, что моим подопечным даже и не снились!

Такой кристалл, пусть пока не обработанный, он искал всю свою жизнь. И он знал, как придать ему безупречную форму, чтобы заиграл, засверкал всеми гранями бриллиант, высвечивая из мрака искрящиеся крупинки

Тарнхари метнул в него гневный взгляд.

- Для вас перспективы закончены. Ваше дело сейчас - Оператор. А девушку возьмёт под свою опеку Фиске. Яков Карлович, вы знаете, что делать.

Мрачный Яков возмутился.

- Но у меня своих дел хватает, чтобы ещё с девчонкой возиться!

- Ничего, Николас поможет.

Тарнхари посмотрел на пухлого Николаса, тот замахал руками.

- Ну, приставь к ней куклу свою, что ли.

Яков развернулся, услышав позади стон.

- Как её хоть зовут?

- Лиза. Её зовут Лиза, - доктор заметно погрузнел.

Девушка открыла глаза, щёки её порозовели и взглядом, ещё слегка затуманенным, но вполне осмысленным, она испуганно озиралась по сторонам.

Непередаваемое чувство, что она лишь телесная оболочка, наглухо обволакивающая внутреннюю пустоту, не покидало её. Куда ушли все силы и откуда взялось невероятное уныние? Точно такое же чувство она испытала после спиритического сеанса, когда ровным счётом ничего из того, что рассказывал потом Дино, она не помнила. Только как и тогда ей очень хотелось пить. Рот пекло.

Она облизала пересохшим языком губы, ощутив сухие чешуйки кожи.

Куда девались все люди и как долго её собираются здесь держать?

Она приподнялась на кресле и поняв, что ничем не прикована, эти дурацкие провода не стесняют движений, она, помогая себе руками, встала и сделала несколько неуверенных шагов. Ноги, затёкшие от долгой неподвижности, слушались плохо.

Лиза дошла до скрытого за жалюзи окна, раздвинула податливые пластиковые полоски и с осторожным любопытством заглянула в него. Отрезок мягко освещённого узкого коридора, насколько позволял ей посмотреть угол обзора, был пуст. Ни один звук не доносился снаружи.

Интересно, что они собираются с ней делать? Лечить? Но от чего, она же совершенно здорова! И потом, это больше похоже на какое-то помещение закрытого типа, но никто же не будет держать её тут принудительно, - успокаивала она себя.

С правой стороны мелькнула какая-то тень, кто-то приближался. На всякий случай она сделала щель поуже и пристально уставилась в пластиковую прорезь.

И вдруг она увидела знакомое лицо. Сомнений не было, это был он!

- Дино, - прошептала она, радуясь своему спасению.

И, видя, как он проходит мимо, закричала что было сил:

- Дино!

Она подбежала к звуконепроницаемой двери, подёргала ручку и забарабанила в закрытую дверь.

- Я здесь!

И снова метнулась к окну, крича и моля о спасении.

Дино остановился и рассеянно посмотрел на тёмный прямоугольник окна, разрезавший гладкую стену. Ему показалось, что из-за стекла за ним наблюдают глаза, полные надежды и страха. Ничего особенного, - успокоил он себя, - здесь на всём этаже работают люди, ведутся разработки и эксперименты. Наверное, очередная несчастная жертва.

Когда дверь бесшумно открылась, вошедшие не сразу обнаружили девушку. Она сидела прямо на полу, забившись как затравленный котёнок в угол за дверью, вся в слезах.

- Вот она,- обрадовался один из них и присел рядом на корточки. Это был Николас. - Лапушка, что с тобой?

И обращаясь к высокому удивлённо произнёс:

- Она напугана.

Лиза разрыдалась.

- Что я вам сделала? Зачем вы держите меня здесь?

- Ну, ну, ну, - погладил её руку толстяк. - Тебе надо отдохнуть.

- Прекрати истерику! - приказал высокий. - Пойдём.

- Я никуда не пойду, - замотала головой Лиза и жалобно попросила, - Отпустите меня.

- Бедное дитя, - растрогался толстяк. - Конечно, тебя отпустят. Но чуть позже. Никто не будет держать тебя здесь долго, правда, Яков?

Высокий стоял, держа в руках какой-то свёрток и сердито раздувал ноздри.

- А не долго, это сколько? - по-детски всхлипнула девушка.

- Слушай, - обращаясь к Якову, восхищённо произнёс Николас, - я уже лет сто не встречал такого очаровательного создания. Она прелестна!

- Она капризна и вздорна, как девчонка! - глаза Якова метали раздражённые молнии.

- Не обращай на него внимания, деточка. Он как кактус, снаружи колючий, а внутри мягкий и добрый.

- Не говори глупостей, - одёрнул его высокий. - На вот лучше, поддержи её новую одежду, - он сунул Николасу в руки свёрток.

- Женщины, они ведь как дети. Любят, когда с ними сюсюкают, правда? - продолжал пухлый.

Лиза ещё раз всхлипнула и почувствовала молниеносный, как укус змеи, укол в руку. Яков с лёгкостью подхватил её на руки. Она настолько ослабла, что сопротивляться не было сил. Ей было уже всё равно.

* Ишавасья упанишад - ведийские мантры.

** Помни о содеянном, Тарнхари! Помни! (санскрит)

*** Он движется вокруг - светлый, безтелесный, неранимый, лишённый жил, чистый, неуязвимый для зла. (санскрит)

Глава 29.

Виноградарь сидел, по-ученически потупив взор. Он не мог выдерживать этот бездонный взгляд абсолютно чёрных, без зрачков глаз. Казалось, невидимые лучи исходили из самой бесконечности и пронизывали душу насквозь.

- Я и так делаю, что могу. Мои люди устраняют людей направо и налево, а мне самому пришлось устроить эту гипнотическую клоунаду в милиции.

- Да, в юморе вам не отказать, - уголками рта ухмыльнулся Тарнхари. - Но всё же он мне нужен, как оператор.

- Я понимаю, но с ним рядом всегда этот мутант, а против него мы бессильны.

- За Урмана вы не беспокойтесь, он безопасен, как крот. Ты мне лучше скажи, как чувствует себя Первое лицо. Пока ещё Первое.

- Честно сказать, он далеко не в лучшей форме. Печень уже не справляется с таким количеством алкоголя. Но сердце здоровое, выдерживает. Всё-таки бывший спортсмен.

- Значит, увеличьте напряжение в область сердца. К назначенному сроку у всех, включая врачей, должно сложиться впечатление, что Президент не может выполнять свои функциональные обязанности именно по состоянию здоровья. Как идёт подготовка Оператора?

- Да с ним как раз всё нормально, - слукавил Доктор. - Он в руках Креатора. Хоть сейчас в бой.

- Не время, не время. Да... тяжеловат ваш народец. А с журналистом этим решили?

- Ему ввели вещество ионизирующее кровь и ткани организма, чтобы высокочастотное поле электромагнитного излучения действовало намного сильнее и сейчас он полностью безопасен.

- Вот и хорошо.

- Ты уже пробовал этот путь лет 70 назад. Ничего хорошего из этого не получилось.

Из темноты выплыло бледное до синевы обезьяноподобное лицо.

Виноградарю не было дано этого видеть, он не обладал внутренним зрением и дальнейший мысленный диалог был за гранью его органов слуха, но по тому, как оболочка Тарнхари застыла на месте, он понял, что-то происходило. Такое часто бывало с этим чёрным человеком, разум на время покидал его, уносясь неведомо куда и тогда его лучше было не беспокоить. Доктор боялся пошевелиться.

- А, это ты, Белый Кингу. Всё так же пресмыкаешься перед этим перевоплощенцем, королевской крови альбинос? Как видишь, я выполнил твою просьбу. Твой выкормыш взлетит на самый верх иерархии. Но сможет ли он там закрепиться?

- Здесь я Урман, зови меня так. К чему тебе новые жертвы, Тарнхари?

- Это не последние жертвы в этой борьбе. Ты только созерцаешь, не вмешиваясь в мирские дела, я же управляю историей и даю человечеству новые знания. Новая порция знаний уже созрела для человечества.

- А ты уверен, что человечество готово к новым взлётам?

- Исчерпав все земные ресурсы? У них не останется выхода.

- Но ведь тебе известно, что Земля производит гораздо больше нефти и газа, чем используется людьми. К тому же закон 'чем больше отнимаешь, тем больше прибавляется

для сохранения баланса' ещё никто не отменял. Я удивлён, что ты считаешь себя хозяином игры, уничтожая одних во имя спасения других.

На Тарнхари внезапно снизошла сила, власть, одержимость.

- А почему ты думаешь иначе? Человечество погрязло в пороке, лжи и глубоком материализме. Фундаменты религий не оправдали себя, ты же видишь это. Пора покончить с этим небожеским творением, ведущих людей по ложному пути. Мы заложим основу новой веры, точнее, вернёмся к истокам древней, проложим путь новой эволюции и духовного перерождения и здесь, в России, будет новый центр мирового могущества. Мы дали им Бога, дадим и царя, они хотели Мессию, они его получают! Такого шанса и слияния звёзд не было уже без малого 2000 лет! Я - Тарнхари расставляю фигуры на поле истории и обещаю, что в этой игре я поставлю мат. Иначе, я буду не я, вождь и последний оставшийся из древнего племени Вользунген. Под вечным лозунгом 'Свобода, равенство, братство' произрастут семена новой цивилизации.

Урман поморщился:

- Опять ты со своим масонством. Свою судьбу человек должен освещать собственной совестью и по пути мудрости идти к достижению целей. Совесть, судьба, воля - вот настоящий треугольник, ведущий к освобождению души.

С этими словами Урман так же внезапно скрылся в сумрачном мраке, скрадывающим углы комнаты.

Глава 30.

Тело начало сотрясать дрожь. И чем дальше они проходили по коридору, тем дрожь усиливалась и когда они остановились у одной из дверей, Дино заметно лихорадило. Всё плыло перед глазами, как при высокой температуре и он с трудом разглядел на двери новую табличку с выгравированной надписью 'Д. Снегин', а снизу, помельче, 'Оператор', еле различая буквы успел он прочесть.

Его всегда трясло перед этой дверью, но он знал, что это пройдёт через несколько минут. Что поделаешь, такова обычная реакция организма на перезагрузку реальностей.

Дино уверенно рванул ручку двери.

В ярко освещённой комнате спиной к двери, сидел, уютно расположившись в мягком кресле человек.

- Мы вас заждались, Дино, - развернувшись произнёс он, усмехнувшись одними глазами.

- Ты готов?

- Как всегда, Михал Михалыч.

- Ну, давай работать, - Виноградарь встал с кресла и отодвинул лёгкую занавеску, за которой обнаружился обычный стул в окружении огромных катушек с намотанной на них проволокой, панелью с тумблёрами, клавиатурой, экраном и прочими непонятного предназначения атрибутами, отчего всё это нагромождение смахивало, скорее, на мини-кардиологический кабинет какой-нибудь клиники.

Пока Доктор не спеша наклеивал на голову Дино датчики, он несколько раз сморщился, как от нетерпимой зубной боли, но промолчал.

- Неважно выглядишь, - только и заметил он.

- Не выспался. Но я сейчас соберусь.

Дино не покидало ощущение несвежести. К тому же тело ломило от томительного сидения на тюремном настиле. Было одно желание - в душ и на боковую, отсыпаться.

- Мы кого-то ждём? - видя, что Доктор не торопится включать аппаратуру, поинтересовался Дино.

- Угадал. Сегодня к нам присоединится Креатор, - Доктор пригладил свои редкие седоватые волосы.

- Кто?

- О-о, - многозначительно протянул Виноградарь, - этот человек благополучно пережил нескольких главных лиц и, похоже, умирать совсем не собирается. Парвин, если так можно выразиться, пишет музыку, а мы только дирижируем.

- Парвин. Какое странное имя.

- Нормальное восточное имя. - пожал плечами Виноградарь. - Парвин - учёный, продуцирует перспективные идеи, работает над имиджем, в-общем, над всем, что и будет составлять конечный облик Оператора.

- Кумароко?

- Ты что-то сказал? - Доктор нетерпеливо взглянул на часы.

- Японцы называют такого человека 'кумароко' - человек, стоящий за всеми. Человек за ширмой. А кто заказывает музыку? - невзначай поинтересовался Дино, но вопрос повис в воздухе, потонув в облаке духов. Цокающий звук, выбивающий поспешный ритмический рисунок послышался с той стороны двери и материализовался в тупли на высоком каблуке. Обладатель шикарных тупель являлся Дино постепенно, снизу вверх. Казавшиеся бесконечными длинные ноги, туго обтянутые поблёскивающими чулками,

заканчивались эффектной короткой юбкой. Тонкая талия гитарным изгибом переходила в пышную грудь, вздымающуюся от быстрой ходьбы, а лебединная шея венчалась узким, с восточными чертами, лицом в обрамлении подкрашенных блондом ухоженных волос. Светившийся в её глазах ум и породистость дополняли это великолепное творение.

Дино чуть не присвистнул бестактно, но удержался. 'Ничего себе... Креатор!'

- Знакомтесь, Парвин Гуллиевна! - довольный произведённым эффектом, расплылся Доктор.

- Ах, оставьте, - произнесла женщина низким, необычайно приятным голосом. - Просто Парвин. О, какой красавчик! - она оценивающе посмотрела на Дино. Ему стало не по себе от этого откровенно разглядывающего, словно раздевающего, взгляда.

- Дино Снегин, - растерялся архивариус и, привстав, рассеянно протянул руку для рукопожатия.

Парвин снисходительно улыбнулась, глядя на этот жест.

- Ну, тогда так, - она вложила свою ладонь в протянутую руку и поднесла её к губам смущённого Дино. Тому ничего не оставалось, как неумело чмокнуть тыльную сторону надушенной ручки.

Вблизи Парвин оказалась гораздо старше, чем пыталась казаться, но всё равно выглядела восхитительно. Она относилась к тому типу женщин, что с годами, как хорошее вино, становятся выдержанней и прекрасней. Трудно было поверить, что под этой тонкой, хотя всё же немного легкомысленной внешностью скрывается острый политический нюх.

- Какая хорошая фамилия! - заметила она. - Русская, вызывает хорошие ассоциации. А вот имя... У вас в роду были итальянцы? Может быть сменим? - не дождавшись ответа на предыдущий вопрос, она вопросительно посмотрела на Доктора.

- Парвин будет не только создавать ваш имидж, она же будет вашим спичрайтером, писать для вас тексты - её задача, - продолжал Михаил Михайлович, - но и...

- Биографию тоже, - закончила красавица.

- Зачем? - Дино вконец стушевался. - У меня есть.

Креатор засмеялась.

- А это чтобы никто не сомневался, что политику партии вы понимаете верно. Таков порядок, - и повела глазами, которые наверняка свели с ума не одного мужчину.

- Итак, - вмешался МихМих, - у нас есть молодой, хорошо и доступно говорящий, ведущий здоровый образ жизни, неженатый, тихий на вид, я бы даже сказал, скромный, человек.

- Чудненко! - она, не скрывая удовольствия, продолжала откровенно оценивающим, придирчивым взглядом рассматривала Дино, как игрок, поставивший на кон всё своё

состояние - лошадь перед забегом. - Эту черту можно будет выделить особо. В-общем, портрет нашего мифологического героя должен выглядеть так, - обратилась она к Виноградарю, изредка посматривая на Дино, - близость к простому населению, парень из соседнего двора. Это должно проявляться и в одежде, и в поведении, и в речи. Её, как раз не стоит перегружать сложными терминами. Минимум иностранных слов, а комментарии просты и понятны. Иногда можно вкраплять образцы нарочито-сниженной лексики, проще говоря - слэнг. Людям нравится, когда с ними говорят на одном языке. Образ решительного и волевого политика, у которого слова не расходятся с делом, носителя новых символов и новой веры плюс те качества, о которых я упомянула ранее, должны создать ореол 'семейного' президента. Идеального, вроде сантехника Гоши, обожаемого всей страной, особенно её женской половиной. И то, что он не женат, может сыграть на руку для привлечения этого огромного электората.

Ну, можно ещё вполне в духе времени дополнить нашего лидера образом смелого 'свойского парня', способного подняться в воздух на военном самолёте или выйти в море на боевом корабле. Нашему народу это понравится.

- А не слишком? - возразил из угла Доктор.

- Нет, - Парвин уверенно покачала головой. - Менять всё надо радикальнейшим образом, уже есть распоряжение. Остальную коррекцию будем развивать постепенно. Ну, вот, - она развела руки, - где-то так. А как обстоят дела с натальной картой?

- Гороскоп ложится идеально!

- Славненько! Уверенной походкой займёмся позже, как и изучением энергетической жестикуляции, одной из очень важных сторон деятельности публичного человека, так называемых мудр.

- А при чём здесь мудры? - удивился Дино, они же не йогой здесь собрались заниматься.

- К вашему сведению, только 7% мы выражаем в словах. Остальные 93 отводятся невербальному общению. Тон, тембр, голос, выражение лица, положение рук, поза могут рассказать знающему человеку гораздо больше, чем слова.

Дино понимающе кивнул.

- Так вот мы рассматриваем мудры не как целительные жесты, дающие оздоровление, а как оккультную манипуляцию, создающую определённую энергию. Китайцы называют её 'ци', буддисты - 'прана'. Например, когда вы будете выступать перед своими избрателями, которых, я уверена, будет подавляющее большинство, ваша программная, заготовленная речь будет сопровождаться сложенными перед собой крестом ладонями, а для сегодняшнего нашего занятия понадобится следующая комбинация.

Она взяла его левую руку и, разгладив, положила открытой ладонью на его колено, правую же завернула в кулак и нежно опустила на другое колено. Никакой ци, как и праны он при этом не почувствовал, только приятные ощущения от её прикосновений отозвались в его теле.

- Таким образом, открытая левая рука принимает тонкую энергию, а правая, зажатая в кулак, замыкает в теле и преобразует её.

- Как у Ильича в Мавзолее? - робко попытался пошутить Дино.

Креатор подняла на него свои огромные, с восточной поволокой, глаза.

- А вы наблюдательны.

Только он хотел поинтересоваться, какая же энергия может быть у мумии, как она продолжила:

- А теперь о самом главном. Мы должны изменить страну с помощью новых символов. Работающих, сильных, энергетически подпитанных, в отличие от обветшалой пентаграммы-звезды и изжившего себя креста. Это будет традиционный, древне-русский знак, - она помолчала, - свастики.

Дино показалось, что ослышался и он вопросительно посмотрел на Доктора, молча наблюдавшего за ними со стороны. Виноградарь одобрительно покачал головой.

- Надеюсь, вы отдаёте себе отчёт, - не веря своим ушам произнёс Дино, - насколько будет трудно внедрить символ, который стал олицетворением зла во всём мире?

- Смотри как это преподнести. Человеческие заблуждения могут носить общий характер и считаться нормой. Как и в случае с насаждением христианства, дело лишь в грамотном маркетинге. Одна из главных на сегодняшний день конфессий вылезла когда-то из живота иудейской секты и успешно ушла на экспорт, прихватив с собою крест. Невежественная толпа слепо верит в то, что им преподносят, как в чудо снисхождения благодатного огня, например, отпечаток руки Христа на одном из домов на Виа Долороза или геену огненную в Иерусалиме, которую показывают легковерным туристам. Не мне вам рассказывать, что свастика - древнейший общемировой солнечный символ и принадлежит всем эпохам и всем народам.

- Это всё понятно, - разволновался Дино, понимая обречённость этой идеи в стране, где не забыты ещё зверства фашистов, - на облачениях православных священников, на иконах, русских полотенцах, свадебных нарядах и даже на одеждах североамериканских индейцев - везде была свастика. Но... нет, это безумие!

- Символ священного жертвенного огня, циклических сил природы, сексуальности и магической энергии, свастика в круге венчала и капот автомобиля последнего царя Николая II. И для царицы это был самый священный символ. Нарисованный её рукой, он остался на стене между окнами в печально известном доме Ипатьева, где как известно, и погибла царская семья. Мы в своём роде продолжатели дела царя, который тоже был заинтересован в сокрытии определённых знаний от народа и даже был согласен на убийства, чтобы спасти мир от гибели. Что произошло бы, если бы кто-нибудь воспользовался, к примеру, методом передачи на расстояние энергии ядерного взрыва, изобретённым инженером Филипповым в 1903 году, убитого по приказу царя? Апокалипсис?

- Но ведь можно было найти этой теории мирное применение, - возразил Дино. - В любой развивающейся стране мира можно мгновенно провести индустриализацию, причём без всякого загрязнения окружающей среды!

- Можно, - согласилась Парвин, - но нам это не нужно. А вот в целях безопасности...

Из угла раздалось многозначительное покашливание.

- Давайте мы сейчас просто немного расслабимся, - увела в сторону от опасного разговора Креатор, - отвлечёмся и начнём загрузку файлов. Даже усваивать ничего не придётся, вся информация поступит сразу в мозг. Останется только озвучить, а это будет уже зависеть от ваших актёрских способностей. И, конечно, от нашей работы.

- А как же подготовка к выборам? Встречи с избирателями?

- Выборы? - она снисходительно улыбнулась. - Выборы - это только необходимый формальный атрибут, не более.

Она достала из сумочки диск, вставила в компьютер, пальцы ловко забегали по клавиатуре.

- А вы всех, - Дино не знал как назвать тех, кто был до него, - предшественников так готовили?

- Конечно, вы ведь только усилители.

Она щелчком нажала кнопку.

- Усилители чего? - хотел спросить Дино, но не успел. Сознание на миг помутилось, предметы потеряли очертания, рассыпались на мельчайшие пазлы и закружились в бешеном танце. Замедлив хаотический бег, они снова встали на свои, точно обозначенные места. Или не на свои, только Дино смотрел на всё совсем другими глазами. Он словно видел всё изнутри и одновременно со всех сторон, и предметы, и этих двоих людей. Все их мысли витали над ними, а их прошлое и будущее, видимое одновременно в одной плоскости, всплыло где-то внутри, на самом дне мозга. Реальность раздвоилась для Дино. Люди, комната, предметы - всё осталось неизменным, но что-то происходило вокруг, видимое только им одним. Он услышал тоскливый вой ветра и вслед за этим прямо с потолка посыпалась лёгкая снежная крошка. Метель крутилась позёмкой, разбрасывая вокруг ледяную труху. Холодно не было и лишь снежинка, застывшая на неподвижных ресницах обжигая лицо, плавилась и высветилась вдруг огненной свастикой.

Парвин ошеломлённо смотрела в его глаза, окрасившиеся вдруг бездонной синевой и глядящими перед собой с печалью и смирением, как у глубокого старца, прошедшего долгие годы в молитвах и воздержании. Она растерянно оглянулась на сидевшего в стороне Доктора, который, казалось, не заметил происшедшей метаморфозы. Тот махнул рукой, дав сигнал к началу.

- Итак, - Женщина заглянула в лежащий на коленях блокнот, - начнём по-порядку. Готовы?

Дино еле заметно кивнул.

- Мы, наследники великой цивилизации, - читала она, - можем вернуть себе былое величие и процветание, если вернёмся к своим истокам духовно и физически. Для этого Россия должна взять под свой контроль - военный, политический и экономический, земли...

Она не успела закончить, как раздался голос Дино.

- Добро не может быть чёрным и белым, чёрно-белым или полосатым. Подлинное добро не имеет привкуса высокомерия, изворотливости, хитрости, равнодушия. Иначе это не Добро, а Зло, под прикрытием Лжи. Ошибка, что целью вашей системы стало не познание, а овладение миром. Мир этого не прощает.

Парвин непонимающе взглянула на Виноградаря. Что-то явно пошло не так.

- Для вас народ, - продолжал Дино, - это только энергетическое стадо дойных коров. Расходный материал и слепые исполнители, вовлечённые в вашу игру через простые методы дрессировки.

Доктор не мог понять, что происходит, почему оператор говорит вещи, совершенно противоположные вложенной в него информации. Затраченные силы и средства предполагали иной результат. Он посмотрел на экран монитора и только сейчас заметил сам собою выехавший из дисководов диск.

- Ничего не понимаю, он же замечательно справлялся с этим заданием, - только и прошептал Доктор.

Парвин задумчиво посмотрела на диск.

- Откуда же он считывает информацию?

Михаил Михайлович лихорадочными движениями отлепил с тела Дино все датчики.

- Разберёмся.

- Сегодня его больше не беспокойте, пусть выспится, - она поморщилась, - и помоеется. Завтра попробуем его перезагрузить и ночью начнём пробный запуск, первый этап операции. Мне даже самой интересно, чем это закончится. Но если что-то пойдёт не по плану...

Дино захлопал глазами, как после тревожного сна.

- Ну что? Всё в порядке?

- Более чем! - улыбнулась Креатор надутыми силиконом губами, обнажив крупные, как кукурузный початок, зубы.

Глава 31.

'Какой красивый сон!'

Из лёгкого послесония доносилось ещё необыкновенное пение птиц. Лиза сладко потянулась и повернулась на другой бок.

'Боже мой, который час?' Она поднесла руку к глазам. Часов на руке не было! Вместо него изящный браслет змейкой обвивал узкое запястье. Лиза спросонья удивлённо разглядывала, как мельчайшие звенья цепочки обрамляли совершенно прозрачный камень и нежно позвякивали при малейшем движении руки.

- Доброе утро! - вдруг раздался чей-то голос. - Точнее, добрый день!

Лиза испуганно села на кровати и по-детски прикрылась тонким покрывалом, оставя одни глаза. В дверях стоял очень красивый юноша. Что-то чудное было в его фигуре и сам он был похож, скорее, на манекена в витрине дорогого магазина.

- Кто вы? - настороженно спросила Лиза из-под одеяла.

- Друг.

Она обвела глазами просторную комнату. Из мебели в ней была только одна кровать, на которой она и пряталась в данный момент.

- Я сделал её розовой. Женщинам же нравится розовый цвет?

- Кто вам сказал? - буркнула Лиза.

- Создатель. Но, если вам не нравится, я могу переделать.

'О, как парня-то обработали! - Лиза испуганно водила глазами из-под одеяла. - Создатель ему сказал!'

В нижней части, по всему периметру странной комнаты, один над другим громоздились полукруглые, похожие на гибкие трубы, выступы, наполовину утопленные в розовой стене, которые доходили почти до середины. В самом верху, где она должна упираться в потолок, зияла дыра во всю ширину помещения. Над ними, на фоне чистейшей небесной синевы кучерявились ватой облака и, возвышаясь альпийскими снежными вершинами, возносились в самое поднебесье. Лиза перевела взгляд на огромное, в полстены, окно. Этого не может быть! Наверное, она всё ещё находится в объятьях сна и, чтобы окончательно стряхнуть остатки сновидения, девушка протёрла глаза. Тушь размазалась, вызвав резкую боль. Проморгавшись, девушка ещё раз взглянула в окно. Там, перепрыгивая с ветки на ветку диковинного тропического леса, галдели, пестря необыкновенной красотой оперением, чудные птицы. Буйство красок было столь ярко, а

зелень так чересчур живописна, что казались не реальными, а сошедшие с полотен импрессионистов.

- Там, наверху, сыкотно и промозгло и я решил, что это как раз то, что вам нужно, - перехватив её мысли, снова раздался всё тот-же звенящий голос.

Лиза потихоньку впадала в панику и, не обращая на юношу никакого внимания, осторожно заглянула под одеяло. Тела не было!

Она вскочила с кровати, которая тут же бесшумно исчезла в недрах стены, слившись с выступающими трубами. Но девушка этого не заметила.

Крича от ужаса, она задёрнула ногами, подпрыгивая на месте, а руками пыталась стряхнуть невидимую преграду, как каких-то мерзких насекомых, облепившим её тело и скрывшим его за собой.

Тут до неё с трудом дошло, что особого дискомфорта по поводу отсутствия тела она не ощущает да и чем-то же она всё-таки сидела на кровати! Осторожно пошевелившись, она с изумлением заметила, как заколыхалась, студенисто всколыхнулась, будто стеснённая прозрачным материалом жидкость, её потерянное, невидимое тело, скрытое до запястий.

- Это пилемма, - снова невозмутимо констатировал юноша. - У нас здесь одни мужчины и я подумал, что так будет лучше для всех.

От одной мысли, что чьи-то руки прикасались к ней сонной, передевали, она снова пришла в ужас.

- Вам будет очень удобно в этом облачении. Оно не стесняет движений, к тому же невесомо. Не тонет в воде, его не берёт ни клинок, ни огонь. В нём ни жарко и не холодно.

- Послушайте, молодой человек! - прервала Лиза эту рекламную презентацию. - Я не собираюсь нигде гореть, сражаться, плавать и летать в невесомости! И здесь я тоже оставаться не собираюсь! Я хочу домой!

- Пётр, - юноша, казалось, совсем был лишён эмоций. - Меня зовут Пётр. Можете величать меня Петей.

- Да что вы заладили - величать, облачение! Где я нахожусь и что вообще здесь происходит? Что я здесь делаю?

- Мне не представляется возможным ответить на ваш последний вопрос, мне это неведомо. Касаемо предыдущего я могу сказать, что вы стали частью этого города, такой же, как я, как Создатель, как все его жители.

- Какого города?

- Солнечного.

Лиза нервно зашагала по комнате. Под ногами, плотно обтянутыми странной тканью, пружинил приятный на ощупь, то ли прорезиненный, то ли ковровый с мягким ворсом, пол. Вспоминая события вчерашнего дня, перед глазами пронеслась странная больница,

незнакомые люди, Дино, гребень. Теперь вот какой-то Солнечный город. Стоп! Дино. Ну, конечно, это он! Предатель. Как он мог обманом завлечь меня? И ради чего? Да, кстати, а ради чего? Но эта мысль тут же потонула в обличительной тирраде. Монстр, скрывающийся за личиной целомудренного и чистого ботаника! Волк в овечьей шкуре! Чудовище! - ругалась она про себя. Высказав всё, что думала об оборотне-архивариусе, она повернулась к Пете, который терпеливо дожидался дальнейших расспросов и с вызовом бросила:

- И что мне прикажете делать?

- Для начала потрапезничать, - бездушным автоответчиком, не задумываясь, ответил отрок. И не успела Лиза и глазом моргнуть, как в руках он уже держал прозрачный поднос. Мутноватая жидкость в стакане напоминала с виду деревенский самогон и совершенно не вызвала желания утолить жажду, как бы сильна она ни была.

- Это витаминный коктейль. Сбалансированный напиток, содержит необходимые организму вещества в размере дневной нормы и рассчитан согласно массе вашего тела.

- А ты что, - Лиза нервно икнула, - эту массу?

'Он что, с меня мерки снимал?' - ужаснулась она.

- Конечно! - кивнуло существо. - Вес - 56 кг, рост - 1м 65 см, объём груди...

- Хватит! - вскрикнула Лиза в в ужасе. Она почувствовала себя овощем в хранилище, которого взвесили, обмерили, помыли и упаковали, да хранят теперь в ожидании своей участи. Мысль, что этот юнец видел её голой, безразмерно смущала её, но не показывая вида, она капризно ткнула пальцем в тарелку, на которой громоздилась холодцеподобная горка в виде кекса с таким же мутным, как и жидкость, оттенком.

- Это что?

- Это пиблотока. Нужно количество калорий, хорошо утоляет голод и очень приятная на вкус. Вам должно понравиться! Учитывая специфические качества продуктов, которые...

- Послушайте, Петя, - скривилась Лиза от сухой канцелярской манеры мальчика говорить и в тон ему издевательски произнесла, - ну что вы, право? Не утруждайте себя понапрасну. Для насыщения моего организма мне вполне достаточно съесть вот это.

Она схватила с подноса огромное, с яркими румяными боками, яблоко, единственное, что выглядело съедобным на этом подносе, увенчанное кокетливым ярко-зелёным листиком на плодоножке и с жадностью надкусила. Яблоко треснуло, брызнув соком, и Лиза почувствовала во рту нежнейший аромат мяты, апельсина, лесных ягод и тропических фруктов вместе взятых и чего-то ещё, что придавало вкусу плода удивительные ощущения. Если бы теплота и любовь заботливых рук, которые его взрастили, солнечный свет, насытивший его своими заботливыми лучами, подземные ключи, наполняющие корни дерева живительной влагой, свежий ветер, обдувающий крону, в которой он наливался, можно было бы передать в ощущениях, это было бы именно так.

- М-м, - промычала Лиза и закрыла глаза от удовольствия, - вкусное яблоко!

Рот юноши довольно расплылся в подобие улыбки, как будто кто-то растянул уголки его губ и снова поставил на место.

- Райское.

Его ладони, держащие поднос, сомкнулись с ловкостью фокусника, бесшумно коснулись друг друга и вся еда, что была приготовлена для прекрасной пленницы исчезла вместе с подносом, растворилась, как зыбкое изображение.

Лиза перестала жевать и уставилась на парнишку.

- Что-то не так? - он смотрел на неё таким кротким и преданным взглядом, оттого выражение его лица стало похожим на грустную мордашку провинившегося щенка, готовое исполнить для исправления любую прихоть хозяина, что Лиза не выдержала и взмолилась:

- Петя! Помоги мне выбраться отсюда.

Он вскинул голову.

- Зачем? Здесь хорошо, вам понравится. Сегодня у вас выходной день и я покажу вам город. Сами всё увидите.

- Выходной день? - опешила девушка. - Я что, здесь работать буду?

- Не исключено, раз вы стали горожанкой. У нас все работают.

- И что я буду делать? Яблоки выращивать? Или..., - она оглянулась в поисках подходящего примера и уперлась взглядом в окно, - вон, окна мыть?

- Это не окно, это экран и его мыть не нужно. А яблоки выращиваю я.

Он снова пристально, наклонив голову, посмотрел в её глаза.

- Я понял, вам просто не понравилось.

Мичуринец пробежал пальцами по невидимой панели у двери. На экране спроецировалась улочка её любимого города. Редкие пешеходы, скрываясь от дождя зонтами и поднятыми воротниками, спешно пробегали в поисках укрытия. Проехал, звеня, трамвай. А небо на потолке затянуло акварельными тучами, из которых, не медля, пролился серебряный дождь и, не долетая до комнаты, растворялся в воздухе. Запахло дождём, мокрой травой. Стало темно и сыро.

- Так лучше?

Лиза устало опустилась прямо на пол.

- Я вижу, союзника из тебя не получится.

- Союзник - это партнёр для достижения победы над противником, а нам воевать не с кем. Здесь все заняты одним делом.

- Каким? - безразлично спросила Лиза.

- Прогрессом, - просто ответил юноша и вдруг предложил: - А теперь давайте поиграем?

'Господи, только не это!'. Лиза округлила глаза от неожиданности и с опаской спросила:

- Во что?

Странно опустившись, словно сложился, он сел рядом и поставил на пол перед Лизой маленькую коробочку, вытянутый цилиндр из чёрного металла. Посередине виднелась узенькая полоска, разрезающая цилиндр пополам, которая тут же засветилась тусклым зеленоватым светом и вдруг, прямо над ней, возник большой, метра на полтора, экран. Мерцающая и переливаясь, он, казалось, застыл в ожидании сигнала.

Пётр провёл рукой по поверхности и на экране возникло трёхмерная шахматная доска. Изысканные фигуры заскользили, задвигались, составляя какую-то только им известную комбинацию.

- Мне даже удавалось у него выиграть! - Петя быстро переставлял фигуры, беря их рукой прямо в экран. Казалось, он состязался с невидимым соперником на скорость.

- Я не играю в шахматы, - разочарованно произнесла пленница.

Шахматы исчезли и прямо в воздухе заструились цифры, формулы и выстраивались согласно непонятной для неё математической схеме.

- Можно его попросить и он покажет скрытые скалярные потенциалы в уравнениях Максвелла с учётом связи с гравитационными полями, уравнениями движения и электромагнитных явлений с понятиями массы и времени. Хотя это я и сам могу. А можно с ним в теннис поиграть. Он очень хорошо играет.

- Я не играю в теннис, - вздохнула Лиза.

- Ну, тогда задайте ему любой вопрос. Он знает почти всё.

- Кто убил Джона Кэннеди? - брякнула Лиза, чтобы отвязаться. Она сидела на полу, обхватив колени руками и покачиваясь, пыталась связать события последних дней воедино, нанизать их на единую нить, чтобы понять, что происходит. Рядом лежало надкушенное яблоко.

Резкие хлопки выстрелов отвлекли её от раздумий. Она вздрогнула и посмотрела на экран, где мелькали кадры, подобные знаменитой и обошедшей весь мир кинохронике, только не чёрно-белой, а цветной и качественной, будто снятой современной аппаратурой. Фигуры тоже были объёмными, только чуть уменьшенными. Сценка лилипутской жизни, наблюдаемая Лизой со стороны, пронеслась уже финальной частью трагедии. Маленький обезображенный трупик с простреленной головой без движения лежал на покрасневшей от крови подушке заднего сидения, а жена президента уже пыталась покинуть автомобиль, в панике пролезая через багажник навстречу спешащему на помощь телохранителю.

Лиза зачарованно смотрела на удивительную, жизненно-правдоподобную картинку сорокалетней давности, прикрыв ладошкой рот.

- Не поняла, - она пропустила самое главное, - а можно ещё раз?

Петя несколькими движениями руки оттащил изображение на начало.

Стоящая вдоль улицы толпа, увидя проезжающий мимо президентский лимузин, возликовала. В воздухе летали с поразительной точностью воспроизведённые головные уборы, а лица маленьких человечков, выражающие всю гамму чувств любви народа к своему лидеру, сияли от счастья.

Фотограф у обочины нацелил камеру на автомобиль. Папаша подкинул вверх ребёнка, одетого во что-то красное. Повиснув у отца на руках, он радостно замахал ручонками, Кэннеди помахал ему в ответ. И тут следом один за другим прозвучали два выстрела. Президент схватился за горло. Лиза ойкнула и торопливо приказала:

- Петя, ещё раз!

Снова толпа, лимузин, фотограф, ребёнок. Так, внимание... Петя предусмотрительно коснулся галограммы и плоскость, в которой вращалось достоверное изображение, поменяло положение. Теперь вид был немного сверху и сзади, охватывая картинку со всех сторон.

Президент поднял руку для приветствия и тут Лиза с ужасом увидела направленное на него крошечное дуло пистолета.

- Стоп! - Картинка послушно застыла. Лиза не верила своим глазам. - Увеличить можешь?

Дуло пистолета начало нарастать, увеличиваться в размерах. -

- Оружие нетипичное для того времени. Не серийное. Гораздо проще предположить, что изготовлено по спецзаказу, - между прочим заметил всезнающий Петя.

Странный пистолет держал, оглянувшись и целясь через правое плечо... водитель лимузина.

От ужасного открытия, Лиза закрыла лицо руками. Заговор! Значит, это был всё-таки заговор. Но за что?

- 46 лет назад правительство Соединённых штатов подписало соглашение с группой представителей инопланетной цивилизации...

- С кем? С инопланетянами? - не поверила Лиза своим ушам.

- Да, они предложили землянам помощь в духовном развитии и были готовы предоставить вам свои технологии в обмен на уничтожение ядерного оружия, запрет на уничтожение друг друга и загрязнение природы. Правительство решило сохранить в тайне их присутствие на планете.

- Но почему? - удивлению Лизы не было предела.

Юноша пожал плечами.

- Наверное думает, что, обманывая людей, оно тем самым защищает их. А этот человек, - он кивнул в сторону монитора, - собирался поведать сию тайну всему миру. Но я вижу, ваши правители до сих пор не поставили вас в известность. Возможно, всё ещё подготавливают общественное мнение к этому шокирующему факту.

- А ваши? - насторожилась Лиза. - Рассказали вам?

- Мы живём обособленно. Какое нам до них дело?

- Ничего себе! - только и прошептала Лиза, медленно приходя в себя. И снова ошарашенно посмотрела на чудной компьютер: - Это он что, всё так может показать?

- Он может подключаться к информационному полю, - Петя охотно переключился на более интересную для него тему, - но визуализировать информацию, трансформировав её в галографическое изображение, ему удаётся не всегда, эти его способности ограничены временными рамками. Зато ответить он может на любой вопрос, главное, правильно его задать.

- Типа оракула что ли?

- Оракул - это форма прорицания от лица божества, а то, что мы имеем возможность лицезреть воочую - обычный компьютер на аминокислотной основе, управляемый силой мысли. Правда, модель немного устарела.

- Ничего себе 'устарела'! - поразила Лиза.

- Это ещё что по сравнению с тем, что задумал Николая, наш технический гений! Вы ещё с ним познакомьтесь. Так вот он считает, что можно регистрировать голоса из прошлого. И даже услышать последние слова Иисуса.

- А разве это возможно? - удивлению Лизы снова не было предела.

- Конечно, если он так считает, значит, так оно и есть. Он же гений! У нас тут все... гении в своих областях.

'Солнечный город, Город гениев, это всё так интересно, только вот при чём тут я?' - думала Лиза. Она всегда была к себе самокритична, даже излишне, но особыми талантами она и в самом деле не блистала, это точно.

Её настолько заинтересовала новая игрушка, что она нерешительно попросила:

- А можно я ещё... поиграю?

В её голове роились мысли и опережая друг друга, выстраивались в вопросы. Много вопросов.

- Нет, Создатель сообщил, что ждёт нас.

- Как сообщил? - удивилась Лиза.

- Всё через то же единое информационное поле. А у вас разве не так?

- Интернет что-ли? - озадачилась девушка.- Или сотовая сеть?

- Вокруг Земли есть так называемая околосемная ионосфера и зачем создавать себе излишние проблемы, когда связь можно осуществлять напрямую через неё. Это не требует никаких затрат. Вот, к примеру, через ваш браслет.

Лиза посмотрела на запястье.

- Так это телефон?

- Это навигатор. Он не даст вам потеряться и к тому же поможет связаться с любым горожанином.

- Ну, Петя, - заканючила Лиза, - можно я задам ему ещё несколько вопросов?

- У вас ещё будет время, - Петя был неумолим.

Предстать перед лицом Создателя Лизе не очень хотелось, но любопытство брало вверх, не каждый же день удаётся такое! Предстать перед ним хотелось в более выгодном виде, нежели это прозрачное и колыхающееся безтелесье.

И тут она с ужасом подумала, что у неё с собой нет даже предметов первой необходимости, не говоря уже о бритвенном станочке и косметичке с тушью, тенями и прочими аксессуарами, сопровождающих жизнь каждой нормальной женщины. Она не знала, сколько её продержат в этом заточении и боялась себе даже представить, что произойдёт, когда наступят эти... ну, критические дни.

- Я не могу в таком виде, - призналась она.

- О, вы прекрасны!

- Но Создатель может подумать иначе, - капризничала девушка.

Юноша деревянной походкой подошёл к стене и отодвинул створку, незаметно притаившуюся на фоне безобразного розового колорита.

- Здесь вы найдёте всё необходимое.

Лиза восторженно ахнула.

На поках аккуратными рядами, как в магазине, были разложены самые лучшие фирменные помады, несколько видов новомодной туши, дорожные флаконы французских духов, крема, лаки, бижутерия, словом всё, о чем только может мечтать среднестатистическая женщина. Лиза заметила даже горкой сложенные упаковки жевательной резинки и, неведь как затесавшаяся в это изобилие бутылка водки 'Кристалл', скромно стоявшая в уголке.

У неё разбежались глаза.

- Откуда здесь всё это?

- Я должен предвосхищать любой ваш каприз, - снова попытался улыбнуться молодой человек. - Мне это было совсем не трудно. Просмотрев ваши рекламные блоки, которые, кстати, нашёл весьма примитивными, я сделал вывод, что кое-что из этого вам может пригодиться.

'Конечно, примитивные по сравнению с вашими-то технологиями!' - ревниво подумала девушка.

- Это касательно выбора ненужных вещей, так настойчиво вам навязываемых. Он достаточно объёмен и я даже, право слово, растерялся, не зная, на чём остановиться.

- Послушай, Петя, я понимаю, ты у нас мальчик умный, многознающий и, наверное, станешь когда-нибудь знаменитым, - подкрашивая ресницы болтала вмиг повеселевшая Лиза.

- Я хочу стать человеком, - донёсся до неё голос.

- Вот молодец! Это правильно, стать человеком - это заглавная задача подрастающего поколения. Но для начала ты бы хоть разнообразил свой лексикон. В твоём возрасте так не говорят.

- А как говорят в моём возрасте?

- Молодёжь пользуется сленгом. Клёво, круто, реально. Например, клёвый коктейль, классные шмотки, реально крутая вещь. Ты же талдычешь, как бездушная машина или ходячая инструкция - лицеизреть воочую, право слово, потрапезничать, - передразнила его Лиза. - Откуда в тебе этот церковно-приходской жаргон?

Минут через пятнадцать взору терпеливо дожидавшегося юноши предстала сказочная фея.

Фея всегда придерживалась мнения, что женщину делают причёска и обувь. С причёской она справилась быстро, делов-то - распустить богатую шевелюру, рыжими завитками заструившуюся по плечам и слегка прижать сверху заколкой упрямую чёлку! Обувь пришлось оставить, какая была. Вернее, какой не было. Этого Петя не предусмотрел.

Огромные глаза девушки, оттенённые лёгким налётом косметики, чудесно покрашенные тушью и удлинёнными, как у куклы, ресницами, сияли довольным блеском. Безупречное, невидимое тело скрывалось в складках накинутаго на плечи, переливающего золотым блеском, хитона. И всё это сдабривалось запахом умопомрачительных духов.

- Вы прекрасны, - всё тем же бесцветным равнодушным тоном, констатировал парнишка.

- Да ты, Петя, джентельмен, - обиделась Лиза.

А чего она ещё ожидала от неискущённого мальчика? Чтоб он рассыпался перед ней в комплиментах? В конце-концов, она не для него старалась. Главное, она сама была

довольна результатом и не стыдно теперь хоть к создателю, хоть к Люциферу, хоть к чёрту на кулички. Господи, как мало всё-таки нужно женщине, чтобы почувствовать себя счастливой!

- Ладно, пошли, горе-горемычное, - сказала она, вздохнув.

Решительной походкой она прошествовала мимо стоявшего истуканом Пети и, выйдя за дверь, тут же зажмурилась от света, такого ослепительно яркого после сумрака дождливой комнаты.

В самом верху, на низком небосклоне сияло странное солнце. Оно казалось огромным сгустком, окружённым белым, удивительно блестящим, ярким облаком, похожим на плотную дымку.

Девушка остановилась в нерешительности и осторожно заглянула через плечо в комнату, на самый её верх. Там продолжал бесшумно лить дождь.

'Какое странное место!' - подумала она, но самое интересное ждало её впереди.

- Холодный ядерный синтез.

- Что? - не поняла Лиза.

- Сгусток холодной плазмы, - показал на солнце юноша.

- Холодной? - опешила девушка. - Так оно что, ненастоящее?

- Почему ненастоящее? Просто холодное, но вырабатывает бесконечное количество регулируемой энергии. Поэтому у нас всегда постоянная температура. Климат вечной весны.

- А где же настоящее? - наивно поинтересовалась девушка, тщательно разглядывая бледное поднебесье.

- Откуда под землёй настоящее солнце?

Лиза оцепенела. Она медленно опустила взгляд с небосвода и уставилась на Петю, который уже сидел в крошечном двухместном автомобильчике. Не поверив своим ушам, она поперхнулась и переспросила внезапно севшим голосом:

- Где?

- Мы находимся на глубине 10 485 метров ниже, выражаясь вашим языком, уровня вашего же моря, - терпеливо, словно австралийскому аборигену, волей случая оказавшемуся в каменных джунглях московских небоскрёбов, объяснял Пётр. - Город построен в огромной полости естественного происхождения, коими изобилует земной шар. - И добавил, помедлив, - Реально!

Лиза со страхом возвела глаза к небу, представила, что над ними, там, где кончается свет, лучи упрутся в огромную толщу земли и содрогнулась.

Она молча плюхнулась на сидение рядом с Петей и машинка беззвучно тронулась с места. Пока Лиза с ужасом переваривала то, что ей сейчас открылось, Петя, как заведённый, болтал, не переставая. На чём бы ни останавливался его взгляд, он, как компьютер, открывал нужный файл и выдавал всю информацию о предмете.

- Этот аппаратус движется благодаря токам Фуко. Никакого бензина, масла, чтобы не наносить урон окружающей среде. Если бы человечество наверху не было бы так заинтересовано в энергоносителях, на которых зиждется вся мировая экономика, то давно передвигалось бы на подобных. Я составил карту загазованности ваших территорий и реально, - подчеркнул он последнее слово и довольно посмотрел на Лизу, - пришёл в недоумение.

Они ехали по аллее. Благоухающие цветочные деревья вдоль узкой дорожки нависали аркой из снежно-белых и ярко-розовых цветов и источали великолепный тончайший аромат. А, может, это был запах её новых духов, Лиза уже не разбирала. Как не могла сказать, существовала ли эта аллея на самом деле или это только ей казалось. И только опадающие цветки так достоверно парили в воздухе и сыпались прямо в машину, на головы и плечи, что шанс, что это всё сон, рассыпался, как осенняя листва.

Перед глазами открылась необыкновенной красоты, залитая тёплыми лучами удивительного рукотворного солнца, цветущая долина. Великолепные луга с неестественно яркой, насыщенно-изумрудной травой растилались вокруг. Повсюду виднелись фруктовые аллеи, разносившие неслыханно-чудесный аромат уже созревших плодов. Переливчато журчал, петляя между деревьев, довольно большой, ручей с чистой водой, в котором плескались, разводя круги по воде, стайки разноцветных непуганных рыб.

Всё блестело, сверкало и сияло чистотой будто свежестроенная декорация, не тронутая, не затоптанная и вычищенная добросовестными уборщиками.

Лиза равнодушно смотрела вокруг, но пейзаж был столь завораживающим, что невозможно было скрыть восторга.

- Скажи, - наконец подала голос постепенно приходящая в себя девушка, - если лучи не живые, как это всё растёт?

- Вы имеете в виду фотосинтез?

Она пожала плечами. Её жалкие познания в биологии были сопоставимы с такими же ничтожными познаниями в физике. Но одно она понимала - всё, что здесь создано, стоит за гранью привычных научных достижений в её мире. Они достигли таких высот, к каким на земле даже не приблизились.

И тут недалеко из-за деревьев возник крохотный одноэтажный особнячок с лёгкой деревянной башенкой на крыше, словно сошедший со старинной открытки 19 века. На фоне всеобщего великолепия он выглядел сдержанно, но очень торжественно. За ним вырос огромный город, ослепляющий своим светом. С высокими башнями и шпилями, крошечными, прозрачными, словно хрустальными домиками, он переливался и сверкал на солнце, переливаясь радужным светом как многогранный кристалл дымчатого кварца.

А Петя продолжал с энциклопедической скурпулёзностью посвящать её об устройстве странного подземного города. Так она узнала, что аппаратус, кроме своих токов, может управляться голосом, да к тому же летает, растительность вместо привычной на поверхности энергии солнечного света, развивается с помощью пропущенного через слой почвы слабого электрического тока особой частоты, а жители города научились отращивать заново любой потерянный орган, как ящерицы - хвост, только с помощью загадочного алкахеста. Хотя, зачем им это - на поверхность они не выходят, войн у них нет?

Им удалось укротить плазму, продлевать жизнь за счёт омоложения тканей, быть невидимыми благодаря чудесной материи. Они научились материализовывать предметы из эфира и способны даже произвести ядерный взрыв чуть ли не в обычной микроволновой печи. Казалось, арсенал этих демиургов бесконечен и для них не было ничего невозможного.

'Может, они и души умеют пересаживать, как садовники - завядшие кусты?' - усмехнулась про себя Лиза.

- А где сейчас все жители?

Действительно, на всей огромной территории, какую только мог охватить взгляд, не было видно ни одного человека.

- Работают.

Вот ведь люди, живут в своё удовольствие, занимаются любимым делом, победив болезни и старость!

'Интересно, - подумала Лиза, - а если всё-таки кому-то наскучит эта утопически-совершенная жизнь, он что, со скалы головой вниз бросится?'

Она огляделась. Никаких скал не было и в помине. Свет искусственного солнца мягко растекался по долине и терялся вдалеке не за привычной линией горизонта, а просто растворяясь, словно утыкался в невидимую стену.

'А можно ещё яд выпить или таблетками, как Мэрилин Монро, покончить счёты с такой прекрасной, но до пресности наскучившей жизни!'

Лиза поймала себя на этих диких мыслях и ужаснулась.

'Кажется, я немного того... тронулась. Ну, конечно, тронулась! Разве может нормальный человек даже представить себе такой Солнечный город волшебников! Под землёй! Только вот Незнайки не хватает для полного счастья!'

И тут новая догадка осенила её мозг. Нет, она не тронулась! Она...

- Петя, - она осторожно потрепала его за руку, пытаясь убедиться, что рука вполне осязаема. - Я... умерла?

- Вопрос невразумительный.

- Я же еду на встречу с Создателем, а ты, наверное, - она споткнулась, не решаясь произнести нужные слова, боясь услышать подтверждение своих мыслей, - перевозчик душ?

- Я бы смог оценить комическую сторону вашего вопроса, но, к сожалению, как говорит Создатель, понятие 'чувство юмора' мне чуждо. Одно я могу сказать точно - вы самая живая и клёвая женщина, которых я когда-либо видел.

'И многих ты видел в своём подземелье?' - она немного оттаяла и даже подавила в себе стыдливый от собственных мыслей смешок и тут аппаратус плавно остановился.

Лиза снова немного занервничала. Где-то глубоко внутри, под сердцем, застучало от волнения. Она двинулась вслед за пареньком по безукоризненно чистой бетонной тропинке, не забывая с чисто женским любопытством разглядывать всё, что попадалось ей на глаза. Необыкновенно земной и трогательно старомодный, каких много сохранилось до сих пор в лабиринтах московских улочек, особнячок с полукруглыми арочными нишами для статуй и спаренными колоннами, утопал в чудесных кустах роз.

- Создатель консервативен, - тихо произнёс Петя, предвосхитив немой вопрос Лизы о странном для их технологий архитектурном решении, а она, позабыв обо всём, была совершенно очарована тёмно-красными, алыми, жёлтыми, пурпурными и даже иссиничерными огромными благоухающими цветами.

Они прошли мимо затемнённых окон с красивыми рисунками на наличниках, напоминающие демонические маски.

Лиза приостановилась перед дверью, украдкой перекрестилась и подняла глаза вверх. Над полукруглой аркой входных дверей отчётливо виднелась загадочная выпуклая надпись FUMOS*. Резко выдохнув, она вошла в дом.

Глазам открылась мрачноватая, наглухо задёрнутая тяжёлыми шторами комната, которая походила на захламлённую лабораторию сказочного волшебника. На широком столе, покрытом отливающей позолотой пластиной в полнейшем беспорядке возвышались колбы с мерцающими под ними горелками, реторты, наборы пробирок и склянок с разноцветными, переливающимися изнутри, жидкостями.

Всюду, куда доставал слабый, рассеянный свет низкой лампы под самодельным зелёным абажуром, на полу, стульях высились горы бумаг, рулонов, чертежей и книг.

За столом спиной к двери, не обращая внимания на вошедших, словно не слыша, сидел и что-то увлечённо писал сгорбленный старик.

Книг было так много, что Лиза, глаза которой ещё не привыкли к сумраку, только войдя, сразу споткнулась об одну из стопок.

Человек оглянулся на шум и взору удивлённой девушки предстал... тот самый суровый и мрачный Яков Карлович.

- А-а, - разочарованно протянул он, - это вы.

Ей показалось, что их здесь совсем не ждали. Она стояла на месте, не зная, как себя вести, а подойти ближе она побаивалась.

Яков встал во весь свой огромный рост и рявкнул куда-то в сторону:

- Да оставь ты их в покое!

Лиза вздрогнула, опасливо повернула голову и тут же с любопытством уставилась на диковинный шахматный столик. Петя переставил фигурку и вдруг на другой половине фигуры, похожие на египетских божков сами собой задвигались, как живые, как в том компьютере, только столик был вполне осязаемым, а не галографическим!

- Он всё мечтает у них выиграть, - ехидно заметил Яков. - Только это ещё никому не удавалось.

- А что это за шахматы такие? - не сдержала Лиза робкого восхищения.

- Люди называют их енохическими. Его хлебом не корми, - смягчился Яков Карлович, - только дай поиграть.

- А почему он вас называет создателем? - Лиза немного осмелела.

- Так я ж его создал.

Девушка от удивления открыла рот.

- Так он что, робот?

- Кто, Петруша-то? - Яков пожал плечами. - Петрушка - он и есть Петрушка, что с него взять?

Лиза потеряла дар речи и в изумлении уставилась на юношу. Неестественно прямо он стоял над доской и в задумчивости передвигал тёмные фигуры по квадратам. Белые же моментально отвечали на сделанный Петрушей ход, двигаясь сами собой, словно водимые невидимой рукой.

Теперь понятно, откуда эта странная походка, скованность движений и полное отсутствие эмоций. Робот, надо же!

- Это моя гордость! В нём много чего заложено. Он всего лишь бездушная кукла, хотя умеет материализовывать, индуцировать предметы. Вы тоже этому научитесь. Ваше 'Я' забыло себя, но как только ваша память вспомнит, кто вы, возможности станут безграничными. Над эти мы и будем работать. Петя уже показал вам город?

- Немного. Компьютер показал, - попыталась похвастаться девушка.

- А, эту игрушку? Книги надо читать, а не этой техникой сомнительной баловаться. Только они дают настоящее знание.

Лиза сглотнула и, набрав воздуха, выпалила:

- Вы вот себе рай под землёй понастроили, а там, наверху, город проваливается.

Яков нахмурился.

- Какие провалы? Где?

- Да вот вчера, например, на Кутузовском.

Он хлопнул себя по бёдрам и в сердцах пробурчал:

- Что за народ? Я же ещё лет триста назад сказал, где нельзя вести плотную застройку - природных пустот под землёй много! Вдоль Москвы-реки, на Димитровке и в районе Воробьёвых гор высоких домов строить нельзя, оползни возможны. Воробьёвы для учёбы хороши, а жить в Кузьминках надо, там энергетика благостная.

Он ходил, взволнованно меряя огромными шагами комнату, глаза его возбуждённо блестели и в своём чёрном балахоне он был похож на мифического доктора Фауста.

- Пресня - для веселья, - продолжал он со знанием дела перечислять районы Москвы, а Лиза всё думала, про триста лет он правду сказал или для красного словца.

- Для пьянства и развлечения - земля, где ваше правительство заседает хороша. Перово - гиблое место, а начало Кутузки - вообще - Бермудский треугольник! Город - он ведь как живой организм, я его и проектировал по кругу, на сектора делил по знакам зодиака, чтобы вам, потомкам оставить. Не вслушались, стал быть, в советы.

Пользуясь тем, что глаза окончательно привыкли к полумраку, Лиза тем временем немного продвинулась к огромным стеллажам у стены. Там, рядом с узкой винтовой лестницей, уходящей вверх, в темноту, на одной из полок что-то притягательно блестело. Среди странных, непонятного назначения предметов, больших и маленьких раковин, янтарных, лучившихся камушков с застывшими на века мушками, плетёных из травы, по виду китайских, тапочек, коробочек и прочих безделиц мерцало холодным светом, кругловатое, с неровными краями, похожее на безупречный срез камня, зеркало. Лиза с тщательно скрываемым любопытством осторожно заглянула в него и тут же, ахнув, отпрянула. Из зеркала на неё смотрело чьё-то лицо! Странное, немного одутловатое, оно приоткрыло глаза и снова со тихим вздохом, прикрыло.

- Я не верю в чудеса, - гремел грозный бас Якова. - Я скептик и верю только в законы природы. Я глубоко убеждён, что вселенная шестимерна и обитатели бесчисленных миров могут беспрепятственно проходить через нас и вокруг нас. Я могу вызвать бурю, предсказать судьбу по звёздам или поставить на ноги безнадежного больного. Мне известен эликсир молодости, наконец. Но вот чего я понять до конца не могу, прожив долгие годы в России, так это природу плесени невежества. Простого русского невежества!

* FUIMOS (лат.) - Мы были!

Глава 32.

Тяжёлая плита за спиной бесшумно задвинулась и мрачная, давящая тишина сдавила своды холодного коридора, еле освещённого далёким пламенем редких свечей. Ни один звук суетного мира не долетал снаружи, чтобы не побеспокоить это царство теней. Только мерный звук шагов гулко отдавался, отражаясь от каменных плит из красного лабрадора.

В голове под восторженную пульсацию приливающей крови звучал, как заклинание, голос Креатора: 'Предмет, намагниченный мыслью, поистинне имеет мощь. Исполни всё, как надо и стань Оператором человеческих душ'.

Он шел по наклонной поверхности пола навстречу свету, с усилием вжимая напряжённые ноги. Страх не было, только одно желание стучало в груди - исполнить данную тебе, избранному, главную миссию жизни и изменить этот мир, прогнать его под себя и открыть все его тайны.

И вот уже та самая таинственная и загадочная камера приняла его в свой молчаливый, нарушаемый только шелестом свечей, зев. Комната, где сходились мощнейшие энергетические потоки, где хранилась реальная, но скрытая сила, которая на самом деле удерживала весь фундамент Системы, выкачивая энергию из земли и всего живого.

В этом пантеоне, хранившем осколки истории и фрагменты прошлого вдоль гладких стен с широкой чёрной полосой на опорных плитах под стеклянными колпаками в зловещем ожидании выстроились головы. Сохранённые особым образом и казавшиеся поразительно живыми, это было то, что осталось от знаменитостей, известных всей стране по газетам, школьным учебникам, а позднее, по экранам телевизоров - великих поэтов, гениальных музыкантов, партийных деятелей и видных учёных. Сталин, Киров, Луначарский, Крупская, И.Павлов, Калинин, Менделеев, Ландау, Мичурин, Сахаров, кого здесь только не было! И даже голова последнего Императора Николая II. У некоторых на носах даже красовались очки, которые они носили при жизни и свет мерцающих свечей отражался в них мертвенным светом. Причёски и румянец на щеках подчёркивали их ухоженный вид и только закрытые глаза напоминали о насильственном сне.

На негнущихся от волнения ногах Дино подошёл к одной из них и откинул хрустальный купол. Перед ним прямо на уровне лица замерла прекрасно сохранившаяся голова вождя с редкой порослью волос и аккуратно уложенной рыжеватой бородкой. Неизвестный творец в совершенном техническом мастерстве так вдохнул в неё тайную жизненную силу, что она казалась спящей.

Одной рукой Дино оттянул вниз челюсть терафима и вложил в выпотрошенный череп заветную золотую пластинку - гребень предков с начертанным на нём знаком свастики.

Веки головы задрожали и приоткрылись, обнажив пустые глазницы, которые тут же засветились изнутри золотым блеском и, померцав мгновенье, снова исчезли за складками безжизненной кожи.

Вдруг откуда-то сзади раздался душераздирающий стон и тут Дино обуял животный страх. Ноги словно приросли к каменным, отливающим кровавым отблеском, плитам.

'Не оборачиваться! Что бы ни происходило - не оборачиваться!' - помнил он слова Куратора.

Раскинув руки вверх и стараясь не обращать внимания на что-то страшное, происходившее сзади, заупокойным голосом он начал читать заклинание.

- Цоданаре ода цодамерану!

Комнату залило тусклым светом, а стон сзади перерос в прерывистый плач.

- Одо кикале ку-а-а. Цодореге ноко мада, хо-атахе И-а-ида!

Смерть поднимет черные крылья,

Демон разорвет твою плоть до молекул,

Ад восстанет, ад поднимет

Золотой меч на тех, кто не остынет -

гремел в мощных колонках 'Сектор газа'.

- Ты чё делаешь, урод! Окошко отстегни сначала, помнёшь - папик меня убьёт!

Сидевший, а точнее, полулежавший, вытянув ноги параллельно дороге хозяин 'свежей', купленной отцом на днях, 'Мазды' небрежно держался за пухлый руль и беспокойно смотрел по сторонам.

Мягкий тент отъехал и сложился на багажник.

Прохладный ночной ветер взъерошил и без того растрёпанные стрижки.

'Урод', смазливый, похожий на цыганёнка, черноглазый парнишка, бесстрашно уселся на спинку сидения. Полы его плаща развевались по ветру. Интенсивно жуя жвачку, он качал в такт музыке головой, болтающейся на тонкой шее с торчащим кадыком.

Роковой год, можете мне не верить -

Тысяча девятьсот девяносто девять

Дьявол повернет золотыми рогами,

Три девятки кверху ногами!

- Серёга, блять, слезь! - крикнул водитель, пытаясь перекрыть музыку. - Менты остановят!

- Папик отмажет! А пока пусть быдлз обзавидуется! - Серёга, радостно вскинув руки, упивался скоростью.

- Классная тачка, правда, Светка? - крикнул он сидящей справа девушке. Она сложилась так, что колени, крепко сжимающие банку пива, торчали на уровне подбородка. Непонятно, как эта троица умудрилась поместиться в крошечном двухместном салоне.

- Погоди ты, я ноготь сломала!

- Да, - засмеялся Серёга, - такой потери страна ещё не знала!

- Это не тачка, - гордо прокричал водитель, - это родстер. Машина-мечта для уверенного в себе чувака!

- Ну ты, блин, даёшь! Слоганы такие задвигаешь! Тебе бы рекламы снимать!

Всеобщий гогот потонул в бившей по ушам песне и вдруг, подняв глаза, Серёга перестал жевать и замер в изумлении.

- Это что ещё за хрень?

Немного в стороне от ярко освещенного моста, по которому они мчались, где-то над подсвеченными шпилями кремлёвских башен в тёмном небе висела огромная чёрная пирамида! Зловеще отливая лёгким серебрянным блеском, она лениво поворачивалась в воздухе, как наполненный горячим воздухом воздушный шар и казалась нелепой и неуместной шуткой организаторов светового лазерного шоу.

- Нифигасе! - прошептала Светка, напрочь забыв про сломанный ноготь.

Тут раздался страшный, смертельный удар. Неопытный водитель засмотрелся на таинственное зрелище, отпустив педаль газа, а летевший сзади огромный джип попросту 'не заметил' крошку-родстера - машину для души уверенного в себе мужчины.

Теперь сзади раздавались какие-то квакающие и похожие на вой ветра в трубе звуки. Дино сквозь истошные крики едва дочитал заклинание до конца, как губы терафима пришли в движение.

- Я дам тебе все царства земли, - зашипела голова утробным голосом, - если преклонишься передо мной и будешь поклоняться.

Дино положил руку прямо на её блестящий, напудренный лоб.

- Я не преклонюсь перед тобой, а ты будешь служить мне. Ты мне ничего не дашь, но я использую тебя и возьму всё, что захочу. Ибо я твой господин и твой хозяин!

Он судорожно достал из кармана льняной шнурок и потёр им о терафима. Ему показалось, что шнурок наэлектризовался, зарядившись магической энергией.

Вой ветра закладывал уши.

Он победно повесил шнурок на шею и тут не выдержал и оглянулся. На массивной каменной плите, которую он раньше не заметил в темноте, корчился и извивался полуобнажённый мужчина. Глаза его были затянуты чёрной повязкой, руки туго связаны за спиной, а тело покрывал слой лазоревой краски. Волей мощной невидимой силы несчастная жертва поднялась над полом и эта же сила тащила её в образовавшуюся рядом огромную дыру, которая спирально уходила куда-то вниз и светилась внутри поперечными кольцами.

Человек в ужасе кричал, хватался руками за разряженный воздух, безуспешно пытаясь сопротивляться всасывающей его смертоносной воронке.

Что-то знакомое показалось Дино во всём его облике. И тут, словно пелена упала с глаз, он узнал в нём...

- Гришка! Отрепьев!

Дино в два прыжка настиг дыру и, не задумываясь, прыгнул в потухающее жерло вслед за уже исчезнувшим Григорием.

Отверстие булькнуло, радостно приняв сразу две жертвы и потухло.

Глава 33.

Шум ветра закладывал уши. Сильнейшее притяжение подхватило Дино и понесло, как на американских горках.

Цилиндрический коридор постоянно изгибался, поворачивал, затем выпрямился и с безумной скоростью Дино летел по нему навстречу яркому свету.

Тело потеряло вес и не противилось бешеному вихрю.

Золотой, с тусклым сиянием, тоннель дышал, словно живой. Временами на ячеистых, похожих на соты или мыльную пену стенах мелькали ещё какие-то дыры-выходы, а каждая ячейка вибрировала и излучала своё собственное притяжение. Вокруг вспыхивали

звёзды и, сливаясь, сияли странными переливающимися узорами, которые оплетали, словно паутина. Мысли растворялись, а чувства собрались воедино в изначальный пучок и превратились в глобальное ощущение ВСЕГО и они были его крошечной частью.

Сильнейшее потрясение растворилось в полном небытии.

Яркий свет, расширяясь, заполнил серебристо-серое пространство трубы и Дино плюхнулся на что-то мягкое.

Его с силой выплюнуло на застонавшего от боли Отрепьева.

Темное и мрачное помещение, куда они попали, вселяло нечеловеческий, животный страх. Вокруг замелькали какие-то тени и Дино почувствовал холодное дыхание в спину. Он попытался вскочить на ноги, но что-то держало его. Он ещё раз рванулся, но его снова оттянуло назад.

Комната была наполнена плачем, и страданиями. Странные многоногие существа, наполовину люди, наполовину осьминоги, люди-рептилии плакали и молили о помощи из огромных клеток.

Зло, кровожадное и чужеродное, было совсем рядом. Повернуться было страшно. Огромным усилием воли он повернул голову.

Гигантское, больше двух метров, существо с интересом уставилось на них своими наклонными, черными, без зрачков, глазами. Худой и хрупкий на вид, с острым подбородком на очень большой голове и длинным носом, он был похож на серое насекомое.

Принюхавшись, чудовище ощерилось ртом-щелью.

Дино что было сил вцепился в трясущегося Гришку, нечеловеческим усилием притянул его к себе и их всосало обратно в чрево ослабевшего тоннеля.

И только безобразная рука с когтями, протянувшаяся к ним сквозь прутья так и застыла в немом призыве о помощи.

Коридор ожил, унося их в сумерки подальше от этого зверинца для подопытных экспонатов, наполненном стонами и ужасом жертв чудовищных генетических экспериментов.

Снова замелькали ячейки - кирпичики, мозаика, составляющая Мироздание и одному Богу было известно, куда их вынесет на этот раз.

Одной рукой Дино цепко обхватил Трепло, другую же выставил в сторону и, коснувшись стены, попытался воспротивиться бурному ветряному потоку. На ощупь она была мягкой и тёплой, как живой организм. Неровные шестиугольники разного размера двигались и пульсировали под скользящей рукой. Зацепиться, притормозить не было никакой возможности. К тому же ветер забирал все силы. Сопротивляться было бесполезно.

Дино чувствовал себя находящимся в чреве гигантского дождевого червяка, но его не покидало ощущение присутствия некоего Разума. За ними словно кто-то наблюдал, но это не было Зло, а скорее, наоборот. Он-то и подсказал, что нужно делать дальше.

Дино просто попытался представить, как их заворачивает, заносит в первую попавшуюся дыру, одну из многих, мелькающих по бокам. Иногда это были действительно дыры, иногда - очень похожие на окна и даже на занавешенные мутными тряпками двери.

Словно услышав его, поток ослаб и перед ними возникло затянутое пеленой отверстие. Они вплыли в него, растянув, как резиновую, мутную препону, которая подобно клейкой стенке пузыря, тут же с кряканьем захлопнулась за ними.

Удивительный пейзаж расстелился перед ними. Развалины брошенного города заливал алый расплавленный свет. В красноватом небе, набухшем пунцовыми облаками, сияли два солнца: одно, жёлтое, яркое, похожее на земное, второе - намного меньше, темноватое, с яркими всполохами.

Город будто замер и ни одно движение не нарушало его покой, а в самом центре, на пустой площади высилась гигантская, горящая золотом и затмевающая всё вокруг фигура лошади на пьедестале. Даже отсюда, издалека, можно было заметить переливающиеся непонятными вязью надписи, испещрявшие постамент.

Дино, как замороженный, смотрел на это зрелище. Он почувствовал, как сознание, не затуманенное страхом, расширяется и тонет в необычайном приливе неозызаемого, скрытого, но такого духовного всеохватывающего знания.

Что это было - другая планета, прошлое или немыслимо далёкое будущее, ровно как и что скрывалось за этими надписями, он ответить не мог.

На смену этим чувствам пришёл холодный расчёт. Если тоннель дрейфующий, то они могут навечно потеряться в этих лабиринтах времени и пространства среди мириадом миров.

Дыра рядом гудела и свистела, наполненная шумом ветра. Отрепьев всё ещё несвязно мычал, скручивался у ног Дино калачиком и, как перепачканный краской ребёнок, пытался спрятаться, закрываясь руками от расправы родителей-деспотов.

- Господи! - первый раз в жизни взмолился Дино. - За что это нам?

Выхода не было. Вернее, он был рядом, в этой трубе. Ему ничего не оставалось, как, собравшись с последними силами, взвалить причитающего Григория себе на спину и позволить всосать себя бушующему чреву.

Старая, облезлая телефонная будка, оставшаяся здесь ещё с советских времён, осветилась изнутри странным сиянием и из неё вывалились два человека.

- Тольич, ущипни меня! - заросший по самые глаза бородач выпучил глаза и замер, не донеся стакан с водкой до рта.

- Это ещё зачем? - Тольич, сидевший спиной к будке, уже дошамкивал беззубым ртом кусок дешёвой колбасы.

- Синие человечки, - прошептал бородач и, громко сглотнув, вылил содержимое стакана в примятую траву.

Глава 34.

- Что это? - вытаращила глаза дежурная медсестра. Она сонно вглядывалась поверх очков на парочку бомжей, так некстати потревоживших утренний сон. Один из них еле стоял на ногах, всё время закатывал глаза и норовил поднырнуть вниз, под регистрационную стойку. В грязной рвани, прикрывавшей тело с наспех смытой синей краской, въевшейся в кожу, он и в самом деле выглядел странно и даже пугающе.

- Допились! - дежурная брезгливо поморщилась.

- Не видите, человеку плохо! - сказал второй, по виду трезвый и с интеллигентным выбритым лицом.

- А что с ним?

Дино обомлел. Прямо за её спиной среди пришпиленных к доске объявлений, приказов и расписаний он заметил одну бумажку, котрая начисто лишила его дара речи. 'Разыскивается особо опасный преступник' кричали крупные буквы, а чуть ниже выделялась его фотография, отпечатанная на ксероксе и оттого с немного смазанным и искажённым, но вполне узнаваемым, лицом.

Дежурная, поджав губы, продолжала в ожидании ответа недружелюбно рассматривать дошедшего до ручки алкаша и терялась в догадках, что ж надо было выпить такое, чтоб так потерять лицо.

- Понимаете, - мямля и пряча глаза, лгал Дино, мысленно молясь, чтобы медсестра не узнала в нём разыскиваемого преступника, - я его на улице подобрал. Ничего не помнит, кто он и откуда.

- Кожу! Верните мою кожу! - промычал Отрепьев, раздирая лицо. Красные разводы царапин разрезали голубоватую кожу.

- Это вам в Сербского надо, - сжалилась медсестра. Что за времена настали? Она тяжело вздохнула. Тяжёлые и страшные? Случаи биографической амнезии всё чаще и чаще появляются в её практике. Люди пропадают и появляются потом с потерей памяти. Где они были, что с ними делали - одному Богу известно. И куда только катится мир?

- Документов, конечно же, нет? - заранее зная ответ, на всякий случай спросила она.

- Да откуда? - Дино тщательно рассматривал свои ботинки в налипших кусках грязи.

- Подождите, я скорую вызову.

- Гришка! - Дино осторожно усадил беднягу на стул. Отрепьев, как затравленный трясущийся щенок, размазывал по щекам сопли и слёзы. Не замечая ничего вокруг, он подтягивал ноги под себя, скукоживался и испуганно бормотал. Ему казалось, что с него живого содрали кожу. Боли, он не чувствовал, но нечеловеческий страх, что такое могло с ним произойти, закрывал ему глаза.

- Ты не бойся, сейчас тебя отвезут к доктору. Тебя вылечат. Всё будет хорошо. А мне надо идти. Ты сиди здесь, жди. Понял?

Григорий и лихорадочно затряс головой и простонал:

- Моя кожа!

- Вернут тебе твою кожу, - заверил его Дино. - Ещё лучше прежней. Прости, дружище!

Дино обнял его и похлопал по плечу. Боль, невероятная душевная мука пронзила сердце Дино. Ведь получается, что по его вине втянут был Трепло в эту историю. Искалечил ещё одному человеку жизнь и сейчас бросает в такую трудную минуту, - казнил он себя.

- Я найду тебя, Гришка! - шмыгнув носом, шепнул он в ухо трясущегося от пережитого ужаса Отрепьеву.

Дино поднял воротник одолженной у бомжей провоняной, замызганной куртки и, не оглядываясь, быстро пошёл к выходу. По сторонам он старался не смотреть, чтобы чей-то случайный взгляд не выхватил его лицо с фотографии, расклеенное, похоже, на каждом столбу.

Выйдя на крыльцо районной больницы, он остановился в нерешительности, глубоко вдохнул холодный утренний воздух и поёжился. Тоскливые тучи, вновь затянувшие небо до самого горизонта, грозно подсвечивались изнутри пойманными солнечными лучами, набухали, раздувались от рождающейся в их чревах влаги. Что делать дальше, он не знал. Денег у него не было, идти было некуда.

Подумав немного, он решительным шагом пошёл в сторону шоссе, откуда раздавались звуки проезжавших машин.

Глава 35.

На стук долго никто не открывал. Дождь лил, не переставая, куртка насквозь промокла, неприятно холодила тело, по слипшимся волосам ручьями стекала вода и заливалась за щедедушный воротник. Дино в изнеможении опустился на каменные ступени. Ноги гудели от долгой ходьбы, желудок сводило от голода, а глаза слипались и никаким усилием невозможно было заставить их открыться.

Он не слышал, как повернулся ключ в замке и только различил где-то далеко, за окраиной полусна-полуобморока удивлённый возглас.

- Дино?

Сильные руки подхватили его и втащили в открытую дверь.

- Меня разыскивает милиция, - только и пробормотал он сонно.

- Господи, за что? - он смутно различил совсем рядом знакомые огромные глаза, полные сочувствия.

- Здесь вы будете в безопасности, - донёсся до него уверенный мужской голос. Густо запахло ванилью, благовониями и Дино вдруг стало так хорошо, словно он попал к надёжным старинным друзьям, где ему ничего не грозит. Такое спокойствие и тепло, наконец, разлилось по его телу, окончательно разморив его, что он обессиленно провалился в глубокий и беспокойный сон.

Непривычный в длинной веренице дождливых дней солнечный свет ослепительно залил комнату. Дино открыл глаза и тут же зажмурился. Он возлежал на нежнейших шёлковых простынях, покрывающих мягкую постель. Приподняв голову он с удивлением огляделся, рассматривая незнакомую комнату со старинной мебелью и никак не мог взять в толк, где он находится. Наверное, вот так постепенно и сходят с ума. Не на шутку разыгравшееся воображение играет злую шутку. Нагромождает, заполняет мозг небывалыми лицами, подтасовывает события. Ведь какому нормальному человеку придёт в голову подобная нелепица с воплощёнными духами, путешествиями в пространстве, калейдоскопической сменой мест и, о ужас, его, Дино, президентством!

В нос ударил божественный аромат грибов. Жареных. Непередаваемый, ни с чем не сравнимый сладковатый запах томившегося на сковороде лука, приправленного сметанным соусом, с привкусом базилика приятно защекотал ноздри. В животе глухо заурчало.

Насытился он быстро. Сжавшийся желудок не принял много еды, да к тому же аппетит резко пропал после того, как Дино, не дожидаясь сочного кусок мяса принялся рассказывать о своих приключениях. Белзье молча слушала его, искоса поглядывая на Павла Илларионовича и по мере того, как он углублялся всё дальше в своих рассказах, глаза её становились всё печальнее.

Лорд Стахов молча слушал его сбивчивый рассказ.

- М-да, - произнёс он, когда Дино закончил. - То, с чем ты столкнулся дело рук Цивилизаторов или, как их ещё называют, Людей в чёрном. Во все времена, во всех странах существовали организации, строго следящие за техническим прогрессом. Они-то и вводили цензуру на все новые изобретения, якобы обезопасить человечество от уничтожения. Во времена инквизиции это было поставлено под крыло церкви, уничтожающей древние знания. В наше время это приняло совершенно иной оттенок. Они сами двигают вперед прогресс и внедряют новые технологии, некоторые из них основаны на инопланетном разуме. И то, куда вы попали с вашим другом - гиперпространственные тоннели, представляющие собой очень сложную и разветвленную, наподобие гигантского лабиринта, сеть, только с входами и выходами в иные мерности. Соваться туда без опытного проводника сродни самоубийству и вот здесь, я подозреваю, помогла энергия терафима, которой ты его зарядил. Иначе..., - он помолчал, но всем стало и так ясно, что могло бы произойти. - Но почему они выбрали именно тебя?

- Мне сказали, что я - воплощение бога Одина в этой жизни.

Стахов и Белзье в недоумении переглянулись.

- Но это не важно, - забеспокоился Дино, - необходимо найти её, Лизу! Они ведь что угодно могут с ней сделать!

- У вас нет её фотографии? - зачем-то спросила мадам.

Дино помотал головой.

- Что-нибудь, какая-то вещь, к которой она прикасалась? - и тут же, вспомнив, что с ним происходило, добавила, - хотя, откуда...

- Алёнушка! - по-домашнему обратился к жене Стахов. - А ты не можешь спросить у неё сама?

Дино вскинул брови и удивлённо посмотрел на супругов.

- Я даже не знаю её фамилии, мне не за что зацепиться.

- Беккер! Её фамилия Беккер, - ухватился Дино за спасительную нить.

- Господа, я вынуждена вас покинуть на некоторое время. Мне нужно сосредоточиться, - галантно произнесла мадам и вышла из комнаты.

Стахов взглядом, полным любовью, проводил её и, посерьёзнев, продолжил:

- Миром на самом деле управляют не те, которых мы привыкли видеть на экранах телевизоров. Это всего лишь марионетки, куклы в умелых руках. Цивилизаторы не любят светиться. Некоторые из них ведут очень скромный образ жизни и из тени управляют процессами, последствия которых мы и лицезреем. Весь спектакль, что происходит в мире, проходит по их сценарию и они не гнушаются любых методов. Человек для них лишь песчинка, для которой придумываются определённые мозговые шаблоны, применяются тщательно продуманные воздействия на психику и подсознание. Проще говоря, людям промывают мозги, чтобы было легче управлять. К сожалению, ты тоже попал в это число. Этой скрытой власти, которая управляет страной с помощью Зиккурата, ты понадобился как настоящий 'арийский' потомок для роли оператора Мавзолея. Обработали они тебя по всем правилам психотроники. Ведь наверняка находясь в трезвом уме и твёрдой памяти ты бы отказался на них работать?

Дино еле заметно кивнул и воскликнул в порыве:

- Но что-то ведь можно сделать!

- То что они делают - чудовищно, но мы с ними на разных территориях. Они - Цивилизаторы, мы - всего лишь Просветители и противостоять им мы не можем! - И помолчав, добавил, - В реальной жизни.

- А где можете? - заинтересовался Дино.

- Ничего не понимаю, - в комнату быстрым шагом вошла Алёна. Вид у неё был озадаченный.

- Там, - она показала глазами куда-то под потолок с узорчатой лепниной, - её нет. Значит, она жива.

Дино оживился и лицо его невольно осветилось улыбкой.

- Но мне прямо сказали, что она глубоко под землёй. Что это может означать? Показали яркий свет, очень похожий на солнечный, но дальше не пустили, выкинули оттуда, причём достаточно жёстко.

Улыбка перестала блуждать по лицу Дино. Он снова помрачнел.

Но тут внезапная догадка пришла в голову Белзьё.

- Может, он сам попробует туда проникнуть? - шепнула она мужу.

Стахов задумался.

- Даже если нам удастся её найти, вряд ли мы сможем вытащить её оттуда. Но попробовать можно, всё лучше, чем сидеть, сложа руки.

Он просверлил глазами Дино.

- Ты готов полностью изменить свою жизнь?

Дино хотел выкрикнуть с пылом какие-то высокапарные слова, что ради этой женщины он готов на всё и после того, что он узнал, постиг и испытал в необыкновенном путешествии, его жизнь и так не может оставаться прежней, но только твёрдо кивнул.

- Тогда добро пожаловать в стан пробудившихся! - развёл Стахов руками, словно открывая невидимые двери, и добавил, - Обратной дороги уже не будет.

Треск захватил голову и грудь. Тело тянулось расплавленным пластилином, бесконечно вытягивались и утолщались, размываясь и теряя очертания, ноги и руки, пока он окончательно не потерял их из виду и перестал ощущать. Нарастающий звук реактивного самолёта раскалывал голову. Сознание закрутилось и вывернулось наружу, как наспех стянутая варежка.

Призракообразная форма с содроганием и трепетом приподнялась из молекул плоти и он почувствовал себя внутри шара с лёгкостью парившего под потолком. Совершенно не понимая, где верх, а где низ, Дино попытался пробиться сквозь иллюзорную оболочку. Не сразу, но ему это удалось.

Привычный мир потерял свои очертания и существовал где-то очень далеко, не имея к нему никакого отношения., а сам он стал вязким туманом и слился с окружающим пространством.

Призрачный свет исходил из его нового тела.

С трудом перевернувшись, помогая себе руками, беспомощно бултыхаясь, словно в водоёме, он с ужасом увидел распростёртое внизу, прямо на полу, своё тело! Оно казалось крепко спящим, но глядя на себя со стороны, Дино испытал невероятное чувство неловкости и унижительного подглядывания за самим собой, к тому же собственная внешность имела, мягко говоря, не совсем то, что он себе представлял и видел, глядя в зеркало. Это было похоже на тот эффект, который каждый испытывал, впервые услышав свой голос, записанный на плёнку. Незнакомый, совсем не похожий на тот, что исходит у нас из головы. Нечто подобное испытал он и сейчас.

Открытие было столь поразительным, что от неожиданности его чуть не вбросило обратно. Он даже почувствовал тянущее движение в области груди и тут же с трепетанием сердца и учатившегося по физической памяти, несуществующего пульса, разглядел связывающий два его тела голубовато-жёлтый серебристый шнур.

Там внизу, у изголовья покинутого на время тела восседала Алёна Белзьё. Она подняла голову вверх и глядя прямо на него, словно видя, одобрительно кивнула. Рядом в позе лотоса сидел Стахов в светлом просторном одеянии и, казалось, был погружен в глубокий транс.

Дино огляделся. Небольшая комната, предназначенная для медитаций и потому абсолютно лишённая мебели подсвечивалась одиноким бледным ночником, но свет от него только очерчивал силуэты людей, не освещая их. Комната мерцала странным розоватым светом, а всё вокруг словно светилось жизнью и даже крохотные вспышки, проходящие сквозь астральное тело, тоже были наполнены жизненной силой.

Привычка ходить притянула его на пол и вдруг, не чувствуя преграды, ноги провалились сквозь пол, оставив на поверхности половину его Я.

Дино попытался приподняться и подплыть к окну. Несмотря на чувство необычайной лёгкости, ему это тоже удалось с трудом. Подгребая под себя несуществующими руками, он вспомнил, что не раз проделывал это во снах и всегда, убегая от кого-то, не мог двигаться быстро. Рывками он подтащил себя к окну и заглянул в него.

Там расстилалась пустынная улица.

Он вытянул перед собой руки и они погрузились в стекло, не ощутив никакого препятствия. Замерев на мгновение, он с удивлением рассмотрел свои бледно-белёдые конечности с той стороны окна, осторожно просунул голову и прошёл сквозь окно.

Всё как обычно, ничего особенного. Та же улица, с виду ничего не изменилось. Вот ведь, приснится же такое! Да почему приснится? Это же самая обыкновенная реальность. Видимо задремал немного или того хуже, лунатизмом заболел и не помнит, как оказался на улице. Он сделал несколько шагов по растрескавшемуся асфальту тротуара и тут его взгляд упал на кирпичи мостовой. Обычно они примыкали к бордюру узкой стороной, но сейчас они были словно развёрнуты на девяносто градусов.

- В первый раз здесь? - раздался голос. Перед ним стоял и улыбался щуплого вида блондин с пучками щетины на подбородке. Полосатая рваная пижамная куртка была явно с чужого плеча и мешком сидела на его щедедушном теле, а снизу, из широких семейных трусов торчали кривые, покрытые густым слоем волос, ноги с выпирающими острыми коленками. Он смешно пялился на Дино бесцветными глазами, один из которых сильно косил, словно разглядывал кончик своего носа.

Дино неуверенно кивнул.

- Ну, удачи. Может, ещё увидимся.

И белобрысый, засунув руки в карманы пижамы, виртуозно насвистывая 'Полёт шмеля' как ни в чём не бывало прошел мимо, бесцеремонно задев Дино локтем и шаркая домашними протёртыми тапочками.

Дино оторвал взгляд от удаляющейся одинокой фигуры и вдруг заметил, как весь мир чудесным образом преобразился.

Разум, привыкший к нормальному зрению, отказывался принимать новую манеру восприятия Зазеркалья. Он не понимал, где право, а где лево, всё было словно шиворот-навыорот. Он с любопытством разглядывал, как обычные плотные предметы, мерцая,

странным образом открывались ему и, полупрозрачные, виделись со всех сторон сразу и изнутри и снаружи.

Под налетевшим порывом ветра листва деревьев затрепетала, покрылась красивейшей переливающейся сетью и заколыхалась мягкими волнами.

Где-то невдалеке прозвучал резкий звук автомобильного сигнала, неприятно разрезавший воздух вокруг и тут же, отдаваясь отвратительными вибрациями, вверх взлетели чётко очерченные заострённые снаряды. Вслед за этим раздалось злобное, трусливое тьяканье и в плечо ощутимо впился, сотрясая прозрачное тело шар грязно-красного цвета. Дино вдруг обретшим зрением затылком увидел, как крупный ротвейлер, глядя на него искрящимися бусинами глаз, сотрясая воздух, заходился лаем. От него исходили десятки подобных шаров. Дино еле успевал уворачиваться и в сердцах притопнул на злобную собачонку. Та заскулила от страха и, скуля, убежала, оставляя за собой след из коричневатых металлических линий.

Ошеломлённый новыми ощущениями, Дино заметил, как в воздухе прямо за ним материализовался, словно соткался из голубоватых клубов, лорд Стахов. Он висел над мощёной улицей и медленно покачивался. И тут же с ужасом увидел за его спиной странное шевеление. Беспорочный гриб, похожий на огромный комок пожёванной жевательной резинки отвратительно сочился каплями крови и медленно, угрожающе причмокивая, подползал к ним.

Не успев осознать страха, охватившего его, Дино почувствовал молниеносный рывок и тут же оказался в своём, крепко спящем, теле. От неожиданного вброса от подскочил на циновке и, глотая ртом воздух, ощутил вдруг невероятное чувство холода и сырости, как будто на него надели мокрый и тесный, не по размеру, костюм.

Свинцовые оковы кожного тела намертво сковали его только что свободный дух.

Так Дино открыл для себя новый, неведомый доселе мир, волнительный и чарующий и с головой окунулся в исследование астрального мира, огромного и населённого.

Часы сна, не приносявшие до этого пользы, проводились теперь в полезных занятиях, не причиняя ущерба отдыху физического тела.

Сначала путешествия были короткими, а воспоминания об увиденном там были расплывчатыми и смутными, но по мере того, как он больше узнавал этот волшебный мир, горизонты мироздания того мира расширялись и ощущения становились настолько чёткими, что он не мог с точностью сказать, какой из миров был более реальным - тот или этот.

Страх потеряться и никогда не вернуться в своё тело ушёл. Он знал, что всегда может это сделать, достаточно лишь мысленного усилия.

Он учился управлять своим астральным телом и со временем Земля перестала его притягивать. Привычка ходить сменилась полётами, гораздо более удобным средством

передвижения. Ведь силой мысли можно парить бесконечно! Он искренне недоумевал, почему этот дар отняли, скрыли от человека, надев на него кожаные одежды.

Скользя по мирам-подпланам, он встречал невидимое множество существ, от странных, фантазийных, безобразных до необыкновенно привлекательных, имя которых 'природные духи' и сущностей высших, называемых ангелами.

Никакого ада с горящими котлами, созданного воспалённым воображением церковников не было и в помине. А неописуемо отвратительная местность с неприятными обитателями и чёрной и вязкой, как жидкий асфальт, атмосферой, наполненной зловонием разложения и смрада - лишь самый низший подплан существования, ужасный, но всецело порождённый самим человеком при его жизни. Человеком порочным и жестоким, куда он сам себе и уготовил путь.

Дьявол и сонмы демонов, созданных для устрашения невежественных масс, оказались ни чем иным, как мириадами различных сущностей, иной формой жизни, следовавшей по неведомым ступеням эволюции, одной из разновидностей которых и было то самое чудовище, которое его так напугало в первый раз, беззлобно, из любопытства выйдя поглазеть на новичка.

Встречал он и огромное число просто умерших людей, но в силу собственного невежества и по воле искажённого зловредного религиозного учения, они бродили в темноте, в тоске и страданиях, не находя успокоения. Он научился находить нужные слова, чтобы научить, облегчить беднякам путь к Свету и вознесению к более высшим сферам, а их родственникам - горечь о невосполнимой утрате.

Его сон превратился теперь в одно захватывающее путешествие, расстояние потеряло всяческий смысл, исчезли барьеры и преграды. Он мог в мгновение ока перенестись в любую точку мира, посещать интересные места, любоваться великолепными зданиями и красивейшими пейзажами, произведениями искусства в любом музее мира, заслушиваться великой музыкой, подобной которой не было на Земле.

Но больше, чем сама музыка, его завораживало созданное ею зрительное изображение, мыслеформы, что она оставляет и которые ещё долго колышались на тонком плане, тая постепенно. Он мог долго с упоением наблюдать, как восхитительные, упорядоченные формы необыкновенных цветов вырастают над Концертными залами консерватории и мерцая, то сильнее, то ослабевали, отливая серебром, пробегали по ним золотые и рубиновые вкрапления, а серебрянная нить мелодии, с нанизанными на неё жемчужными бусами, распадалась на волокна различных цветов и сплеталась в дивную косу необычайной красоты.

И каким контрастом на фоне этого незабываемого феерического зрелища, достойного восхищения выглядели изогнутые крючкообразные формы мрачных цветов, цепляющиеся за крыши ночных клубов.

Дино с омерзением смотрел, как отвратительные паукообразные существа с огромными зияющими красными пастьями скопищем висели над этими зданиями, а жестокие осьминогopodobные монстры ликовали над барными стойками, где сами люди

подпитывали зловредные сущности алкоголем и наркотиками и притягивали их своими пороками. Толпы безобразных мёртвых пьяниц витали над отбросами жизни, чтобы присосаться к алкогольным испарениям. Липкое зловоние разносилось далеко вокруг этих мест.

Если бы эти люди увидели, что их окружает на самом деле, 'розовые слоны', проникающие сквозь завесу белой горячки, показались бы им детской забавой.

Но многие люди ничем не отличаются от рыб, которые, довольные жизнью, обитают в своём мирке-водоёме в полной уверенности, что видимое ими и есть всё, что можно узнать. И совершенно не подозревают, что живут на огромной планете, населённой другими существами и растениями, что невидимое ими - гораздо больше видимого, стоит только закрыть глаза и обратить взгляд внутрь себя.

Поначалу во всех путешествиях его сопровождал Стахов. Опытный наставник помогал ему понять и справиться со всеми странностями, ограждал от страхов, попадавших на неведомом пути. Благодаря ему Дино осознал, что разум может существовать без тела и понял, что душа бессмертна, а тело - всего лишь временная оболочка.

Но в какие бы великолепные и удивительные миры он не попадал, выходя из своего тела и поднимаясь высоко в поднебесье или опускаясь в бездонные колодцы, тоннели и кротовины, выворачивая сущность бытия, он везде пытался найти ЕЁ, женщину, которая навсегда завладела его сердцем и была послана самим небом.

Глава 36.

Лиза торопливо просматривала один из своих первых конспектов, со временем превратившийся в пухлый фолиант.

'Получение морфия из соли' - мелькнул на одной из первых страниц простенький рецепт, выведенный аккуратным, старательным почерком. Она растроганно вспомнила, каких трудов грозному Якову Карловичу, который оказался на самом деле милейшим и чувственным человеком, стоило обучить такую недотёпу азам химической премудрости. Колбы и реторты разбивались, вываливались из неумелых рук, а реактивы пугающе шипели, вызывая к жизни никчемные реакции, не похожие на те, что требовал Учитель.

Не понимая, что от неё хотят, она капризничала, проливала слёзы и просилась домой, в ту, привычную ей, размеренную жизнь, хотя там её никто не ждал.

Листая плотные страницы, она заново переживала все этапы насколько нелёгкого настолько интересного овладения новыми для неё знаниями. По мере того, как перед

ней открывались врата неведомой науки, полные открытий и откровений, которые не преподают ни в одном университете мира, желание учиться разгоралось в ней всё больше и она каждый раз, постигая ошеломительные сущности тайной науки, не переставала удивляться.

Крошечный столбик химических ингредиентов, из которых состоит человеческое тело и записанный ещё рукой Якова Карловича, тоже в своё время поверг её в шок. Нет, не процентным соотношением наличия кислорода, углерода, меди, а также мельчайших частиц молибдена, свинца, кобальта и никеля, а самим фактом, что этот рецепт полностью схож с анализом космической пыли, которой бесконечно много во Вселенной. Так она открыла для себя, что человеческая органика, смешанная с глиной в ретортах Демиургов создана из праха и пыли.

Постепенно рецепты становились сложнее, обрастали чертежами и схемами, а почерк сменился на гораздо более удобную скоропись.

Схема молекулярного реактора, само словосочетание которого поначалу повергало её в трепетное оцепенение, оказалась на поверку не сложнее строения микроволновки. Далее шли секреты трансмутации элементов при обычной температуре - тысячелетние чаяния и мечты алхимиков, технология изготовления минерального тягучего стекла и даже способ сделаться невидимым. Но здесь уже выходила на помост наука несколько иного плана, в которой она только делала первые осторожные шаги. Простое магическое заклинание 'Ol sonuf vaorsad goho iad balt, lonsh calz vonpho. Sodra Z-ol ror ta nazps' позволяло оказаться в оболочке невидимости. Заклинание, написанное таинственным енохическим языком, пока никак не давалось, ведь только правильно произнесённые слова давали ключ к успеху.

Этот странный тайный язык, на котором Яков Карлович, общался с сущностью в своём чёрном зеркале, вызвал у неё интерес и в связи с ещё одной необычайной редкостью.

Бродя по узкому проходу длинной залы хранилища книг, куда она часто навещалась с придыханием рассматривать фолианты из библиотеки Ивана Грозного и где вдоль гладких стен с ведущими куда-то дверями, инкрустированными золотом и драгоценными камнями, высились полки с древними рукописями, тысячами металлических книг и полупрозрачными кварцевыми табличками, заполненными непонятным шрифтом, она увидела её, невзрачную на вид книжицу. Манускрипт словно сам просился в руки. С цветными, небрежно раскрашенными рисунками рукопись оказалась гербарием и словарём животных Вселенной, написанной учёным монахом Роджером Бэконом более 500 лет назад всё тем же самым енохическим языком, познать который было дано только посвящённым. Имело ли отношение происхождение этого языка к пророку Еноху и его путешествиях на другие планеты и даже миры для Лизы пока так и осталось загадкой. Скорее, это было похоже на красивую легенду, но дался он ей на удивление легко, таким простым и даже интуитивно-понятным он оказался. Только вот произношение никак не давалось и сколько бы раз она про себя или вслух ни произносила магическое заклинание, стать невидимой ей пока никак не удавалось.

'Золото можно получить, если отщепить от висмута две альфа-частицы...' - Лиза пробежала глазами следующую страницу. Подробное описание, как можно сфабриковать тонны золота, которым можно наполнить весь мир, выглядел явной нелепицей и невесть

как затесавшимся сюда бесполезным рецептом. Ничемность его была очевидна: здесь золото не имело той ценности и использовалось исключительно для изготовления предметов быта, украшения жилищ и одежды, впрочем как и в изобилии добываемые здесь драгоценные камни, а на поверхности, куда выходить ей совершенно расхотелось, мировой биржевой крах мог привести к обесцениванию этого презренного металла, за который люди гибнут и по сей день.

Она даже хотела вырвать ненужный лист, но на другой странице была закреплена тщательно расчерченная таблица, склеенная из нескольких продолговатых листов. Стройной пирамидой возвышались каждый в своём квадрате 180 химических элементов. Сосредоточенно взглядевшись в неё, Лиза, вдруг вспомнив что-то, взяла ручку, бережно пририсовала ещё один квадратик в столбец с элементами легче водорода и вписала ещё один, двенадцатый, открытый Яковом Карловичем несколько дней назад.

Она тщательно свернула таблицу и перевернула лист.

Маленький, сложенный вдвое клочок, вырванный из обычной тетради, сиротливо лежал, неуклюже выбиваясь из исписанных скорописью тугих пластин.

'Сегодня ровно месяц, как я не видела Дино. И чем больше я о нём думаю, тем больше прихожу к мысли, что его вины в том, что я оказалась здесь нет. Просто он, как и я стал жертвой обстоятельств. Мы в ненужное время оказались в ненужном месте и, найдя гребень, этот могущественный артефакт, хранящий в себе многие тайны Природы, стали его заложниками. Во мне открываются невероятные способности, когда я работаю с ним, но это оттого, что он помогает мне вспомнить то, что я уже умела и знала в одной из прошлых своих жизней, будит память предков. Это невероятно тяжело! Да и кому понравится, когда копошатся в твоём мозге! Но я заметила одну странность, на гребне словно сохранились частицы энергии Дино и когда я беру его в руки, у меня сжимается сердце от тоски и нежности. Где он сейчас, что с ним? Сколько я ни пыталась хоть что-то о нём узнать, я натываюсь на стену молчания.'

Она взволнованно отложила листок в сторону и задумалась, глядя на экран. Там, за мнимым окном, как и на ставшей такой далёкой и чужой поверхности, медленно кружился и таял в воздухе, не долетая до земли, снег. Далёкое закатное солнце окрашивало в розоватый цвет мохнатые, заснеженные лапы столетних сосен, которые искрились и переливались перевозданной белизной в тишине и спокойствии.

Сегодня ей снова приснился Дино. Каждую ночь он приходит в её сновидения и, шевеля губами, пытается что-то сказать. Но она не слышит его, а проснувшись, помнит лишь, как он смотрит на неё печальным взглядом, присев на краешек кровати. И только невероятное, пышным облаком обволакивающее чувство любви, от которого не хотелось просыпаться, преследовало её весь следующий день, томило и жгло в груди.

Она вздохнула и снова углубилась в сентиментальную записку с наивными ощущениями первых дней новой жизни.

'Чего от меня хотят эти люди, заставляя заниматься к тому же с детства ненавистными физикой, химией и прочими ненужными мне науками и сколько мне еще предстоит

пробыть в этом странном городе, я не знаю. Может быть, меня уже никогда не выпустят на поверхность. Чувствую себя Дюймовочкой, вышедшей замуж за крота, но та хоть попрощалась с белым светом, прежде чем уйти под землю.

Если бы меня насильно не удерживали, возможно, мне бы здесь очень нравилось. Жизнь, в которую мне пришлось окунуться, совершенно не похожа на ту, которой я жила раньше. Днём я отдыхаю и учусь с Яковом Карловичем, а ночью работаю в лаборатории с Тарнхари, этот странным чудачком, никогда не снимающим свои зелёные перчатки. От него исходит какой-то нечеловеческий магнетизм. Смотрит на меня влюблёнными глазами и всё время упрямо называет Фреей.

Да ещё эта 'кукла' меня смущает. Мало того, что на меня повесили этот браслет, своего рода мобильный телефон, с помощью которого можно поддерживать связь с горожанами и навигатор, чтобы я не потерялась, так ещё Петруша ходит за мной целыми днями, как тень. Но как же всё-таки красив и умён этот мальчик! Только бездушен и старомоден. Это безусловно, самое яркое творение Учителя. Яков Карлович говорит, что есть в нём один секрет и покажет как-нибудь с ним такой фокус, что просто ошеломит меня.

И всё-таки, здесь замечательно. Горожане - необыкновенные, интересные люди, обогнавшие своё время и, оставшись непонятыми, добровольно уединились от жестокого и мрачного мира в этом блистательном Солнечном городе. В обмен на возможность беспрепятственно творить, самосовершенствоваться и постигать смысл жизни, они поставляют на поверхность лишь малую часть своих изысканий, опережающие земные лет на многие десятки лет'.

И вдруг невыразимая печаль наполнила её сердце. Грусть за тех людей, что, как и каждый житель города в своё время, с таким трудом пытались донести до неразумного человечества крупинцы Знания. А оно, как капризный ребёнок, отвергало, отбрасывало то, что противоречило ими же установленным понятиям, не понимая, что идеи, за которые они упрямо держатся, несовершенны, а всё в этом мире происходит по Законам Природы, которые она сама определила. Но всё, что не укладывалось в эти же рамки, в которые заковала себя неповоротливая учёная машина, вызывали у неё рвотный рефлекс презрения и смешков.

По этой причине Галилей, слывший безумцем в своё время, отрёкся от своих взглядов, Джордано Бруно был сожжен, а Сократ - отравлен.

Научное общество смеялось над Гальвани с его электричеством, паровой машиной Фултона, фонографом - шарлатанской проделкой Эдисона, осуждало опыты Бехтерева и преследовало Менделеева и Симпсона с его хлороформом, а Дарвина наверняка бы сожгли, живя он в средние века.

Список можно продолжать до бесконечности. Вот ведь как получается, заблуждения самих мужей от науки дремучи и непроницаемы, затянутые болотной ряской, готовой тут же засосать всё новое и лежащее за пределами их знаний. Она перебирала в памяти знакомые имена и вдруг снова услышала в голове мелодию. Еле уловимый мотив звучал неуверенно и робко пробивался изнутри, словно одинокий Фавн наигрывал на своей волшебной свирели, звуки которой, ещё неокрепшие и разрозненные, подхватывались

невидимым ветром и тут же растворились вдаль. Но постепенно голос её окреп, ноты зазвучали твёрже и какое-то время Лиза, закрыв глаза, слушала чарующую музыку. И, не выдержав, боясь упустить печальный мотив, она схватила виуэлу и опустилась прямо на пол перед цилиндрическим брусом компьютера, который, словно только и ждал этого, замерцал и выпустил вверх прозрачную раму экрана.

Она тронула струны, проверяя настрой. Инструмент, как всегда, звучал великолепно. Его лёгкий и небольшой корпус был похож на гитару и скрипку одновременно. Узкую деку украшала великолепная инкрустация из смеси кости и серебра, а искусно вырезанные деревянные колки изящно венчали короткий гриф. Виуэла, так назвал её один из её новых друзей. Невесть где её раздобытая, она была очень старой, работы неизвестного мастера, чуть ли не 8 века нашей эры, но прекрасно сохранилась.

Пальцы медленно заскользили, подбирая мелодию, когда-то давно прочитанные стихи вдруг всплыли из памяти и вот уже, обрастая аккордами, полилась песня.

Поздним ли вечером,
Утром ли ранним
Шляпу немодную заломив,
Бродят по городу воспоминания
И заговаривают с людьми.

Суперкомпьютер, моментально реагируя на музыку, обрабатывал мелодию, раскладывал на несколько голосов, по ходу игры вкраплял другие инструменты, создавая необычайный звукоряд. Тёплое и глубокое звучание натянутых струн задышавшей, как живой, виуэлы подхватил глуховатый обволакивающий голос виолончели, подсвеченный нежными и бархатистыми звуками кларнета.

Может быть здесь возле этого здания.
Мимо которого нынче иду,
Стану я тоже воспоминанием,
Буду сидеть на скамейке в саду, -
возвышенно, исполненный печалью лился великолепный голос.

Буду бродить возле вашего дома я,
Но до того истончусь,
что - как знать?-
Вы меня,
прежде такую знакомую,
Можете вспомнить - и не узнать.*

Песня, доносившаяся из-за дверей была настолько исполнена грустью, а голоса, на которые компьютер расщепил вокал Лизы звучали так упоительно чисто, стройно и искренне, что Яков невольно заслушался, боясь прервать необыкновенный концерт.

Огромный неизведанный микро-космос, названный человеком, хранит в себе много тайн, - думал он. И изучение окружающего мира нужно начинать только с себя. Именно внутри находится истинное сокровище. В обычной жизни человек не использует и десятой доли возможностей внимания, памяти, интуиции. Но стоит разбудить спящие в глубинах сознания способности, постепенно проходя все этапы своего пути, реализовать их, как человек может уподобиться Высшим существам, достигнув пика своей гениальности. Эта девочка, конечно, в самом начале своего пути, гребень настолько усилил излучения её мозга и встрепенул отдалённые отзвуки генетической памяти, что позволил усваивать огромные массивы информации за считанные секунды, но одному Всемогущему известно, каких вершин она может достигнуть!

Он никогда не был отцом и до недавнего времени думал, что всё, на что он способен, это любить своё создание, как сына. Но где-то в уголках потаённой души он понимал, что это не любовь, а, скорее, самолюбование, глядя в зеркало своего чародейского искусства. Что такое Петруша? Механизм. А тут живая душа. Если и существует отеческая любовь, то она именно такая, трепетная и нежная.

Он прикипел к ней, но боялся показать ей эту свою слабость и всячески скрывал её, напуская на себя мрачный вид, многого требовал от неё, но и много прощал. Поил её какими-то отварами, чтобы, упаси Бог, не заболела, поднимаясь наверх, в лабораторию, где, как он считал можно было подхватить любой вирус, досаждал расспросами, что она ела. Переживал и не находил себе места, когда она долго не возвращалась. И эту чрезмерную опеку оправдывал перед ней безопасностью жителей города, чтобы она не догадалась.

Раздался последний, неопределённый аккорд и музыка стихла. Яков постучал и тут же распахнул дверь.

Лиза испуганно оглянулась. Глаза её блестели, а щёки покрылись нежным румянцем.

Синяя бархатистая ткань обтягивала её хрупкие плечи, а золотая накидка, перекинутая через талию, спадала наподобие длинной юбки.

- Яков Карлович, вы что, подслушивали? - стушеввалась она, сдувая со лба выбившийся локон.

- Хороша! - учитель восторженно покачал головой.

- Кто?

- Песня! - Яков Карлович шутливо прищурил один глаз. - Эх, мне бы годков триста бы сбросить!..

- О, Яков Карлович, - очаровательно улыбнулась Лиза, включившись в игру, - не

- отчаивайтесь, вам и так не дашь больше шестидесяти.

Он сурово зыркнул на неё и прыснул от смеха.

- Собирайся, певунья, полетели.

- Куда? Мне скоро в лабораторию. Сегодня у нас с Тарнхари начинается очень важный проект - материализация из эфира.

- Успеем, - махнул он рукой, - Я думаю, Николас быстро управится.

- Николас? - обрадовалась Лиза. - Неужели сегодня услышим?

Тербу, этого пухлого человечка, для которого не существовало грани между реальностью и фантазией, она обожала. Непонятно, как в нём уживались необыкновенно-трогательный романтизм, непосредственность ребёнка и гигантская техническая мощь. Он мог целыми главами зачитывать наизусть 'Фауста' или, прогуливаясь, вдруг замереть на месте. И тогда всем было ясно, что Терба работает, сочиняет свои немыслимые приборы. А как утверждал он сам, просто мозг переключается на другую частоту и подключается к таинственному тонкому миру, где он и черпает свои открытия. При этом он был смешлив и чрезвычайно брезглив. Вся его мощь терялась и меркла перед панической боязнью обыкновенных микробов.

- Но ведь это общеизвестный факт. 'Элои! Элои! Лама савхвани?' Почему он так уверен, что последними словами Иесуса были не они, как сказано в Евангелии?

Аппаратус медленно плыл по цветочной долине. Не ехал, не летел, а именно плыл, паря над дорогой. Лиза не могла лишиться себя удовольствия насладиться прекрасными видами, радующими глаз.

- Кроткого иудейского философа подменили в последний момент Симоном из Сирены. И именно Симон произнёс эти слова. Это, конечно, не столь общеизвестный факт, как и тот, что Иесус прожил долгую и счастливую жизнь вдали от родины, но с любимой женщиной.

- Неужели с..., - Лиза даже не договорила. Её потрясению не было предела. Мария Магдалина, бывшая библейская блудница, стала женой великого пророка?

Яков кивнул:

- Он сделал своё дело и ушёл на покой. Обычная для того мира практика.

Лиза вспомнила, что внезапное увлечение пением и интерес к музыкальным инструментам, тайнам их изготовления, который последовал вслед за этим, помог ей разгадать секрет лака итальянских мастеров. Это было её первым самостоятельным открытием и она хотела радостно поведать о нём Учителю при встрече. Дело, оказывается, в тонкоизмельчённом порошке ракушек. Но не обычных, а определённого вида, который водится только в пойме одной из многочисленных речушек, где когда-то добывали золото.

Но что такое этот ничтожный секрет по сравнению с таким величайшим, поразительным откровением! И ещё больше уверилась она в мысли, неоднократно

посещавшей её в последнее время, что не хочет возвращаться в тот, прежний мир, наполненный ложью, заблуждениями и жестокостью.

В отчаянии она молча переключила скорость, рванув рычаг на себя и спокойно сидевший Учитель чуть не вывалился от неожиданности на грифельную поверхность дороги, когда аппаратус резко взмыл над неестественно зелёным лугом с короткоствольной, будто подстриженной, травой.

Проходя через изящный, с бледно-розоватым отливом, мостик, умело вырезанный из цельного куска аметиста местными умельцами, Лиза на мгновение задержалась. Держась за золотые перила, продетые сквозь утопленные в камне золотые свайки, она с опаской вглядывалась в глубину ручья. Слегка колыхаясь невидимым течением, он отдавал холодом. После того, как она услышала пугающую историю о таинственном чудовище, невесть как занесённым сюда подземными водами, она всегда ловила себя на мысли, что огромная голова зелено-бурого цвета с короткой и широкой мордой и маленькими глазами под плоским черепом вот-вот покажется из воды. Как объяснил ей один из горожан, учёный-исследователь Александр Васильевич Дарченко, вся планета изнутри так же обитаема, как и снаружи. Под поверхностью она пронизана пустотами, которые соединяются между собой огромной сетью тоннелей, сквозь некоторые из них к северу и на юг вдоль внутренней поверхности земли текут ручьи и даже полноводные подземные реки, принося иногда с собой представителей сохранившейся под землей в огромных полостях странных созданий юрского и мелового периода. Особь тогда оказалась молоденьким плезиазавром и справиться с ней жителям города не составило большого труда. Её парализовали разрядом тока и отправили дальше по течению в неизведанные недра. Но никакие заверения о полной безопасности, что очередная заблудившаяся древняя мерзость снова не проникнет сюда, так и не смогли её убедить в обратном.

Да она просто умерла бы на месте от страха, если бы увидела нечто подобное!

Дорога через мост привела их прямо к высокой многоэтажной башне с полукруглыми оконцами, напоминающей своим видом огромный микрофон, только расширяющийся у основания и с гигантской, но такой же округлой рифлёной насадкой-антенной сверху. Иногда можно было наблюдать, как башня окутывалась разноцветными, льющимися сверху гроздьями прирученного электричества и тогда на многие метры вокруг прямо из-под земли выскакивали крошечные искры.

Высоченное помещение, расположенное внутри, ярко освещалось солнечным светом, который струился из многочисленных окон и даже просачивался сквозь прозрачные, только чуть затемнённые стены и ничем не напоминало лабораторию. Если бы не множество аппаратов вдоль стен, преимущественно индукционных катушек с разными по размерам и качеству обмотками, ни за что нельзя было подумать, что здесь творит технический гений.

Весь город, все его многочисленные и разномастные жители пришли услышать последние слова знаменитого пророка. Принадлежащие к разным поколениям и эпохам, некоторые из них предпочитали одежды того века, в котором они покинули поверхность, навсегда отдавая дань моде той поры, многие, в особенности те, кто попал сюда в конце 30-х годов, когда под шум репрессий удавалось безболезненно исчезнуть с глаз долой и с

лица Земли, словно их и не было, одевались в обтягивающую тело пилямму и накинув на плечи разноцветные накидки. Они казались театральной труппой провинциального театра, пёстрой толпой собравшейся перед выступлением. Учёные и музыканты, писатели и художники, каменотёсы и архитекторы - многих из них Лиза помнила с детства. Когда-то, в той жизни на поверхности, они взирали на неё со страниц энциклопедий и журналов. С кем-то из этой когорты бывших знаменитостей ей удалось здесь подружиться, а кого-то она видела впервые. Несмотря на разности во взглядах и убеждениях, горожане были чрезвычайно доброжелательны друг к другу, им неведомы были распри и ссоры, к тому же их связывала одна отличительная черта - они преданно, до самозабвения, отдавались любимому делу. Да ещё, пожалуй, глаза. У всех жителей были одинакового цвета глаза. Чёрные, непрозрачные зрачки, подёрнутые пеленой надёжно защищали их владельцев от проникновения извне и чудесным образом отражали окружающий, созданный ими же мирок и всех тех, кто в него попадал.

- Как успехи, лапушка? - спросил рядом знакомый хриплый голос. - Виуэла покоряется?

- Владимир Семёнович! - задохнулась от восторга Лиза, глядя на туго затянутого в облегающий чёрный блузон, невысокого, сухопарого и поджатого певца, каким она знала его по многочисленным фотографиям. - Покоряется, спасибо вам за божественный подарок! Вот сегодня ещё одну песню написала, ваши уроки не прошли даром.

Она скромно потупила свой взор.

- Послушать можно?- его глаза лукаво заблестели.

- Мне как-то неловко, - застеснялась Лиза. Она всегда немного терялась в его присутствии. От его вкрадчивого голоса, от энергии и чудовищного обаяния, исходившего от него.

- Ладно, ладно, не скромничай, лапушка, - прохрипел кумир миллионов, - уж я то смогу отличить настоящее. Разберёмся!

- Момент истины? - усмехнувшись, он кивнул, показав глазами на странный агрегат. Лизе показалось, что в его словах скользнула ирония.

В середине, на невысоком постаменте, отделённом стойками с золотой цепью, возвышалась мачта. Судя по всему, она состояла из отдельных секций и могла быть удлинена или укорочена, в зависимости от нужной частоты. Венчал мачту метровый, отливающий медью, шар.

- Поверьте ему! - вдруг раздался из-за спины шёпот.

- Кому? - Лиза оглянулась. Высокий и чрезвычайно сутулый человек, с мертвенно-зеленоватой кожей лица, смутно ей кого-то напоминал. Он странно посмотрел на неё с высоты своего роста своими рыбьими глазами в красных прожилках и внутри у неё всё сжалось.

- Тому, кто приходит в ваших снах.

Стараясь не смотреть в его сторону, Лиза испуганно отбежала к Николасу, который суетился возле антенны, что-то подключал и настраивал.

- Девочка моя! - расплылся Терба. Его седая шевелюра разлохматилась от волнения больше обычного.

- Целую ручки!

Он схватил кончики её пальцев своими пухлыми, затянутыми в перчатки из тончайшего пластика, руками и сделал несколько чмокающих звуков, изображая поцелуи. Лиза снисходительно улыбнулась, гениям прощительно всё, тем более такая малость, как невинная, никому не мешающая, фобия.

Она ещё раз оглянулась, боясь увидеть в толпе странного незнакомца, а потом с сомнением посмотрела на агрегат, стоящий у основания мачты. Глаза непроизвольно выхватили знакомые детали.

- Николас, неужели с помощью аппарата Герца, антенны Попова и соединителя Бранли возможно регистрировать голоса из прошлого?

Подоспевший Яков довольно улыбнулся, покачал головой и тоже с недоверием покосился на приёмник. Уж слишком простым с виду он казался.

- Подлинные открытия, - поднял палец вверх Терба и величаво выдохнул, - всегда делались простыми средствами и с помощью несложного оборудования. Не помню, кто сказал. Все мои изобретения работали именно так!

И в самом деле, как только у него появлялась идея, он начинал её развивать в своём воображении: изменять, включать прибор, не дотрагиваясь до него руками и доводя до совершенства, пока он не оживал у него в голове. Ему было всё равно, где испытывать изобретение - в лаборатории или уме. И только когда идея доводилась до совершенства, она принимала конкретный облик механизма.

- Итак, дружи мои! - Терба пригладил распатлавшиеся волосы. - Все мы с вами знаем, что пространство и земля наполнены энергией. Она повсюду. Её можно передавать на расстояние или получать прямо из воздуха. Но так как эфирные волны вечны, то почему сигнал, который был отправлен к далёким звездам, отражаясь от них, должен исчезнуть? Так и звуки из прошлого никуда не исчезают, а как и все наши деяния, поступки, неосторожно оброненное слово, и даже промелькнувшая мысль, отпечатываются, оставаясь навеки в Едином информационном поле.

Задача этого приёмника предельно проста: выловить из гигантской толщи информации одну, нужную нам - последние слова величайшего пророка и Учителя Иесуса из Назарета.

Итак, начнём!

Глаза его загорелись и он принялся крутить рукоятки прибора, настраиваясь на нужную волну.

Из динамиков раздались шум и потрескивание, похожие на обычные радиопомехи и следом за этим страшный, режущий ухо, скрежет разрезал воцарившуюся мертвенную тишину лаборатории. Волосы учёного встали дыбом, как наэлектризованные. Из них посыпались искры. Лиза зажмурилась. И вдруг, сквозь радиоэхо, из паутины белого шума донёлся дряхлый кряхтящий голос. Вначале неразборчивые, слова постепенно становились четкими и громкими и лишь иногда перебивались прерывистым покашливанием. Лиза прислушалась и по мере того, как слова доходили до неё, она почувствовала как волнительная дрожь охватило всё её тело.

- Ох, и грешник же я, знали бы вы, милые мои хорошие, кого вы принимаете! Вы думаете, я пришёл дать вам мир? Нет, вы ошибаетесь. Я пришёл бросить на землю разделения, огонь, мечь, войну. Я - ничтожество, ужаснейшее ничтожество. Бросив в землю семена истины, как я мог подумать, что за долгие столетия они будут потеряны или искажены и извращены ложными добавлениями! Не сохранится ни единой книги, которая содержала бы в себе Истину и ничего, кроме Истины. Выделите её и живите в соответствии с ней. Избегайте любую религию и никогда, слышите, никогда не доверяйте священникам, предсказателям, раввинам, учёным, писателям и даже родителям, не допускайте какого-либо вмешательства других, облачённых в земные тела. Ведь есть только вы сами, вы - Существа Чистого света и Божество. Очистите себя, дотянитесь до Разума и загляните за занавешенную часть окна, поймите кто вы, как вы здесь оказались, зачем пришли сюда и как вернуться обратно домой, в небесную обитель. Впереди вас ждёт много работы над собой. Но я знаю, что настанет время, когда люди, пробудившись, отвернутся от прогнившей религиозной лжи, в которое они сами превратят моё учение, осознают действие Божественного Разума, который всем управляет и всё пронизывает и ощутят его безграничную мощь. И только тогда в мире воцарится покой и любовь.

Последние слова потонули в предсмертном издыхании. В нём было всё, и мука, и боль, и невероятная радость облегчения от оставляемого, наконец, брэнного тела. Раздались ужасные крики, детский плач, женские причитания. Они слились в сплошной комок белого шума, помехов и снова воцарилась мертвенная тишина.

* Стихи Феликса Кривина.

Пилот громко ругнулся. Приборы словно сошли с ума. Стрелка компаса бешено вращалась, а непонятная сила отбрасывала вертолёт назад и поднимала всё выше и выше. Ветер швырял его из стороны в сторону. Неведомые природные силы словно ополчились во враждебном противостоянии, наверное, духи разгневались и не хотят пускать на священное озеро.

Перспектива разбиться о грозные скалы никак не входила в его планы, даже за то чудовищное по местным меркам количество бумажек, что отвалил ему ненормальный пассажир. Конечно, ненормальный! Кто ж в рискнёт в одиночку отправится в столь опасное путешествие?

Об этом озере ходит немало легенд, недаром его прозвали шаманским. Местные шаманы находили здесь своё последнее пристанище, засыпая вечным сном. Места здесь гиблые, это точно, сколько людей пропало и ни один саамский проводник не согласится провести любознательных и безбашенных туристов на священное для каждого саама озеро.

- Старик сердится! - крикнул пилот. В его словах сквозил упрёк. Пассажир понимающе кивнул и задумчиво уставился вниз. По озеру гуляли высокие волны. Ветер подхватывал вздувающиеся брызги, закручивал их в спирали, которые белыми вихрями носились над поверхностью.

Проклиная свою жадность и сурово косясь на таинственного пассажира, пилот лихорадочно кинулся неумело подыскивать подходящие слова, молить духов озера, осторожно обходя матерные слова, которые так и норовили сорваться с языка.

Смешивая древних языческих богов - Перуна, Сварога, примешав до кучи Дажьдбога и даже мифического Леля вместе с Иисусом он умолял местного духа Куйву смилостивиться и выпустить его живым из этой западни, желательно с верной машиной.

То ли Боги услышали и снизошли, то ли взяло своё мастерство, но вертолёт удалось выровнять и с большим трудом, сделав круг над озером, он опустил тяжёлую махину на небольшую, бушующую буйной зеленью, поляну.

Пассажир выбросил на траву объёмный рюкзак, прыгнул сам и, обдуваемый ветром от лопастей, постоял немного, проводил взглядом удаляющийся вертолёт, уносивший его связь с землёй.

Вертолёт пролетел над лесом и умчался сквозь гигантские ворота, правильным полукружием, словно циркулем, нанесённые на ландшафт воздушного коридора в отвесных скалах.

Взвалив тяжёлую ношу на плечи таинственный путник двинулся в ближайший густой ельник.

Он шёл уверенно, будто хорошо знал дорогу. Ещё бы, столько раз он мысленно проходил по этим местам, сверяясь с картой, фотографиями и точными описаниями очевидцев, искавших здесь каждый свою Истину.

Где-то рядом шумела горная река. А вот и древняя мощёная дорога. Идти было легко. Ветер неожиданно стих и над озером висел просвет с чистым голубым небом.

- Видимо, понравился я злобному старику, - довольно усмехнулся путешественник, - вон как погода изменилась. Мистика, да и только!

Поднимаясь по лесистой части склона, пробираясь между величавых таёжных елей, выглядевших едва ли не невероятным чудом среди низкорослой карликовой растительности окрестной тундры он почувствовал сквозь стук в висках какой-то гул. Чем выше странник поднимался, тем шум нарастал, становился сильнее, пока не стал похож на гудение трансформаторной будки. Лёгкая усталость сменилась резким приливом сил. Он зашагал быстрее и выйдя на самый край возвышенности замер в изумлении.

Вдали, в скользящих лучах солнца виднелись горы, напоминающие женскую грудь, а перед ними как жертвенный алтарь перед святилищем расстилалась зеркальная гладь изумительного по красоте священного озера. Похожее на огромный глаз, устремило оно взгляд своих хрустальных, с голубоватым оттенком, вод прямо в неизведанные глубины Космоса.

Небо бликовало разными тонами, а расцветенные потрясающей красотой Северной осени горы заходились в неуёмном буйстве красок. Красные цвета сочетались с зелёными, оранжевыми разных оттенков и даже фиолетовыми.

Где-то там наверху, на вершинах скал, ждали своих исследователей древние каменные рукописи и 'обсерватория' гиперборейцев, а на одной из них, отвесной, нависающей своими угрюмыми срезами над озером, угадывался тёмный силуэт Куйвы - великана, атланта, а может быть даже самого Верховного бога Одина.

Вот то, к чему он стремился всю свою жизнь.

У его ног лежала Гиперборея, Праматерь человечества. Именно здесь Бог-создатель произнёс священный звук 'ОМ', благословив на жизнь его предков Ариев, которые спустя тысячелетия начнут разделяться на русских, индусов, персов, немцев, кельтов, армян и прочие народности.

Глеб (а это был именно он, Глеб Сергеевич Пындя, бывший депутат Государственной Думы) достал из кармана потёртую карту и ещё раз сверился с надёжными ориентирами.

Всё правильно, здесь, у подножия этой с правильными, округлыми формами, сопки и находится заветная алтарная плита, не покрытая травой ровная площадка, под которой скрывается пещера с замаскированным лазом.

Именно здесь в 1922 году экспедиция Дарченко обнаружила священный лаз под землю, таинственный вход в подземное царство, где нашли своё убежище выжившие потомки древних ариев. Не зря так гудит в ушах. Это глубоко под землёй работает ещё реактор, ведь древняя цивилизация тысячи лет назад владела тайнами расщепления атома и универсальным знанием.

Пындя опустил на землю.

Он знал, чувствовал каждой клеточкой своего тела, что обширное подземное убежище находилось прямо под ним.

Глеб заворожённо смотрел на сказочную, которая даже во сне не приснится, красоту нетронутой природы, а в ушах звучали обидные слова.

- Получается, что вы выставили меня на посмешище перед всей страной, сделав лже-потомком императора и этой легкомысленной балерины. И зачем я только согласился участвовать в этом дешёвом спектакле?

- На кону был отличный приз - пост Президента великой страны и ты достойно боролся за это право.

- Михал Михалыч, но вы же обещали!

- Глеб, - Виноградарь буравил его своими пронзительными глазками, - обстоятельства немного изменились. Твой гороскоп не совсем подходит для этой кандидатуры. Точнее, под солнечное затмение, которое состоится 11 августа.

- Гороскоп? Вы говорите, что во всём виноват только мой гороскоп и затмение? Что за бред?

- Иногда не достаточно оказаться в нужном месте, нужно ещё и родиться в нужное время.

- И кто он? Эта архивная крыса, этот выскочка?

- Уверю тебя, это достойный человек, страна может спать спокойно.

А я, значит, не достойный! - на глаза навернулись слёзы. Ну, ничего, некоторое время спустя мир будет восторженно рукоплескать новому Шлиману, только великому и всемогущему, несущему свет новой Истины.

Если повезёт, сегодня ночью он увидит, наконец, дыхание внутренней земли - полярное сияние, этот отблеск подземного солнца, просачивающийся из полый планеты наружу сквозь отверстие в полюсе. В том, что Земля полая внутри, впрочем как и Луна, Марс и другие планеты, он не сомневался. И проходы в Полуию Землю существуют повсюду на Земле. Один из них находился здесь, поблизости. Там, глубоко внизу, начинается путь к потомкам древней цивилизации, коих насчитывается несколько миллионов, которые никогда не болеют, у которых не существует войн и агрессий, которые летают на летающих тарелках и могут совершать перелеты на другие планеты.

Эта теория возникла у него не на пустом месте. Для него существовали другие авторитеты в науке, нежели современный учёный мир, погрязший в собственном мракобесии, который и атом укротить толком не умеет, не признаёт наличие души у человека, а иероглифы майя расшифровывали более двухсот лет и до сих пор не разгадали. Грош цена этой науке!

Древние писания, Платон, Франклин, Галлей, Обручев, учёные нацистской Германии, все они указывали на то, что за 83° северной широты находится вход в обитаемые недра, где расстилаются тёплые и богатые земли, изобилующие полезными ископаемыми и животными. Вот туда ему и предстояло попасть.

Солнце садилось за горы и крупная зыбь пробежала по озеру. Плотный туман затягивал нахмурившиеся вершины. По листве деревьев пробежал шёпот, а душа вдруг наполнилась безотчётным страхом. К этому он был не готов.

Его нашли в сотне метров от домика егеря, где он надеялся найти спасение. Перепачканный комьями земли, в руках он плотно сжимал старый немецкий фонарь, не понятно, как очутившийся в этих местах. На лице застыла посмертная маска ужаса, а вокруг, по словам перепуганных туристов, отпечатались следы, не похожие на звериные, но очень большие для человека.

Глава 38.

- Отлично, Фрейя, удерживай его! Просто думай, что он есть, пока хватит энергии!

Тарнхари довольно усмехался, глядя на монитор. Воронка разрасталась, закручивалась и влекла в себя жертву.

На экране мелькнул силуэт Дино. Искусный прыжок, которому позавидовал бы профессиональный ныряльщик и вслед за этим отверстие булькнуло, радостно приняв сразу две жертвы и потухло.

- Дурак! - зло буркнул Тарнхари. - И чего ему не хватало?

Лиза даже не подозревала, кого в тот, самый первый свой день в лаборатории отправила в тайное лоно временной спирали.

Вот и сейчас она так же, как и тогда она сидела в странном на вид кресле, окружённом тремя группами крупных катушек. Тарнхари как-то шутя обмолвился, что это подарок одной дружественной внеземной цивилизации. Гладкое, прозрачного воскового цвета, кресло плотно обхватывало её тело с боков и отзывалось на малейшее движение,

синхронно менялось, подстраиваясь под изгибы тела. Только теперь у изголовья, в ступенчатой вмятине, подрагивая, сиял позолотой гребень балерины.

Катушки, служившие датчиками, создавали вокруг кресла постоянное электрическое поле и считывали мысленный импульс сидящего в кресле и пропускали его через особые передатчики на кристаллах. Эта система не только читала мысли, но и позволяла проецировать нужный сигнал в реальной жизни.

Лиза сидела внутри энергетического пузыря совершенно отрешённая. Её сознание, казалось, покинуло тело.

Рассудок уносился далеко, неживым эфемерным шаром перекатывался на волнах космического безмолвия, а оставленное без присмотра тело безотказно отзывалось на слышимый из-за гипнотической завесы строгий голос, который вызывал нужные образы. Иногда голос сменялся возникающими картинками, которые также обрастали очертаниями и переносились в призму реального мира.

Она ничего не помнила из того, что с ней происходило и только полная опустошённость и измождённость наутро напоминали о тяжёлых многочасовых экспериментах, называемых исследованиями, а витавшее на задворках Вселенной независимое ни от кого сознание, учась и вспоминая, снова овладевало какой-то способностью, новой и ещё более невероятной.

Так проходил день за днём. Задания менялись и становились всё сложнее и фантастичнее предыдущих и заставляли её делать то, что в обычном состоянии, она бы никогда себе не позволила, да и не смогла.

Послушное подсознание, реагируя на приказ мгновенно воплощало мысленную форму и изображение на миллионах телевизоров замирало и трансляция полностью прерывалась.

Возникшая картинка знаменитого универмага тут же отзывалась звоном разбитого стекла и стеклянный купол вдребезги разлетался, погребая под миллионными осколками сотни посетителей.

Повинуясь сигналу, вызывающему неосознанный страх, несчастные животные с окрестных лесов ринулись в столицу, сбивая в испуганной беспощадной мощи всё на своём пути и, заполонив улицы, оставляли после себя массу искалеченных людей и искорёженной техники.

С прядью чьих-то волос в руках она проникала в сознание её обладателя и начинала видеть его глазами, слышать его ушами, чувствовать его тело и внедрять в голову человека нужные мысли, информацию и приказы. Её заставляли вселяться в любого человека повсюду на планете, где бы он ни находился, управлять им и заставлять его делать всё, что нужно. Мишенью экспериментов служили не только отдельные личности, но и массы людей, затрудняя их мозговую деятельность и внушая подчинение, животные, конкретные районы и технологии.

- Что творится в нашем городе? - заходились в панике репортёры новостных каналов. -

Столицу охватила невиданная двухчасовая волна преступности среди населения, которая стихла также внезапно, как и началась. Тысячи пострадавших доставлены в больницы. Вторя человеческим аномалиям, погода тоже словно сошла с ума. То неизвестно откуда налетел ветер ураганной силы, то среди ясного неба, когда метеорологическая ситуация полностью исключала что-либо подобное, вдруг разразился грозовой шторм с молниями и градом. И наконец, совсем неслыханное дело - снег в середине лета, который прошёл чётко ограничившись пределами Садового кольца!

А сегодня утром взору работников Государственной Думы предстала невероятная картина. В зале пленарных заседаний царил полный разгром. Кресла, словно выдернутые со своих мест чудовищной силой, валялись в беспорядке по залу. Система голосования выведена из строя льющейся с потолка водой. В негодность пришла часть техники, обвалились облицовочные потолки. Ущерб ещё не оценён. Очень сильный запах сырости до сих пор витает в воздухе, но руководитель думского аппарата заверил, что Дума будет функционировать в обычном режиме.

Пока трудно сказать, что явилось причиной этого ЧП, но власти не исключают версию о теракте.

Страшные события следуют одно за другим. Что погнало животных в город? Какое неведомое оружие взорвало купол универмага и вывело из строя миллионы телевизоров? Кто или что вызывает природные катаклизмы? Что это, божий гнев или проделки террористов? Есть ли какая-то связь между этими событиями и, быть может, битва за Армагедон уже началась?

Пока вопросов больше, чем ответов.

Глава 39.

Сидя на пушистом, как плотная вата, облаке Дино задумчиво вглядывался в серовато-туманное пространство. Когда-то давно, ещё в прошлой жизни, он даже представить себе не мог, что будет, подобно альтисту из любимого романа* сидеть вот так в космическом пространстве. Но осуществлённое желание не приносило должной радости. Перед ним, исходя из распростёртого внизу спящего города, из его крошечных домов, вдоль улиц, дорог и площадей тянулись в бесконечность скрученные ленты. Сакральные серебряные паутинки слегка колыхались, крепко соединяя тела спящих с их унесёнными в сияющие дали сна душами.

Где-то там, прямо из сердца города исходила, трепетно дрожа, и Её магнетическая нить. Он нашёл её среди множества переливающихся струн, но толку? Сквозь непроницаемую

толщу сна он проникал в её подсознание, пытался заговорить с ней, объяснить, что он вовсе не плод её сновидения и не призрачное видение, плавно парившее над её кроватью, но она только улыбалась и, переворачиваясь на другой бок, уносилась в сонное забытие.

Как разбудить спящую душу, которая даже не подозревает, что на нашей планете одновременно сосуществует множество миров, в которых каждый человек путешествует, сам того не ведая, во сне, чтобы дух хоть не надолго вернулся в свою родную обитель и отдохнул от мирских страданий, обретая Сознание? Этот тонкий план пронизывает всё сущее и границы его бесконечны. Именно в эту тонкоматериальную реальность попадает душа человека после того, как ослабевает и рвётся шнур, которому уже не нужно связывать отработавшее своё физическое тело и развоплощённый дух, вылетев из ставшего ненужным футляра, достигает уровня свободы в запредельном мире. Это будет позже и с каждым, а 'доколе не порвалась серебрянная цепочка, и не разорвалась золотая повязка'**, пока тело спит можно попытаться приподняться над сковавшей его 'незыблемой реальностью' и выйти за границы времени и пространства, ощутив всю мощь Божественного творения в реальности истинной.

Он сидел и терпеливо ждал, когда её призрачное, еле очерченное эфемерными флюидами, астральное тело снова вернётся из бесконечности и, проплыв мимо, исчезнет, провалится, следуя за паутинкой шнура в себя спящую. И тогда он снова последует за ней. Другого пути не было.

Она прошла мимо, прозрачная, как всегда сонно опутанная собственным неведением, брела, неумело ступая в астральном киселе и, достигнув места исхода шнура, исчезла. Шнур уходил в ярко очерченный клочок земли, который казался тонким, слегка расцвеченным паром, квадратом. Дино нырнул следом и провалился. В глаза бросились двигающиеся искры.

Он свободно летел сквозь твердь пород, проносился по подземным пустотам, окунался в реки и снова летел сквозь слои земли, пока не вывалился в огромную полость, великолепные пейзажи которого освещались неживым блеском безжизненного солнца и не оказался у изголовья любимой. Разметавшиеся по подушке волосы обрамляли немного бледное, родное, такое по-детски невинное, лицо, а вокруг головы вспыхивали маленькие огоньки жизни. Это было самое восхитительное зрелище из виденных им в огромных заоблачных мирах!

Она шевельнулась и глаза её открылись.

- Дино, - радостно прошептала её губы, но глаза всё ещё были затянуты поволокой сна.

'Поверь тому, кто приходит в твоих снах' - донеслось из сонного забытья и глухо разлилось эхом.

- Ты мне снишься? - произнесла она еле слышно.

- Нет, - он с любовью смотрел на это нежное и хрупкое, как бабочка, создание. Как же он боялся её потерять!

- Не уходи, - попросила она и закрыв глаза, снова погрузилась в сон.

- Я теперь всегда буду с тобой!

- Отче наш, - взмолился он, устремив вверх глаза, - Отец небесный, я принимаю веру Твою. Она есть мой путь. Я принимаю законы твои вечные с любовью к тебе и делам Твоим. Господи, прошу дать мне надежду на спасенье Души моей и даровать мудрость твою для жизни на Земле и в Вечности. Аминь!

Дино ощутил, как аура вокруг его тела разгорается всё сильнее, из серебристо-серой она постепенно становилась ярче и ярче, вспыхнула золотом и впиваясь в тело, становилась второй кожей. Двигая руками над спящей, он собирал по крупинкам из воздуха россыпь огненных искр, которые повинаясь его движениям собирались в мерцающий шар. Переливаясь и колыхаясь, как громадный мыльный пузырь, шар рос и превратившись в ярко-белый сгусток света повис над самой головой Лизы.

- Любимая, - воззвал Дино, вглядываясь в желанные черты, - пробудись к высшей жизни и следуй за мной!

Веки её зашевелились.

Усилием мысли Дино создал вокруг себя кокон света. Отливая пламенным светом оболочка, как вода, заструилась, обволокла их тела и, поглотив обоих, завращалась. Сквозь искристую сферу просвечивалось, как Дино, охваченный ярким пламенем одной рукой подхватил Лизу под голову, вторую просунул под ноги и, повторив волшебные слова, быстро приподнялся над кроватью. В руках он бережно держал эфемерное, отделившееся от физического, расшитое звёздочками хрупкое астральное тело.

- Любимая, - в третий раз произнёс он заветные слова и опустил руки, тело девушки продолжало висеть в воздухе, - пробудись!

Свет заполнил каждую клеточку его незримого Я, наполняя счастьем, силой и любовью.

Все звёзды мира взорвались в ликующем салюте, приветствуя очередного пробудившегося и осыпая дождём просветления всё вокруг. Сонмы ангелов вострубили славу вечной любви, а в блистающем ореоле из сполохов огня сияла неземной красотой Она, подобная Пречистой Деве и светлая, как сама любовь.

- Кингу! - вскричал Тарнхари.

- Урман! - выплыло из темноты лицо. - Я же просил звать меня так!

- Что это? - Тарнхари был взбешён.

Урман внимательно посмотрел на девушку и попытался увидеть, что же так расстроило чёрного. С широко открытыми, немигающими глазами она сидела в кресле, похоже, находилась в изменённом состоянии сознания.

- Тантрический секс, так кажется это называется, - усмехнувшись, как мог, прищурился Урман. - А вот подглядывать не хорошо.

- Но этого не может быть!

- Чему ты удивляешься, Тарнхари? Ты, наверное, забыл, но люди иногда занимаются этим.

- Урман, не говори глупостей, они не должны были встретиться!

- В этом мире, как и в том, подобное притягивает подобное. Он искал её в каждом воплощении. Как две звёздочки притягиваются они стихийной могучей силой и сливаются на земле единым сиянием. Против этого мы с тобой бессильны.

* Имеется в виду роман В.Орлова 'Альтист Данилов'.

**Еккл. гл.12:6

Глава 40.

Серая шершавая стена преградила ему путь и казалась бесконечной. Дино плавно парил вдоль нее, пытаясь найти выход. Привычного чувства погружения прозрачных рук сквозь кажущуюся твердь никак не появлялось, словно что-то не пускало его внутрь.

Он уже не раз встречал такие стены и знал, что где-то далеко слева находится длинная вереница его прожитых жизней, а вправо уходила череда будущих, куда он пока страшился заглянуть. Были стены, за которые не пускали - люди играют по своим правилам и многие переносят эти правила в Тонкий мир. Оказалось, у каждого крупного политика или президента есть свой маг, который не позволяет подобраться 'чужим'. Были места, куда нельзя попасть в силу недостаточной развитости и тогда запрет исходил от совсем других существ.

Но никогда от стен не исходила такая ненависть. Несмотря на явную опасность, он упрямо поднимался вверх в надежде найти маленькое окошко, крошечную форточку, сквозь которое он смог бы просочиться в запретную зону.

И вдруг рядом с ним, прямо из стены, вышло существо. В длинном, скрывающем конечности, балахоне, он был похож на образ смерти, как её представляют люди. Он угрожающе уставился на Дино красными провалами глаз, мерцающими разгорающимися угольками из-под чёрного капюшона.

Дино смотрел в багровые дыры с уверенностью, что возникшая сущность не выдержит и, поняв, что ей никто не угрожает, но и не позволит насытиться дармовой энергией страха, обратится в бегство. Исчезнет, растворится.

Но от фигуры исходила осязаемая угроза, подпитанная невероятной силой. Дино ещё никогда не приходилось встречаться с такой враждебностью и он мысленно представил, как чёрный силуэт обволакивается, закручивается в облако кокона, чтобы лишить его возможности двигаться. Но облако тут же рассеялось и ореол воинственного силуэта вспыхнул красно-коричневым сиянием, наполняясь агрессией.

- Имя! Назови своё имя, странник! - нарушил молчание Дино.

Существо безмолствовало. И тогда Дино решительно перекрестил его. Иногда это срабатывало, но в ответ раздалось только злорадное, напоминающее смех, бульканье, под накидкой что-то зашевелилось, обнажились руки в зелёных перчатках и в них что-то острое блеснуло ртутным цветом.

Нет, только не это, - молнией пронзила мысль, к нападению Дино не был готов.

Глаза призрака, подсвеченные грязной аурой, злобно лучились колеблющимся светом. Страж будет стоять до конца, защищая свою секретную территорию - это было ясно. Но и Дино не собирался отступать.

Хоть маг был сильнее и опытней, а магическая защита крепка и если попытаться проникнуть за тщательно охраняемую завесу, можно нанести себе вред, но Дино было уже всё равно. Там, где-то в глубине была та, ради которой он, пройдя долгие дни тяжёлых тренировок, размышлений, поисков и попал в этот мир, где рождаются чудеса, и где формировалась и закалялась его Вера. Там, за этой стеной - Любовь.

Но ситуация становилась всё более угрожающей и Дино выдвинул левую ногу чуть вперёд, согнул ноги в коленях, приняв боевую стойку и закинул правую руку за спину, взявшись за рукоятку воображаемого меча. Он думал этого будет достаточно, чтобы обмануть противника, дать понять, что тоже вооружён. Но уловка не удалась. Страж только ещё сильнее разгорался, а клинок в руках становился всё ярче и горел уже матовым светом.

Тогда Дино попытался представить себе меч, его форму во всех подробностях. Он знал, что в этом мире мысль моментально отзовется и воплотится в осязаемую мыслеформу, но ему ещё никогда не приходилось это делать.

Он взялся за воображаемую рукоятку за спиной, чувствовал, как энергия из тела движется по рукам и, доходя до запястий, не рассеиваясь, шла довольно плотным, обособленным потоком, текла, выливаясь в длинную, аморфную форму. И вот уже оружие заиграло, запросило вытащить его из невидимых ножен.

Он взмахнул мечом перед собой и с удивлением увидел его слабый, неровный, чёрный цвет. Лезвие помелькало и потухло, как погасший проектор.

- Один, ты неисправимый романтик! - зашёлся призрак издевательским смехом.

- Тарнхари? - узнал его Дино.

- Ты, наверное, не понял, когда ты проживал свои последующие никчемные житышки после того, как был богом, я превзошёл тебя здесь. Это мой мир! И я здесь хозяин!

- Тарнхари, отступи! - с угрозой в голосе твёрдо приказал Дино.- Ты всё ещё её любишь?

Он не спускал с него глаз и молча наблюдал за каждым его движением. Предательская сущность жреца была ему давно известна. Снова огромным усилием мысли энергетические лучи потекли из его рук, сформировав огненное остриё.

- Однажды я уже уступил тебе Фрейю, Один.

- Зачем она тебе, ты же не способен любить?

- Ну знаешь... Любовь такое чувство, которое не спрашивает. К тому же бороться за право обладать иногда гораздо слаще самого обладания .Ты её не получишь. Это ты раньше был богом, а кто ты теперь в этой жизни? Клоп! Червь книжный.

Дино сделал резкий выпад, но меч, даже не коснувшись астрального тела, обогнул его и согнулся дугой.

Тарнхари снова захохотал.

Дино ничего не мог понять. Ещё одно разящее движение, и ещё одно не наносило врагу никакого вреда, а лишь забавляло его ещё больше.

- До встречи в будущих жизнях, Один! - вдоволь насмеявшись, Тарнхари рванулся вперёд, занеся смертоносный, сверкающий электрической плазмой стилет, целясь в тонкую паутину шнура, связывающего Дино с его спящим телом и тут же замер, не долетев.

Дино исчез.

Страж зыркнул по сторонам потухшими глазницами и растворился тоже, оставив после себя искрящиеся в астральной тьме звёздные точки.

Дино пролетел над скованной в объятых льда рекой и устремился к храму. Пять куполов гигантского новодела блистали блеском позолоты. Он взмывал всё выше и выше, проносился мимо бронзовых барельефов на белокаменных стенах, мимо ликов святых, укоризненно взиравших на него с тяжёлых дверей и очутился прямо над огромной, несоразмерно широкой золотой шапкой центрального купола.

Столба не было!

Из свода не исходило ничего, что напоминало бы о сакральности и что обычно связывает ритуальные места с небесными сферами, наполняя их божественной энергией. Величественное сооружение-новостройка, главный храм страны оказался нем и глух, как продырявленный барабан.

Прямо у его ног выписалось, прожигая позолоту насквозь, написанное с внутренней стороны и потому зеркально отражённое, не совсем уместное в православном храме слово, написанное по древнееврейски. 'Элоим' - возвещали огненные буквы. Странная энергетика исходила из-под купола. Смешение оккультных символов, которые в изобилии украшали новостройку, неприятными флюидами пронзило тело. Призванные и настроенные на грубое подчинение и выкачивание энергии, они отзывались раболепским желанием упасть на колени и слепо, разбивая в кровь лоб, поклоняться.

Может, к нему ещё притронется рука Мастера или Служителя божьего, светлого и чистого и он зазвучит, окрасится божественной мощью. Но пока он больше походил на мертворождённого ребёнка, родители которого разных вероисповеданий, разрывают его, несчастного, пытаясь похоронить по собственным обрядам.

Дино ничего не оставалось, как убраться подальше от этого ритуально-жертвенного места.

Он носился над просыпающимся городом, бросался к церквям и даже к мечетям и синагогам в поисках энергетической колонны живительной силы, ухидившей в Поднебесье, магической чудодейственной ауры, где можно было зарядить и освятить свой меч и не находил.

Клубящиеся над ними массы голубых облаков были загрязнены коричневыми тёмными тонами эгоизма, а спасительный луч выглядел беспомощным светом фонарика, теряющегося на клубах туч.

'Разрядились батарейки-то в храмах наших! - с тоской думал он. - Не работают устройства, подрастеряли былую мощь'.

Вдруг где-то вдалеке, у самого горизонта мелькнул спасительный луч. Вблизи он оказался мощным животворным потоком, исходившим из крохотной часовенки на окраине.

Он пролетел над липовой рощей с ровными рядами пчелинных ульев у стен монастыря. Его не покидало удивительное ощущение, что он знает это место. Но он тут же забыл об этом, одно удивление сменилось другим, ещё большим.

На каменных ступенях украшенного изразцами и штучным кирпичом крыльце, у белоснежной колонны стоял и широко зевая, потягивался... Гришка Отрепьев.

Дино с трудом узнал бы его, встретив на улице, но зрение, которым он владел, глядя из-за тончайшей, тоньше лезвия бритвы, завесы между мирами позволяло видеть любое

существо в этом мире насквозь, отражая его внутреннюю суть, его пороки и добродетели, чувства и мысли.

Сменив чёрный кожаный плащ на монашескую рясу, в клобуке на голове, из-под которого спадали длинные, до плеч, по-старчески желтовато-серебристые, пряди и аккуратно подстриженной бородёнкой, бывший мент весь светился чистотой и смирением. И только кое-где по ауре пробегали редкие пятна - ещё не до конца замалил грехи, очистился от груза деяний и несправедливостей, что натворил за свою жизнь.

Отрепьев так и замер с открытым ртом и поднятыми руками, зажавшими чётки и ошарашенно вглядывался в прозрачное и мутноватое тело, проплывающее мимо. Видимо, путешествие по тоннелям не прошло для Гришки бесследно и он, подобно ясновидящему, научился видеть невидимое. Но за этот дар он расплатился сполна!

И тут Дино понял, откуда ему знакомо это место - пасека, гудящие от пчёл деревья, чарующий запах лип, монастырь на холме с часовней. Каким-то невероятным образом в результате блокировки памяти в голове спутались, перемешались считанные с информационного поля воспоминания, захватив и его, Отрепьева, будущее. Это были его, Григория, воспоминания!

Дино завис ненадолго над другом и махнув ему рукой на прощанье, метнулся к часовне, оставив истово окрещавшего себя крестными знаменами инок.

Мощная колонна чистой лучезарной энергии вырывалась из крыши очищающим и усиливающим потоком и уносилась в бездонное небо.

Дино ворвался в золотой столб. Ощущение полного блаженства наполнило тело. Поток подхватил его и с чудовищной быстротой понёс по вертикальному желобу в бесконечную высь. Монастырь остался далеко внизу, весь город растворился под ногами в облачной дымке. Его поднимало всё выше и выше над Землёй. Он бесстрашно смотрел вниз, где вращалась маленькая, размером с копейку, голубая планета и упивался состоянием неизбытного счастья.

Но вот движение замедлилось и Дино остановился.

Он стоял в столбе света, сквозь золотую пелену просвечивал тёмный бархат неба, расшитый мириадами сверкающих звёзд. Так высоко он ещё не забирался, так же как и ни разу не приходилось делать предстоящий обряд.

Но его астральное Я само знало, что делать. Он опустился на одно колено и достал из-за плеча бледно мерцающий меч.

Великий Бог-Солнце, Король Дня,

Повелитель всего дикого и свободного,

Солнечный Царь Земли,

Великая Богиня-Луна, Королева Ночи,

Повелительница всего дикого и свободного,

Звездная Царица Небесная.

И вы, Священные Духи предков, Великие боги,

Я прошу вас очистить, освятить и благословить

Этот магический меч для магической работы.

Да будет так!

Как только Дино начал произносить магические слова, он видел, как наливается чудотворной силой луч клинка, выявляются тончайшие фигурные детали и отделка рукояти, заискрились по лезвию энергетические ореолы и вспыхивали забытые руны. Меч закалялся, белел, пока не стал ярко-лимонным. Невероятный поток энергии концентрировался на острии и перетекал по краям блистающего лезвия в его руку, наполняя мощью и разящей силой.

В ногах отдалось лёгкое подрагивание. Это Земля притягивала и тянула обратно. Дино едва успел с искренним восхищением поблагодарить Богов за чудесный подарок, как поток засосал его и он снова понёсся с невероятной скоростью вниз, к лучезарному храму, победно подняв над собой слившийся с рукой меч.

Земля увеличивалась в размерах и казалась уже не сверкающим голубизной шаром, а серовато-коричневым картонным макетом в кристаллической решётке крупных шестиугольников со словно обведёнными бурой краской линиями континентов, материков и морей.

Провалившись сквозь крышу, Дино плавно опустился на мозаичный пол часовни. Меч в руке затрепетал, будто почуял невидимого врага. Слева мелькнула какая-то тень и Дино заметил, как отвратительное создание шмыгнуло за алтарь и замерло в страхе.

Тварь рассыпалась от одного прикосновения освещённого оружия. Теперь храм был точно чист. И тут Дино с ужасом подумал, если даже в таком сильнейшем святом месте эти непроявленные сущности умудряются заводиться, как паразиты, что говорить о только что отстроенной и ещё не освящённой церкви, где изголодавшиеся нечеловеческие создания ждут легковых прихожан!

Стоило ему об этом подумать, как в мгновение ока он снова оказался под шестикрылым Серафимом, искусно выписанным на внутреннем своде Главного храма страны.

Такое скопление мерзопакостных дряней он видел только путешествуя по нижним, самым тяжёлым слоям Тонкого мира, где голодные духи умерших преобразались и принимали облик того, чего они страстно желали и уделяли много внимания при жизни. Мужчины, безраздельно одержимые сексом быстро теряли там человеческий облик и превращались в ту часть своего тела, которая занимала большую часть его сознания. Удовлетворение ненасытных желаний в плотном мире трансформировалось в неопишимо-безобразные формы - уродливые фаллосы и влагалища расхаживали на тонких ножках и охотились друг за другом бесконечно совокупляясь, раздутые животы

впихивали в себя всё, что попадалось им на пути и вливали в непомерное чрево зловонную жидкость.

Церковь буквально кишела такими же фантастическими уродами, словно сошедшими со страниц гоголевской повести о Вие, превратив её в адскую помойку! Твари всех форм и размеров копошились в углах, носились с пронзительными визгами мимо изображения Бога-отца, больше похожего на пациента психиатрической клиники, висели на люстре главного купола, заключённой в шестиконечную звезду. Они суетились, дрались, хрюкали и поглощали друг друга, непрерывно чавкая и утробно клопоча. Тлетворный запах гнили, смерти и распада витал под сводами.

Дино брезгливо взирал на это прибежище демонов.

То тут, то там на стенах вспыхивали начертанные огненным пламенем имена чужеродных низших богов. Кабалистические знаки пестрели на полу и колоннах, подсвечниках и крестах.

Кому понадобилось, следуя приказам своих хозяев так далеко увести народ в мир слепой веры в мёртвые догмы, превратив его в покорное стадо и нагородить это гигантское скопище символов и тайных знаков, призвав всепожирающих духов, заставить позабыть светлые законы Матери-Природы, вместо того, чтобы славить её Истину, красоту жизни, разбудить спящую в себе духовность? Кто закрыл людям глаза, скрыв знания об окружающих их мирах, вселенной и едином космическом Разуме?

В отличие от гоголевского Хомя Дино не стал чертить на полу магический круг. Меч придавал ему силы, к тому же нужно было испробовать его перед решающим боем и Дино, не раздумывая, бросился на борьбу с нечистью.

Глава 41.

Дино очнулся от боли. Он был совершенно опустошён. Из тела словно выкачали всю энергию. Внутри зияла гигантская, угнетающая дыра, пустота. Сводящая с ума бездна наполнила его оболочку, поглотив чувства, мысли и только ноющая боль в руке напоминала о недавней битве. Можно подумать, он махал мечом, сражаясь с нечистью наяву, а не во сне.

Снаружи, как сквозь толщу силикатного клея возникли голоса.

- И что, за эту х-йню отваливают кучу бабла? Аристарх Нилыч, вот скажите, что они в ней находят?

- Семён, за одну такую, как ты выразился, х-йню, я могу спокойно содержать клинику в течение полугода. И если бы не он, мне пришлось бы всех психов выпустить в город, мне же их кормить нечем! Смотри, как очнётся, ты ему сразу кисти в руки. Пусть работает, трудотерапия ему на пользу.

- Я всегда говорил, что у этих америкосов мозги набекрень свёрнуты! Такие бабки! - не унимался второй голос.

Перед замутнёнными глазами нависла белая пелена. Воздуха не хватало, пелена, оказавшаяся потолком, давила, мешала дышать, а жёлтый цвет выкрашенных стен утомлял и раздражал своей ядовитостью. На фоне этой лимонной вакханалии обрисовался бритый и мощный, в складках как у мастифа, затылок с оттопыренными, боксёрскими, ушами. Тяжеловес пригнул голову, грубо посаженную на могучие плечи, скрытые белой тканью застиранного халата, набычился и тщетно силился понять, что же могло так зацепить забугорных толстосумов в незамысловатой на его взгляд картине, стоящей в углу, что они готовы отвалить за неё целое состояние.

В сумеречном свете на фоне явно неземного пейзажа смутно угадывались призрачные очертания фантастических сооружений и летательных аппаратов, окутанных лучами маленького, похожего на звезду, солнца. Хаотичное, на первый взгляд, нагромождение красок, грубо размазанных перемешанных мазков, оливковых теней и каштановых золотистых оттенков издалика являло собой ирреальную, но совершенно чёткую фантазмагорию.

'Бля, я тоже так могу!' - недоумённо пожал он здоровущими плечами, а вслух спросил:

- И за что его к нам, раз такой гениальный?

- Это не наше дело! Органы перед нами не отчитываются.

- Пить, - облизнул Дино пересохшие губы. Ослабевшей рукой он дотянулся к стоявшей на тумбочке среди завала выдавленных тюбиков с краской, грязной, в мутных подтёках, баночке из-под майонеза. По прозрачной поверхности жидкости гуляли ослепительные размытые гроздья бликов, пойманные из зарешеченого окна и отражаясь, они превращались в приклеенные к потолку пятна качающихся солнечных зайчиков. Дино жадно припал к банке, тонкие потоки заструились, выливаясь изо рта, путались в бороде и протекая сквозь нее, падали каплями на впалую грудь.

Над ним склонилось уставшее полное лицо с моржовыми усами.

- Я тебе кашки принёс, поешь. А то уж пятые сутки не ешь ничего.

На кровати лежал крайне исхудавший нежилец. В нём трудно было узнать бывшего архивариуса. Щёки его ввалились, лицо осунулось, русые волосы спутанными космами расметались по подушке, открывая высокий лоб, рыжеватая борода, которая изменила лицо до неузнаваемости, топорщилась и только глубоко запавшие глаза, немного

затуманенные, лучились спокойно-глубоким светом, исходящим, казалось, из глубоких колодцев живой любви.

' С него бы иконы писать!' - Аристарх Нилович, или как его здесь все называли, просто Нилыч, а то и Вилыч за его без конца прописываемые болезненные уколы, зачарованно вглядывался в измождённые черты больного.

- Где я?

- Не волнуйся, - Нилыч заботливо укрыл больного. - В психиатрической клинике. А я - твой лечащий врач.

Дино застонал. Снова резкая боль пронзила его, словно кто-то невидимый наносил удары в разные части тела.

Доктор приподнял простынь и обомлел.

- Твою мать! Семён!

Лысый санитар, и сам оказавшийся похожим на собаку-убийцу, шустро для его комплекции подскочил к кровати и с изумлением смотрел как по исхудавшему телу, выпирающим рёбрам, по лицу, шее и груди расплзаются на глазах огромные кровоподтёки.

- Да тут священник нужен, - ахнул Семён.

- Мескалин давай! Быстро!

От укола Дино буквально выбросило из пылающего жаром тела. Он едва успел заметить далеко внизу склонившихся над распростёртым на кровати очень худым человеком, в котором с трудом узнал себя, двоих людей в белых халатах, как снова оказался в зыбком молочно-серебряном бульоне астрала и завис в недоумении.

Неземной красоты женщина стояла перед ним, пряча тело под тёмной накидкой. Её волосы цвета спелой пшеницы спадали на узкие плечи и светились какой-то своей жизнью, серые глаза холодно сияли равнодушным блеском, а рот чувственно приоткрылся. Она облизала языком и без того влажные губы и медленно распахнула плащ. Мелькнула упругая грудь с выпирающими крупными сосками, а обнажённое тело с бархатной кожей, сияющее золотистым переливом, звало и манило.

Дино не мог отвести глаз от прекрасной незнакомки. Он будто тонул в её красоте. Её руки заблуждали по телу, лаская его, а бёдра закачались в такт неслышимой музыке.

Невероятная, животная страсть охватила его. Единственное, чего он страстно возжелал в этот момент, забыв всё на свете - слиться с этой богиней в едином экстазе.

Не мигая, она распростёрла к нему руки и поманила его. Под взглядом этих глаз он послушно двинулся к ней в порыве охватившего его желания. Чем ближе он к ней подходил, тем дальше она оказывалась, отдалялась и, продолжая свой замысловатый танец звала, словно заманивая куда-то. Воздух вокруг искрился необузданной и неукротимой сексуальной энергией, которая обволакивала Дино, как патокой и затмевала

разум. Он всё дальше уносился за ней в неизведанное и одна только мысль выжигала его сознание - во что бы то ни стало овладеть прекраснейшей валькирией, пусть даже после этого ему придётся умереть в невероятном неземном экстазе и не вернуться в собственное тело.

Промчавшись по лабиринтам ячеистых туннелей, Дино поплыл по широкому тусклому коридору, увязая в липкой атмосфере и оказался в странном месте. По мрачному и ужасно освещённому городу, словно сотканному из паутины, бродили полусонные люди. Они шатались в полусне и слонялись, как муравьи, занятые каким-то только им понятным делом. От холода и смрада Дино почувствовал себя в гигантской подземной конюшне, но возжеленная цель была совсем рядом. Странная тишина облепила его. Воздух был словно наэлектризован.

Женщина остановилась, наконец, и опустив руки, уставилась на него потухшим взором. Её глаза, ещё недавно пылающие волнительной страстью, таперь угасли и смотрели, как кукольные безжизненные бляшки. Его взгляд всё ещё был прикован к видению, но тревожное предчувствие заставило очнуться от чарующего зрелища.

Образ богини начал таять и когда она окончательно растворилась, раздался знакомый издевательский хохот.

- Как легко, оказывается, и тебя провести на низменных человеческих слабостях!

Чары рассеялись, сознание прояснилось и тут только Дино понял, что был загнипнотизирован какой-то неведомой сущностью и теперь придётся выбираться из этой ловушки, умело расставленной Тарнхари. Он вытянул вперёд руку, в которой молниеносно визуализировалось лезвие меча. Тёплая вязкая масса пульса перетекала в оружие. Мощная рукоять затрепыхала, наливаясь силой, по краям пробежали блики, собираясь на острии. Сокрушительный сгусток энергии, разбрасывая искры, метнулся в сторону Тарнхари и, пролетев мимо, врезался в стройный ряд сомнамбул, сбив одного из них с ног.

- И чего тебе не хватало? А ведь мог бы стать богом в отдельно взятой стране, - голос раздался сзади.

- Я разгадал твои планы, Тарнхари, - не оборачиваясь, произнёс Дино. - Ты всё равно убил бы меня. Тебе нужна была моя сила, чтобы зарядить проклятый Зиккурат, выстроенный тобой.

Дино медленно занёс меч над головой и, развернувшись, с силой разрубил пустоту и тут же с ужасом почувствовал, как его тело, будто парализованное, отказываясь подчиниться, сжималось, скукоживалось и обволакивалось эластично-упругой, как резиновой, пузырчатой материей.

- Тебе никогда не выбраться из этой западни, Один.

Тугой мешок затягивался всё сильнее, скрывая под напором своего пленника, как эмбриона в полости матки.

- Я не терял времени даром. Пока ты носился с раскрытым ртом по Реальности и на время утратил контроль над своим куском органической материи, я проник в него и теперь он там, где ему и место, - издевался Тарнхари. - Теперь ты - больной. Душевно.

Коснувшись изнутри лезвия меча плотная мешковина лопнула, как пузырь, освободив отяжелевшие конечности и Дино, схватившись двумя руками за рукоять озирался по сторонам в поисках исчезнувшего мага. Того нигде не было видно и только сотни расплывчатых сомнамбул бродили в клейком мраке, подсвеченные угрюмым излучением, не дававшим тени.

Главное сейчас - выиграть время, обмануть могущественного мага. И Дино решился на одну уловку. Он сосредоточился и послал внутреннюю энергию перед собой. Воздух вокруг вспух. Осязаемая мыслеформа один в один походила на плотную высокую стену, которая окружила и скрыла за собой архивариуса.

Промелькнуло яркое свечение. Этого было достаточно, чтобы понять, где прячется Тарнхари. Дино затаился. Со стороны ему было видно, как осколки стены от удара разлетелись во все стороны, просыпавшись градом на стоящего за ней человека. Туманный и тусклый, он стоял, равнодушно глядя на врага и, казалось, выжидал. Следом промелькнул второй, обильно приправленный ненавистью шар и взорвался, вздыбив из солнечного сплетения фонтан искр.

- Какой дешёвый приём, - из-за энергетического тела одной из сомнамбул отделилась фигура и остановилась в растерянности, глядя, как пробитый в нескольких местах фантом, теряя подпитку медленно растворяется в воздухе. Растаяли и остатки стены.

Новая огненная вспышка озарила пространство, ноги мага подкосились и не успел он рухнуть, как подкошенный лицом на землю, как следующий яркий сгусток отбросил его назад. Теперь Дино не обязательно было его видеть, просто прочно удерживая в сознании образ врага, он посылал в него заряженные шары. Удар за ударом наносил он, теряя и свою драгоценную энергию. Светящееся жало на кончике меча было готово в любой момент устремиться прямо в сердце мага.

Вокруг вихрилась и бушевала необузданная мощь. Брызги искр разбрызгивались вокруг, ударяясь об ауру Тарнхари и отражаясь от него.

Жрец уворачивался, мастерски отражал удары и тогда два светящихся шара сталкивались в воздухе двумя смертоносными астероидами и взрывались, освещая всё вокруг, рассыпаясь огненным дождём. Тарнхари был намного сильнее и опытнее в астральных битвах, но сейчас его энергосистеме был нанесён значительный урон. Маг ослабевал.

Дино рванулся в тягуче-неподвижном воздухе и занёс руку с мечом для последнего, решающего удара. Убить, конечно, не убьёт, но побеждённый волхв уже никогда не встанет на его пути. Таков Закон!

- Прощай, Тарнхари!

Опустившийся с электрическим шлейфом меч скользнул по студенистой ауре, рассёк её, оставляя за собой вязкий след, который тут же засочился голубоватой жидкостью. И тут Дино почувствовал нечеловеческую боль. Почти физическая, она обожгла правую руку и нетерпимо разъедала её изнутри.

Не успев даже понять, что произошло, как от чудовищного удара он потерял равновесие, его отшвырнуло и он полетел во вселенную бездонность, чёрную, сырую и глубокую.

Кроваво-огнистой молнией проносился он сквозь миры и пространства. Вокруг, как в калейдоскопе, мелькали яркие стекляшки тысяч звёздных россыпей туманностей, галактик и планет и вытягивались, превращаясь в длинные смазанные дорожки, уходящие в бездну. С быстротой, превышающей скорость мысли Вселенная со всем её содержимым проделалась сквозь него, как игольное ушко принимает в своё лоно тончайшую нить и с чавканьем выплюнула его на какую-то жёсткую поверхность, на которой он беспомощно повис.

Дино застонал от боли и бессилия, увидев, что из его открытой ладони торчит ритуальный стилет. Он намертво пригвоздил архивариуса к тому, обо что он с оханьем шмякнулся, вынырнув из неизмеримой глубины. К белоснежной больничной двери.

Над кроватью, где виднелось его бледное и исхудавшее тело склонились доктор и санитар, всё осталось так, будто прошло лишь несколько мгновений, как он покинул своё тело. От резкого удара дверь захлопнулась так, что задребезжали стёкла в соседних палатах. Доктор испуганно вздрогнул и удивлённо посмотрел на окно, сквозняков он боялся.

- Трудно стать снова богом?

Усталый и разбитый маг снова явился перед Дино. Но его лицо, залитое кровью, восторженно сияло.

- Ты обречён, Один.

- Не бери на себя грех, Тарнхари, - выдохнул Дино. - Законы воздаяния неумолимы, подумай о своей карме.

- Заладил тоже, карма, карма. До этого мне ещё далеко. Я найду себе новое тело, это изрядно потрепалось. А вот ты - вряд ли. Связь с терафимом потеряна. Ты бессилён.

Тарнхари, не отрывая глаз от Дино, раздвинул ладони. Между ними проскочили змеевидные разряды и Дино почувствовал, как его левая рука безвольно приподнимается. Пронёсшаяся молнией вспышка пропорола вторую ладонь насквозь.

Леденящий кровь вопль разнёсся по коридорам больницы.

Аристарх Нилович поднял голову и прислушался.

- Кричал кто-то?

- Да вроде, - растерянно пробормотал Семён.

- Иди, посмотри, что там случилось!

Санитар бросился к двери, впопыхах наступил на развязавшийся шнурок, споткнулся и чуть не упав, пролетел сквозь незримого для его глаз Тарнхари. Маг дёрнулся и поморщился.

- Как-то не по-христиански это, - он снова с интересом взгляделся в просвечивающийся между распахнутой дверью на фоне белой стены бледный прозрачный силуэт, похлопал по руке ещё одним ножом и театрально прицелившись, прищулив один глаз, метнул его, целясь в ноги распятого архивариуса.

Старые стены больницы пошатнулись от жуткого стога. Казалось, он исходил из самой преисподней.

- А вот так аккурат по-ихнему, - довольный своей работой заключил маг и тут же предусмотрительно отпрыгнул в сторону, чтобы встревоженный не на шутку Нилыч, который выбежал из комнаты с криком 'Да что там происходит!' ненароком не побеспокоил его и без того истерзанную ауру.

Распятый дух мучительно приподнял голову и в панической растерянности посмотрел на своё, умирающее раньше назначенного небесами часа, тело. Это конец!

- Эй, Астролётчик, брысь к себе в палату! - грозно рявкнул кому-то доктор на ходу.

В проёме двери показались сначала испуганные бесцветные глаза, а затем трясущаяся, как у дятла белобрысая голова с усаженной кустиками редкой щетиной на подбородке.

Виртуозно насвистывая незатейливый мотивчик, разлетающийся вокруг заливистыми, от вибрируемой челюсти, тремолами, больной прошёлся по комнате. Держа руки в карманах пижамной полосатой куртки, он изо всех сил старался делать непринуждённый вид, попялился на лежащее на кровати тело, скрытое под покровом, пристально взгляделся в еле знакомые черты, словно вспоминая что-то. Свист резко сорвался вниз и затих. Простыня на глазах набухла расплывшимися бурными пятнами. Дурик сглотнул набежавшую от волнения слюну и осторожно потянул за плащаницу. Обнажилось худое, истощённое тело. Из крупных, рваных ран на кистях рук и ступнях струилась кровь, а внутри просвечивались странные образования, чёрные и твёрдые, как железо.

- Господи Иисусе! - псих отпрянул от тела, в ужасе покрутил вытаращенными глазами по сторонам и уткнулся косящим взором в фигуру Тарнхари, с наслаждением наблюдающим за разыгравшейся немой сценой. Как глубоко сидит всё-таки в людях разрекламированная сила образа! Вон, даже дурика проняло.

И, потеряв всяческий интерес к происходящему, Тарнхари исчез.

Если бы он задержался на мгновение или хотя бы попытался понять, действительно ли умалишённый видел его или случайно уставился сквозь него на белую дверь, на которой, свесив голову на грудь висел несчастный, стонущий архивариус, то увидел, как белобрысый неожиданно ухнул, осел сгораемой в пепельнице бумагой и распластался на цементном полу ворохом грязной одежды.

- Что, парень, не по зубам оказался орешек? - возникло рядом с Дино астральное тело.

Белобрысый деловито, один за одним вытаскивал ножи. Не долетая до пола, они рассыпались огненной поземкой. Каждое движение отдавалось болью, тело содрогалось и из груди вырывался стон.

- Я не знаю, что вы там с ним не поделили, но его так просто не возьмешь. Силён, видать, хотя ты его тоже хорошо потрепал, - астролётчик вынул последний нож и с огромным облегчением Дино воссоединился со своим физическим телом.

Ворох у подножия кровати зашевелился и снова возникла, выросла фигура блондина. Он как ни в чём не бывало отряхнул больничные штаны и нагнувшись, шепотом поинтересовался:

- Мстить будешь?

Из утробы казавшегося бездыханным тела раздался еле слышный выдох.

- Ну тогда, когда оклемаешься, свистни, вместе помаракуем, что можно сделать. Я здесь, в соседней палате, если что.

Глава 42.

Засушенные пунцовые лепестки на поверхности разбухли и торчали кровавыми сгустками. От ванны тяжело, неприятно-резко разило.

В ней, как в гладкой, полированной колыбели сидел, откинув голову, смертельно усталый старик, больше похожий на покойника. Покрытое засохшей кровью лицо искажала гримаса страдания. Намокшая борода торчала жалкими клочьями. Из надсечённой на лобной части черепа раны сочились капельки сукровицы, а из носа робко вытекала тоненькая багровая струйка.

Проклятое тело! В неравном бою оно истратило гораздо больше энергии, чем могло себе позволить. От сильнейшего нервного истощения его облепило липким холодным потом и горело огнём. В груди щемило. Нет, умирать ему нельзя ни в коем случае! Иначе наступят жестокие и неумолимые Божественные законы, называемые ненавистным словом 'карма' за все его прегрешения, которых накопилось предостаточно, прав был этот полубожок. Как там говорится, каждому воздастся по делам его?

И будет он бродить, как голодный пёс от дома к дому - от тела к телу. Реинкарнируют его в животное сознание, например, не к ночи будь сказано, в свинью или, что ещё хуже, в женщину. И никогда ему не выбраться из колеса повторяющихся рождений и смертей. Видимо, и вправду настала пора менять изношенный кожаный кожух.

Тарнхари открыл глаза. Безвольной рукой зачерпнул пригоршню мутной жидкости и промочил лицо. Ладонь окрасилась багрянцем.

- Может быть, всё-таки, врача? - взволнованно спросил Виноградарь. Он сидел на выдающемся ступенчатом уступе каменной античной ванны, наполненной до краёв ржавой жижей и чувствовал себя неуверенно в этой странной комнате. Именно комнате, ведь он вошёл сюда через дверь, но вокруг было так темно, а сверху сияли такие огромные звёзды, что, казалось, они вдвоём находятся на горной вершине, пиком своим упирающимся в ночное поднебесье. И только спёртый воздух развеивал иллюзорный обман.

Обычно Тарнхари сюда никого не допускал. Это была его святая святых, где он набирался сил, возрождался заново после своих таинственных и опасных путешествий.

- Не надо, - тяжело дыша прошептал Тарнхари, пытаюсь перекрыть стук бешенно колотящегося сердца. - Несколько дней, - он тяжело перевёл дыхание, - отлежаться надо.

Он с тоской смотрел в теряющийся среди звёзд потолок.

- Они не должны были встретиться, - прошептал он бескровными губами.

- Что, простите? - не расслышал Виноградарь.

- До затмения осталось совсем мало времени. Надо успеть... найти нового оператора. Похожего.

Тарнхари чувствовал, как удивительная эмульсия проникает в тело. Мышцы постепенно наливаются силой, едва уловимой, но уже изгоняющей боль.

- Но это как раз не проблема. Есть у меня на примете одна кандидатура. - Михаил Михайлович, подняв голову, задумчиво рассматривал звёздное небо, по привычке выискивая знакомые созвездия. - Звёзд с неба не хватает, - усмехнувшись, кивнул он наверх, - зато услужлив и исполнитель. Неожиданностей от него ждать не придётся. Проблема в том, чтобы заставить массы поверить, что это именно тот человек, который им нужен. Спаситель. А для этого нужно зарядить терафима.

Он сделал паузу и многозначительно посмотрел на мага.

- Боюсь, без крови тут не обойтись.

Тарнхари поднял усталые глаза на Доктора.

- Нет, - он помотал непослушной головой, - только не Фрейя!

Доктор в ответ закивал.

- Её жертва даст намного больше, чем умерщвление целой толпы. Это посильнее жертвенной крови царской семьи, ведь в ней течёт божественная кровь. Она - связь человека с богами, носитель духа. Подпитка будет настолько сильной, что зарядит зиккурат на долгие-долгие годы. Гребень - очень мощный артефакт и он принадлежит ей. Он откроет порталы, даже к передатчику не придётся подключать, чтобы настроить зиккурат на нужную волну.

Тарнхари знал всё и сам, что древнее и сильнее артефакта им вряд ли удастся сыскать, а жертвоприношение неизбежно. И совершённое в определённый день, в определённом месте в строго определённое время и определённым способом, оно будет нести величайшую ритуальную силу., как это и было проведено с умерщвлением царской семьи. Он вспомнил подвальную комнату, залитую кровью июльской ночью 1918 года. Как и тогда, сейчас это требовалось для разрушения государства и переход в другую историческую эру. Он усмехнулся краешками губ, вспомнив, как не сдержался и нацарапал на стене строчки из Гейне об убийстве Валтасара своими подданными :

Belsazar ward in selbiger Nacht

Von seinen Knechten umgebracht*, добавив в имя букву 't', крамольно обозначив царя.

Всё было разыграно как по нотам, но банда пьяной голотьбы чуть не завалила результат тяжелейших трудов и затрат, не сумев правильно предать останки земле и пришлось вмешаться самому, проводить дополнительные обряды. Может, от этого и не заладилось с самого начала?

Но почему сейчас это должна быть Она? Почему в этом мире как только удаётся что-то найти, так тут же теряешь?

- А как же предсказания монаха? - попытался он переубедить себя. - Я был уверен, что она станет впоследствии этой самой Дамой с золотыми волосами, Великой Дамой, несущей конец этому периоду.

- Ну, знаете, любое пророчество можно притянуть за уши, - начал Доктор и тут же осёкся, поймав гневный взгляд Тарнхари. - Авель жил в то время, когда принято было говорить аллегориями. К тому же, согласно некоторым компиляциям Дама с золотыми волосами будет хотеть стать Великой Дамой, а это можно трактовать по-разному. Хотеть - не значит быть. И если впоследствии возникнет необходимость - вывести такой персонаж, мы сделаем это без труда - золотистый цвет волос не такая уж редкость на просторах нашей страны.

- Делайте, что хотите, - Тарнхари устало прикрыл глаза.

- Заметьте, не я этого хочу! Получить контроль над частотами мозговых масс людей, а в итоге полный контроль над массовым сознанием. Не этого ли хотят те неведомые хозяева, которым вы служите?

* Г. Гейне. 'В эту самую ночь царь Валтасар был убит своими слугами'. По материалам статьи Н. Козлова 'Священная война'.

Глава 43.

- Да вы с ума сошли! - в бешенстве вскричал Яков Карлович. - Планеты вот-вот выстроятся в виде креста, а соединение Селены - Белой Луны со звездой истины Геммой говорят о появлении Великого Светлого человека. И если что-то пойдёт не так, сбудутся предсказания Нострадамуса о возвращении Чёрной Луны и наступлении эры катастроф. Это может дорого обойтись человечеству!

- Послушайте, - поморщился Виноградарь, - давайте я вам объясню. У них разница ровно на 12 лет, день рождения день в день, 7 октября. Зодиакальный круг возвращается в исходную точку, значит, должны быть какие-то совпадения?

Он был уже сам не рад, что пригласил этого колючего субъекта. Он вообще старался не общаться с этими странными людьми из подземелья. Их подёрнутые черной пеленой глаза внушали ему неконтролируемую оторопь, а МихМих очень не любил, когда что-то выходило из-под его контроля. Но Фиске, как никто, в совершенстве владел звёздной наукой, так необходимой сейчас. Как же ему сейчас не хватало его друга, покойного Лоскутникова, с которым можно было без проблем отбирать кандидатов.

- Я вижу, вы сами не очень понимаете, что делаете, - в отчаянии, прошептал Яков. - Если, к примеру, взять глиняный горшок, раскрутить его на гончарном круге и в движении чиркнуть по его поверхности. С какой вероятностью вам удастся с точностью попасть в эту черту ещё раз? Практически, с нулевой. Так и со звёздами. Здесь учитывается и время, и место рождения. Даже два человека, рождённые в один день, могут диаметрально отличаться друг от друга. Вы делаете грубейшую ошибку!

- Подождите, Яков Карлович, не кипятитесь, - включилась в разговор Парвин Гуллиевна. Она впервые встречала этого загадочного старикана, по всей видимости, действительно специалиста в своей области. Странно, что до сих пор они не были знакомы. - Существуют же типичные представители своих знаков, со всеми присущими им чертами?

- Нет, - развёл руками Фиске, - есть только индивидуальность. И эта, - он ткнул пальцем в расчерченную астрологическую карту, разложенную на столе, - не самая лучшая из них.

- И что же там такого, что так разнит её с предыдущим претендентом, чего нельзя было бы превратить в достоинство?

- Ни-че-го! - упрямылся старик. Усы его топорщились, он гневно сверкнул глазами на смазливую дамочку, сидящую перед ним в клубах дыма, закинув ногу на ногу и

вообразившую, что может вершить судьбами страны. - Ничего хорошего. Да вот смотрите сами.

Он развернул карту поближе к собеседникам.

- Солнце и Венера находятся в самом невыгодном положении - в падении и изгнании. Преобладание Сатурна - планеты жестокости, холодности и системы. Соединение астероидов Фанатика - символа фанатизма и Пандорры - символа несчастий, которые нельзя остановить, не избыв до конца. Я уж не говорю о том, что он далёк от яркой личностной позиции! Человек-машина, которая будет решать вопросы методом кнута и карательными мерами. Он же увлечёт страну в пропасть! Кого вы хотите посадить на трон?

Парвин и Виноградарь переглянулись.

'Какой же у него уровень допуска, что он так свободно изъясняется на такие закрытые для непосвящённых темы?' - терялась в догадках Креатор.

- А что, - недолго подумав, робко вставил Михаил Михайлович, - в конце концов, Россия тяготеет к жёсткому единоначалию.

- Вы серьёзно думаете, что каждая кухарка может управлять государством? - пренебрежительно бросил Яков Карлович.

- А вы - нет? - вызывающе парировала Парвин. Она нервно курила сигарету за сигаретой. От напряжения над верхней губой выступили бисеринки пота. - Вы же прекрасно осведомлены, что ставленник ничего не решает самостоятельно. Он всего лишь оператор. Усилитель зиккурата. Сверх его доступа есть ещё не менее 27-ми уровней секретности, которые для него недостижимы. Вот эти уровни и есть настоящая вертикаль власти.

Фиске, видя, что спорить бесполезно, в сердцах махнул рукой и прозвёс такое, что окончательно сбило Парвин Гуллиевну с толку:

- Какое мне, собственно, дело до того, что вершится в этом муравейнике наверху?

Он обвёл присутствующих взглядом своих глаз, полными чарующей чёрной бездны.

- Я не знаю, какие цели вы преследуете в своих играх, но ничего хорошего от этого вашего оператора ждать не придётся. Играйте, да не заиграйтесь, я вас предупредил.

И он размашистым шагом покинул комнату.

Парвин Гуллиевна в задумчивости выпустила струю дыма и ещё раз внимательно посмотрела на фотографию. В её глазах читалось сомнение.

- Вы до сих пор уверены, что это - тот человек, который нам нужен?

- У нас не осталось времени, - отмахиваясь от дыма, стоял на своём Виноградарь. - Он, конечно, не столь ярк и харизматичен, скорее, безликий и невыразительный, в этом Яков Карлович прав. Но зато исполнительный и дисциплинированный, к тому же предан нашему ведомству, что немаловажно.

- Нам нужен парень, способный переносить звуки рвущихся снарядов. В буквальном и переносном смысле! - в который раз повторила Парвин и по-мужски впечатала сигарету в пепельницу.

- Ну, пожалуйста, он ведь офицер, подполковник. Правда, не боевых войск. Разведчик.

- Тем более не подойдёт! - упрямылась Креатор. - К военным люди давно потеряли уважение. Лучше всего подошёл бы рабочий, умеющий хорошо болтать. Ему не понадобится много мозгов. А если он ещё будет ко всему и холостяк - вообще замечательно, можно привлечь в наши ряды женщин. Вы думаете этот маниакальный тип, - она кивнула на фотографию и снова потянулась за сигаретой, - с прилизанной чёлочкой, смущённый, зажатый, заточенный под стереотипы советских городов и больше похожий в своей застиранной рубашечке на деревенского простачка, сможет со всем этим справиться? Он же неинтересен именно своей неинтересностью!

- Это можно будет как-то обыграть, - предположил Доктор и осторожно вытащил зажатую между пальцами Парвин сигарету. - Не надо больше курить, - попросил он.

Креатор обхватила голову руками.

- Боюсь это невозможно! - что именно, она не уточнила. Невозможность одного, вызывала настойчивое желание другого.

- Зато в очередной раз сыграет теория русского парадокса - преемником волосатого правителя станет ну, не совсем ещё лысый, скажем так, лысоватый, - попытался разрядить обстановку МихМих.

Парвин не сдержалась и фыркнула:

- Скажете тоже. Вы ещё проклятье Текумсе вспомните!

- А что, - Доктор искренне удивился. - Проклятье этого индейского вождя с завидной точностью исполняется. Каждый американский президент, избранный в год, оканчивающийся на цифру 0, действительно погибает - умирает сам или его убивают до окончания срока полномочий. Мистика скажете?

Мистика Парвин не интересовала. Ей хватало земных проблем. Вот и сейчас в голове зароились идеи, какие-то мысли зарождались, путались, сменялись новыми. Мозг лихорадочно заработал в поисках решения неисполнимой задачи. Лёгкое ли дело - творить чудо!

- И то, что замкнут, необщителен и одинок, - как издали доносился голос Виноградаря. - эта забота тоже целиком ложится на ваши плечи. Задача не лёгкая, но, я думаю, весьма исполнимая. В этом вы - непревзойдённый специалист.

- Иначе бы я не продержалась на этой должности столько лет.

Горько усмехнувшись, вслух произнесла Креатор, а про себя подумала:

'В конце концов, какая разница, кто будет исполнять роль говорящей головы?'

Глава 44.

Огромная толпа безумно бесновалась, колыхаясь как единый организм. Моросил дождь, мерзкое решето слякоти пропарывало ночное небо, под ногами хлюпала противная жижа, а в воздухе носился запах перегара, смешанный с дурманящим духом травы и дымом дешёвых сигарет.

Многотысячная орава, разогретая алкоголем сходила с ума. Толкая друг друга, падая на скользкую брусчатку и поднимаясь, она дружно подпевала несущимся из громкоговорителей воплям, вызывая демоническую мощь преисподней.

Красная Площадь взрывалась от этого бесплатного сатанинского зрелища.

- Мы находимся с вами на Васильевском спуске, где сегодня, впервые на русской сцене, специально по такому случаю оборудованной на главной площади страны, выступит культовая группа 'Красные перцы'.

Толпа взревела и последние слова корреспондентки потонули в этом ревущем океане звуков. Она заткнула свободной рукой ухо и рискуя сорвать голос, закричала в микрофон:

- Вы слышите, как толпа разгорячённых поклонников приветствует своих кумиров. Выступление уже началось и мы с нетерпением ждём прибытия важных гостей, которые прибыли сегодня утром с рабочим визитом и выказали своё желание побывать на историческом концерте. Это члены королевских семей, представитель ООН, а так же директор Всемирного банка, заместитель председателя фонда 'Ротшильд Европа' и владелец газеты 'Вашингтон Пост'. Мы не можем пока с полной уверенностью сказать, по какой причине пустуют пока 7 мест в VIP-ложе. Вполне вероятно, что всему виной московские пробки, но одно мы знаем точно: это феерическое зрелище на Красной Площади с присутствием таких важных особ, безусловно, является знаковым в жизни культурной столицы и способствует созданию нового шикарного имиджа Москвы как одной из продвинутых европейских столиц.

По толпе пронеслась ураганная волна. Поднятые руки взметнулись вверх и, синхронно пробежав по людскому океану, волна опала, потонула в свисте, криках и беспорядочном колыхании.

- Организаторы концерта обещают зрителям сюрприз, который оставит в их памяти незабываемый след. Мы с нетерпением ждём обещанный сюрприз, как и членов королевских семей, которые мы надеемся, успеют хотя бы к середине концерта.

Толпа снова взревела, вторя оглушающим звукам, льющимся из огромных динамиков по обеим сторонам сцены. А в центре, в изрыгаемом фонтаном пламени, ниспадающего потока искр серебристого цвета и клубях дыма корчился, как на углях инквизиции, наперевес с гитарой идол, вопя начеловеческими звуками, которые разносились далеко вокруг, заставлял он тысячи сердец биться в едином экстазе поклонения.

Тяжелые бесформенные тучи дымными завихрениями взвивались над ярко освещённой площадью и устремлялись прямо к ступенчатой постройке на вершине зиккурата.

Если бы в тот момент на площади находился человек, обладающий особыми органами слуха, он бы с удивлением отметил, как в тот момент, когда многотысячный рёв в сатанинском экстазе достиг своего апогея оттуда донёсся, сливаясь с хором голосов еле слышный, но невероятно мощный, сильнейшими энергетическими потоками взвихрялся в ночное небо голос, доносившийся именно оттуда, с вершины некрополя.

- Призываю тебя, о дух, силою Бога Всемогущего и и повелеваю тебе именами

Бараламенсиса, Балдахуиенсиса, Павмахия, Аполороседеса и могущественнейших князей Генио и Лиахида, служителей Трона Тартара и Верховных Князей Трона Аполонии девятой сферы. Призываю тебя и повелеваю тебе, -

заглушая децибеллы, исходил из-под чёрного капюшона и разлетался эхом по возбуждённой площади зауспокойный голос жреца. Кроме него в наглухо запечатанной комнате, освещённой по углам пылко горящими жаровнями, вокруг квадратного стола, очерченного угольным кругом стояли лицом к лицу ещё 7 человек. Одетые как и маг, в чёрное одеяние и так же колпаки с прорезями для глаз скрывали их лица. В руках они держали ритуальные чёрные свечи.

- Призываю тебя именем Того, кому повинуются все живые твари, Неизреченным

Именем Тетраграмматон Иегова, Именем Коего повергаются в ничто все стихии,

воздух сотрясается, море отступает от берегов, огонь угасает, земля

содрогается, и все сонмы небесные, все твари земные, все духи ада в ужасе

трепещут. Явись во имя Адонаи Саваофа, явись и не медли. Адонаи Садай, Царь Царей, повелевает тебе!

Дым поднимался от жаровни, издавая едкий запах серы и окутывал тела посвящённых. Балахон мага намок от пота, исходил паром, а голос становился всё громче и громче, пока не зашёлся в грозном рычании.

На жертвенном алтаре, покрытом каменной доской лежала обнажённая женщина. С повязкой на глазах она не могла видеть, что происходило вокруг. Её тело сотрясалось от рыданий и извивалось, а связанные руки лихорадило от панического, животного страха.

- Ужасным Судным Днем, морем стеклянным, простершимся пред лицом

Божественного Величия, четырьмя Животными у Престола Его, чьи лики полны очей спереди и сзади, Огнем, сияющим над Престолом Его, Святыми Ангелами небесными и могучей Мудростью Божией. Печатью Васдафии, именем Примематума, кое произнес Моисей, и земля разверзлась и поглотила Корея, Дафана и Авирона, исполни все мои требования и соверши все, чего я пожелаю. Явись с миром, в видимом обличье и без промедления!

Зашедшийся в страсти, доходящей до экстаза маг сбросил с головы мешающий капюшон. Он еле сдерживал рвущуюся наружу энергию. Упиваясь собственной силой Тарнхари занёс нож над бившейся в истерике женщиной.

Дино безуспешно пытался проникнуть за плотные оковы мраморных стен. Поверхность пружинила, не поддавалась и, как резиновая отбрасывала его обратно, запечатанная магическими заклятиями.

- Бесплезно, давай сверху, - раздался знакомый бодрый голос.

Прямо перед Дино возник Астролётчик в неизменной больничной пижаме. Здесь, в астрале, он чудесным образом преображался и был не похож на себя того, из реальной жизни. Подбородок его не трясся, движения были уверенными, а глаза лучились живой мыслью.

- Ну что, настала пора расшевелить этих паразитов? Делов то - приподнять камень и показать, как копошатся под ним эти черви, - он весело подмигнул и тут Дино заметил, как воздух сзади него, тёмный и мрачный, начал уплотняться, закручивался сферической воронкой в которой замелькали какие-то тени.

- Скорее, - скомандовал Астролётчик, - порталы открываются! И помни: никаких эмоций к противнику. Он не плохой и не хороший. Никакой. Ты просто устраняешь препятствие.

Дино замер на мгновение и сосредоточился.

Как от прикосновения чьей-то руки пробежал по телу Лизы обжигающий холодок.

'Пора!' - услышала она сквозь собственные рыдания еле различимый шёпот.

- Эко, эко Азарак, эко, эко Зомелак

Бачабе лача бачабе

Ламак ках ачабаче, - хор голосов затянул на распев речетативную бессмыслицу.

Лиза изо всех сил старалась отключиться от назойливых звуков. Но звуки, всё убыстряясь, напирали со всех сторон.

- Бруву ру ру ру ру!

Пице цане сэ сэ сэ! - неслось стройным гулом.

Она знала, что если мысленно представить себе что-то, появляется выделенная из эфира форма. Она выглядела более живой, наполнялась цветом и движением по мере того, как долго удавалось удерживать мысленный образ. Гребень не раз помогал её формировать подобную матрицу и придавал ей энергию, чтобы материализовать предмет в заданном месте. Почти все что она задумывала в ходе экспериментов появлялось. Иногда это было видимым, но неосязаемым, как призрак, а иногда - твёрдым и осязаемым. Постепенно она научилась выделять из эфира сущности настолько реальные, что они имели запах, а при прикосновении излучали тепло. Но никогда ей ещё не приходилось создавать облик во всех мельчайших подробностях и под направленным на неё смертельным жалом. Это только выглядело просто, когда у них с Дино созрел этот план. Но сейчас, когда она лежала на смертном одре, мысли её словно парализовало.

- Бруву ру ру ру ру! - пульсом отдавалось в голове.

Угроза смерти, нависшая над ней в виде сверкающего латунию острия, такая осязаемая, направленная прямо в сердце заставила её устремиться в глубины собственного сознания.

- Бруву ру ру ...

С чудовищным, нечеловеческим рыком она извергла из себя мыслеформу. По комнате разлилось смердящее зловоние. Несущаяся абракадабра оборвалась.

- О, Боже! - раздался во внезапно наступившей тишине наполненный ужасом голос Тарнхари.

В этот момент невидимая никем из присутствующих скрученная огненная лента прошла насквозь потолок и, отбросив Тарнхари разрядом, пришила к противоположной стене. Другой поток вырвался снизу, из-под пола, безошибочно вонзился в солнечное сплетение мага, протащил его по стене всё выше и выше, пока он беспомощно не распростёрся на потолке, прижатый чудовищной энергией.

Как только он немного опускался вниз, широко расставив руки, как неведомая сила, пружиня, останавливала его и снова подбрасывала наверх. Невидимые в реальности огненные копы, которые метали в него Дино и его помощник, стегали его со всех сторон, не давая пошевелиться. Обожжённая кожа шипела на его лице и лоснилась от выделяемой жидкости лопающихся волдырей.

От неожиданности напуганные жрецы, побросав свечи, сбивая друг друга с ног рванулись к потайному люку и, рискуя поломать ноги, скатывались по потайной лестнице

Повязка на глазах Лизы не позволяла видеть, что происходило. Забыв обо всём на свете она прочно удерживала образ.

Вниманию многотысячной разгорячённой толпы предстало эффектное зрелище. На вершине мавзолея возникло словно сошедшее из фильмов ужасов огромное чудовище. Зверь отвратительно разинул полную острых зубов пасть в беззвучном рыке, мотнул безобразной головой и оглядев площадь с высоты ненавистным взглядом, провалился в недра зиккурата.

Онемевшая было толпа взорвалась криками восторга и улюлюканьем. Обещанное зрелище было достойно восхищения и все с нетерпением ждали продолжения.

В проёме люка показалась голова, осторожно огляделась по сторонам и в комнату взобрался лорд Стахов. Жертвенная была наполнена истошными воплями, леденящими кровь, несущимся из-под потолка. От запаха жжёных волос, палёного мяса, серы и непередаваемой вони подступала тошнота и першило в горле. Разреженный воздух гудел и то и дело разрывался громкими хлопками.

Павел Илларионович, не обращая внимания на крики, по-кошачьи бесшумно подбежал к лежавшей без движения девушке, быстрыми движениями освободил ей руки, сдёрнул повязку с глаз и легко поднял одервеневшее от напряжения тело. Лиза испуганно вскрикнула, но увидев знакомое лицо, облегчённо прижалась к спасителю и крепко обняла за шею. Всё шло по плану, как и было задумано. Осталось только вынести её из пропахшей смрадом комнаты и затерявшись в пьяной толпе, добраться до машины, в которой ждёт их Алёнушка. Водит она мастерски, по-мужски, так что затеряться на улочках Москвы для неё не составит труда. И тут лорд почувствовал горячее зловонное дыхание в спину. Совсем рядом с ним находилось что-то очень злое, такое, что повернуться было страшно. Он медленно поднял голову и остолбенел.

Прямо из потолка выглядывала огромная омерзительная морда! Чудовищное животное - плод заговора наших героев и материализованное Лизой из эфира, чтобы отвлечь на себя внимание, зажило какой-то своей жизнью. По собачьи принюхавшись, оно уставилось лиловым глазом на лорда и вдруг распахнуло гигантскую пасть быстрым рывком, с хрустом, сомкнуло челюсти, поглотив голову Стахова. Кровь захлестала из обезглавленного тела. Оно зашаталось и рухнуло, заливая всё вокруг пульсирующим фонтаном. Лиза закричала, теперь от дикой боли. Невыносимая, она пронзила обжигающими клыками насквозь руку, а за ней и затылок, которым она крепко приложилась к полу. Кровь заливала ей глаза. На мгновенье она ослепла.

Изголодавшийся зверь, давясь, жадно присосался к кровяным струям, насыщался, слизывал длинным раздвоенным языком расплёсканную по полу пунцовую жидкость. С отвисших брылей свисали нити густой тянущейся слюны и, смешиваясь с кровью с жутким чавканьем, взбивались в пузырящуюся пену.

Лиза в ужасе закатилась под стол и забилась там, трясясь и моля, чтобы зверь её не заметил. От потрясения и боли она машинально вспомнила заклинание.

Ol sonuf vaorsad goho iad balt, - лихорадочно зашептала она заветные слова.

Но было поздно.

Закашлявшись, зверь уловил движение под столом, выбросил вперёд когтистую лапу и, раскрошив каменную поверхность алтаря, намертво пригвоздил добычу к полу.

В груди у Лизы раздался хруст, как от лопнувшей ореховой скорлупы, перед глазами поплыли кровавые пятна и она потеряла сознание.

В тот же миг монстр начал таять и слившись с эфиром, канул в небытие, унося в разбухшей утробе голову Стахова.

Глава 45.

И снова вспышка серебряного света ослепила восприятие.

Дино прошёл сквозь туннель звёздного блистания и, увязая по колено в вязком тумане, оказался под фиолетово-индиговым небом в серебристо-сером пространстве. Повсюду вокруг, насколько хватало глаз, колыхался туман. Местами от его дыхания рождались фигуры, принимая, как привидения, напоминая очертаниями знакомых ему людей и, прожив мимолётную жизнь, снова исчезали в непрозрачном вареве.

Он не мог сказать, сколько времени прошло, миг или вечность, с того момента, как он потерял Лизу. Земная жизнь потеряла смысл, а его мир, наполненный когда-то любовью, стал другим. Сумеречной юдолью скорби. Бессмысленным Нигде. Время остановилось. Исчезли день и ночь. А любовь, которой теплилась каждая клеточка его тела, теперь замурована в окаменевшем сердце. И рассвет уже вряд ли наступит. Какой смысл жить в постоянном кошмаре из которого нет выхода?

Мысли из сумеречных глубин его сознания накатывались одна за другой и тут же, порождённые густым туманом, бились о ноги, подобно волнам морского прибоя, вызывая невыносимую скорбь.

'Мне отмщение, аз воздам!', - плескался туман.

'Не противься злему!', - снова откатывался, чтобы подхватить новую набежавшую волну и с новой силой 'Аз воздам!', - било по ногам порождение мыслей.

Страшный суд. Так вот он, оказывается, какой! Не вставшие из гробов мертвецы, а страх и боль встречи один на один с собой. Со своей виной и печалью.

Вдруг ощущение Нигде странным образом рассеялось, превратившись во всепроникающее Везде и Дино снова почувствовал, как неограниченные пределы залило присутствие невидимого Разума.

Он поднял глаза и увидел... Урмана. Казалось, старик сидит прямо на тумане. Закутанный в сверкающие белые одежды, он задумчиво глядел вдаль. Горб его топорщился, пригибая мощное тело.

Дино добрёл до него и, ощутив окутанный холодным туманом уступ, сел рядом.

- Урман, что ты тут делаешь?

- Здесь тоже много работы, - не поворачивая головы, произнёс горбун.

Они помолчали.

- Земля - тюрьма? - вдруг спросил Дино.

- Кто-то думает и так. Скорее, это школа, где человек должен уяснить уроки, посланные ему. Удастся ему это или нет в этой жизни или в следующих, но в конечном счёте, пока душа находится в человеческом теле, ей всё равно предстоит выучить их и стать лучше благодаря приобретённому опыту.

- Ты говорил, я присмотренный, почему ты мне не помог?

- Рыба в океане не может видеть, как по небу летят птицы. Атакуя других, ты понапрасну растрчивал драгоценную энергию, а ведь, кроме себя врага нет.

- Я проиграл, Урман. Как мне сейчас жить?

Старик хранил молчание.

- Я должен был быть на её месте, - голос Дино наполнился безысходной трагичностью. - Вместо меня она и Павел Илларионович..., - он не договорил. Комок подступил к горлу.

- Мои соболезнования, - не оборачиваясь, проронил Урман.

- Что я сделал не так?

- Не кори себя, на всё воля Законов. Чтобы свершилось что-то новое, старое должно умереть.

- Но я не собирался ничего разрушать. Я только хотел счастья. Простого земного счастья. Любви. Что же это за законы такие жестокие, что забирают у человека самое дорогое?

- Душа обязана развиваться, поэтому и страдает. Случайностей не бывает. Люди втягиваются в хитросплетение судеб и помогают тебе, себе, друг другу пройти испытание. И, выполнив свою миссию, уходят, но от того, как каждая отдельная душа распорядится

приобретённым опытом зависит её будущее. Те записи, которые должны быть сделаны, уже сделаны.

- Какие записи?

- В Книге Жизни.

- Ты имеешь в виду уготованную судьбу?

- Её называют по разному. Ноосферой. Информационным полем. Хрониками Акаши. Хранилищем информации. Базой данных и даже Вселенским суперкомпьютером. Кто-то даже сравнивает её с просмотром кинофильма. Она заведена на каждого человека и открывается каждому по-своему, кому что ближе. Все его мысли, деяния, события прошлого, настоящего и вероятного будущего отображены там. В ней можно обнаружить причину проблемы или узнать главную цель жизни.

- Но кто пишет эти книги?

- Каждый из вас её автор и сам пишет историю своей жизни. Эти книги отпечатаны энергией ваших мыслей. Хочешь узнать себя поближе? - старик только сейчас впервые развернулся к Дино, прищурился и продолжил, пристально глядя в глаза, словно ища что-то там. - О своём характере, поступках? Может поймёшь, с какого момента всё пошло не так. Ты можешь сам перелистать страницы своей книги Жизни и понять себя. Это будет хорошим уроком для тебя.

- А разве это возможно?

- Я знал, что захочешь. Кто же откажется? Иди.

Позади него из туманной дымки начали проступать смутные очертания и когда туман рассеялся окончательно перед ними на фоне синего, в пятнах золотистых облаков, неба, осветился внушительного вида белоснежный Дворец.

На вершине холма, покрытого аккуратно подстриженной травой, высился он в окружении могучих деревьев, дивных лужаек, уходящих в бесконечность и окутанный восхитительно-пьянящим ароматом стриженной зелени.

Поднявшись по широким мраморным ступеням к главному входу, расположенному среди грандиозных полупрозрачных колонн, Дино оказался в огромной просторной зале. В первые секунды ему показалось, что он попал в обычную библиотеку, настолько всё было до привычности обыденно. И только подняв голову и пробежав глазами по необозримо-высоким стеллажам, он почувствовал себя крошечной песчинкой в этом Зале Хроник среди бесконечных рядов Книг человеческих жизней.

Купол, который венчал этот храм, был такой бесконечно высокий, что кажется вершиной своей упирался в звёздную глубину. Каскады сверкающего света лились из него и отражались на выложенном большими хрустальными плитами полу с высеченными фантастическими узорами.

. Но где же среди мириадом томов именно его, та, которая расскажет ему о его подлинной жизни, пройденных уроках, приобретённых пороках и утраченных возможностях? Та, из которой он узнает главную цель своей неудавшейся жизни. Дино растерялся.

И тут заметил затерявшуюся среди стеллажей дверцу. Сердце его забилося чаще, а ноги сами понесли его к приветливо приоткрытой створке. Маленькая уютная комната, казалось, дышала теплом, уютом и таким невероятным спокойствием, что Дино, только войдя, уже готов был оставаться вечно в этом царстве покоя. Несмотря на крошечные размеры (здесь с трудом умещались добротный стол с высоким стулом), комнатка с пола до потолка тоже была заставлена книгами и даже на подоконнике, в углах покоились книги, разложены свитки и таблицы.

Он прошёл мимо крепкого стола, на котором лежала раскрытая книга, хранящая тайны его жизни. Он это сразу понял. Ему не терпелось дотронуться до неё, заглянуть в её страницы, перелистать записи, странным образом нанесённые на время и пространство энергией его же собственных мыслей. Но он, только покосившись на неё, прошел мимо и встал у оконной арки, вглядываясь в волшебный пейзаж за окном, наслаждаясь и всячески оттягивая тот момент, когда он сможет заглянуть в собственные глубины, встретиться со своими ошибками и поражениями.

Снаружи солнце и небо отражалось в любовно окутанных вьюнами зеркальных фонтанах, а среди аккуратно подстриженных лужаек и ухоженных садовых деревьев петляли, разбегаясь во все стороны ленты песчаных дорожек. 'Каждый приходит к Богу своей тропинкой. Ему, видно, досталась самая длинная'. 'И извилистая', - дополнил Дино, вспомнив вдруг слова Макоши.

Несколько мгновений он смотрел на книгу. Она не была похожа ни на одну, виденную им ранее. Трудно было поверить, что на этих страницах непостижимым образом были записаны поступки, мысли, чаянья, события и надежды его предыдущих жизней, которые, как и люди, связанные воедино, переходили из жизни в жизнь и пребывали с ним в чередере перевоплощений. И всё это смешение можно слышать, читать, переживать одновременно, снова и снова находить связи между воплощениями, понимая и выделяя самое важное и нужное в этой бесчисленной веренице. Именно это он и почувствовал, когда не ощущая никакой преграды информация из книги плавно потекла в его жадно поглощающее сознание и заполнила разум.

Урман всё так же сидел, сторбившись и, отщипывая от тумана невесомые шарики, бросал перед собой, заставляя колыхаться рябью студенистую белесь.

- Развлекаешься? - присел рядом Дино.

- Думаю. Чем дальше от центра, тем волны становятся всё слабее, пока волны совсем не прекращаются. Так и со Знанием. Но людям почему-то свойственно искать его именно в

этих спокойных и безопасных заводах, пуская по воде уже новые, ложные, не имеющие отношения к истинному Знанию, круги.

- Но кто из смертных знает, где он, этот центр, откуда исходит Истина?

- Она повсюду. Пред лицом вашим и проста настолько, чтобы вы могли её усмотреть. Она хочет, чтобы о ней знали. Если бы вы освободились от фанатизма, ругани, ненависти и предрассудков, вы увидели бы больше. Необходимо всего лишь воспарить над материальным миром и жить в соответствии с ней. Но это нелёгкая задача для людей, поскольку человеческое тело требует обратного.

- Но ведь религия учит что человек должен подчиняться Богу, который свят. Он единственный, кто может судить. Или ты не веришь в Бога?

- Созданные для вас религии находятся под полным контролем. К тому же они слегка на ложном пути. Я служу только Божественному Закону, в котором нет различия ни в национальности, ни в вероисповедании или крови. Закон Вселенского Братства непреложен: мы все искры одного пламени. Пальцы одной руки. Мы едины на всех уровнях. И существует только одна задача для каждого - познать себя и достичь мира с самим собой. Надеюсь, прочитав Книгу, ты понял это.

- Мне открылся смысл моей жизни, - грустно сказал Дино. Хотя ему стало намного легче, он всё ещё никак не мог свыкнуться с мыслью, что придётся жить без Неё. - Теперь мне есть ради чего жить. Мой удел - помогать людям, чья душа вознеслась, оторвалась от земного тела, найти путь к Свету, ведь мало кто знает, что делать дальше. Их душа в смятении.

- Медиатор, так это называется. Проводник. Достойный удел - помогать и указывать путь странствующим.

- А ещё я узнал, что во мне врождённый дар художника и я могу возродить его. Я даже не подозревал, что этот талант спит во мне.

- Дары прятать нельзя, - согласился Урман.

Внезапная догадка вдруг пронзила Дино.

- Ты сказал, что все записи уже сделаны. А исправить уже ничего нельзя?

- Будущее не есть что-то застывшее и предопределённое, всё зависит от того, как ты воспользуешься приобретённым опытом. Ты знаешь теперь, что такое счастье. Твоя душа обрела мудрость. Ты понял, в чём твоё предназначение и можешь теперь другим помогать в этом.

- Ну, а всё же?

- Каждому человеку хотя бы раз в жизни предоставляется такой шанс - полностью изменить свою жизнь, - уклончиво ответил Урман.

- А не свою?

Урман усмехнулся.

- Ты должен понять, чего на самом деле ты хочешь. Слово любовь понимается вами неправильно. Ваша любовь парабощает, это испорченный вариант того, что есть действительная любовь.

- Так всё-таки можно? - допытывался Дино.

Урман тяжело вздохнул.

- За это придётся заплатить.

- Фу ты! И здесь рыночные отношения! - поразился Дино.

- Что поделаешь, всё имеет свою цену.

- И сколько?

- Не сколько, а что. Это не я решаю. Нет универсальных законов, которые решают, что в итоге должно произойти.

- Хорошо, я согласен. На всё, - загорелся Дино.

- Эх, люди, люди... И почему вы никогда не довольствуетесь тем, что есть, - поохав, Урман распахнул полы своей хламиды и достал... каменную скрижаль. Словно сделанную из папье-маше он держал её в своих ручищах.

- Что это? - Дино с восхищением смотрел на диковинную плиту. Именно так и представлял он себе данные Моисею заветы, написанные самим Богом.

- Таблицы судьбы. Своеобразный пректировщик жизни, так понятнее? Подумай о том, чего возжелал и распишись.

- Бюрократы, - шутливо посетовал Дино, схватил протянутую Урманом стику и не раздумывая вывел свою подпись. Резец на удивление легко процарапал каменную поверхность, оставляя за собой вспыхивающие огненные желобки.

- Ну вот и всё. Твоё желание исполнено. - Урман задул огонь с камня, вздыбив кучки пепла. - Возвращайся к жизни. Нельзя жить сразу на два мира. А мне пора. Я тебе больше не нужен.

Урман встал во весь свой огромный рост, его синие глаза сверкнули животным блеском. Дино на миг показалось, что они увлажнились. Сбросив с плеч скрывавшую тело порфиру и, устало потянувшись, словно освобождаясь от сковавшего его груза, старик с трудом расправил два сложенных за спиной белоснежных перьевых крыла.

Радости Дино не было предела. Он представить себе не мог, что всё так просто и даже не удивился внезапному перевоплощению Урмана. Его охватила забытая лёгкость и ни с чем не сравнимое душевное благополучие затмило его разум. Сзади почувствовалась лёгкая дрожь и внезапное натяжение дало сигнал к возвращению. Он воспарил и оглянувшись, шутливо прокричал вслед улетающему Урману:

- Урман, а зачем Моисею рога?

Урман в ответ погрозил пальцем:

- Избавляйся от предрассудков, - раздался совсем близко, как будто он был рядом, голос.

- Прославлять людей, которые были частью этой планеты, пусть даже с лучами просветления, как символом мудрости - грех. Молись совершенным существам и ты снова станешь богом.

- Богом, богом... - эхом разнеслось по всей Вселенной, наполняя все уровни бытия неизбывной, нечеловеческой и всепроникающей любовью.

Глава 46.

- Она должна быть здесь, - отгоняя от себя мысли о самом худшем, пробурчал Яков Карлович. - Петруша, посвети сюда! Заснул что ли?

Фиске оглянулся.

Петя стоял, озадаченно рассматривая пол у себя под ногами.

- Это что, кровь?

В свете фонарика его лицо казалось мертвенно-бледным. Глядя на него со стороны, не зная, что это порождение искусных рук кудесника, могло показаться, что юноша вот-вот упадёт в обморок, как кисейная барышня.

- Я никогда не видел столько крови.

- Кровь, Петруша, льётся рекой на этой земле. Лучше этого не видеть никому.

Яков Карлович взял фонарик в свои руки и осторожно перешагнул через обезглавленное тело, посетовал про себя: 'Хоть похоронить надо по-человечески' и посветил в угол.

Там в неестественно-нелепой позе сидел Тарнхари. Лицо его, словно изжаренное огнём, было обезображено до неузнаваемости. Правая сторона была покрыта пузырями волдырей, в вытаращенных от боли глазах читался непередаваемый ужас. Балахон на нём дымился. Яков протянул руку и надавил на сонную артерию. Под пальцами прощупалось слабое биение.

- Оклемается, - он брезгливо вытер руку о полы хитона.

По лицу Тарнхари пробежала еле уловимая усмешка:

- Зарядили всё-таки благородной кровушкой, - зло прошептал он. - На первое время хватит.

Догоревшие жаровни чадили, наполняя воздух комнатухи удушливым дымом. Глаза слезились. Но открыть хитрую систему зеркал, покрывающих многочисленные окошки зиккурата для отвода глаз, нельзя. Снаружи могли заметить.

Откуда-то снизу раздался хрип.

- Тише! - прокричал Учитель, хотя Петя ни проронил ни слова.

Яков Карлович заглянул под стол. Столешница странно провисала, не касаясь краем пола и еле заметно покачивалась. Он просунул руку в щель между полом и столом и наткнулся на ощутимую трепещущую плоть.

- Ну ка, подмогни мне! - в тревоге скомандовал Яков Карлович и взялся за каменную плиту.

Петя с лёгкостью разбросал тяжеленные осколки и, очистив пространство, процедил извиняющимся тоном:

- Пусто.

Яков Карлович понял всё, когда посмотрел на свою вымазанную в крови ладонь. Он закрыл глаза и зашевелил губами, еле слышно произнося заклинание. Под столом таинственным образом постепенно проявлялось усыпанное каменной крошкой обнажённое тело Лизы.

Глаза её закатились, грудная клетка вдавилась внутрь как от чудовищного удара, правая рука, откушенная до плеча, болталась несуразной культей, а из приоткрытого рта вытекала кровавая струйка. Одного взгляда Якову Карловичу хватило, чтобы понять, что она безнадежна. Она умирала мучительной смертью.

Невыразимая боль сдавила ему сердце. Он поднял голову вверх и завыл. Слезы потоком полились с его вмиг потускневших глаз. Он плакал, не стесняясь, содрогаясь в рыданиях, со всхлипом. Навзрыд. Горе переломило его пополам. Схватив целую ладонь девушки, он прижал её к небритой щеке, умоляя не умирать. Перепачканное кровью его лицо выражало невыносимое страдание.

Никогда ещё Пете не приходилось видеть раздавленного горем Создателя. У него не было сил смотреть на это нечеловеческое зрелище. И если бы он был человеком, то наверняка жалостливая слеза скатилась бы с его стеклянных глаз.

Ресницы девушки зашевелились. Кажется, она ненадолго пришла в себя, обвела полными боли глазами Учителя, Петю и удивлённо улыбнувшись, прошептала одними губами, выталкивая новые струйки изо рта:

- Я умираю?

Яков Карлович смахнул слёзы тыльной стороной ладони, шмыгнув, вытер мокрый нос и растерянно помотал головой.

- Нет, - солгал он.

- Я умираю, - протянула она, тяжело дыша. - Почему так рано?

- Ты ещё поживёшь, девочка, - успокаивал её Фиске. Невыносимо было видеть, как этот чистый и милый ребёнок, корчась в страданиях уходит из жизни. - Детей нарожаешь, я буду с внуками возится.

Подбородок его затрясся. Он едва сдерживался, чтобы не разрыдаться.

- Я ведь никогда не нянчился с внуками. Они будут бегать вокруг. Коротышки. Сопливые такие.

Он снова вытер предательски шмыгнувший нос.

Лиза захрипела.

- Что? - Яков Карлович подставил ухо к самому её рту. - Только не молчи. Говори!

- Фокус, - еле слышно прошептала Лиза. - Вы обещали.

В горле у неё забулькало. Глаза заволакивало предсмертной вуалью.

- Конечно, - Яков Карлович тяжело поднялся на ноги. - Как же я забыл, старый осёл! Всё обещал, обещал, да как-то руки не доходили, - бубнил он при этом. - Смотри, смотри, только не закрывай глаза!

Он лёгким движением выхватил из галстука Петруши английскую булавку и то, что секунду назад было юношей, рассыпалось огромным букетом очень крупных, тяжёлых, тёмно-жёлтых пионов. Прекрасные и свежие, будто только что срезанные, даже с бисеринками росы на великолепных лепестках, они источали такой сильный и нежный аромат, что он затмил собой царивший в комнате удушливый смрад.

От сладковатого благоухания закружилась голова. Лизе показалось, что она засыпает, уносится на крыльях сна, убаюканная запахом поздней весны.

Он знал, что не имеет на это права. Без согласия человека обрекать его на бесчисленные годы страданий в этом мире бесчеловечно. К тому же это была последняя порция элексира, а живительному источнику, одной из его составляющей, требовалось ещё очень много времени, чтобы возыметь должную силу. Он сам мог и не дожить до того часа. Но промедление было подобно смерти, ещё мгновение и вернуть уже ничего будет нельзя.

Яков Карлович не мешкая, решительно сорвал с шеи крохотный пузырёк и, откупорив, влил сверкающую ленту жидкого огня в безжизненно приоткрытый рот девушки.

Эпилог.

- Ты, главное, не ссы, чувак! Там тоже жить можно. Живут же как-то люди! Это здесь, у нас привыкают, а там - приспосабливаются. Человек - он такой, ко всему приспособиться может.

По больничному коридору с противоположного конца стремительной походкой с чемоданчиком в руках нёсся Аристарх Нилыч.

- Астролётчик! - громко рявкнул он. - А ну, кыш оттуда! Что ты всё вьёшься вокруг него?

Астролётчик отдернул руки, словно обжегшись об рукоятки инвалидной коляски, голова его снова задёргалась, подбородок задрожал. Он сложил губы трубочкой, чтобы натянуть мышцы лица и по тихому коридору разнёсся витьеватый свист.

- И прекрати ты этот дурацкий свист! - оборвал врач залиvistые трели и тепло посмотрел на Дино. - Ну что, с выпиской тебя?

Дино в ответ только молча кивнул. Мысленно он был уже далеко. С ней. Момент встречи, ради которого пришлось пройти все эти тягостные испытания уже совсем близок. Наконец-то они смогут, наконец, соединиться и не расставаться уже никогда.

- Извини, что ещё немного подзадержали тебя здесь - там, у ворот, собралась целая свора этих журналистов. Но мы их обманули, сказали, что тебя только завтра выписывают.

- Жаль, чего уж там скрывать, очень жаль мне отпускать такого дорогого пациента, - сожалел Нилыч катя перед собой коляску. Он не лукавил, это была истинная правда. Ещё бы, всё это время клиника жила за счёт Дино. Вернее, за счёт его полотен, которые предприимчивый главврач продавал за баснословные, даже по нынешним временам, деньги. Кто же ещё расстарается, если государству не до его психов? У него своих хватает.

Коляска бесшумно покачнулась, минуя дверной порог, и они выехали из отделения.

- Ну да, ты теперь у нас знаменитость, СМИ вон какую шумиху подняли! Негоже, говорят, держать достояние страны в застенках. А какие застенки? Ты у нас как в лучшем отеле жил! Самое лучшее получал. И коляска вон у тебя - я таких сроду, сколько работаю, не видывал. Мерседес, а не коляска! Ты на меня зла не держи. Подлатали мы тебя на славу. А ноги...

Дино погладил омертвелые ноги, двумя высохшими культями пристёгнутые к коляске, доставшейся ему от Урмана. Вот они как, законы универсальные распорядились. Где-то прибывает, где-то убывает. Ничего не проходит бесследно. Плата внесена и он сам расписался в этом.

- На колясках вон люди и в футбол играют, плавают вообще без ног и даже рекорды устанавливают, я сам видел по телевизору. Научись жить таким, какой есть. В гости к нам не зову, сам понимаешь.

Дино ухмыльнулся:

- Уж лучше вы к нам.

Нилыч приоткрыл дверь, сердце Дино зашло в счастливом ожидании. Вот сейчас, ещё мгновение, и он увидит, наконец, ту, с которой ему суждено проживать водоворот всех жизней и ради которой он согласился заплатить любую цену. Они выехали на улицу и надежда, которой он жил всё это время, рассыпалась в прах. Лизы не было!

Дино глотнул свежий морозистый воздух. Лёгкие обожгло непривычным чувством свободы. Но, бесчувственная и неживая, она не радовала, как и сама природа вокруг.

Зима в этом году выдалась капризная. Дождь в декабре - виданная ли штука? И все деревья, провода, машины превратились в застывшие скульптуры, покрытые толщей льда. Ветви деревьев не выдерживали тяжести, заковавшей их в цепкие оковы, пригибались всё ниже и ниже и с треском обламывались, наполняя горестным хрустом всё вокруг.

Уж если могучие, уверенные в своей мощи деревья ломаются от недружелюбных сил, желающих сковать их своим холодом, что говорить о такой крохотной песчинке Мироздания. Человеке. К тому же калеке. Слезы застыли в нём, сковали его сердце ледяным панцирем. Жизнь внушала ему отвращение и отчаянье.

Главврач пыхтя спустил тяжёлую коляску по крутым ступенькам и тут сердце Дино вновь радостно затрепетало. Надежда, только что умершая, хрупко оживала. Не дыша, боясь сдуть прекрасное видение, он вглядывался в одинокую фигурку, спешившую им навстречу по длинной, очищенной ото льда, аллее. Затянутая в чёрное, она сиротливо смотрелась на фоне закованных в холод, окоченевших деревьев.

- Ну что, с Новым годом тебя, Снегин, - ободряюще похлопал Нилыч Дино по плечу. - С новой жизнью. Бывай! - и сунул в руки бывшего архивариуса увесистый этюдник с красками - всеми его нехитрыми пожитками.

По мере того, как фигурка приближалась, трепетные ощущения угасали. Дино помрачнел.

- А, чуть не забыл, - встрепенулся Павел Нилович. Он что-то достал из кармана своего халата и вложил в руку Дино какой-то шнурок. - Это ведь, кажется, твоё.

На ладони с тонкой плёнкой кожи на плохо затянувшихся рубцах от кинжалов Тарнхари лежала золотая свастика, заряженная когда-то терафимом. Дино с отвращением посмотрел на бесполезную побрякушку, стыдливо сжал ладонь в кулак и поднял глаза.

Перед ним смущённо улыбалась Елена Белзье. В тоненьком пальтишке, в тугом шарфе на голове, сдерживающем непокорную шевелюру стояла она посреди этих застывших на деревьях слёз, которые звенели стеклянными колокольцами, изливались печальным перзвоном под налетевшим ветерком.

Она так и не оправилась после ужасной смерти мужа и хранила траур все эти месяцы.

Они встретились глазами и Дино, не выдержав, потупил взгляд. Сердце съедало невыразимое чувство боли и вины. Ведь кто, как не он виноват в смерти Павла Илларионовича? Ему было невдомёк, что то же самое чувствует и она. Только винит во всём себя.

- Видишь, даже природа принарядилась. Встречает тебя в новогодних нарядах, - просто сказала она.

Он рванулся в порыве обнять её, такую же одинокую, прошептать слова утешения, прощения, но только беспомощно откинулся на спинку в изнеможении и бессилии. Проклятая коляска! - стукнул он в отчаянии по подлокотникам и ненавистный шнурок с символом несостоявшейся власти выпал из раскрытой ладони на холодный асфальт. Но хоть одна живая душа появилась в этом дольном мире, кому он нужен и за это он был ей безмерно благодарен.

Врач ещё долго смотрел им вслед и думал о своём.

' Наверное, правильно говорят, что гении не от мира сего. Что бы там ни говорили, патология ли это или высшее проявление человека, это область неизученных процессов, балансируя на грани которой легко свалиться в сторону сумашествия или заурядной серости. Воистину, мозг - дело тёмное и изучению не подлежит. И психиатрия здесь бессильна'.

Одиноким сердцам не нужно было слов. Алёна ни о чем его не спрашивала, Дино тоже хранил молчание и только мысли и чувства бушевали в его голове. Навязчивые, как осенние мухи, думы о Лизе не отступали и он решил навсегда покинуть этот холодный город, который навечно останется напоминанием о былой любви. Воспоминания будут ходить за ним по пятам, подстерегая на каждом углу. Ими будут заполнены улицы, бульвары, дома и долгие-предолгие годы от них нельзя будет ни спрятаться, не убежать.

Нет, Дино ничуть не винил её. Наверное, так будет лучше. Жить с инвалидом - дело нелёгкое. В конце концов с ним оставался его дар и призвание, которое предназначала ему Книга. Конечно, нелегко будет привыкать к новой жизни. Но он справится.

Когда самообладание вернулось к нему, губы сами собой зашептали молитву. Он молил Всевышнего, непостижимого в своей мудрости и своём могуществе, чтобы дал ему силы достойно нести ниспосланную ему странную судьбу, не сожалея о страданиях и несчастьях, выпавших на его долю.

Охранник приоткрыл перед ними прочную ажурную калитку и они выехали на обледенелый тротуар.

Мимо, гудя, неслись автомобили, скользили по ещё не припорошённой солью дороге, короткими качками притормаживали, гася скорость. И вдруг сквозь хаотичную паутину звуков - шуршание шин, повизгивание тормозов и мата, громкого и злого - прозвенел в застывшем воздухе колокольным шепотком голос.

- Ну, наконец-то.

Ни с чем в мире Дино бы не смог спутать его. Мелодичный и звенящий, он ворвался сквозь какофонию вздохом облегчения.

Он вздёрнул голову и увидел Её. Она стояла совсем рядом, от нетерпения и морозца стуча сапожком о сапожок на раскисшем от долгого топтания ледку.

- Меня охранник не пустил, сказал, что только одному можно, - проговорила она, словно оправдываясь за горестные мгновения раздумий.

Дино, не отрываясь, смотрел на неё повлажневшими от счастья глазами. Овальное лицо. Прозрачная кожа. И волосы. Медные, венецианские, с золотой искрой, они спадали на плащ цвета лазури, который ей шёл невероятно. Изумительное сочетание - золотого на синеве. Золото, укрытое синим бархатом, - зачем-то назойливо жужжали в голове выплывшие из кладовых прошлой, ставшей такой далёкой жизни, слова.

Горячие слёзы струились из её густо потемневших, неуловимо изменившихся глаз.

Она склонилась над ним, ласково провела по его лбу и прошептала на ухо:

- Я же обещала, что мы всегда будем неразлучны. В горести и радости.

Солоноватыми губами она коснулась его губ.

Мир вокруг взорвался новыми красками. Зазвенел волшебным переливом застывший на деревьях дождь. Вся их прошлая жизнь исчезла в туманной дали. Перед ними расстился горизонт новой жизни, где они будут счастливы.

Опершись на капот своей машины, Белзьё восхищённо смотрела на влюблённых, на их светившиеся от счастья лица - наконец-то они воссоединились и здесь, на земле - и вдруг почувствовала, что тоже, впервые за эти долгие месяцы тоже была счастлива. В их груди бились жаркие сердца, способные растопить льдинки любой непогоды и сил, желающих сковать их своим холодом. Она знала, что всё у них будет хорошо и только смерть разлучит их и то на время, пока они снова не найдут друг друга, две бессмертные души для жизни вечной там, на небесах.

И, поглядев на прозрачную, без единого облачка высь, подумала мечтательно:

'Обычно в такие моменты по законам жанра небеса разверзаются и исполняются самые заветные людские желания!'

Наверное, она была не одинока в своём желании. Под Новый год всем хотелось снега. Что же за новогодняя ночь без него? А, как известно, желания имеют свойство осуществляться, тем более, если всем сразу, дружно пожелать одного и того же.

И вот уже с абсолютно чистого, усеянного блистающими звёздами, растопленными светом зажжённых фонарей, неба лёгкая снежинка плавно опустилась на протянутую ладонь и растаяла, согретая теплом, превратившись в комочек воды. За ней другая. И ещё одна. Казалось, сами звёзды скатываются с поднебесья и, не долетая до земли, превращаются в хлопья снега.

- Э-эй, ребятки, - робко позвала Алёна, боясь помешать идиллической картинке, - вы собираетесь сегодня Новый год отмечать?

- А который час? - схватила за запястье Лиза.

- Полдень, - Белзье выглядывала из окна машины и хитро улыбалась.

Лиза с Дино переглянулись в недоумении. Шутит мадам? Темно, фонари зажглись. Хоть зимой и темнеет рано, но, скорее, дело уже к полуночи движется.

- Полдень, - уверенно повторила Елена, - Как сказал бы мой предок - Полдень синих яблок.

На праздничный город обрушился снегопад. Снежная пыль заносила его белым ковром, рыхлой периной укрывались тротуары, улицы и дома.

- Хочу вас обрадовать, - Алёна двумя руками крепко держалась за руль и пристально выглядывалась в разгулявшуюся туманную метель, которая мельтешила снежной трухой за лобовым стеклом, - к новогоднему столу мы не успеваем.

Она посмотрела в зеркало. Её никто не слышал. На заднем сидении крепко прижавшись друг к другу, убаюканные монотонной ездой, спали её счастливые пассажиры

Крошечная французская машинка еле катилась по припорошенной снегом ледовой дороге, останавливаясь, пропускала запаздывающих к бою курантов пешеходов. Елена осторожничала, то и дело чертыхалась, не хватало ещё в аварию попасть в последнюю ночь уходящего года!

Но ближе к центру желающих встретить Новый год на улице оказалось ещё больше. Толпы весёлых, разогретых шампанским, людей радовались снегу и предвкушали наступление самой волнительной и сакральной минуты, когда старый уходящий год переплывёт незаметно в новые чаяния, надежды и мечты.

- Вот дурачьё! - раздался крик. Автомобиль резко дёрнулся, словно уткнувшись в препятствие и остановился. Лиза, приподняла голову с плеча Дино, сонно щурилась, глядя по сторонам.

- Вы с ума сошли? Что же вы делаете? - Алёна вышла из машины и беззлобно отчитывала стайку молодёжи, которая как ни в чём не бывало, деловито расставив пластиковые стаканчики прямо на капоте, разливали пенистую, шипучую жидкость.

- Это не мы сошли с ума. Это весь мир с ума сошёл! За нового Президента! - радостно прокричал один из них, протягивая Алёне стаканчик, высоко занеся над головой другую

руку в заздравном тосте. Второй с шустростью официанта оббежал машину и сунул стаканчики в глубину салона.

Елена растерянно, скорее, машинально пригубила шампанское.

- Так выборов ещё не было, - опомнилась она.

- Да кому они теперь нужны, - горланила орава. - А старый-то сдался. Дорогу молодым! Когда восторженные вопли поутихли, все; кто с изумлением, кто со страхом, а кто-то в полной растерянности, уставились на огромный электронный экран, установленный по такому поводу на одном из домов. Сидя в кремлёвском кабинете к ним обращался Спаситель, которого все давно ждали, но никак не ожидали увидеть именно в эти минуты. Рыжеватый и невзрачный, он совсем не походил на роль избавителя. Но скромность и скованность при желании можно было списать на молодость и неопытность. Дино силился рассмотреть, выворачивая голову, из-за заслонивших видимость спин, новоявленного Президента и прислушивался к доносившемуся голосу. Где-то он уже слышал эти рваные интонации.

- Новый год - это самый светлый, самый добрый, самый любимый праздник на Руси, - нёсся над притихшей Москвой голос. - В Новый год, как известно, сбываются мечты. А в такой необыкновенный Новый год - тем более. Все доброе и все хорошее, задуманное вами, обязательно исполнится.

Дино силился вспомнить. Этот голос не давал ему покоя, снова будоража ненавистные воспоминания прошлого.

- Дорогие друзья! До наступления 2000-го года остались считанные секунды. Давайте улыбнемся нашим родным и близким. Пожелаем друг другу тепла, счастья, любви. И поднимем бокалы за новый век России, за любовь и мир в каждом нашем доме, за здоровье наших родителей и детей. С Новым годом вас, с новым веком!

Тонким бумажным прямоугольником, испещрённым буквами, озарилось на мгновение сознание и растаяло, не дав сложиться буквам, унеслись вслед за боем курантов ненужные уже слова: 'Владимир Путейцев - куратор УКРОСО'

Над страной занималась новая эра. Что принесёт она - не знал никто. Всё будет потом, а пока... Нерастроченная за год любовь салютными взрывами изливалась из людей в эту волшебную ночь. Необъятная и всеохватывающая Любовь к родным, к ближнему, к незнакомым людям, ко всему миру.

Воистину, чудны дела твои, Господи!

КОНЕЦ